

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Юридический факультет

В. Я. Колдин

**ОБОСНОВАНИЕ
ПРАВОВОГО
РЕШЕНИЯ**
фактологический
анализ

учебно-практическое пособие

2-е издание

УДК 347.91

ББК 67.401

К60

Авторы:

В. Я. Колдин — доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор МГУ, главный эксперт РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ, заслуженный юрист РФ;

А. В. Колдин — кандидат юридических наук (глава 2, совместно с В. Я. Колдиным, О. А. Крестовниковым);

О. А. Крестовников — кандидат юридических наук (глава 2, совместно с В. Я. Колдиным, А. В. Колдиным; глава 4 § 4.3, глава 5, совместно с В. Я. Колдиным).

К60 Обоснование правового решения. Фактологический анализ: учебно-практическое пособие / изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва, 2014. — 512 с.

ISBN 978-5-93905-065-4

Замысел настоящей работы состоит в анализе современных информационных, криминалистических и доказательственных систем, методов и технологий, применяемых для обоснования правовых решений.

Основная цель работы — посредством привлечения современных информационно-технологических средств преодолеть негативные последствия наметившейся тенденции по формализации доказательственного процесса, когда содержательный анализ подменяется формальными процедурами.

В отличие от традиционных формально юридических аспектов, используемых в процессуально-правовых исследованиях, в работе анализируются содержательная сторона правовых процедур и их информационно-технологический аспект.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что содержательная, а не только формально юридическая обоснованность правового решения непосредственно характеризует его надежность, а также эффективность и качество любой юридической деятельности в целом.

Работа представляет интерес как для научных работников, так и для широкого круга практикующих юристов, аспирантов и студентов.

УДК 347.91

ББК 67.401

Учебное издание

Колдин Валентин Яковлевич и др.

**ОБОСНОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ.
ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Учебно-практическое пособие

Подписано в печать 25.01.14. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Печ. л. 32,0. Тираж 50 экз. Заказ № 25948
Отпечатано ООО «Первая оперативная типография»
115114, Москва, 2-й Кожевинский пер., 12

ISBN 978-5-93905-065-4

9 785939 050654

© Коллектив авторов, 2014

Введение

Построение правового государства в условиях правовой реформы и модернизации всех сфер производственной и общественной жизни требует от юристов пересмотра ряда традиционных представлений, касающихся методологии и практики правоприменения.

В правоприменении, как и любой социально значимой деятельности, отсутствие общих ориентиров и принципов всегда приводит к сбоям, ошибкам, излишним затратам труда и материальных ресурсов и в конечном счете потере эффективности в решении конечных задач.

В связи с этим представляется устаревшим традиционный взгляд на правоприменительную деятельность как чисто прикладную «техническую» работу и исключительную компетенцию правоохранительных и правоприменительных органов.

Этот взгляд получил широкое распространение не только среди практических работников, но и в кругу ученых-юристов и сфере подготовки кадров. Это не могло не повлиять как на состояние научных исследований в области методологии права, так и на качество правотворческой деятельности и стандарты юридического образования.

Наиболее показательными в этом отношении являются последствия законодательного «изъятия» принципа истины из числа законодательно закрепленных принципов судебного процесса, отражающие общую тенденцию его формализации. Они выразились в столь значительных деформациях практики, что за десятилетие существования УПК в него пришлось внести столь значительное число поправок и дополнений, что он потерял роль стабильного нормативного акта.

Представленная вниманию читателей работа - достойный внимания опыт восполнения пробелов в анализе методологических проблем правоприменения, касающихся его наиболее актуальной сферы - принятия правовых решений.

Будучи признанным авторитетом в области криминалистики, криминалистической идентификации, судебной экспертизы и процессуального доказывания, автор фокусирует свое внимание на анализе *фактологического анализа как методологии обоснования правовых решений*.

Концепция фактологического анализа как методологии обоснования правовых решений представляет базовую новизну и содержательную ценность авторской разработки.

В отличие от чисто правовых исследований, автор выходит далеко за рамки правового догматического анализа, привлекая общенаучные инструменты и подходы, позволяющие перекинуть мост от правовой теории к алгоритмам и технологиям правоприменительной деятельности, повышающим производительность труда и общую эффективность правоприменительной деятельности.

Ведущее место в методологии фактологического анализа автор отводит структуризации самой процедуры анализа, позволяющей выделить промежуточные задачи исследования, сформировать алгоритмы и разработать соответствующие технологии анализа.

Тем самым устраняется разрыв между общеметодологическим и технологическим аспектом анализа.

Так, разграничение познавательных средств непосредственного (предметно-чувственного анализа) и опосредованного (логического) анализа кладется в основу разграничения уровней фактологического анализа и соответствующих им технологических и процессуальных процедур.

Работа прекрасно иллюстрирует продуктивность *информационного и структурно-деятельностного анализа*, позволяющего не только оптимизировать используемый в праве терминологический аппарат, но и реализовать соответствующие алгоритмы и технологии.

Большое внимание уделено в работе анализу *источников фактологической информации*, что позволило автору в соавторстве с учениками (А. В. Колдин и О. А. Крестовников) осуществить не

только глубокий анализ понятийного аппарата с учетом значительного расширения круга источников фактологической информации и их новых классификаций, но и сформулировать процессуально-технические принципы их исследования, а также предложить технологии декодирования сигнальной информации.

Новой научной разработкой автора является *учение об информационных полях*, рассматриваемое как общая методология криминалистического анализа.

Научной общественности еще предстоит дать оценку методологического значения этой новеллы, поскольку представленное в предшествующих публикациях, оно еще не получило широкого обсуждения. Представляется, однако, что основные посылы этого учения имеют несомненное методологическое значение.

Для фактологического анализа и его основных инструментов (судебная экспертиза, криминалистика, доказательственные процедуры, системно-деятельностный, информационный и функциональный анализы) с широким кругом типовых задач, методик и технологий и практически неисчерпаемым кругом исследуемых объектов формулирование общих методологических положений и структуры исследования имеет важнейшее методологическое значение, позволяя рассматривать этот комплекс как целостную функциональную систему.

Данное в работе определение информационного поля и информационного канала также имеет глубокий методологический и практический смысл.

Общеизвестной, но далеко не реализованной истиной является тот факт, что взаимодействие предметно разобщенных систем знания, а также ведомственно и профессионально разобщенных видов деятельности, осуществляемой для решения одних и тех же задач на основе одних источников информации, дает качественно более высокий эффект.

Именно эту цель и преследуют инструменты фактологического анализа, позволяющие осуществить взаимодействие:

А. Профессионально разобщенных систем знаний: экспертиза - для экспертов, теория доказательств - для следователей, адвокатов и судей.

Б. Ведомственно разобщенных систем профессиональной деятельности: оперативно-розыскной, следственной, экспертной,

правозащитной и судебной.

Широкое и опережающее юридическую науку использование в правоохранительной и правоприменительной практике достижений современной науки и технологии привело к проникновению в юридическую науку новых знаний, принципов деятельности, научных подходов, понятий и терминов, которые не соответствуют общей системе и традиционному научному аппарату юридической науки.

Возникающая в связи с этим проблема языка, понятийного аппарата и терминологии юридической науки существенно осложняет ее развитие наравне с другими отраслями общественных и естественно-технических наук.

Фактологический анализ находится в фокусе комплексного использования естественно-технических знаний и технологий в правоприменительной деятельности, что требовало от автора их адаптации к решению правовых задач в системе юридических процедур.

Особое внимание уделяется в работе проблеме *понятийного аппарата и терминологии* традиционной теории доказательственного права. Модернизация и совершенствование языка науки в соответствии с современными принципами системно-деятельностного и информационного подходов рассматриваются как актуальные исследовательские задачи. К числу инновационных представлений фактологического анализа относится системно-структурный анализ правоотношения в структуре расследуемого события, позволяющий получить новую информацию о доказательственных фактах, недоступную при непосредственном анализе источников. Основанные на этом анализе информационные технологии позволят поднять современные методы расследования и доказывания на качественно более высокий уровень.

Существенной новизной характеризуется авторский подход к анализу заключительной стадии обоснования правового решения.

В процессуальной теории эта проблема рассматривается главным образом применительно с позиций законности и обоснованности судебных решений. Автор реализует общий подход и дает общее понятие и классификацию правовых решений в управлении и праве.

В то же время рассматривается специфика обоснования правовых решений, принимаемых на различных уровнях управленческой и процессуальной правоприменительной деятельности.

Много внимания уделено анализу судебных решений, имеющих силу закона, как идеальной модели обоснования правового решения. Особый интерес при этом представляют предлагаемые автором технологии *аутентификации и верификации оснований правового решения*.

В целом работа представляет несомненный интерес как для ученых в области общей теории и методологии, а также доказательственного и процессуального права и криминалистики, так и в качестве учебного пособия для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и сотрудников судебных, следственных и прокурорских органов.

*М. Н. Марченко,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки*

Предисловие

Автор предлагаемой вниманию читателя работы не является специалистом в области теории и методологии права, однако его интересы в области теории и методологии криминалистики, судебной экспертизы и судебного доказывания непосредственно связаны с рядом общеметодологических проблем, без решения которых невозможно решать специальные задачи оперативно-розыскной, следственной, экспертной и судебной работы.

Поэтому когда на изломе времен из законодательно закрепленных принципов судебного процесса был исключен принцип истины, возник вопрос и о традиционных инструментах ее установления. Ведь если не нужна или не обязательна истина, то не нужны и такие громоздкие и дорогостоящие инструменты, как криминалистические учреждения, судебная экспертиза, доказывание, установление фактов и множество специалистов, наук и технологий, обременяющих бюджет государства. Достаточно иметь процессуальный кодекс, процедуру судоговорения и... кто кого переговорит, тот и прав.

Конечно, инициаторы такой реформы не обнажали эту логику, но сама практика правосудия обнажила ее со всей очевидностью.

Стало очевидным, что проблему истины нельзя решать «сверху», волевыми решениями отдельных лиц или коллективов, если эти решения отторгаются самой системой традиционного российского правосудия.

Более того, выявились очевидное несовершенство и недостаточность существующих инструментов установления истины и недооценка этих инструментов при анализе фактической структуры правоотношений и принятии любых правовых решений.

Проблема истины вышла далеко за пределы правосудия по

уголовным делам в общую сферу правоприменения и, следовательно, реализации важнейших функций государства.

В связи с изложенным основная задача автора состояла в анализе этих инструментов с точки зрения не только их методологической необходимости, но и главным образом их технологической функции при решении задач правоприменения.

Рассматривая право как сложную иерархическую систему деятельности, следует прийти к выводу, что ее венцом является правовое решение, синтезирующее все инструменты права в целях реализации его функций.

Поскольку правовые решения являются основным каналом реализации права, эффективность правовых решений является итоговым показателем эффективности всей системы права. И чем выше эффективность правовых решений, тем выше эффективность всей системы права.

Из логики этих рассуждений с неизбежностью вытекает, что методология принятия правовых решений и в целом вся методология правоприменения должна рассматриваться как ядро всей методологии права.

Однако анализ научных исследований в области общей методологии права показывает совершенно иную картину. Подавляющее большинство исследований в области методологии права посвящено методологии и технологиям правотворческой деятельности.

В отсутствие деятельностного подхода правовая система рассматривается как системы норм, которая в идеальном представлении сама по себе и является правовым регулятором, основой правового режима и правопорядка.

В связи с этим и методология права понимается как методология его изучения, систематизации, совершенствования, т.е. как методология правотворческой деятельности.

При этом правоприменительная деятельность государственных органов как основной механизм реализации права, представляющий ядро его методологии, остается в тени.

В некоторых кругах «беловоротничковой» юстиции бытует мнение, что правоприменение вообще не дело ученых юристов, а чисто практическая («грязная») работа.

Видимо, по этой причине в ряде работ по теории права проблемы методологии правоприменения вообще не рассматриваются.

В связи с изложенным возникает вопрос: а действительно ли нужны системе права общая методология правоприменительной деятельности и сама проблема принятия правовых решений?

Может, это чисто практическая задача правоприменительных ведомств, разрабатывающих эти системы деятельности для своих нужд, или специальные задачи отдельных отраслей права с учетом специфики структур правоотношений в этих отраслях? И нужна ли в связи с этим вообще какая-либо модернизация сложившейся общей системы правоприменительной деятельности?

Ответ на этот вопрос следует искать, по нашему мнению, одновременно с ответом на вопрос о том, не являются ли проблемы с преступностью и разгулом коррупции, нарушением прав человека и общей эффективностью деятельности государственных органов следствием именно низкого качества общей методологии и технологии правоприменения.

Общий замысел представленной вниманию читателя работы и состоит в попытке отыскать ответы на эти весьма острые и злободневные вопросы российской юриспруденции.

К числу общих проблем методологии правоприменения, непосредственно влияющих на общую эффективность правоприменительной деятельности, относятся:

— проблема истины (в том числе соотношение формы и содержания правоприменительной деятельности, процедурная и содержательная концепция судопроизводства);

— проблема языка (закона, процессуальных актов, судебного решения, науки, учебной литературы);

— проблема теоретического, методического и технологического обеспечения правоприменительной деятельности.

На примере анализа этих «сквозных» для настоящего исследования проблем, каждая из которых заслуживает самостоятельного монографического исследования, автор стремился показать последствия пренебрежения общей методологией правоприменения и тем самым обосновать место проблемы правовых решений в методологии права.

При отсутствии общей методологии правоприменения каждое

ведомство, учреждение должно самостоятельно для своих нужд создавать методы и технологии деятельности, а правоприменитель - изобретать свои или в каждом отдельном случае опираться на собственный опыт. Это - позапрошлый век Европы, век ремесленного производства.

В этих условиях ведомственная разобщенность правоприменительных систем ведет к тому, что общие задачи информационного обеспечения единого информационного канала, адресатом которого является суд, решаются автономно (часто в закрытом режиме силовых ведомств). Отсюда - различные стандарты, дублирование, белые пятна, неоправданно высокие затраты, нестыковки на уровне суда, а в целом существенные потери эффективности.

Так, функционально актуальная для всей системы правоприменения информационная система «ГАС ПРАВОСУДИЕ», поглотившая два транша капитальных вложений, разрабатывалась без должного методологического и технологического обоснования в рамках одного ведомства, что существенно снизило ее итоговую эффективность.

Показательны также ведомственные системы судебной экспертизы.

Общий информационный канал, адресат (суд), задачи и научные основы их решения диктуют необходимость единой межведомственной организационно-технологической системы судебной экспертизы. Однако узковедомственные интересы привели к тому, что каждое ведомство имеет доморощенную, но «свою» экспертную систему. Это привело к умножению затрат на создание каждым ведомством собственной материальной, технологической и кадровой базы, но не обеспечило потребностей правосудия и общеевропейского стандарта экспертных заключений. Более того, возникли парадоксы нарушения общепризнанных методологических принципов экспертизы, в том числе таких фундаментальных, как принципы независимости и компетентности эксперта.

Действительно, эксперт с погонами силового ведомства на плечах, конечно, может быть честным человеком, но он при этом не сможет избежать давления со стороны вышестоящего начальника, обосновывающего свою версию следственно-экспертной ситуации. Парадокс в данном случае состоит в том, что силовое ведомство, призванное осуществлять уголовное преследование, по

закону наделено правом производства судебных экспертиз, т.е. компетенцией создания доказательств.

Вряд ли можно говорить о независимости и компетентности широко распространенной в настоящее время негосударственной независимой экспертизы, осуществляющей свою деятельность при отсутствии необходимой лабораторной, информационной, методической и технологической базы, без сертификации и лицензии и к тому же на коммерческой основе.

Общепризнанной, в том числе на официальном уровне, является проблема профессиональной подготовки и специализации кадров правоприменителей. Массовое производство юристов в скороспелых юридических вузах и факультетах привело к резкому снижению профессионального уровня выпускников. Проблема обострилась возросшим уровнем требований к специализации юристов в финансово-экономической и информационно-технологической сферах.

Без энергичных мер по «расчистке» образовательной сферы, повышения требований к методологическому и технологическому обеспечению, а также фундаментальной модернизации стандартов юридического образования сфера правоприменения грозит остаться без квалифицированных кадров.

Технологическое обеспечение в любой сфере деятельности не возникает само собой и всегда является результатом длительного научно-технического и промышленного развития. Именно на этой основе сформировался технологический уровень правоприменения в развитых странах мира.

Этот путь должна пройти и российская правовая система.

Государственная машина без методологии и технологии правоприменения - это огромный лайнер без мотора. Его дизайн пригоден для предвыборной агитации, дипломатического протокола и представительской рекламы, но не для использования этой машины по назначению.

И так, как развалилась советская государственная машина, подменяющая современные технологии правоприменения и управления маразмом бюрократического произвола, также неизбежно развалится всякая другая, подменяющая их имитацией государственной власти.

Поскольку венцом правоприменительной деятельности является принятие правового решения, а основными механизмами его обоснования являются фактологический анализ и процедуры доказывания, их анализ и составил предмет настоящего исследования.

В отличие от традиционных подходов к их рассмотрению автор опирался на эффективные, но недостаточно развитые и востребованные в праве методы системно-деятельностного, информационного и функционального подхода и материалистическую гносеологию.

В первой главе обосновывается авторская концепция фактологического анализа как универсального механизма анализа фактической структуры правоотношения, рассматривается его структура, уровни, научный аппарат и методы оптимизации.

Особое внимание во второй главе работы уделено анализу источников фактологической информации.

Она содержит авторскую классификацию и анализ нетрадиционных источников информации, принципы их исследования и технологии декодирования сигнальной информации.

Систематизация задач и методов исследования источников рассматривается в качестве методической основы формирования технологий их фактологического анализа.

Учение об информационных полях, которому посвящена третья глава, рассматривается как основа специальной методологии фактологического анализа. Глава содержит анализ основных понятий, классификаций и структуры информационного фактологического анализа.

Установление доказательственных фактов путем анализа информационных потоков, полученных посредством декодирования корреспондирующих источников, представляет центральное звено фактологического анализа и является предметом рассмотрения в четвертой главе. На этом уровне сочетаются методы анализа информационного канала с логическими приемами системного анализа частных информационных систем.

В работе рассматривается семантическое и функциональное содержание основных инструментов фактологического анализа. К их числу относятся понятия носителя информации, источника, ин-

формационного поля, доказательственной информации, доказательства, доказательственного и главного факта.

В основе методологии системного анализа расследуемого события, выделяемого в самостоятельный предмет стадию и уровень фактологического анализа (глава пятая), лежит идея целостности и системности как отображаемого события и отображающей его материальной обстановки, так и самого процесса исследования этих систем. При этом событие, материальная обстановка и процесс расследования рассматриваются как целостная система передачи, хранения и исследования информации.

Само расследуемое событие как система складывается из двух взаимосвязанных самостоятельных подсистем: системы деятельности субъекта преступления и системы механизма расследуемого события.

Структурные различия данных подсистем порождают существенное различие следовых картин, что требует применения различных технологий их исследования.

В главе рассматривается методология и технологии системного анализа интегративных связей расследуемого события. При этом особое внимание уделено анализу причинной и виновной связи, отражающей содержание главного факта.

Общая концепция работы, изложенная в заключительной шестой главе, состоит в обосновании выделения задачи принятия правового решения в самостоятельную стадию правоприменительной деятельности, завершающую обосновывающие это решение процедуры.

В структуре правоприменительной деятельности принятие решения, как волевой акт, представляет доминанту, определяющую эффективность всей системы данной деятельности, а следовательно, и эффективность всей системы права.

Методологическая недостаточность научного анализа структуры правоприменения и принятия правовых решений проявляется в отсутствии определения их задач, видов, уровней, оснований, т.е. главных инструментов формирования современных технологий этой деятельности.

Так, взаимосвязанные задачи правоприменения: задачи установления фактов (криминалистика), задачи доказывания (доказательственное право, процессуальное право), задачи квалификации

(материальное право), взятые вне системы правоприменения и принятия решений и рассмотренные в различных науках, не могут обеспечить разработки целостной системы и методологии принятия правовых решений.

Следует признать поэтому, что формирование такой системы и разработка эффективных механизмов принятия правовых решений представляет самостоятельную актуальную междисциплинарную проблему юридической науки. Такую разработку, как нам представляется, следует вести в рамках создания теории принятия правовых решений как методологической основы правоприменительной деятельности.

В качестве базовых технологий принятия правовых решений в работе рассматриваются информационное моделирование и верификация.

Информационно-логическая структура верификации включает:

1) оценку информации, полученной из источников (технологии декодирования источников);

2) оценку выводов о доказательственных фактах (частных системах доказательств);

3) оценку фактологической матрицы (замкнутой системы фактических данных, положенных в основу правового решения);

4) аутентификацию фактологической и правовой модели исследуемого правоотношения;

5) волевой акт принятия решения.

Автор в полной мере отдает себе отчет о том, что его выводы по методологическим, структурным и технологическим аспектам правоприменительной деятельности могут иметь только постановочный характер и потому будет признателен всем заинтересованным в их решении лицам за любые критические замечания и предложения.

Глава 1

ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теория судебных доказательств и фактологический анализ

В настоящее время практически функционирующая система правоприменения опирается на общенаучную методологию и традиционные системы материального и процессуального права.

При этом практическую реализацию получили инструменты и категории доказательственного права, теории судебных доказательств, криминалистики и судебной экспертизы. Все эти научно-практические системы получили свою базовую научную разработку преимущественно в середине XX в., и в условиях новой социально-экономической и политической системы требуют своей модернизации с учетом интенсивного развития общенаучного и прикладного юридического знания.

При этом на первый план выступают задачи фактического обоснования правовых решений как главного фактора эффективности права.

Вместе с тем, поскольку научный и прикладной инструментарий фактологического анализа развивался преимущественно в области судебного исследования, научный потенциал этой отрасли представляет информационную основу и базу дальнейших исследований.

Традиционная теория судебных доказательств, являющаяся частью науки процессуального права, развивалась главным образом в рамках нормативно-правового анализа норм уголовного, гражданского и арбитражного процессуального права.

Все основные понятия теории судебных доказательств: доказательства, источники, средства, предмет доказывания и др. -

сформировались в процессе доктринального толкования норм процессуального права и анализа практики их применения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Содержательный анализ деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, равно как и судебного следствия, был преимущественно предметом науки криминалистики и методической деятельности правоохранительных и судебных органов.

В условиях современного расследования и судопроизводства в связи с активным вторжением в эти сферы современных информационных и научно-технических методов и технологий, появлением новых источников судебных доказательств и новых методов и процедур доказывания недостаточность одного нормативно-правового анализа для развития и совершенствования практики доказывания выявилась с полной очевидностью.

В самой теории судебных доказательств это проявилось в усилении внимания к содержательной, информационной стороне процессуального доказывания, использованию в ней понятий теории информации и других инструментов современной методологии научного познания. Эта тенденция нашла отражение в наиболее фундаментальной работе по теории судебных доказательств советского периода¹.

В криминалистике, судебной экспертизе, теории оперативно-розыскной деятельности появилось целое направление исследований, посвященное разработке технологий оперативно-розыскной, следственной и экспертной деятельности и исследования конкретных источников релевантной для судебного процесса информации².

Эти процессы, наряду с существенным расширением информационной базы и возможностей доказывания, породили и ряд новых научно-практических проблем.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

² См., например: *Вершинин А. П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М., 2000; *Вехов В. Б.* Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники. Волгоград, 1998; *Вещественные доказательства. Информационные технологии доказывания / под ред. В. Я. Колдина.* М.: Норма, 2002; *Колдин В. Я.* Судебная идентификация. М., 2002, [и др.]

Научный аппарат и инструментарий естественных и технических наук в ряде случаев не соответствуют принципам, понятиям и терминологии, используемым в праве. Это существенно осложняет и снижает эффективность взаимодействия технических и юридических систем и процедур.

Сошлемся в этой связи на два фундаментальных для процесса правоприменения понятия: «документ» и «идентификация», трактовка которых в Федеральном законе об информации, информатизации и защите информации не соответствует содержанию этих понятий в теории доказательств и криминалистике.

В практике расследования и доказывания нередко возникают трудности в оценке и использовании таких новых источников, как электронные сообщения, заключения экспертов по материалам дела, результаты опознаний, одорологических экспериментов, допросов с применением полиграфа и др. Традиционные классификации и понятийный аппарат теории судебных доказательств оказываются в этих случаях недостаточными и требуют новых подходов и инструментов анализа.

Одной из актуальных проблем современного судопроизводства является также проблема нормативно-правового регулирования использования информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также полученной с применением специальных знаний.

В связи с практически неограниченным кругом используемых при этом источников и методов такое регулирование обладает ограниченными возможностями. В связи с этим особое значение приобретают научно выработанные методические принципы использования такой информации и основанные на них правила доказывания.

Такие правила, препятствующие использованию недоброкачественной информации и защищающие стороны от приемов незаконного ведения предварительного и судебного следствия, широко используются в зарубежном, в частности англосаксонском, процессе. Они могут оказать помощь и российскому правосудию.

Совершенно необходим для практики научный анализ используемого в процессуальном доказывании понятийного и терминологического аппарата нормативных актов, а также теории доказа-

тельств, науки криминалистики и судебной экспертизы. Неоднозначность используемой терминологии в учебной, монографической литературе и нормативных актах существенно затрудняет как подготовку юристов, так и их профессиональную деятельность.

Между тем используемый в современных юридических исследованиях терминологический аппарат оказывается зачастую непригодным для фактологического анализа процесса доказывания, не говоря уже о его использовании в современных информационных, поисковых системах и базах данных.

Базовые понятия теории судебных доказательств сформированы на основе общеязыковой лексики посредством их семантического и логического анализа без учета специфических функций языковых единиц в структуре доказательственной деятельности. В результате отдельным понятиям, таким как доказательство, источник, средство доказывания, факт и др., придается обобщающее значение, влекущее их неоднозначную трактовку.

Это делает невозможным их использование как терминов в тезаурусах современных информационных систем.

Для иллюстрации приведем выдержки из современной монографии, защищенной на уровне докторской диссертации. Используя для анализа процесса доказывания термины теории отражения и информации, А. Р. Белкин таким образом дифференцирует базовые понятия теории доказательств: «Доказательство-сигнал (сигнал-образ и т.п.) или сообщение как единство содержания, источника и формы... Представление о доказательстве как о сигнале не противоречит представлению о доказательстве как об изменении, связанном с событием... Свидетельские показания - это еще не доказательство, понимаем ли мы последнее как сигнал или как изменения, связанные с расследуемым событием, а форма выражения сигнала, “спрятанного” в сознании свидетеля... Вот этот факт как информационный сигнал и есть доказательство»¹.

Эти весьма сложные для восприятия высказывания показывают, что понятие «доказательство», интерпретируемое через понятие «сигнал», автор распространяет и на изменения в материаль-

¹ Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 118-120.

ной среде, несущие информацию (сигнал), и на образ, информацию, сведения, которая, по А. Р. Белкину, тоже сигнал, и на факт, который должен быть установлен с помощью сведений, информации и который, по мнению автора, тоже сигнал.

Таким образом, всем базовым инструментам процессуального доказывания (носитель, изменения в нем, информация, фактические данные, факт) присваивается одна и та же информационная функция. Между тем в реальном процессе доказывания функция этих инструментов существенно различается, а их дифференциация и составляет основную задачу научного анализа и предпосылку успешного оперирования ими.

Так в процессе осмотра места происшествия к делу приобщаются в качестве вещественных доказательств предметы, на которых в процессе их лабораторного исследования могут быть выявлены следы преступника, орудий или другая релевантная информация. Здесь есть источник, носитель, но нет сведений, информации, которые могут быть получены только в процессе последующего исследования.

В процессе допроса свидетеля, результаты которого могут быть зафиксированы в протоколе и путем звукозаписи, не удалось получить каких-либо относящихся к делу сведений. В деле появляются сигналы информации, не содержащие относящихся к делу фактических данных.

Ложные признательные показания обвиняемого содержат сведения о преступлении, которого он фактически не совершал. В этом случае содержание фактических данных без установления доказательственных фактов (мотив, время, место, способ и другие обстоятельства преступления) и тщательного исследования их взаимосвязи может быть принято за главный факт, в результате чего будет допущена судебная ошибка.

Как видно из этих типовых ситуаций, какое-либо смешение различных по информационному содержанию инструментов доказывания или объяснение их обобщающими терминами типа «сигнал», «образ» и т.п. могут привести только к фактическим ошибкам.

В терминах теории информации сигнал - это форма представления информации для передачи по каналу в виде физического

процесса или знака¹. В теории информации этот термин имеет строго однозначное содержание и четко отграничивается от понятия информации, носителя и др. Если же при анализе процесса доказывания мы будем, как это делает А. Р. Белкин, манипулировать им разным смыслом, нарушая логический² закон тождества, мы не преодолеем ни путаницы в понятиях, ни вызванных ею практических ошибок.

В ходе последующего изложения нам придется останавливаться на примерах некорректного использования терминологии, сейчас же необходимо подчеркнуть, что в сфере процессуального доказывания могут использоваться лишь функциональные понятия, строго соответствующие требованиям логики и понимаемые как технологические инструменты. Эти требования особенно актуальны в процессе доказывания, осуществляемого субъектами с различными процессуальными интересами и функциями, в условиях правового конфликта. Любая двусмысленность, неоднозначность и простая аморфность тезиса или аргумента в этих ситуациях недопустимы.

Мы рассматриваем совершенствование и унификацию терминологического аппарата как важнейшую задачу юридической науки. В соответствии с этим в ходе дальнейшего исследования все базовые понятия теории судебных доказательств будут подвергнуты детальному рассмотрению именно как технологические инструменты процессуального доказывания.

Следует отметить, что ни одна из специальных наук и прикладных дисциплин, обслуживающих судебный процесс, не ставит перед собой задач разработки методологии и технологии содержательного анализа процессуального доказывания.

Теория судебных доказательств в рамках правовых дисциплин

¹ См.: Сборники рекомендуемых терминов. Вып. 94. Теория передачи информации. Терминология / отв. ред. вып. В. И. Сифоров; АН СССР, Комитет научно-технической терминологии. М.: Наука, 1979. С. 3-10.

² См.: *Тушканова О. В.* Терминологический справочник по компьютерно-технической экспертизе. С. 125.

ограничена рамками нормативно-правового анализа¹. Криминалистика традиционно ограничена методологией уголовного расследования. Судебная экспертиза и ее специализированные отрасли ограничены сферой применения специальных знаний.

Налицо, таким образом, определенный разрыв нормативно-правового и фактологического анализа в общей методологии правоприменения. Такой разрыв, естественно, не может способствовать эффективности правоприменительной деятельности, поскольку правовая норма без инструментов ее реализации не может быть эффективной. Следовательно, нормативно-правовой анализ по необходимости должен быть дополнен разработкой методологических и технологических инструментов их реализации.

Эффективное решение данной задачи требует формирования специального метода процессуального доказывания, обеспечивающего синтез и эффективное применение правовых общенаучных и прикладных знаний для решения задач правосудия. Речь идет в первую очередь о возможностях структурного, деятельностного и информационного подходов, показавших свою плодотворность при анализе любых систем деятельности, в том числе криминальной, криминалистической и доказательственной.

В качестве такого комплексного инструмента может быть использован метод фактологического анализа исследуемого события.

Необходимость формирования и развития такого метода обусловлена рядом причин и условий:

- 1) ролью фактологического анализа как метода формирования фактических оснований судебного решения;
- 2) невозможностью развития методических и научно-технических инструментов этого метода в рамках традиционных юридических и специализированных прикладных дисциплин;
- 3) возможностью оптимального использования в форме фактологического анализа потенциала общенаучного, специально-

¹ См., напр.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2003; Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005.

научного и прикладного знания, включая весь комплекс специальных дисциплин, обслуживающих правосудие.

Рассматривая фактологический анализ как метод процессуального доказывания, мы видим его функцию в формировании фактических оснований судебного решения, а в инфраструктуре и как фактическое основание любого правового решения¹.

В результате такого анализа должна быть сформирована фактологическая матрица принятия судебного решения. Тогда итоговая задача процессуального доказывания может моделироваться как совмещение нормативной матрицы предмета доказывания и фактологической матрицы, полученной в процессе верификации.

Способствуя более четкому разграничению функций участников процесса, понятие фактологической матрицы как системы достоверно установленных фактов, необходимых и достаточных для принятия судебного решения, обеспечивает структурно-функциональную организацию самих фактических оснований принятия судебных решений.

Таким образом, в контексте задач настоящего исследования *под фактологическим анализом понимается метод формирования оснований правового решения как интегральной системы существенных в правовом отношении фактических обстоятельств исследуемого события, аутентичной правовой модели предмета доказывания.*

В качестве основания принятия судебных решений в процессуальной теории рассматривался юридический факт в гражданском процессе и главный факт в уголовном процессе. Эти понятия могут рассматриваться как аналоги фактологической матрицы, однако в связи с неоднозначной трактовкой их в литературе возникают сложности в их использовании в качестве инструментов процессуального доказывания.

В связи с этим данные понятия потребуют дополнительного рассмотрения в последующем изложении.

Актуальность фактологического анализа как метода судеб-

¹ В равной мере это относится также к любому управленческому решению в правовом поле.

ного исследования и правоприменения в настоящее время обостряется в связи с ясно выраженной тенденцией формализации судебного процесса и вызванными этим деформациями системы правосудия и правоприменения.

1.2. Методология фактологического анализа

Рассматриваемый как инструмент процессуального доказывания, фактологический анализ использует общенаучную методологию, методы и инструменты ряда смежных наук и научно-прикладных отраслей. К их числу относятся:

- системный и системно-деятельностный подход и анализ;
- теория судебных доказательств;
- криминалистика;
- теория судебной экспертизы и ее специализированные отрасли;
- теория судебной идентификации;
- судебная логика;
- судебная психология, а также ряд специальных наук и специализированных методик и технологий.

Представляется, что только такой междисциплинарный, межпредметный и комплексный подход может обеспечить научную разработку проблем фактологического анализа и выработку соответствующих научно-практических рекомендаций, методов и технологий, удовлетворяющих требованиям современной практики.

Наиболее интенсивное развитие методы фактологического анализа получили в криминалистике и судебной экспертизе.

Поскольку метод и технология инвариантны к юридической природе устанавливаемых ими фактов, нет никаких методологических препятствий к их использованию в фактологическом анализе за пределами уголовного процесса.

Классификации методов осуществляются по различным основаниям и обслуживают решение различных задач науки и практики. Так, для решения задач *работы с информацией* выделяют методы обнаружения, фиксации, декодирования (прочтения) информации, формирования частных и общих информационных систем. Применительно к задачам *анализа процесса* исследования конкретного источника информации выделяют методы, реализуе-

мые на различных стадиях исследования: аналитической, сравнительной, синтезирующей (оценочной). Применительно к *субъекту* и сфере профессионального применения методов различают экспертные, следственные, оперативно-розыскные, методы, реализуемые в других сферах профессиональной деятельности, в том числе за рамками судебного процесса.

Применительно к задачам *выбора метода и оценки его результатов* существенное значение имеет их деление на органолептические и инструментальные, непосредственные и опосредствованные, качественные и количественные, однозначно-детерминистские и вероятностно-статистические.

Дальнейшая систематизация методов будет осуществлена *по уровням методологии*, в которой различают философский, общенаучный и специальный уровни. Они образуют строгую иерархическую структуру. В этой структуре методы высшего уровня действуют на низших методологических уровнях, обеспечивая их общую стратегическую и организационную направленность. В свою очередь, низшие методологические уровни обеспечивают адаптацию методов высшего уровня к особенностям структуры изучаемых объектов и условий их исследования.

Переходя к рассмотрению отдельных методологических уровней, следует подчеркнуть, что их изолированное рассмотрение вызвано только удобствами теоретического анализа и изложения. Практически ни один из методов любого уровня не используется изолированно в отрыве от других. Их практическая реализация возможна только в системах фактологических методик, адаптированных к особенностям задач, объектов и условий исследования.

Особенности использования методов философского и общенаучного уровня

Материалистическая диалектика обуславливает не только мировоззренческие принципы и подходы фактологического исследования, но определяет общее направление исследования, содержание методологического аппарата, критерии выбора методов и оценки результатов их применения. Материалистический детерминизм надежно защищает методологический аппарат от псевдонаучных приемов, основанных на суевериях, мистике и оккульт-

тизме. Материалистическая гносеология освобождает от субъективизма при исследовании и оценке фактов, обязывает исследователя выявлять объективные связи действительности и исходить при принятии решений только из достоверных научно установленных фактов. Диалектика представляет реальную логику содержательного мышления, формулирует наиболее общие законы познавательного процесса, отражающие объективную диалектику самой действительности. Диалектика обязывает рассматривать объекты познания в развитии и сложной системе взаимодействия элементов его структуры и инфраструктуры. Так, без учета закономерностей развития и изменения объекта был бы невозможен экспертный вывод о тождестве в отношении предметов и лиц, претерпевших значительные изменения во времени в силу их эксплуатации или умышленного изменения.

В структуре информационно-познавательной деятельности значительная роль принадлежит общенаучным методам, т.е. методам, используемым в логике, психологии и других науках естественного, технического и гуманитарного цикла. При этом специальные задачи и объекты криминалистического исследования требуют их приспособления и обуславливают специфику и формы их реализации в криминалистических исследованиях.

Поскольку основным объектом криминалистики является человеческая деятельность, определяющее значение в ее методологии приобретает деятельностный, системно-структурный и вероятностно-статистический подходы. Использование этих подходов в их органическом единстве позволяет: а) выделить в преступной деятельности важнейшие структурные элементы: установочно-мотивационный блок - программно-управленческий блок - блок внешнего оперирования - блок обратной афферентации и акцептора действия - результат деятельности; б) проследить их взаимодействие и развитие отражательных, причинных и информационных связей; в) выявить устойчивые и закономерные связи элементов деятельности, построить на этой основе типовую информационную модель преступной деятельности; г) разработать типовые версии расследования и рекомендации по решению типовых следственных ситуаций, т.е. типовую криминалистическую методику.

В практической деятельности криминалиста указанные под-

ходы облегчают построение интегральных, общих и частных версий и информационных моделей расследуемого события, а также построение и корректировку планов расследования по конкретному уголовному делу.

Большое место в познавательной деятельности криминалиста занимают такие общенаучные методы, как индукция, дедукция, традукция, аналогия, анализ и синтез.

Дедуктивный путь расследования преобладает в случаях, когда следователь отправляется от известных ему закономерностей движения объекта, а фактические данные конкретного дела, установленные расследованием, использует как малую посылку силлогизма. Этот путь реализуется при использовании любых типовых методик решения криминалистических задач, поскольку все они основаны на знании закономерных связей объекта. Особенно эффективен этот подход при расследовании преступлений, совершенных типовыми, повторяющимися способами. Так, при расследовании убийств, сопряженных с расчленением трупов, типовая схема расследования исходит из особо тесных отношений жертвы с преступником. Они логически вытекают из условий и обстоятельств, необходимых для расчленения трупов. Отсюда следует, что ключом к раскрытию преступления является идентификация личности потерпевшего. На этих посылах и строится вся методика расследования данной категории преступлений.

Индуктивный путь расследования преобладает в случаях, когда информация об обстоятельствах дела отсутствует или весьма ограничена. Следователь в этих случаях выстраивает версии и модели события по его отдельным фрагментам в условиях неопределенности и многозначности установленных фактов. Такие наиболее сложные для расследования случаи требуют применения эвристических методов, опирающихся на индивидуальный опыт, эрудицию и интуицию следователя, использование обобщений практики, аналогов-прецедентов, разработанных в криминалистике приемов моделирования и методов исследования причинности. Примером использования указанных методов может служить распространенное в розыскной практике построение информационного портрета (генотипа) преступника. Он строится на основе изучения способа преступного действия, поведения преступника и всей совокупности оставленных им следов. Особое значение для

реализации этой методики имеет комплексное использование розыскных, следственных и научно-технических методов, позволяющих решить указанную задачу.

Традукция и аналогия, в отличие от индукции и дедукции, представляет путь мышления от частного к частному. Соединенные со сравнением и отождествлением, эти типы умозаключений занимают заметное место в познавательной деятельности криминалиста.

Все системы уголовной регистрации и криминалистических учетов строятся по принципу объединения в одни группы сходных или однородных по какой-либо системе свойств объектов. Так, например, система регистрации и система расследования по признакам способа преступного действия строятся по принципу сравнения расследуемого преступления с ранее совершенными преступлениями, аналогичными по способу действия (почерку преступника). При этом в определенных условиях может быть сделан вывод об их совершении одним лицом или одной группой лиц. Типовой случай криминалистической идентификации представляет сравнение неизвестного объекта, связанного с расследуемым событием (искомого), и известного следователю (суду) объекта, предполагаемого искомым. Если посредством идентификации удастся достоверно доказать факт тождества этих объектов, то в соответствии с правилами традукции возникает логическое основание для перенесения всех свойств, определений и связей объекта искомого на объект проверяемый, т.е., например, доказательство того, что задержанный является преступником.

В силу сказанного, любой случай оперативно-розыскной деятельности должен завершаться достоверной идентификацией обнаруженного или задержанного объекта. Без этого нельзя быть уверенным в достоверности результатов оперативно-розыскной деятельности.

Анализ и синтез являются фундаментальными приемами исследования любого теоретического или практического объекта, будь то человек, предмет, сложный материальный комплекс или система деятельности. Анализ состоит в том, что объект мысленно расчленяется на составные элементы, каждый из которых затем исследуется в отдельности для того, чтобы затем соединить их посредством синтеза в целое, выявив таким образом новое знание об

их связях и зависимостях. Анализ обеспечивает полноту и всесторонность исследования. В структуре любого криминалистического исследования выделяется аналитическая стадия, состоящая в движении мысли от общих к частным свойствам объекта. При этом полнота анализа достигается путем достижения такого уровня детализации признаков исследуемого объекта, на котором каждый из них представляет элементарный, т.е. неразложимый на другие более частные элементы квант информации о свойствах изучаемого объекта. Реализация этого требования особенно важна при исследовании микрочастиц, микрообъектов, кратких текстов, подписей и иных малоинформативных объектов, а также при общем дефиците криминалистической информации.

Синтезирующая стадия криминалистического исследования состоит в общей оценке выявленной на различных стадиях анализа информации с позиции конечной задачи исследования - например, при идентификации, является ли выявленная совокупность совпадающих свойств неповторимой, а выявленные различия исключительными тождеством.

Инструментами анализа и синтеза, а также системно-структурного подхода являются общенаучные и криминалистические классификации. Так, криминалистические классификации сложных объектов: почерка, письма, внешности человека, огнестрельного и холодного оружия, транспортных средств и др. - успешно используются в целях анализа, описания и оценки свойств указанных объектов в целях их распознавания, классификации, диагностики и идентификации.

Анализ и синтез являются фундаментальными приемами построения криминалистических информационных и доказательственных систем. Установление отдельного свойства объекта есть результат обобщения (синтеза) отражающих его признаков. Установление доказательственного факта (обстоятельства события) - результат синтеза доказательств, содержащих информацию об этом факте. Установление главного факта и предмета доказывания является синтезом всей системы собранной по уголовному или гражданскому делу доказательственной информации.

При криминалистическом исследовании материальных объектов существенную роль играет система общенаучных методов наблюдения, измерения, описания и эксперимента. Этой системе

соответствует адекватная система процессуально-следственных действий и криминалистических методов. Так, общенаучному методу наблюдения соответствует комплекс процессуально-следственных действий: следственный, судебный и экспертный осмотр, предварительное исследование вещественных доказательств и документов, освидетельствование.

Методам описания и измерения соответствуют приемы протоколирования в сочетании с техническими средствами фиксации криминалистической информации. Общенаучному методу эксперимента соответствует тактика и техника следственного, судебного и экспертного эксперимента. При этом информационно-познавательная структура процессуально-следственного действия и криминалистического приема должны соответствовать требованиям общенаучного метода.

Соответствие криминалистических приемов требованиям общенаучной методологии делает их надежным и эффективным средством получения судебных доказательств. При нарушении этих требований криминалистическая информация может потерять свое доказательственное значение. Так, если при осмотре документа - вещественного доказательства признаки *непосредственного* восприятия будут подменены *выводами* следователя о подделке документа, например подчистке, травлении, приписке, - протокол осмотра утратит свое доказательственное значение. Нарушение требований целенаправленности и планомерности при осмотре и протоколировании приводит к тому, что, с одной стороны, протоколы следственных действий перегружаются не относящейся к делу информацией, а с другой - выпадают из дела следы, предметы, документы, содержащие важную доказательственную информацию. Для обеспечения указанных методических требований следственное действие и фиксация информации должны осуществляться с учетом всех реально возможных версий расследуемого события, играющих роль фильтра при отборе релевантной информации.

Выявление латентных, невидимых и намеренно скрытых следов и микрообъектов осуществляется с учетом требований сложного осмотра, использованием инструментальных средств, расширяющих возможности непосредственного восприятия: луп и микроскопов, электронно-оптических преобразователей, специальных

приборов освещения, детекторов металлов и др. Приборы в сложном осмотре являются как бы продолжением органов чувств человека, однако это не отменяет принципа непосредственности наблюдения. Любой прибор, используемый при осмотре, обыске, освидетельствовании, экспертизе, представляет канал преобразования информации. Поэтому показания прибора должны быть непосредственно восприняты, зафиксированы и должным образом оценены.

В ходе такой оценки учитывается физический механизм преобразования сигнала (цветоделение, люминесценция, химическая реакция и т.п.), чувствительность прибора и специфичность пробы. Физический эффект (принцип действия) прибора должен учитываться уже в стадии выбора технического средства, например металлоискателя для обнаружения металлических предметов. Чувствительность прибора, степень увеличения в микроскопе, выбирается с тем расчетом, чтобы выявить полезный сигнал, допустим особенности рельефа следообразующего объекта на фоне помех (структура материала следоносителя). При этом далеко не всегда оптимальной оказывается максимальная чувствительность и требуется ее закругление. Ряд физико-химических проб и реакций, используемых при сложном осмотре, не дают однозначных результатов и должны поэтому оцениваться как предварительные. Так, различие в интенсивности люминесценции не всегда указывает на различие химического состава сравниваемых объектов, положительная реакция на перекись водорода (вспенивание) не является бесспорным доказательством наличия крови в пробе и т.п.

Важным показателем активности криминалистической деятельности является использование методов эксперимента, при которых объекты познания исследуются в контролируемых и управляемых условиях. Это позволяет выявить существенные для расследования свойства объекта и проследить его поведение в условиях, максимально приближенных к условиям расследуемого события. Последнее весьма важно, поскольку преступление всегда представляет экстремальную ситуацию, а криминалист никогда не имеет возможности его непосредственно изучать. В связи с этим эксперимент служит эффективным средством проверки построенной исследователем концептуальной модели расследуемого события. Практически методы эксперимента реализуются как в форме

отдельного следственного и судебного действия (следственный и судебный эксперимент), так и в форме экспериментальных действий при совершении иных следственных действий, а также в форме так называемого мысленного эксперимента, например когда следователь сопоставляет возможные варианты действий преступника со следовой картиной и обстановкой места происшествия.

Общеизвестна значимость *сравнения* как метода научного и практического познания. Не будет преувеличением и распространение мысли И. М. Сеченова о том, что «все познается в сравнении», на условия фактологического исследования. Вместе с тем формы использования этого приема в криминалистической научной и практической деятельности имеют выраженную специфику, обусловленную задачами исследования и непосредственной функцией метода. В ряду указанных задач следует указать на распознавание, узнавание, опознание, классификацию, идентификацию, установление соответствия установленным техническим и технологическим требованиям.

Первоначальное знакомство с неизвестным объектом или явлением в любых ситуациях состоит в распознавании его природы, происхождения и назначения. При распознавании доступные исследователю признаки объекта сопоставляются с обстоятельствами дела, ситуацией его обнаружения и функционирования. Задача распознавания состоит в ориентировании объекта в обстоятельствах дела. Определение его соответствия данной ситуации, распознавание может оказаться достаточным на определенных стадиях исследования, к примеру распознавание следа лошади и повозки, распознавание следа протектора транспортного средства, распознавание оставленной на месте преступления одежды и т.п. Однако в дальнейшем может потребоваться более детальное исследование таких объектов, связанное с их классификацией и идентификацией.

Классификация представляет распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающих их от предметов других родов. При этом каждый класс занимает в полученной системе определенное, постоянное место и, в свою очередь, делится на подклассы. При классификации непосредственно

воспринятые и установленные с помощью аналитических методов свойства объекта сопоставляются со свойствами объектов определенного рода, которые заранее детально исследованы, систематизированы и сведены в таксономическую систему, облегчающую поиск классифицированных объектов. Для поиска искомого звена классификационной системы (таксона) используются натурные коллекции, картотеки, каталоги, справочники и компьютерные ИПС. Определение класса исследуемого объекта восполняет наши знания об объекте, которые не могут быть получены путем его непосредственного восприятия. С другой стороны, классификационные свойства позволяют отграничить объект от других объектов, сходных, но принадлежащих к другому роду, виду или подвиду, т.е. воспользоваться методом *исключения*. Поскольку в качестве объекта фактологического исследования может выступать любой природный объект или продукт техногенной природы, метод классифицирования позволяет привлечь для решения исследовательских задач мощный научно-технический потенциал естественных, технических и технологических наук, выраженный в их классификационных построениях. Помимо общеизвестных классификаций ботаники, зоологии, антропологии, медицины, фармакологии, химии, в их числе классификации бумаг, красителей, клеящих веществ, огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, ядов, наркотических веществ, лакокрасочных, горюче-смазочных материалов, волокон, строительных материалов, предметов бытового обихода, продуктов питания и др.

При *идентификации* исследуемый объект вначале индивидуализируется посредством классификационных методов, а затем его свойства сопоставляются с образцом конкретного единичного объекта с целью выявления различий или индивидуально-неповторимой совокупности совпадающих свойств. Индивидуальное отождествление позволяет по следам искомого объекта проследить причинную связь с расследуемым событием сравниваемого проверяемого объекта.

В отличие от идентификации по материальным следам, процессы узнавания и опознавания осуществляются по мысленному образу, сохранившемуся в сознании лица, ранее воспринимавшего какой-либо объект. Под узнаванием понимается психический акт

отождествления лица с его образом, сформировавшимся в сознании опознающего.

При синтетическом (симультанном) узнавании образ одновременно отождествляется с воспринимаемым объектом. В осложненных условиях восприятия происходит аналитическое (сукцессивное) узнавание, осуществляемое посредством последовательного выявления и сравнения признаков наблюдаемого объекта.

Опознание представляет следственное действие, в котором психический процесс узнавания осуществляется под контролем следователя в соответствии с установленными процессуальными нормами и принципами судебной идентификации.

Задача приемов опознания состоит в том, чтобы создать условия, актуализирующие латентный невербализованный слой восприятия опознающего и облегчить оценку достоверности сообщаемых им сведений. При этом субъектом опознавания остается опознающий, а субъектом идентификации - следователь.

Важной областью применения метода сравнения является установление соответствия объекта определенным нормативно-техническим и технологическим требованиям. Это исследование осуществляется в форме лабораторных проб, товароведческой, нормативно-технической, технологической и оценочной экспертизы. Следует предостеречь от смешения этих исследований с идентификацией.

Специальные методы фактологического анализа

Проблема специальных методов имеет не только теоретическое, но и серьезное практическое значение, так как свидетельствует об уровне овладения наукой и практикой специфическими объектами и задачами обслуживаемой наукой профессиональной деятельности. Именно на уровне специальных методов, уровне разработки специальных исследовательских методик обеспечивается адаптация всей системы общенаучных методов, приемов, способов и средств решения фактологических задач. Существенный недостаток методологических разработок, используемых в фактологическом анализе, состоит в том, что разработка специальных методов нередко подменяется описанием философских и общенаучных методов, используемых в других науках и сферах практики.

В чем же состоят особенности фактологического анализа?

Еще в трудах основоположников криминалистики было верно отмечено, что путь исследования, идущий от механизма (способа) преступления через его признаки к методу расследования, характеризует глубинную сущность специального криминалистического анализа¹.

Б. М. Шавер отмечал, что для выработки систем приемов и методов обнаружения и исследования доказательств необходимо в первую очередь изучить способы и методы совершения преступлений и что такое изучение составляет центральный элемент метода криминалистики². Исследование способа и механизма преступления не является ни самоцелью, ни самостоятельным предметом исследования. Анализ способа преступного действия является методом исследования, поскольку выбор приемов и средств исследования обусловлен отраженным в следах способом действия преступника.

Только реализация данного методологического подхода способна обеспечить разработку наиболее эффективных технических и тактических приемов и специальных криминалистических методик. Специально криминалистический (в отличие от криминологического, материально-правового и др.) подход состоит в том, что таким образом способ обнаружения и исследования информации о преступлении дедуцируется из способа и механизма его совершения. Так, если источником информации являются следы взлома, используются трасологические методы исследования, в случаях применения огнестрельного оружия - методы баллистики, в случаях хищений с использованием фиктивных проводов - методы судебной бухгалтерии и т.д.

Данный криминалистический подход может быть использован в методологии фактологического анализа, поскольку предметом фактологического анализа является структура исследуемого события, а преступление есть частный случай события, получившего юридическую квалификацию.

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. VIII.

² Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 66, 77.

Необходимо подчеркнуть, что методологическое значение изучения способа действия и механизма события в равной мере проявляется не только в практических, но и научных исследованиях.

Основной продукт науки - *типовые информационные модели и технологии деятельности сходных по родо-видовым свойствам объектов*. Фундаментальные категории научной криминалистики и фактологического анализа (способ действия и механизм события - следовая картина - типовая информационная модель события - типовая версия - типовая методика исследования) образуют последовательную цепь и систему понятий, объединенных информационно-логической связью, при которой каждый последующий элемент вытекает из предыдущего и обуславливается им (правило логического следования).

Обобщение опыта фактологического анализа в оперативно-следственной, судебной и экспертной работе также представляет важный элемент его специальной методологии.

Помимо общеметодологического значения практики для всякой, особенно прикладной науки, обобщение практики представляет основной источник информации о способах и механизмах совершения преступлений, а также наиболее эффективных методах, используемых в профессиональной криминалистической деятельности.

В настоящее время используется три основные формы обобщения криминалистического опыта.

1. Описание частных случаев расследования и экспертных исследований, которые могут быть использованы как аналоги при расследовании преступлений, совершенных сходными, однотипными способами (архивы криминалистики, выпуски следственной и экспертной практики, оперативные и методические ориентировки).

2. Специально обработанные по определенным признакам и систематизированные для решения каких-либо исследовательских задач банки данных о совершенных и расследованных преступлениях. Примером такой систематизации может служить система регистрации по способу преступного действия, позволяющая сравнить расследуемое преступление с ранее совершенными раскры-

тыми и нераскрытыми преступлениями и в положительных случаях объединить оперативные или следственные производства.

3. Создание типовых информационных моделей исследуемых событий - высшая форма научного обобщения опыта расследования.

Так, в криминалистике указанные модели представляют результат изучения и вероятностно-статистической обработки репрезентативного массива расследованных преступлений, совершенных определенным способом. Такие модели отражают закономерные связи между элементами способа преступного действия и детерминирующими их свойствами личности преступника и объективными условиями совершения преступлений.

Предоставляя информацию о личности разыскиваемого преступника по известным элементам способа его преступного действия, указанные модели обеспечивают формирование типовых версий и создание типовых методик расследования.

Достоверность информации, получаемой из указанных типовых моделей, зависит от тесноты информационных связей между элементами способа преступного действия. Поэтому криминалистические характеристики преступлений, построенные без учета органического единства всех элементов способа и механизма преступного действия или объединяющие преступления, совершаемые различными способами, не могут быть положены в основу типовых методик расследования.

В методологии фактологического анализа и доказывания необходимо различать методологию непосредственного исследования (информационный анализ источников) и методологию опосредствованного исследования (анализ доказательственных фактов).

Существенные различия психофизиологического и логического отражения действительности на этих уровнях обуславливает методическое и технологическое содержание анализа, его задачи и доказательственное значение полученных на этих уровнях фактических данных.

1.3. Познавательные уровни фактологического анализа

В первую очередь требуют рассмотрения понятие непосред-

ственного и опосредствованного исследования и соотношении задач непосредственного и опосредствованного исследования на этих уровнях фактологического анализа.

Объектами непосредственного исследования в процессе доказывания могут быть только последствия преступного деяния, следы преступления в широком смысле слова. К их числу, как уже отмечалось в литературе, следует отнести источники доказательств и средств доказывания: сообщения обвиняемых, свидетелей и экспертов, документы, признаки свойств вещественных доказательств.

Обстоятельства расследуемого события, как отнесенные к прошлому, причины последствий преступления, его следов в окружающей обстановке, недоступный для непосредственного восприятия, - эти обстоятельства в качестве доказательственных, искомым фактов и предмета доказывания становятся объектами опосредствованного исследования.

На невозможность непосредственного установления доказательственных фактов как фактов, устанавливаемых посредством доказательств, правильно указывали А. А. Старченко, М. М. Гродзинский, М. С. Строгович и другие процессуалисты¹.

Противоречивую и, на наш взгляд, неправильную позицию занимал В. Д. Арсеньев, полагающий, что существуют «доказательственные факты настоящего», которые «воспринимаются следователем непосредственно»².

К числу таких фактов, по мнению В. Д. Арсеньева, относятся факты опознания лиц и вещей, результаты следственного эксперимента.

Анализируя непосредственно воспринимаемое в указанных В. Д. Арсеньевым следственных действиях, мы убеждаемся, что и живые лица, предметы, сообщения, и действия людей, признаки и свойства вещей - те же источники и средства доказывания. Что же

¹ См., например: *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 10-12; *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. М., 1945. С. 3; *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 235-236.

² *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. С. 121.

касается устанавливаемых при этом фактов, то совершенно очевиден опосредствованный характер их установления.

Так, следователь может непосредственно воспринять лишь сообщение потерпевшего о том, что он опознает в числе предъявленных ему лиц преступника по определенным признакам. Это сообщение должно быть зафиксировано в протоколе и явится доказательством по делу. Однако доказательственным фактом является не факт опознания, а факт тождества лица, предъявленного потерпевшему, и преступника. Непосредственное установление этого факта невозможно. Оно требует оценки процедуры и результатов опознания, идентификационной ценности признаков, указанных опознающим на предварительном допросе и в ходе самого опознания, условий, при которых опознающий воспринимает преступника, других данных, указывающих на тождество личности, например показаний других свидетелей, видевших задержанного на месте преступления, и т.д.

Таким образом, требуется оценка всей совокупности относящихся к этому факту исходных фактических данных и вывод о наличии либо отсутствии устанавливаемого факта. Иначе говоря, необходимо опосредствованное исследование этого факта.

Доказательственный факт может существовать в настоящем, однако, его значение как факта доказательственного - в его соотнесенности связи с прошлым, подлежащим установлению событием преступления. Без такой связи он не содержит информации о расследуемом событии и не может использоваться для его установления. Однако установить такую связь, соотнесенность с расследуемым событием можно во всех случаях только путем опосредствованного исследования.

Нельзя признать правильной также точку зрения авторов, полагающих, что возможно непосредственное исследование фактов, «которые после того, как преступление совершилось, продолжали существовать в неизменном виде или изменились, но не утратили важных для следствия и суда качеств»¹.

К числу таких факторов относят материальные последствия

¹ См.: *Дорохов В. Я., Николаев В. С.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 87.

совершенного преступления, предметы преступного посягательства, продукты преступной деятельности, место преступления, личность преступника, обгоревший дом, обезображенное лицо потерпевшего, грубо подделанный банковский билет, похищенный костюм, черты лица преступника и т.п.

Непосредственное исследование любого из указанных объектов есть опять-таки исследование источников и отражаемых ими признаков, но не доказательственных фактов. Непосредственно можно исследовать костюм, часы, банковский билет, лицо потерпевшего и т.д. как материальные объекты - носители сведений о происшествии, т.е. источники доказательств. Однако причинная связь этих предметов с преступлением, которая позволяет рассматривать их именно как последствия, продукты, следы данного преступления, может быть установлена только опосредствованным путем.

Так, например, обнаруженный при обыске костюм мы, конечно, можем повергнуть непосредственному осмотру, в ходе которого будут выявлены и зафиксированы данные, имеющие доказательственное значение (доказательства). Однако тот факт, что обнаруженный костюм - это похищенная вещь и она похищена у потерпевшего по расследуемому делу, не может быть установлен непосредственно. Он требует оценки совокупности исходных фактических данных и умозаключения, т.е. устанавливается опосредствованным путем.

Итак, объектами непосредственного исследования могут быть только источники и средства доказывания. Доказательственные и искомые факты, а также предмет доказывания устанавливаются всегда опосредствованным путем.

Проблема непосредственного и опосредствованного исследования, их взаимосвязь и разграничение не есть только теория. Она прямо связана с практикой доказывания и непосредственно влияет на его качество, а подчас является источником типовых следственных и судебных ошибок.

Утверждения о том, что «ряд фактов, входящих (помимо события преступления) в состав предмета доказывания, доступен

для их непосредственного восприятия их следователем и судом»¹, на практике могут привести к недопустимым упрощениям доказательственной процедуры и послужить источниками серьезных ошибок.

Доказательственные факты тем и отличаются от доказательств и источников, что не могут восприниматься непосредственно, а устанавливаются в результате исследования, доказывания. Следы, лица, предметы, местность и все, о чем пишут эти авторы, это источники информации, они действительно воспринимаются непосредственно, но именно как источники, а не факты, устанавливаемые этими источниками. И говорить здесь можно не о субъектах преступления, орудиях и средствах преступления, месте преступления и т.д., а лишь как о материальных носителях информации, на основе которой эти обстоятельства могут быть установлены.

Авторы явно смешивают принципиально различные уровни познавательного и доказательственного процесса: чувственное познание (непосредственное исследование) и логическое, опосредствованное исследование. Между тем работа с источниками и работа с фактами представляют принципиально различные уровни исследования и доказывания.

Чувственное познание и мыследеятельность существенно различны по структуре психофизиологического и познавательного процесса, подробно изученного в психологии.

Принципиально различается и роль продуктов познавательной деятельности на этих уровнях.

Результаты непосредственного познания фиксируются в протоколах и образуют базовую структуру доказательственной информации.

Выводы же о доказательственных фактах могут использоваться только в процессуальных актах для обоснования принимаемых процессуальных решений. Однако сами эти выводы должны быть предварительно установлены, доказаны с использованием соответствующих процессуальных средств.

При этом важнейшим правилом доказывания является оценка

¹ Там же. С. 23.

доказательственного факта не на основе непосредственного впечатления о нем, а в системе других установленных фактов.

Существенное свойство любого факта заключается в том, что сам по себе он ничего не означает, он просто есть. Смысл, значение факта обнаруживаются только в структуре события, элементом которого он является, системе отражающих это событие фактов.

Следы крови на одежде задержанного по подозрению в убийстве отнюдь не доказывают того, что он совершил убийство. Должно быть доказано, что это не кровь животного или птицы, а человека, что это не кровь самого задержанного, а потерпевшего, что она попала на одежду задержанного именно при совершении им убийства, а не в процессе драки, инициатором которой был сам потерпевший, и т.д.

Если же оценка факта будет производиться на основе непосредственного впечатления о нем, неизбежны ошибки и заблуждения.

Типовая ошибка судебного исследования состоит в том, что процедура доказывания на основе выявления связей в структуре расследуемого события подменяется «демонстрацией фактов», связь которых с доказываемым положением предполагается очевидной, разумеющейся. Происходит это в результате смешения уровней непосредственного (чувственного) познания и опосредствованного (логического) доказывания.

В материалах уголовных дел встречаются фотоснимки обвиняемых, рукой показывающих на труп с надписью: «Н. указывает на место, где было совершено убийство», а фактически на место, где свидетель увидел тело убитого человека.

Сам факт привлечения лица в качестве обвиняемого вызывает, особенно в обыденном сознании, ассоциации, подменяющие подлежащие доказыванию промежуточные факты. Именно это обстоятельство является причиной вынесения необоснованных обстоятельств дела судебных решений, и наиболее часто в суде приносящих. С целью предотвращения такого рода ошибок в процессе

ряда стран вводятся специальные правила доказывания¹.

Существенным для непосредственного исследования является прямая связь, чувственный контакт с объектом исследования, проверка, корректировка результатов исследования путем сопоставления с данными чувственного восприятия.

Совокупность данных, поступающих от объекта в процессе его чувственного восприятия, отражается сознанием следователя и судьи, подвергается переработке и используется для дальнейшего целенаправленного восприятия. В ходе такого восприятия планомерно получают новые и проверяются ранее полученные данные. Важно подчеркнуть при этом, что в условиях непосредственного исследования цикл получения и проверки информации замыкается на источнике доказательств. Характер источника определяется характером следственного или судебного действия. Им может быть единичное лицо, предмет или документ (при допросе, осмотре или освидетельствовании), материальная обстановка на местности или помещении при осмотре места происшествия либо обыске, люди (их сообщения и действия) в конкретной материальной обстановке при производстве следственного эксперимента и допросе на месте происшествия.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что непосредственное исследование не сводится к чувственному восприятию. Чувственное

¹ Так, Правило 403 Федеральных правил о доказательствах США и многие правила доказывания, применяющиеся в штатах, устанавливают, что доказательства, которые во всех прочих отношениях считаются относящимися к делу, «могут быть исключены из рассмотрения судом, если их доказательная сила существенно перевешивается опасностью возникновения ненадлежащего предубеждения, путаницы в вопросах, введения присяжных в заблуждение. Например, цветные отгаливающие фотоснимки крупным планом тела жертвы по делу об убийстве, возможно, пройдут порог критерия относимости. Однако их часто исключают из материалов дела, подлежащих рассмотрению судом присяжных, поскольку их доказательная сила низка: никто не оспаривает смерть жертвы, но существует большая опасность, что эти фотоснимки могут вызвать бурную реакцию присяжных, настроить их против обвиняемого и помешать им проявить к нему справедливое отношение» (см.: *Бернам У* Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 210).

познание по своему содержанию отражательный, информационный процесс. «Деятельность анализаторов, - правильно отмечают Ф. И. Георгиев, В. И. Дубровский и др., - по своей сущности является отражательной деятельностью. Отражение это состоит главным образом в усвоении информации. Каждое из состояний анализатора соответствует определенному внешнему раздражителю, является его сигналом. Усвоенная информация перерабатывается мозгом, благодаря чему возникает субъективный, идеальный образ. Образ выявляет доставленную извне информацию о действующих на субъект предметах и их свойствах»¹.

На информационный характер чувственного познания и его связь с логическим познанием правильно обращают внимание и ученые-юристы².

Непосредственное исследование опирается на чувственное восприятие, но не сводится к нему. Оно неразрывно связано с логической, мыслительной деятельностью следователя и судьи.

Эта связь выражена в плановости, целенаправленности непосредственного восприятия, осмысливании получаемых данных и словесном оформлении его результатов. «К нашему глазу - указывает Ф.Энгельс, - присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления»³.

Непосредственное восприятие источников доказательств всегда предполагает конкретную целевую установку, определяемую задачами данного следственного или судебного действия, версиями и планом расследования. Без таких логических предпосылок, обеспечивающих целенаправленный отбор фактов, непосредственное наблюдение бессмысленно и бесперспективно.

Без предварительной ориентировки в обстоятельствах расследуемого события невозможно осмысленное проведение даже первоначальных следственных действий, определение источников и средств доказывания. Данные непосредственного наблюдения

¹ Георгиев Ф. И., Дубровский В. И., Коришунов А. М. Чувственное познание. М.: МГУ, 1965. С. 102-103.

² См.: Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. С. 130-131.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1995. С. 190.

осмысливаются следователем и судьей, т.е. уясняются с точки зрения их содержания, связи с расследуемым событием, значения для установления события преступления и его существенных обстоятельств. Благодаря такому осмысливанию фактические данные выступают не просто как раздражения органов чувств и образы изолированных предметов внешнего мира, а именно как доказательства, факты, которые благодаря их связи с другими фактами могут быть использованы для установления существенных обстоятельств дела. Так, обнаруженные при осмотре места происшествия повреждения замка и двери оцениваются как следы взлома; заявление материально ответственного лица об исчезновении ценностей - как признаки хищения; странгуляционная борозда на шее трупа воспринимается как след наложения петли; записка, обнаруженная в кармане трупа, - как обстоятельство, связанное с мотивами преступления, и т.д. и т.п. Выяснение связи источников доказательств с расследуемым событием наполняет их конкретным фактическим содержанием. В результате этого процесса исходные фактические данные выступают в единстве чувственно воспринимаемой формы и логически осознанного содержания.

Из сказанного видно, что чувственное познание, составляя источник, основу непосредственного исследования, не исчерпывает его. Было бы неправильным по этому поводу отождествлять непосредственное исследование с чувственным познанием.

В философской литературе получила признание точка зрения, рассматривающая чувственное и логическое не как стадии, этапы познавательного процесса, а как «одновременно существующие стороны человеческого сознания»¹.

При этом правильно подчеркивается, что «непосредственное воздействие предметов внешнего мира на органы чувств человека... в практике современного научного познания опосредовано запасом знания, выработанным человечеством и закрепленного в

¹ *Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. М., 1964. С. 23.*

формах языка, познавательных категориях, даже в способах обращения с предметами и т.д.»¹.

С полным основанием можно применить эти соображения и к процессуальному доказыванию. Здесь также чувственное представляет источник, основу, важную сторону познания, но не ее стадию, этап. В ходе процессуального доказывания нельзя выделить стадии, этапы, где чувственное познание выступало бы в чистом виде. Вместе с тем выделение стадии процессуального доказывания по признаку «непосредственной наблюдаемости», «чувственного коррелята» вполне обоснованно и имеет существенное значение для теории доказывания. Такой стадией является стадия непосредственного исследования.

Поскольку различие понятий непосредственного и чувственного познания существенно для правильного понимания сущности осуществляемых при доказывании стадий, следует предостеречь от смешения рассматриваемых сторон познавательной деятельности.

В теории судебных доказательств указанное разграничение проводилось не всегда достаточно последовательно и четко.

Так, А. Жиряев рассматривал как самостоятельные способы познания в уголовном производстве:

- а) чувственное воззрение на самый предмет убеждения;
- б) умственное в него проникновение².

В. Д. Спасович также выделял «чувственное воззрение», наблюдение внешнего мира посредством органов чувств, при котором «наше понимание не проникает в существо познаваемых предметов, а скользит по их поверхности»³.

Трактовка чувственного и логического познания как стадий, этапов познавательной деятельности при доказывании встречается и в юридической литературе⁴.

¹ Лекторский В. А. Единство эмпирического и теоретического в научном познании // Диалектика - теория познания. Проблемы научного метода. М.: Наука, 1964. С. 95-96.

² Жиряев А. Теория улик. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1855. С. 28.

³ Спасович В. Д. О теории уголовно-судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861. С. 11.

⁴ См., напр.: Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958. С. 8 и след.

Содержание непосредственного и опосредствованного исследования как стадий доказывания определяется, как это видно из сказанного, частными познавательными задачами, решаемыми на этих стадиях, и результатами познания на каждой стадии.

К числу задач, решаемых в стадии непосредственного исследования, следует отнести:

1) обнаружение единичных материальных объектов - носителей сведений о расследуемом событии (живых лиц, документов);

2) обнаружение источников доказательств, т.е. выявление тех свойств и признаков носителей, которые отражают содержащиеся в них сведения, информацию (сообщения живых лиц, знаки документов, признаки вещей);

3. фиксацию установленных путем непосредственного наблюдения исходных фактических данных.

К задачам опосредствованного исследования относится установление подлежащих доказыванию фактов.

Рассмотрим соотношение задач непосредственного и опосредствованного исследования при доказывании.

Вопрос о соотношении задач непосредственного и опосредствованного исследования при доказывании решается в юридической литературе по-разному.

Существует взгляд, в соответствии с которым непосредственное исследование вообще не включается в процессуальное доказывание.

Так, А. А. Старченко, например, считает, что доказывание относится к ступени опосредствованного логического познания, «опирающемуся на достоверно установленные факты»¹. Сам же процесс установления таких фактов, которые кладутся в основу опосредствованного доказывания, как процесс чувственного, эмпирического познания, исключается им из доказывания. А. А. Старченко, таким образом, в составе судебного исследования различает стадию эмпирического, чувственного познания и опосредствованного исследования - доказывания.

Иные авторы, рассматривая задачу судебного исследования - как установление факта прошлого, вообще исключают возможность непосредственного исследования в уголовном процессе.

¹ Там же. С. 18-19.

Противопоставление непосредственного исследования доказыванию имеется и в работах других ученых.

Так, М. С. Строгович пишет: «...если некоторые фактические обстоятельства могут быть восприняты следователем и судьями непосредственно, они не подлежат доказыванию, не нуждаются в доказательствах, поскольку при помощи доказательств устанавливается лишь то, что не поддается непосредственному восприятию¹.

Противопоставление непосредственного исследования доказыванию правомерно только в формально логическом плане. Действительно, логический аспект доказывания состоит в соблюдении законов логического мышления и правил логического вывода. При этом формально логические построения отвлекаются от происхождения и способа получения данных, положенных в их основу.

Однако если при формально логическом анализе такой подход можно признать правомерным, то в области доказывания по уголовным делам, охватывающего движение познания в целом, сам процесс получения исходных фактических данных - доказательств представляет одну из важнейших задач и стадий доказывания.

Достаточно сказать, что если в деле отсутствуют данные, устанавливающие, что собранные данные доказательства получены из предусмотренных законом источников, причем получены законным способом, то такие доказательства не могут использоваться в процессе доказывания, т.е. теряют качество доказательств.

Новеллой УПК РФ 2001 г. явилось введение специальной статьи о недопустимых доказательствах, к которым отнесены доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, в частности показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

В процессуальном доказывании, таким образом, сам способ получения исходных фактических данных подлежит доказыванию. Это существенно отличает процессуальное доказывание от логического.

Объективная истина в процессе доказывания может быть уста-

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 234-235.

новлена лишь при условии соответствия действительности фактических данных, взятых за исходные при доказывании. Если же вопрос об адекватности исходных данных будет исключен из доказывания, последнее превратится в чисто формальное исследование. Его результаты могут оцениваться только с точки зрения их формальной правильности (обоснованности, непротиворечивости, соблюдения правил логического вывода и т.д.), но не с точки зрения их соответствия действительности.

Между тем задача доказывания состоит в установлении объективной истины, соответствия действительности полученного знания о преступлении и виновности совершивших его лиц.

Понятно, что при всей важности формально-логической стороны доказывания она не исчерпывает всей познавательной деятельности при доказывании и не обеспечивает достижение объективной истины.

Не случайно поэтому сам М. С. Строгович, рассматривая «этапы процесса доказывания», вынужден отказаться от противопоставления непосредственного исследования доказыванию и признать, что «обнаружение доказательств», их рассмотрение и процессуальное закрепление «являются начальными этапами доказывания»¹.

Эти этапы доказывания осуществляются путем непосредственного исследования. Ибо «один из важнейших принципов советского уголовного процесса - принцип непосредственности - требует, чтобы суд непосредственно из первоисточника воспринимал доказательства, при помощи которых устанавливаются обстоятельства дела. Поэтому доказательства вполне поддаются непосредственному восприятию суда, например заслушание судом показаний свидетеля»². В связи с этим непосредственное исследование в доказывании не только принципиально возможно, но и принципиально необходимо, неизбежно и наводит, как правильно от-

¹ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: АН СССР, 1958. С. 163.

² *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 235.

мечает М. С. Строгович, свое выражение в законодательно закрепленном принципе непосредственности судебного исследования.

Непосредственное исследование - это единственный предусмотренный законом способ получения и исследования источников и средств доказывания, способ получения и процессуального закрепления исходных фактических данных доказательств.

В основе доказывания должны лежать бесспорные, адекватные действительности фактические данные. Такие исходные фактические данные - доказательства могут быть получены и процессуально закреплены только путем их непосредственного восприятия и исследования.

В деле не может быть доказательств, полученных помимо их непосредственного восприятия и исследования. Утверждать иное - значит вступать в противоречие с процессуальным принципом непосредственности и материалистической теорией познания.

«Отрывать разум от органов чувств, - писал И. М. Сеченов, - значит отрывать явление от источника, последствие от причины. Мир действительно существует помимо человека и живет самобытной жизнью, но познание его человеком, помимо органов чувств, невозможно»¹.

В указанном смысле непосредственное исследование представляет необходимую, универсальную стадию (этап) процессуального доказывания.

Нельзя согласиться с авторами, исключаящими из сферы непосредственного исследования, отдельные категории источников².

Без непосредственного исследования источников не может быть и их логического познания. В протоколах, в частности в протоколах допроса и осмотра, должны отражаться результаты их непосредственного исследования, являющиеся доказательствами по делу.

«В протоколах описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и (или) освидетельствовании

¹ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. С. 286.

² Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. С. 126.

в той последовательности, в какой производились осмотр и освидетельствование, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра и освидетельствования» (ст. 180 УПК РФ; см. также ст. 66, 67 УПК РФ).

Наблюдение есть всегда непосредственное наблюдение. Термин «опосредствованное наблюдение», под которым Р. С. Белкин понимает получение сведений от непосредственного наблюдателя (обвиняемого, свидетеля и т.д.) и проверку их достоверности, внутренне противоречив. Такое «наблюдение» предполагает и непосредственное исследование - допрос и фиксацию его результатов, и оценку полученных показаний в системе всех собранных по делу доказательств, т.е. логическое, опосредствованное исследование.

Непосредственное исследование, направленное на обнаружение источников, установление и процессуальное закрепление доказательств следует рассматривать, таким образом, как необходимую первоначальную стадию процессуального доказывания.

Нельзя признать правильным исключение непосредственного исследования из сферы доказывания¹, а также противопоставление непосредственного исследования доказыванию (А. А. Старченко, М. С. Строгович) и ограничение непосредственного исследования отдельными категориями источников доказательств (Р. С. Белкин).

Неприемлемость позиций рассматриваемых авторов связана с тем, что она исключает из сферы процессуального регулирования целые пласты процессуальной деятельности, направленной на обнаружение и фиксацию носителей и источников доказательственной информации, представляющих базис всей доказательственной деятельности.

Следует, как нам представляется, не исключать из доказывания какие-либо формы познания, а правильно определить задачи и объекты этих форм познания.

Процессуальное доказывание как познание, является в целом и непосредственным и опосредствованным. Все зависит от объектов и задач познания. Исследование источников и установление

¹ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М.: Юриздат, 1945. С. 3, 125.

доказательств осуществляются непосредственным исследованием, установление доказательственных фактов и предмета доказывания - опосредствованным исследованием.

Выяснение правильного соотношения непосредственного и опосредствованного доказывания имеет существенное практическое значение для работы судьи, следователя, прокурора, адвоката и других лиц, осуществляющих процессуальное доказывание.

Это соотношение указывает, во-первых, на то, что исходные фактические данные - доказательства, представляющие фактическую основу доказывания, могут быть получены только путем непосредственного восприятия и исследования, что в них не может содержаться что-либо иное, что может быть получено помимо непосредственного исследования. Это соотношение указывает, во-вторых, на то принципиальное положение, что все факты и обстоятельства расследуемого преступления (доказательственные искомые факты, предмет доказывания) не могут восприниматься непосредственно. Они должны быть установлены логическим путем, собранными по делу доказательствами. «Каждый факт, имеющий значение для дела, каждое обстоятельство расследуемого преступления, - отмечает по этому поводу М. С. Строгович, - должны быть доказаны и лишь при условии их доказанности могут быть положены в основу судебного приговора»¹.

В практике судебного исследования стадии процессуального доказывания существуют не изолированно одна от другой, а в тесном взаимодействии, взаимопроникновении друг в друга, составляя процесс единого исследования, характеризуя динамику этого целостного процесса. Вместе с тем стадии доказывания не сливаются друг с другом, не теряют своеобразие и специфики, определяемыми частными задачами исследования, а сохраняют свое качество как отдельные элементы целостного процесса, характеризуя его структурность, расчлененность.

Исследование стадийности процесса доказывания было бы неполным без рассмотрения, с одной стороны, взаимосвязи и взаи-

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 236.

мопроникновения стадии и, с другой - без их логического и методического разграничения.

Рассмотрим взаимосвязь и взаимопроникновение задач непосредственного и опосредствованного исследования.

Задача непосредственного исследования состоит в установлении исходных фактических данных (доказательств) путем исследования источников и средств доказывания. Задача опосредствованного исследования состоит в логическом установлении фактических обстоятельств расследуемого события, образующих предмет доказывания. Логический путь доказывания связан с построением и проверкой версий об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

Версия в доказывании выступает как орудие опосредствованного исследования, а доказательства - как результат непосредственного исследования.

Взаимосвязь и взаимообусловленность непосредственного и опосредствованного исследования выражены в связи и обусловленности версии и исходных фактических данных. С одной стороны, версия, как это отмечалось выше, является средством определения относимости при непосредственном исследовании. Розыск и обнаружение источников и средств доказывания, выявление исходных, фактических данных основаны на изучении объективных связей предметов и явлений с расследуемым событием. При этом относящимися признаются лишь те предметы, явления, фактические данные, которые допускают предположение об их причинной связи с расследуемым событием.

С другой стороны, не менее важной является и обратная зависимость: основанием для построения и проверки версий являются выявленные в результате непосредственного исследования тактические данные.

Учет взаимосвязи непосредственного и опосредствованного исследования версий и фактических данных важен не только в теоретико-познавательном плане как характеристика структуры процесса доказывания.

Учет этой взаимосвязи лежит в основе тактики следственных и судебных действий, связанных с собиранием, проверкой и оценкой доказательств. К числу таких действий, как известно, отно-

сятся осмотр места происшествия и отдельных вещественных доказательств, освидетельствование, обыск, следственный эксперимент, допрос обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и др. Определение задач этих процессуальных действий, а значит, и разработка тактических приемов их осуществления должны исходить из взаимосвязи задач непосредственного и опосредствованного исследования.

Существенным недостатком практики производства рассматриваемых процессуальных действий, а также ряда теоретических высказываний по этому вопросу является сведение задач этих действий к непосредственному исследованию и фиксации его результатов. При этом задача опосредствованного исследования события преступления, восстановление его обстоятельств, выяснение существенных в правовом отношении элементов события путем построения и проверки версий либо сознательно игнорируется, либо отодвигается на задний план. Такой подход является теоретически несостоятельным, а практически ведет к неправильному определению задач следственного действия и эффективности и, следовательно, к утрате его целенаправленности.

Так, при производстве осмотра места происшествия, например, некоторые следователи сводят свою задачу к тому, чтобы осмотреть и зафиксировать обстановку места происшествия «так, как она есть», в том именно виде и состоянии, как она была обнаружена к моменту осмотра, не внося в нее никаких изменений своими действиями и не искажая объективной стороны своими догадками, предположениями, версиями.

Действия следователя при таком понимании задач осмотра теряют связь с конечными задачами следствия, которые состоят в установлении обстоятельств и правовой структуры расследуемого события. Протоколы осмотра загромождаются ненужными описаниями и фотоснимками, в то время как существенные для дела следы и предметы остаются неосмотренными и незафиксированными, случайное и несущественное заслоняет и вытесняет важные для дела элементы материальной обстановки. Короче говоря, действия следователя утрачивают перспективу.

Такой, можно сказать, протокольно-фотографический стиль осмотра по существу оправдывается авторами, отрицающими необходимость построения и проверки версий в процессе осмотра.

«Мы хотели бы со своей стороны, - пишет Г. Н. Александров, - предостеречь практических работников, чтобы они ни в коем случае не производили осмотр места происшествия “в разрезе версий”, так как к этому моменту в их распоряжении нет ничего, - кроме непроверенных первичных сообщений, отрывочных догадок и предположений»¹.

Критикуя авторов книги «Осмотр места происшествия», правильно полагающих, что осмотр должен производиться с учетом всех версий, практически возможных для данной ситуации»², Г. Н. Александров пишет: «Неясно в этой связи, откуда появились у следователя версии, если он не произвел еще осмотра места происшествия, являющегося в данном случае единственным материальным источником версий»³.

Отрицание Г. Н. Александровым необходимости построения и проверки версий в процессе осмотра (а значит, и в процессе других следственных действий) связано с узким пониманием криминалистической версии как предположения о сущности расследуемого события⁴.

Предположения же об отдельных обстоятельствах расследуемого события, его «деталях», «частностях» рассматриваются как «случайные мысли», «догадки»⁵, не являющиеся версиями. С такой позицией нельзя согласиться. Общее неразрывно связано с частным. Частые версии являются детализацией, развитием общих; в свою очередь, проверка версий о сущности события предполагает проверку версий об отдельных его обстоятельствах, частностях, деталях.

Как с точки зрения условий, оснований возникновения, так и с точки зрения средства их проверки предположения следователя

¹ Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии // Вопросы криминалистики. 1952. № 3. С. 10.

² Осмотр места происшествия / под. ред. А. Н. Васильева. М.: Госюриздат, 1960. С. 51.

³ Александров Г. Н. Некоторые вопросы теории криминалистической версии. С. 9.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 8.

о сущности события и его отдельных обстоятельств являются однородными.

Более правильно отражает познавательную природу и роль версий позиция критикуемых Г. Н. Александровым авторов, дающих широкую трактовку следственной версии. Сейчас, однако, важно отметить другое, а именно что ошибочная общая концепция версии ведет к неправильному пониманию соотношения непосредственного и опосредствованного исследования и ошибкам в определении задач процессуальных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств.

Интеллектуальная обработка собираемого следователем фактического материала в форме его оценки, построения и проверки версий должна осуществляться параллельно с собиранием этого материала, не может быть оторвана от его собирания и приурочена к каким-то более «поздним» стадиям исследования.

Непосредственное исследование и фиксация материальной обстановки является необходимым и существенным элементом осмотра, его важной задачей. Но не следует забывать, что это лишь один из существенных элементов доказывания, одна из его существенных задач. Нельзя упускать из виду связь непосредственного исследования с опосредствованным, которая определяет само содержание и задачи непосредственного исследования и фиксации материальной обстановки.

Сам круг объектов, подлежащих непосредственному исследованию и фиксации, их относимость, могут быть определены лишь в связи с задачами опосредствованного исследования, задачами установления обстоятельств, существенных элементов события преступления. Следственные версии о существенных обстоятельствах расследуемого события и причинной связи его элементов позволяют определить относимость к делу предметов, документов, фактических данных, сообщаемых живыми лицам, делают их предметом непосредственного исследования.

Хотя бы или не хотят того противники версий при выполнении осмотра и других процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, необходимо признать, что само собирание и исследование доказательств (относящихся к делу фактических данных) невозможно без построения и проверки

следственных версий, являющихся средствами определения относимости фактических данных и исследования причинных связей события.

Другую крайность представляет чисто умозрительный подход к исследованию расследуемого события, связанный с недооценкой непосредственного исследования материальной обстановки преступления и задачи выявления исходных фактических данных. Такой подход к расследованию тоже нередко встречается на практике. При этом следователи или дознаватели, занятые почти исключительно разработкой и анализом версий по делу, увлекаются какой-либо одной из них, переставая замечать все, что не согласуется с принятой ими версией, и собирая лишь те фактические данные, которые соответствуют выдвинутой ими версии, подтверждают ее. Такой стиль работы ведет к субъективизму, обвинительным тенденциям и чреват серьезными ошибками в расследовании. Примеры такого рода ошибок, к сожалению, еще довольно часто встречаются в следственной практике¹.

Таким образом, разграничение задач и процессуального значения результатов непосредственного и опосредованного исследования не должно вести к их противопоставлению. Правильное сочетание этих задач при выполнении процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств является принципиальным методическим требованием.

С вопросом о связи и взаимообусловленности стадий тесно связан вопрос о том, существует ли временная последовательность стадий процессуального доказывания, их разграничение во времени, имеется ли какая-либо закономерность их чередования. Правильное разрешение этих вопросов имеет существенное практическое значение в доказывании.

Как уже отмечалось, признание взаимосвязи и обусловленности стадий процессуального доказывания приводит отдельных

¹ См., напр.: *Дергачев П. М.* Необъективность следователя - источник серьезных ошибок // Следственная практика. № 21. С. 98-115; *Егоров И. А.* Не увлекаться одной версией // Там же. № 38. С. 162-184; *Смирнов Г. С.* К чему привела необъективность в работе следователя // Там же. № 28. С. 51-55.

исследователей к выводу о невозможности разграничения их во времени, определения последовательности и закономерности их чередования. Ряд авторов вообще отказываются от исследования этой проблемы и сам термин «стадии» заменяют термином «элементы» доказывания.

Мы полагаем, что без исследования движения познания в процессе доказывания нельзя говорить о процессе доказывания. Процесс доказывания предполагает движение мысли, смену ее состояний, чередование стадий доказывания, определенную их временную последовательность.

Говоря о соотношении стадий процессуального доказывания, нельзя, как нам кажется, противопоставлять стадии исследования отдельного доказательства и стадии процессуального доказывания в целом.

Л. Т. Ульянова отмечает, что «схема деления доказывания на этапы вполне приемлема и применима к исследованию отдельных доказательств. Здесь, действительно, прежде чем приступить к проверке и оценке какого-либо доказательства, надо его сначала найти и процессуально закрепить. Применительно же к доказыванию в целом, к оперированию совокупностью доказательств все моменты процессуальной деятельности тесно связаны между собой и практически переплетаются друг с другом»¹.

По нашему мнению, исследование отдельных источников доказательств нельзя выделять из общего процесса доказывания, создавая для этого самостоятельную методологию. Логичнее рассматривать исследование отдельных источников как анализ отдельных элементов в структуре общих стадий процессуального доказывания, имея в виду при этом их неразрывную познавательную взаимосвязь и проникновение. Вместе с тем необходимо различать непосредственное исследование отдельного источника и полученных из него фактических данных, исследование определенной совокупности источников и фактических данных («узлов» материальной обстановки и частных систем фактических данных),

¹ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959. С. 48-49.

исследование общей совокупности доказательственных фактов и логической связи между ними, ибо всё это стадии и познавательные уровни доказывания, решающие его различные промежуточные задачи с использованием различных познавательных и процессуальных средств.

Говоря о соотношении объективной последовательности стадий процессуального доказывания, необходимо, в зависимости от решаемых задач, различать начальные стадии и низшие уровни доказывания, конечные стадии и высшие уровни доказывания.

Задачи, разрешаемые при собирании доказательств: обнаружение источников, их исследование, выявление и процессуальное закрепление исходных фактических данных, - характеризуют стадии процессуального доказывания.

В целом доказывание, как сложный познавательный процесс, развивается нелинейно, а циклически, предполагает чередование высших и низших уровней познания.

Возвращение к начальным стадиям и низшим уровням в процессе доказывания представляет закономерный и естественный процесс движущегося по спирали познания.

Необходимость розыска дополнительных свидетелей, документов и вещественных доказательств возникает как при доказывании отдельных фактов, так и при формировании общей системы доказательств. На любой стадии доказывания могут возникнуть сомнения в допустимости отдельных источников или достоверности отдельных фактов, включенных в общую систему. Это требует возвращения к начальным стадиям и низшим уровням доказывания.

Так, при допросе обвиняемого по одному из дел о хищении он заявил, что факт недостачи установлен ревизией неправильно, так как не была учтена повышенная норма естественной убыли продуктов, установленная для складских помещений данного типа. Проверка акта ревизии подтвердила это заявление, а бухгалтерской экспертизой была установлена неправильность выводов ревизоров.

Состязательный характер доказывания связан с тем, что предмет доказывания исследуется каждым из участников доказывания со своих позиций и каждое доказательство и каждый факт оценивается по-разному в разных общих системах доказательств. То, что

представляется доказанным и очевидным в одной системе, может быть поставлено под сомнение в другой.

Учитывая это обстоятельство, опытные следователи, чтобы не быть отброшенными на исходные уровни доказывания, допрос обвиняемого и предъявление ему доказательств строят таким образом, чтобы он не мог изменить своих показаний и приспособить их к предъявляемым доказательствам, не вступив в противоречие со своими собственными показаниями.

Доказательством закономерного движения процесса доказывания от исходных фактических данных к доказательственным фактам, а от них к предмету доказывания может служить любое уголовное дело.

Расследование по делу Л. началось с обнаружения ранним утром трупа агронома совхоза К. в посеве проса между усадьбой совхоза и хутором Западным. В левой грудной области убитого виднелась глубокая колотая рана. В 10 м от трупа в коноплянике был найден новый брезент для транспортера вороха комбайна. Как выяснилось, брезент этот принадлежал совхозу и хранился в кладовой, откуда исчез в ночь убийства К. При осмотре обуви убитого К. обнаружилась характерная деталь: к подошвам пристали листья конопли, в посеве которой был найден брезент. По одной из версий убийство К. могло быть совершено кладовщиком Р, который ревновал К. к своей жене и угрожал ему расправой.

Интересные данные для построения другой версии дал осмотр места взлома в кладовой. Стена кладовой была сделана из горизонтально сбитых досок, имеющих ряд выступов. По этим выступам можно было взобраться на балку крепления. Стоя на балке, оторвать доски и сделать пролом большого труда не представляло. При осмотре балки, на которой должен был стоять производивший взлом преступник, на густом слое пыли был обнаружен след обуви с характерным рисунком. Этот рисунок напоминал узор протектора автопокрышки, в котором виднелись буквы надписи «Р... Н.».

При допросе свидетелей один из них высказал предположение о том, что брезент мог быть похищен для того, чтобы пошить из него обувь. Другой свидетель заявил, что незадолго до происшествия он встречался с уволенным из совхоза сапожником, проживавшим на хуторе Западном. В беседе со свидетелем Л. говорил, что на днях где-то добудет брезент, из которого сошьет пару сапог

себе и несколько пар для продажи.

При обыске, немедленно произведенном в доме Л., были обнаружены ношенные чуваки с резиновыми подошвами, сделанными из автопокрышек. Не подошве чувяка левой ноги имелось слово «редин». Экспериментальный оттиск этой подошвы полностью по всем признакам рисунка и особенностям рельефа совпал со следом, обнаруженным на балке сарая.

Под давлением улик Л. после некоторого запирательства признал себя виновным в хищении брезента и убийства К. В его показаниях вырисовывалась следующая картина преступления: накануне, ночью, вооружившись штыком от винтовки, Л. подошел к кладовой, по выступам стены взобрался на балку, оторвал доску и через проделанное отверстие вытащил брезент. После этого Л. пошел в сторону хутора Западного, но по дороге встретил агронома К., который узнал Л. и предложил нести брезент обратно. Л. пытался бежать, но был задержан. Тогда он выхватил штык и нанес им удар в грудь К., а сам скрылся¹.

В числе фактических данных отчетливо выделяются три категории: исходные фактические данные, доказательственные и искомые факты, предмет доказывания.

Анализируя ход расследования по данному делу, нетрудно убедиться, что установлению любого доказательственного и искомого факта всегда предшествовало обнаружение определенной совокупности исходных фактических данных. Эта последовательность является строго закономерной и не может иметь исключений при расследовании любого дела.

Столь же закономерным является то, что установлению главного факта предшествовало установление совокупности доказательственных и искомых фактов. Достоверный вывод о событии преступления и виновном в его совершении лица оказался возможным даже при наличии признательных показаний Л. (прямое доказательство) только на основе совокупности доказательственных фактов.

Совершенно четко определяются, таким образом, три стадии

¹ См.: *Беляк Л. О.* След резиновой подошвы // Следственная практика. 1950. № 1. С. 13-18.

доказывания: собирание доказательств, их проверки и оценки доказательств. В рамках каждой из указанных стадий фактические данные могут различаться по своему значению и уровню (т.е. по степени близости к предмету доказывания, например признательные показания Л. и другие исходные данные, различные по уровню доказательственные факты).

Исследование каждого доказательства связано с прослеживанием его связи с устанавливаемым им доказательственным фактом и предметом доказывания. Это не означает, однако, что исследование ведется одновременно на различных уровнях. Прослеживание логических связей и построение версий (в данном случае версий о лицах, совершивших убийство и кражу, версий о причинной связи кражи и убийства) нельзя смешивать с установлением доказательств, доказательственных и искомых фактов, характеризующих стадии доказывания.

Логические связи могут прослеживаться между фактическими данными, находящимися как на одном, так и на различных уровнях. Возьмем, например, цепь умозаключений, ведущую от обнаружения следа резиновой обуви на месте кражи к выводу о том, что Л. совершил убийство К.:

1) поскольку признаки следа обуви на месте кражи совпали с признаками обуви Л., следует прийти к выводу, что след на месте кражи оставлен обувью Л. Значит, Л. был на месте кражи;

2) далее, поскольку способ образования следа обуви Л. на месте кражи причинно связан со взломом, следует прийти к выводу, что кражу брезента совершил Л.;

3) и наконец, поскольку факт кражи связан с фактом убийства, следует полагать, что убийство К. также совершил Л.

Ценность и значение цепи умозаключений рассматриваемого типа состоят в том, что она характеризует основные направления, сквозную линию доказывания.

Приведенную цепь умозаключений нельзя, однако, смешивать с доказательством вины Л. и вообще с процессом доказывания. Указанная цепь выражает лишь возможность логического следования, возможность причинной связи исходных фактических данных с главным фактом, но не обязательный, необходимый характер такой связи.

Для того чтобы подобная цепь умозаключений выражала логическую необходимость и действительно отражала истину, должна быть доказана необходимость логического следования вывода из совокупности установленных по делу фактов.

В процессе доказывания оценка истинности оснований должна быть отделена от оценки истинности вывода.

Это вытекает из того, что ошибка в конечных выводах может быть как следствием ошибочного основания, так и результатом неправомерности логического следования от оснований к выводу.

Анализ судебной практики по уголовным делам показывает, что одной из наиболее частых причин судебных ошибок является именно неустановленность или неправильное установление фактов, положенных в основу судебного решения. Само логическое следование от оснований к выводам, логическая правильность умозаключений могут быть при этом безупречными. Фактами такого рода могут быть обстоятельства, характеризующие наличие самого преступления, например смерть потерпевшего, недостача материальных ценностей и др., причинную связь с этим событием обвиняемого и его виновность.

Так, судебной практике известны неоднократные случаи осуждения за убийство, когда сам факт смерти потерпевшего точно установлен не был¹.

Поэтому прежде чем переходить к умозаключениям на основе фактов (или проверке их истинности) необходимо проследить достоверность самих фактов, положенных в основу умозаключений.

Отсутствие достоверно усвоенных фактов означает отсутствие оснований для достоверных выводов, а значит, и невозможность самих этих выводов. Истина в процессе доказывания устанавливается «по этапам». Отрицание стадийности этого процесса

¹ См., напр.: *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. М., 1944. С. 107-110 (дело Ивана Головина); Следственная практика. М.: Госюриздат, 1951. Вып. 6. С. 107-115 (дело Полины Р. и Андреева И.); Криминалистика / под ред. С. П. Митричева и Н. В. Терзиева. М., 1958. С. 17-18; Архив криминологии и судебной медицины. Вып. 3. Т. 1. Харьков, 1927. С. 1014-1015; *Уильз У* Опыт теории косвенных улик. М., 1864. С. 90-91 (другие случаи такого рода).

приводит к отрицанию самой истины.

Таким образом, возвращение к низшим стадиям исследования, связанное с перерывом, и исследования на высшей стадии отнюдь не означает параллельного и одновременного осуществления этих стадий и тем более не означает отсутствия стадийности, закономерной последовательности доказывания.

Немаловажное практическое значение имеет вопрос о круге фактических данных, привлекаемых для разрешения частных задач доказывания на различных его уровнях. **Осуществляя доказывание на данном конкретном уровне, следователь и суд вправе положить в основу своих выводов только фактические данные соответствующего и высшего, но не низшего уровня.** Так, при доказывании главного факта доказательственными (косвенное доказывание) в основу вывода могут быть положены только установленные доказательственные и искомые факты. Непроверенные же сведения, исходные фактические данные, нуждающиеся в дальнейшей проверке, не могут быть положены в основу выводов о главном факте. При установлении же доказательственного факта правомерно использовать любые сведения об этом факте, полученные из имеющихся в деле источников, а также любые уже установленные доказательственные и искомые факты.

Колебания конкретного уровня доказывания не устраняют тенденции повышения общего уровня, который характеризуется оформленностью общей системы доказательств, как основы для принятия процессуального решения по делу в целом.

1.4. Структуризация, алгоритмизация, научный аппарат как методы общей оптимизации фактологического анализа

В соответствии с общенаучными требованиями системно-деятельностного подхода структуризация деятельности на основе определения ее конечной и промежуточных задач является необходимым условием ее программирования, алгоритмизации и общей оптимизации.

Особое значение приобретают эти требования в правоприменении при осуществлении сложной многосубъектной и многоуровневой деятельности, к которой относится фактологический

анализ.

Между тем именно проблема структуризации относится к числу тех проблем теории судебных доказательств и судебного процесса в целом, которые следует отнести к числу наименее разработанных и спорных.

Представляется очевидным, что без определения уровней, стадий и функциональных элементов доказательственной деятельности постановка проблемы ее оптимизации, программирования с использованием современных систем и технологий является преждевременной.

Методологической основой решения проблемы структуризации доказательственной деятельности являются методы системного и деятельностного подходов¹.

Особо важное методологическое значение для доказывания принципы системно-деятельностного подхода приобретают в связи с тем, что его объектами являются многоэлементные, многоуровневые и многоаспектные системы преступной и криминалистической деятельности, а также структуры производственных, хозяйственных, финансово-кредитных и прочих общественных связей высокой сложности.

Системно-структурный подход рассматривает деятельность как систему, обеспечивает выделение элементов системы деятельности, прослеживает функции каждого из них и выявляет связи (структуру системы) между ними.

¹ См., напр.: *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г.* Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39-52; *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. С. 3-9; *Садовский В. Н.* Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. М.: Наука, 1980; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978; *Анохин П. К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978; Системный анализ механизмов поведения. М., 1979. С. 5-9; *Копнин П. В.* Диалектика. Логика. Наука. М., 1973. С. 46-89; *Штофф В. А.* Введение в методологию научного познания: учебное пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 15, [и др.]

Плодотворность этого подхода подтверждена в процессе разработки ряда методов расследования и доказывания¹.

Образцом успешного использования методов системно-деятельностного подхода в разработке проблем доказывания может служить ее использование при разработке методов судебной идентификации².

Общая структура криминалистической идентификации успешно использована и для создания экспертных методик в других классах экспертиз: биологических, почвоведческих, видеофотографических, судебно-медицинских³.

Проблема структуризации в теории судебных доказательств

Анализ структуры фактологического анализа, его элементов тесно связан с выделением частных задач, решаемых в ходе доказывания, и определением последовательности их разрешения, т.е. исследованием стадий процессуального доказывания.

К числу существенных элементов структуры процессуального доказывания следует отнести стадии (этапы) и уровни доказывания.

Отражая временную последовательность разрешения возникающих в процессе доказывания задачи различных уровней наших знаний с точки зрения действительности, эти элементы характеризуют движение процесса, его динамику.

Рассмотрение структуры и элементов процессуального дока-

¹ См.: *Зеленковский С. П.* О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев, 1982. Вып. 35. С. 21-35; *Первухина Л. Ф.* Об использовании методов математической статистики в методике расследования и возможности моделирования личности преступника // *Вестник МГУ*. 1985. Вып. 4. С. 67-73; *Жбанков В. А.* Способы выдвижения и проверки версий о личности преступника // *Вопросы борьбы с преступностью*. М., 1983. Вып. 39. С. 66-73; *Он же.* Принципы системного подхода в криминалистике и практической деятельности органов внутренних дел при собирании, оценке и использовании доказательств. М.: МВД, 1977; *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя. Л., 1980. С. 7-49, [и др.]

² См.: *Колдин В. Я.* Судебная идентификация. М., 2002.

³ См., напр.: *Медико-криминалистическая идентификация* / под ред. М. Томилина, 2000.

звания в движении применительно к различным стадиям, уровням познавательного процесса представляет высший этап анализа структуры. Рассмотрение элементов и их связей на этом этапе тесно связано с определением подходов, способов, приемов познавательной деятельности. Проблема структуры непосредственно перерастает здесь в проблему метода.

Несмотря на теоретическую и практическую значимость, проблема стадий процессуального доказывания еще не нашла общепризнанного решения в юридической литературе.

Различный подход выявляется уже в перечне стадий, даваемых различными авторами.

М. С. Строгович выделяет следующие этапы процесса доказывания:

- 1) обнаружение доказательства;
- 2) рассмотрение и процессуальное закрепление доказательства;
- 3) проверка доказательства;
- 4) оценка доказательства¹.

А. И. Трусов как последовательное чередования циклов доказывания, рассматривает:

- 1) обнаружение доказательств;
- 2) процессуальное закрепление;
- 3) проверку;
- 4) оценку доказательств².

В. Д. Арсеньев в качестве элементов процессуального доказывания выделяет:

- 1) соби́рание;
- 2) исследование;
- 3) оценку доказательств³.

¹ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. С. 163-164.

² *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. С. 84-86.

³ *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: ЮЛ, 1964. С. 15-16.

В качестве этапов доказывания рассматривает собирание, проверку и оценку доказательств Р. С. Белкин¹.

А. М. Ларин выделяет:

- 1) поиски и обнаружения доказательств;
- 2) закрепление доказательств;
- 3) проверку и оценку доказательств².

Различается не только наименование элементов деятельности (этапы, циклы, элементы), но и само их понимание. Так, ряд авторов под собиранием доказательств понимает их обнаружение, получение и закрепление (фиксацию)³.

Вместе с тем некоторые авторы не без оснований отмечают, что при собирании доказательств «обнаружению подлежат сведения», которые после их закрепления становятся доказательствами⁴.

Таким образом, изолированное рассмотрение стадий вне их общей структуры не позволяет определить содержание задач и операций по доказыванию, осуществляемых на каждой стадии.

Ряд авторов вообще отрицает целесообразность выделения стадий в процессе доказывания.

Так, Л. Т. Ульянова считает, что деление доказывания на этапы применимо лишь к исследованию отдельных доказательств, но непригодно к процессу доказывания в целом⁵.

¹ Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств, М.: Наука, 1966. С. 28, 44, 65.

² Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит., 1966. С. 43.

³ Ульянова Л. Т. Собрание доказательств // Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2004. С. 221; Смирнов А. В. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Глава 11. Доказывание. 2003. С. 244; Лупинская П. А. Собрание доказательств // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2003. С. 252; Качалов В. И. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Доказывание. Глава 11. С. 184.

⁴ Рыжаков А. П. Собрание (проверка) доказательств. М.: Экзамен, 2007. С. 8.

⁵ Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959. С. 48.

А. Р. Ратинов и И. А. Якубович вообще отказываются от терминов «этапы» («стадии») доказывания. «Такое наименование, - указывают авторы, - представляются неудачным, так как наводят на мысль о чередовании этапов, предполагает разрыв их во времени. Между тем процесс доказывания - это единый и неразрывный процесс познания, в котором указанные элементы повторяются»¹.

В связи с этим понятие собирания, закрепления, проверки именуется не стадиями или этапами, а элементами, вопрос же о стадиях доказывания как процесса познания расследуемого события заменяется вопросом о стадиях уголовного процесса (возбуждение дела, предварительное расследование, судебное разбирательство и т.д.).

Таким образом, названные авторы по существу отказываются от исследования стадийности доказывания, временной последовательности разрешения частных задач, возникающих в ходе доказывания, т.е. от исследования динамики доказывания, движения познания в ходе доказывания.

Между тем сама сущность доказывания как процесса не может быть раскрыта без исследования движения мышления, рассмотрения стадий, этапов этого процесса.

Проблема стадий процессуального доказывания связана с рядом теоретико-познавательных и процессуальных проблем.

Необходимо рассмотреть в первую очередь, как связаны стадии процессуального доказывания со стадиями общего познавательного процесса (чувственное и логическое, непосредственное и опосредованное познание).

Проблему стадий процессуального доказывания следует решать, отправляясь от структурных представлений о процессе доказывания, частных задач, решаемых в процессе доказывания.

Представления о доказывании как едином, целостном процессе базируются на определении предмета доказывания. Сточки зрения общих задач и конечных целей процесс доказывания действительно представляется как единое, целостное исследование.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1966. С. 298.

Однако процессу доказывания, как и вообще всякому процессу, свойственна системность, структурность. Предмет доказывания не устанавливается сразу и непосредственно. На пути к решению этой общей задачи доказывания приходится решать ряд частных, промежуточных задач. Без решения этих частных, промежуточных задач доказывания невозможно и установление предмета доказывания. К числу таких задач, как было подробно показано выше, относится обнаружение источников доказательств и средств доказывания, выявления исходных фактических данных, установление доказательственных и искомых фактов.

Установление юридической сущности расследуемого события, совпадающей с предметом доказывания, также не является одномоментным актом. Различные стадии движения уголовного дела (возбуждение дела, обнаружение подозреваемого, предъявление обвинения, окончание предварительного расследования и др.) характеризуют различные фазы овладения субъектом доказывания юридической сущностью расследуемого события. В процессе доказывания происходит непрерывное углубление познания, движение мышления «от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т.д.»¹.

В основу разработки доказывания как системного, структурного процесса должно лечь, поэтому определение частных задач и последовательности их разрешения в ходе доказывания. Точно так же, как общая задача, определяемая предметом доказывания, обуславливает единство, целостность процесса, так и частные промежуточные задачи обуславливают его структурность, стадийность.

Выводы

1. Актуальность методологии правоприменения обусловлена прямой связью эффективности всей системы права с уровнем эффективности правоприменения. Между тем механизмы правоприменения в деятельности государственных органов остаются до настоящего времени без необходимого методологического и, как следствие, методического и технологического обеспечения.

В науке права сформировался существенный разрыв между теоретическим, абстрактно-догматическим и методологическим,

¹ Ленин В. И. Философские тетради. 1947. С. 193, 237.

функциональным подходами к изучению проблем правоприменения.

При анализе правоприменения фактически не востребован потенциал системно-деятельностного, функционального и информационного подходов.

2. В общей структуре современной методологии правоприменения должны быть выделены и подвергнуты научной разработке следующие уровни.

А. Философский и общетеоретический, рассматривающий место методологии правоприменения в общей системе методологии права.

Б. Отраслевых правовых наук: уголовный процесс, гражданский процесс, криминалистика и др.

В. Межпредметной отрасли знания, исследующей общую методологию правоприменения в ее прикладном аспекте («судебное право», судебная экспертиза, Forensic Science, информационные технологии доказывания и др.).

3. Необходимость научной разработки указанных отраслей должна быть учтена в перспективном планировании научных исследований, а также при формировании стандартов общего юридического образования.

4. В системе правоприменения к числу наиболее разработанных научно-практических отраслей знания относится судебное право и теория судебных доказательств.

Доказывание представляет сложную целенаправленную деятельность, направленную на решение органически взаимосвязанных процессуальных и познавательных задач. Указанные задачи и аспекты доказательственной деятельности (логический, информационный, удостоверительный, демонстрационный, доказательственный и др.) в интересах научного анализа могут быть абстрагированы и самостоятельно исследованы. Однако при системном анализе практической доказательственной деятельности они должны рассматриваться в органическом единстве. Выделение этих задач в самостоятельные виды деятельности представляется методологически ошибочным.

5. В качестве комплексного инструмента доказывания, синтезирующего потенциал общенаучного, специально-научного и прикладного знания, включая весь комплекс специальных дисциплин,

обслуживающих правосудие, может быть использован метод фактологического анализа исследуемого события.

В контексте задач настоящего исследования под фактологическим анализом понимается метод формирования оснований правового решения путем обнаружения, исследования и оценки релевантных фактических данных в рамках соответствующих процедур правоприменительной деятельности.

6. Анализ процессуального законодательства дает основание говорить о формировании двух базовых концепций судебного доказывания:

- процессуально-познавательной;
- процессуально-процедурной.

Первая ставит своей конечной целью достижение истины, вторая - соблюдение процедуры, при которой истина рассматривается как вторичный продукт.

В условиях современной российской действительности должна быть принята и реализована традиционная российская процессуально-познавательная концепция доказывания.

7. В методологии настоящего исследования истина рассматривается как высший интегративный принцип судебного процесса, организующий его структуру, цели и действия всех его участников, придающий процессу и всей судебной системе свойство целостности.

Вместе с тем принцип истины следует отличать от технологической задачи достижения истинного знания каждым отдельным участником доказательственной деятельности.

Будучи интегративным принципом всей процессуальной деятельности, установление истины является также системообразующим принципом фактологического анализа, определяющим цель и сущность всех его элементов и категорий, понятий и рабочих инструментов.

8. Специальная методология фактологического анализа базируется на принципе комплексного использования общенаучных, отраслевых и предметных методов и технологий для получения доказательственной информации.

9. Поскольку система задач в любой системе деятельности является интегральным элементом, определяющим общую струк-

туру деятельности, определение и систематизация задач была принята за основу систематизации и разработки информационных методов и технологий.

10. В числе системных гарантий и средств достижения истины в процессе доказывания важнейшее место занимает структуризация процесса исследования.

Структуризация процессуально-доказательственной деятельности на основе определения ее конечной и промежуточных задач является необходимым условием ее программирования, алгоритмизации и общей оптимизации.

Методологической основой решения проблемы структуризации доказательственной деятельности являются методы системного и деятельностного подходов.

11. Базовыми уровнями фактологического анализа являются уровни непосредственного и опосредствованного исследования. На уровне непосредственного предметно-чувственного исследования осуществляется формирование систем исходных фактических данных (доказательств).

На уровне опосредствованного логического исследования формируется система доказательственных и искомых фактов, служащих основанием принятия процессуальных решений.

Особое место занимает преддоказательственный уровень и уровень принятия процессуальных решений.

На преддоказательственном уровне формируется значительный потенциал доказательственной информации, инициирующий и обеспечивающий процесс доказывания.

Уровень принятия процессуальных решений, как фаза правоприменительной деятельности, является одновременно итоговым уровнем процессуальных процедур доказывания.

12. Стадии процессуального доказывания следует различать в зависимости от характера процессуальных и логических задач, разрешаемых на том или другом этапе доказывания.

Задаче обнаружения исходных фактических данных соответствует стадия собирания доказательств.

Задаче установления доказательственных и искомых фактов - стадия проверки доказательств.

Задаче обоснования итоговых процессуальных решений - стадия оценки доказательств.

13. Стадии доказывания осуществляются в рамках уголовного процесса, но не сливаются с его стадиями.

14. Процесс доказывания, осуществляемый данным субъектом доказывания, на протяжении всех промежуточных стадий уголовного процесса и обосновывающий его итоговые решения по делу представляет цикл процессуального доказывания. Цикл процессуального доказывания осуществляется в рамках процессуальных отношений, объединяемых деятельностью одного субъекта доказывания.

В цикле процессуального доказывания реализуются все его уровни и стадии.

**Общая структура фактологического анализа
в процессуальном доказывании**

Уровни	Стадии	Задачи	Методы
Непосредственное исследование	Собирание, исследование доказательств	Установление исходных фактических данных	Обнаружение, исследование, фиксация источников
Опосредствованное исследование	Проверка доказательств. Оценка доказательств	Установление доказательственных фактов. Обоснование процессуальных решений	Формирование частных систем доказательств. Построение общей системы доказательств

15. Эффективным методом исследования является фактологический анализ структуры объекта, воспроизводящей основные элементы этой структуры и существующие между ними объективные связи.

Как форма реализации принципов системного подхода системный анализ представляет выделение в объекте исследования существенных элементов и их связей, необходимых и достаточных для оценки объекта как целостной системы, представляющей фактическую основу для решения задач доказывания.

16. Следует различать системный анализ, с одной стороны, как прием фактологического исследования объекта для выделения в нем новых элементов, прослеживания новых связей между ними, получения новой информации об объекте, а, с другой - как метод синтеза, оценки собранной информации с позиции целостности

объекта исследования, полноты, непротиворечивости и адекватности установленной системы фактических данных объекту исследования.

Будучи приемом анализа структуры объекта, системный анализ играет существенную роль в процессах собирания, проверки и исследования фактологической информации.

17. Фундаментальным принципом фактологического исследования, вытекающим из системно-структурного подхода, является возможность получения информации не только путем непосредственного исследования материальных источников, но и путем исследования структуры расследуемого события. Принцип этот основан на наличии системно-структурных связей всех элементов системы, в результате чего каждый из них несет определенную информацию о других элементах.

18. В целях формирования фактологических систем наиболее часто используются методы классификации, формализации исследуемых объектов и процессов, структурный анализ, сравнение информационных систем, кибернетическое моделирование, графические и технические приемы.

19. Исходной при исследовании и доказывании является материальная воспринимающая система, свойства которой выступают как сигналы уголовно-релевантной информации. Выделенные в этой системе признаки представляют «кванты» доказательственной информации, а само их выделение исследователем характеризует первый аналитический уровень, связанный с формированием исходных фактических данных - доказательств.

20. Выделение признаков вещей и знаков сообщений как элементарных квантов фактологической информации имеет двойное значение. С одной стороны, оно характеризует пределы анализа, мысленного проникновения в структуру объекта, а с другой - создает возможности количественной и качественной оценки исходной информации (вариационности признаков, частоты встречаемости свойств, координат движений, констант состояний и т.п.).

21. Системы признаков и знаков образуют информационные потоки, составляющие содержание исходных фактических данных - доказательств.

Понятие информационного потока как информации о доказательственном факте, содержащейся в отдельном источнике, не

совпадает с «единым понятием доказательства»¹. Один источник может содержать ряд различных информационных потоков. Так, обвиняемый может дать показания и о времени, и о месте, и о способе, и о других обстоятельствах преступления, т.е. о различных, подлежащих доказыванию фактах; документ может содержать ряд информационных полей: содержание, подписи, оттиски печатей, надписи, отражающие движение документа, и т.д.

С другой стороны, различные источники, например документы, представляющие образцы почерка одного и того же лица, могут содержать аутентичные потоки информации.

22. Система связанных по содержанию информационных потоков образует информационную фактологическую систему, основное назначение которой состоит в установлении доказательственных, искомых или главного факта. Соответственно различаются частные или общие информационные системы. К числу функций информационных фактологических систем относятся выявление и объяснение противоречий в информационных потоках, относящихся к доказываемому факту, опровержение ложных утверждений и достоверное установление (доказывание) факта.

Речь идет, таким образом, о логико-познавательной интерпретации исходных фактических данных с точки зрения их непротиворечивости и достаточности для вывода о доказываемом факте.

23. В зависимости от характера и уровня исходных фактических данных различаются уровни фактологических систем. В выводах экспертов и актах опознаний используются системы признаков; в основе выводов следователя и суда о доказательственных фактах лежат частные системы доказательств; искомые факты, как и главный факт, обосновываются системой доказательственных фактов.

В связи с этим разграничиваются и уровни доказывания: аналитический, информационный и логический.

На аналитическом информационном уровне формируются информационные потоки, составляющие содержание исходных информационных систем, обеспечивающих, в свою очередь, установление доказательственных фактов. Исследование взаимосвязи

¹ Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 224.

и связи с преступлением достоверно установленных обстоятельств составляет основу логического доказывания.

Информационное и логическое доказывания различаются не только с точки зрения характера исходных фактических данных и степени приближения выводов к конечной цели исследования. Существенно различен и способ получаемой на соответствующих уровнях информации. На информационном уровне осуществляется декодирование по правилам естественного (при исследовании вещественных доказательств) и искусственного (при исследовании сообщений) кода.

24. При логическом доказывании информация об объектах и процессах извлекается путем анализа внутренней структуры расследуемого события. Методом доказывания при этом является исследование взаимосвязи и взаимообусловленности обстоятельств расследуемого события, элементов преступления.

25. Понятие фактологической информационной системы шире понятия системы доказательств, представляющей лишь один ее уровень. Понятие фактологической информационной системы охватывает любую используемую в целях раскрытия и расследования преступлений информацию независимо от ее уровня и процессуального оформления. В такую систему включаются как сигналы информации, в том числе циркулирующие в машинных системах, так и установленные в процессе расследования доказательственные и искомые факты, а также оперативно-розыскная информация. Это обеспечивает наиболее общий информационно-познавательный подход к раскрытию и расследованию преступлений, недостижимый в рамках теории судебных доказательств. Вместе с тем анализ фактологических информационных систем позволяет уточнить некоторые традиционные представления теории судебных доказательств.

Глава 2 АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

2.1. Понятие и классификация источников

Анализ источников осуществляется на информационном уровне фактологического исследования. Выделение информационного уровня фактологического анализа как самостоятельного уровня исследования и обоснования правового решения обусловлено специфическими особенностями процессуальных, познавательных и технологических процессов, осуществляемых на данном уровне деятельности.

Процессуальный закон (УПК и ГПК РФ) выделяет стадии обнаружения, собирания, фиксации и исследования доказательств, объединяемых тем, что все они характеризуются предметно-чувственным контактом субъекта доказывания с носителями информации. При этом различаются и непосредственные задачи исследования при обнаружении носителей, выделении, фиксации и исследовании отображений.

Важнейшей гносеологической особенностью данного уровня фактологического анализа и обоснования процессуальных решений является *непосредственное исследование, обеспечивающее изоморфизм отображения сигналов информации.*

Данная характеристика отображения относится как к характеристике восприятия субъекта доказывания, так и к используемым в процессе анализа научно-техническим и технологическим средствам воспроизведения и преобразования информации.

Именно это качество отображения характеризует уровень ответственности получаемых в процессе анализа и доказывания знаний действительности и делает данный уровень анализа базовым уровнем исследования, обеспечивающим проверку любой опосредствованным путем полученной информации и верификацию конечных выводов по предмету доказывания.

Особое значение в связи с этим приобретает анализ существующего понятийного аппарата и технологических средств, обеспечивающих данную функцию рассматриваемого уровня анализа.

Правильное определение источника в системе других средств доказывания и обоснования правовых решений требует выяснения его места и функции в структуре информационного канала.

В самом общем виде эта структура может быть представлена в виде системы взаимосвязанных процессов отражения и передачи информации элементов:

<i>Элемент</i>	<i>Задача</i>	<i>Функция</i>
Носитель	Обнаружение и индивидуализация материального объекта. Собираение доказательств	Обеспечение подлинности носителя
Источник	Установление изменений свойств носителя, отображающих обстоятельства исследуемого события	Первоисточник фактологической информации
Информационное поле	Выделение в источнике потока однородных по своим физическим свойствам сигналов, содержащих доказательственную информацию	Элементарная структура фактических данных как содержание доказательства

Таким образом, под **носителем** понимается единичный материальный объект, выделенный в обстановке исследуемого события, индивидуализация которого обеспечивает подлинность носителя информации.

Источник определяется как система свойств носителя, изменившихся под воздействием исследуемого события и в силу этого представляющих **сигналы информации** об этом событии.

Под **информационным полем** понимается поток однородных по своим физическим свойствам сигналов, выделенных в источнике, содержащий фактические данные о подлежащем доказыванию обстоятельстве события.

Как видно из приведенных определений, термины «носитель», «источник», «информационное поле» - представляют целостную

систему взаимосвязанных понятий, характеризующих элементную структуру, функцию и задачу фактологического анализа информационного канала.

Ни одно из этих понятий не может быть понято и использовано в отрыве от содержания других понятий и в отрыве от их функции, элементной структуры и задач исследования информационного канала.

Анализ рассматриваемой структуры информационного канала показывает механизм качественного перехода информации от признаков материальных объектов и физических процессов к выявлению фактических данных и их логических связей, отражающих объективную структуру исследуемого события.

Рассмотрим процессуально-технологические функции выделенных элементов информационного канала в структуре фактологического анализа и доказательственной деятельности.

Специфика этих элементов состоит в том, что они, будучи элементами субъективного отражения действительности, являются одновременно элементами объективного процесса, связанного с расследуемым событием.

Источниками информации материальные объекты становятся лишь постольку, поскольку они, с одной стороны, восприняли вызванные событием воздействия, стали носителями информации о расследуемом событии, а с другой - стали объектами субъективного отражения - познания. В силу этого источники представляют материальную основу многоуровневого процесса фактологического анализа и всей доказательственной деятельности.

Выделение источников информации в качестве элементов позволяет четко определить структуру фактологического анализа, выделить его задачи и стадии, а потому имеет существенное методическое значение.

Без поиска, обнаружения и выделения в окружающей обстановке материальных объектов - носителей изменений, связанных с расследуемым событием, невозможно как непосредственное, так и опосредствованное исследование этого события. Значение такой поисковой деятельности состоит в том, что она обеспечивает решение ряда информационных задач, в том числе обнаружение, извлечение, фиксацию, передачу и исследование информации, а

также превращение той ее части, которая соответствует определенным в законе условиям, в доказательства.

Поиск и обнаружение объектов - носителей информации - исходный уровень всей деятельности по обоснованию правовых решений. Без обнаружения объектов - носителей информации о событии невозможно получение самой информации, а следовательно, и выяснение содержания расследуемого события. Без успешного поиска и обнаружения источников информации носители информации останутся потенциальными, скрытыми и никогда не станут источниками доказательств.

В связи с этим обнаружение материальных объектов носителей источников информации следует рассматривать как первоначальную задачу всего процесса фактологического анализа по обоснованию правовых решений.

Обнаружение источников информации в теории доказательств связывается с задачей собирания доказательств.

Для того чтобы установить факты, необходимо в первую очередь определить круг объектов, отражающих эти факты, т.е. определить круг носителей информации.

Практически это означает, что нужно найти свидетелей, потерпевших и подозреваемых, которые могут дать показания по делу, нужно обнаружить предметы, которые послужили орудиями, объектами преступления или сохранили на себе их следы, нужно найти документы, содержащие сведения о предмете доказывания.

Для установления фактических данных необходимо, далее, путем исследования этих объектов обнаружить те их стороны и свойства, которые отражают подлежащие доказыванию обстоятельства.

Так, путем допроса свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого должны быть установлены не любые, а лишь те сохранившиеся в их сознании образы, которые отражают обстоятельства преступления.

Следственный осмотр предметов также состоит не в абстрактном выявлении и описании их свойств. В ходе осмотра необходимо выделить и изучить имеющиеся на предметах следы преступления, орудий преступления, веществ с места преступления или другие их свойства, изменившиеся в результате преступления, а также свойства, отобразившиеся в других объектах.

Установление источников информации и сигналов информации рассматривается в качестве первоначальной задачи как в общих положениях тактики и методики расследования, так и при определении задач отдельных следственных и судебных действий.

В соответствии с общими положениями тактики и методики расследования одна из первоначальных задач расследования состоит в обнаружении «следов», «отпечатков» события преступления в окружающей обстановке.

В ходе дознания и предварительного расследования указанная задача решается первоначальными следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. С этой целью проводится осмотр места происшествия, отдельных следов и предметов, обыск, экспертиза, осмотр и выемка документов, проведение документальных ревизий, допросы свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и потерпевших.

Установление источников информации, выделение и фиксация содержащейся в них доказательственной информации рассматривается так же, как первоначальная задача отдельных следственных действий.

Очевидно, что эта информация, с которой мы имеем дело на первом этапе расследования, может лишь предположительно относиться к событию преступления. Здесь мы имеем дело с носителями и непосредственными источниками информации, которые впоследствии могут стать судебными доказательствами. «При осуществлении юридического анализа вначале ее субъект оперирует не судебными доказательствами, а информацией, лишь часть которой в последующем приобретет значение доказательственной»¹.

В этот начальный период обеспечивается получение всей возможной в этот момент совокупности опережающей информации, происходит объективизация знаний о механизме расследуемого события, происходит детальное исследование материальной обстановки места происшествия и подготавливается информационная база для неотложных оперативных мероприятий и следственных действий. В этот период происходит оперативное сужение круга проверяемых объектов и создаются информационные предпосылки для обоснованного и более подробного планирования

¹ Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М.: МГУ, 1982. С. 62.

хода расследования.

Таким образом, обнаружение материальных объектов - источников информации является начальным этапом процесса расследования преступлений.

Из сказанного видно, что понятия материального носителя и источника информации о расследуемом событии непосредственно связаны с первоначальной, исходной стадией расследования, а также с определением задач и содержания расследования на этой стадии (обнаружение носителей, источников и сигналов содержащейся в них информации).

Следует отметить, что поиск и обнаружение носителей информации при расследовании осуществляется как в процессуальных, так и непроцессуальных формах.

Процессуальные формы реализуются посредством следственных действий, экспертиз, а также организационных мероприятий в виде ревизий, инвентаризаций, а также различных требований органов следствия, дознания или суда, направленных учреждениям, предприятиям, должностным лицам или отдельным гражданам с целью предоставления ими различных предметов и документов, являющихся носителями информации. Все виды следственных действий имеют целью обеспечение дальнейшего поиска источников информации.

К непроцессуальным формам поиска и обнаружения источников информации относятся: опрос населения определенных жилых массивов, опрос определенных профессий (официантов, водителей и т.п.), опрос лиц, систематически посещающих или появляющихся в определенных местах (улицы, парки, рестораны), в определенное время с целью получения информации о возможных свидетелях, подозреваемых и др., а также о вещественных доказательствах или иной информации о преступлении; обращение к населению через средства массовой информации; осуществление гласных и негласных оперативных мероприятий; получение и разбор информации, полученной из периодической печати, писем и телефонных заявлений, в том числе анонимных, содержащих информацию, относящуюся к делу; использование материалов информационных и правовых центров, а также информационных и иных учетов.

Процессуальные и непроцессуальные формы поиска, обнаружения и извлечения информации взаимно дополняют друг друга. Так, например, при допросе могут быть выявлены обстоятельства, которые должны быть проверены непроцессуальным путем - наблюдением за определенными лицами, объектами. Непроцессуальные источники информации могут стать процессуальными, например после установления автора анонимного письма, оно может стать письменным доказательством.

Криминалистическая информация, полученная из непроцессуальных источников, может в значительной мере способствовать выявлению, извлечению, фиксации, исследованию и правильной оценке доказательственной информации. Из таких источников можно получить важные сведения о возможных носителях доказательственной информации и их местонахождении (о тайниках, местах захоронения трупа, о лицах, располагающих нужными сведениями, и т.д.), а также о характерных чертах этих носителей информации (например, о связях подозреваемых, их взаимоотношениях с другими лицами и т.п.); о возможном поведении участников процесса на допросах; о той информации, которая может быть получена путем исследования тех или иных носителей. Такие сведения способствуют правильному выбору тактических и технических мер поиска и исследования, а также оценке полученной информации.

В отличие от доказательств, криминалистическая информация, полученная из непроцессуальных источников, имеет ориентирующий характер. Это, однако, не умаляет ее роли и значения в предупреждении и пресечении преступлений, а также в выборе наиболее целесообразных тактических и технических мер при получении доказательственной информации.

Как видно из сказанного, научные основы определения источников информации восходят к теории отражения, видящей в любом материальном предмете свойство, по существу общее с ощущением, - свойство отражения, а также к основам современной кибернетики, рассматривающей процессы передачи, хранения и использования информации как применительно к техническим си-

стемам, так и к биологически активным системам (психика, мышление человека)¹.

В соответствии с принципом объективности расследования источник сведений о событии преступления должен находиться всегда вне познающего субъекта. Выделение источника в качестве самостоятельного структурного элемента, отграничение его от фактических данных, разграничение объекта от субъекта - необходимые условия реализации принципа объективности расследования.

Мы не можем согласиться с авторами, допускающими смешение объекта и субъекта, источника информации и воспринимающего ее субъекта. Рассматривая доказательства как сообщения, поступающие от людей, А. А. Эйсман пишет: «...в определенном смысле и суд (“всем составом”) принимает на себя функцию источника доказательств - в тех случаях, когда он, например, производит осмотр предметов или местности»².

Источник информации всегда находится вне познающего субъекта. Если состав суда осуществляет осмотр предметов или местности, источниками информации будут соответствующие материальные предметы, но не сами судьи, производящие осмотр. Утверждать противное - значит отождествлять объекты и субъекты познания.

Следователь и суд, производящие осмотр, не могут рассматриваться как первоисточники данных, зафиксированных в протоколе осмотра. Они лишь опосредствуют в своем сознании те признаки, ту информацию, которая содержится в осматриваемых объектах.

Вместе с тем выделение различных по природе и функции элементов требует разработки различных технологий работы с указанными элементами, способов их использования и оценки в процессе доказывания.

¹ Лузгин И. М. Методические проблемы расследования. М., 1973; Земан Й. Познание и информация. М.: Прогресс, 1967. С. 36, 37.

² Эйсман А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1.1965.

Остановимся на процессуальном *требовании индивидуализации*, играющем роль важной гарантии подлинности информационного канала, а также средствах его реализации.

Правило индивидуализации источника имеет характер общего требования и относится к носителям и источникам независимо от их физической природы и процессуального статуса: как к физическим лицам, так и к предметам и веществу, не имеющим собственных пространственных границ.

Фактические данные, полученные из источника, только тогда могут играть роль доказательства, если они доступны для проверки соответствующим субъектом доказывания на любой стадии процесса доказывания. Такая проверка возможна лишь в отношении единичных физических лиц и предметов. Источник, следовательно, должен быть выделен из окружающей обстановки, отделен от смежных, сходных однородных объектов, т.е. индивидуализирован как единичный, неповторимый объект.

Формы и способы индивидуализации могут быть различными. В отношении физических лиц закон предусматривает удостоверение их личности (ст. 164 УПК РФ). В отношении предметов, обладающих выраженными индивидуальными особенностями, используется простое описание таких особенностей в протоколе следственного действия. Если предметы не обладают выраженными и устойчивыми индивидуальными особенностями, они упаковываются и опечатываются (ст. 182 УПК РФ).

При различии форм и способов индивидуализации само требование индивидуализации является единым и обязательным для всех источников. Если физическое лицо или предмет не индивидуализированы, они не могут быть использованы в качестве источников (показания лица, не могущего указать источник своей осведомленности; копии, слепки и образцы, в отношении которых в деле отсутствуют данные, с каких индивидуально-определенных объектов они изготовлены и т.д.).

Индивидуализация источника не обязательно связана с его физическим изъятием и приобщением к делу. Это относится и к вещественным источникам.

Определенный познавательный и процессуальный интерес

представляет выделение, в качестве разновидности носителя материальной обстановки места происшествия, обыска, эксперимента¹. Так, дорожная обстановка, в которой произошло столкновение автомобилей, со всеми особенностями строения дорожного покрытия, ограждениями, дорожными знаками и находящимися на дороге предметами представляет носитель информации, индивидуализируемый в протоколе осмотра места происшествия. Хотя он физически не изымается и не приобщается к делу (обстановка фиксируется путем протоколирования, фотографирования, изготовления слепков и т.д.), он сохраняет значение самостоятельного носителя.

Ряд обстоятельств происшествия, например видимость из отдельных точек, скорость движения транспортных средств и пешеходов, возможность предотвращения столкновения, относительное размещение участников происшествия перед, в момент и после столкновения и ряд других, не может быть установлен путем изучения отдельных предметов, а требует системного исследования обстановки как целостного объекта.

Место происшествия является, как правило, основным источником информации. Обстановка места происшествия выступает как «внешнее проявление внутреннего содержания события преступления, своеобразной формой его содержания».

В настоящее время в юридической науке и практике² утвердилось идеология, рассматривающая любое вещественное образование не изолированно, в качестве отдельных приобщаемых к делу предметов, а в общей структуре материальной обстановки исследуемого события. При этом вещественная среда события рассматривается как целостный материальный объект во всем многообразии его системных, функциональных и иных свойств, связей и отношений. Такой подход открыл качественно новые возможности

¹ Ильченко Ю. И. Материальная обстановка преступления как источник информации: Рефераты докладов. Алма-Ата, 1964. С. 33-37.

² Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания. М.: Норма, 2002. С. 6-59.

комплексных исследований¹, суммирования информации, полученной из различных источников, и преодоления дефицита розыскной, идентификационной и доказательственной информации. Так называемые немые свидетели заговорили в полный голос, что в силу объективности, достоверности, научной подтверждаемости, возможности контрольных процедур и использования экспертных технологий получило убедительное подтверждение в практике процессуального доказывания.

В заключение анализа терминологического аппарата, используемого для анализа информационного канала, необходимо остановиться на термине «средства доказывания».

В юридической литературе этот термин используется как для обозначения любых информационно-логических инструментов, используемых в процессе доказывания (носители, источники, фактические данные, доказательственные факты), так и для обозначения отдельного структурного элемента информационного канала, - «объективные средства доказывания». К их числу относятся: показания свидетеля, показания потерпевшего, показания обвиняемого, заключение эксперта, т.е. выделенные в носителе и выраженные во вне сигналы информации. В этом случае имеются в виду источники информации как самостоятельный структурный элемент информационного канала.

Терминологическое смешение этих понятий недопустимо, так как каждый из таких элементов требует специальных приемов и средств анализа и использования. На практике такое смешение ведет к существенным ошибкам в анализе и доказывании.

Как правило, обнаружение свойств носителя, имеющих доказательное значение, требует специального исследования. Так, путем тщательного осмотра вещественных доказательств, экспертизы и освидетельствования выявляются невидимые или плохо заметные следы преступления, в процессе допроса свидетелю оказывается помощь в воспоминании забытых им обстоятельств или выявляются намеренно скрываемые им сведения и т.д.

¹ Грановский Г. Л., Загрядская А. П., Беляева А. А. [и др.] Комплексная методика идентификации и установления факта контактного взаимодействия. М.: ВНИИСЭ. 1987, С. 5-40.

Тщательное исследование источников требуется и в тех случаях, когда следы и признаки преступления хорошо заметны, очевидны (пролом, поджог, обнаружение трупа и т.п.), так как свойства - носители информации и в этих случаях не лежат на поверхности явлений.

Так, при расследовании хищения, совершенного из продовольственного магазина г. Москвы, был обнаружен пролом потолка, достаточный для проникновения внутрь человека. Было ясно, что повреждения, причиненные взломом, могут явиться источником ценных сведений о преступлении и преступниках. Установление, однако, конкретных свойств взломанной преграды, которые имеют значение для дела, потребовало более детального исследования.

Было обращено внимание на то, что пролом в толще потолка несколько суживался внутрь помещения, что могло указывать на направление взлома (снаружи-внутри); края пролома, образованные концами проволоки и отщепами древесины, могли причинить преступнику при проникновении внутрь магазина повреждения в виде вертикальных царапин на соприкасающихся частях тела. В образовавшийся пролом в торговое помещение магазина обрушилось значительное количество мусора и шлака, служащего утеплительным покрытием потолка. Частички этого шлака могли сохраниться на теле и в одежде преступника.

Выявленные при осмотре свойства пролома и преграды имели существенное значение для дела. Установление формы пролома способствовало правильному разрешению вопроса о характере события (кража или инсценировка). Характер краев пролома, физико-химический состав засыпки были использованы для розыска и изобличения преступника. При задержании и освидетельствовании одного из подозреваемых по этому делу - Л. - на его груди были обнаружены вертикальные царапины, которые, по заключению судебно-медицинского эксперта, могли образоваться в результате проникновения через пролом в потолке магазина. В волосах и на одежде Л. были обнаружены частички шлака, оказавшегося, по заключению эксперта, однородным изъятому с места кражи (из практики Ленинского районного отдела внутренних дел г. Москвы).

В случаях, когда следы преступления и преступника хорошо

выражены и заметны, например следы крови, окрашенные следы рук и ног преступника и т.д., обнаружение следов - сигналов информации может предшествовать выделению источников информации. Сам источник в этих случаях определяется функционально по задаче индивидуализации единичного материального объекта (носитель) и системы его свойств - сигналов уголовно-релевантной информации (источник).

Особенно важно разграничивать эти понятия при решении задач индивидуализации и фиксации, так как при этом используются различные процессуальные средства и технологии.

Так, при фиксации свойств носителя в целях его индивидуализации достаточно протокольной записи, в то время как фиксация отображения как источника информации потребует сложных технологий, воспроизводящих индивидуальные особенности отображенного объекта, условий отображения и его связи с механизмом события. При этом свойства отображенного объекта должны быть отделены от других свойств объекта-носителя. Эта задача требует учета физических и иных свойств взаимодействующих объектов в механизме события и адекватности используемых средств фиксации. Например, при осмотре следа признаки отображения должны быть отделены от свойств предмета, на котором образован след; при допросе свидетеля важно различать показания, объективно отражающие воспринятое им событие, от всякого рода субъективных наслоений, отражающих личные качества свидетеля, и т.д. В силу этого указанные структурные разграничения носителей и источников информации выражают относительно самостоятельные задачи и стадии анализа и их нужно рассматривать как методический принцип фактологического исследования и доказывания.

В связи с изложенным в понятийном аппарате фактологического анализа и доказывания не может быть места двойственному пониманию термина «средства доказывания». Этот термин может использоваться только как общее понятие, обозначающее все информационно-логические средства, используемые в процессе доказывания.

Нельзя пройти мимо интерпретации ряда других профильных терминов, поскольку до настоящего времени в учебниках ведущих кафедр и докторских монографиях требование однозначности

нарушается в явном виде. Особое значение это требование приобретает в условиях состязательного процесса доказывания, а также при формировании тезауруса правовых баз и банков данных.

В юридической литературе и практике понятие первоисточника информации связывается с *понятием следа*, которое, однако, не получило однозначной трактовки.

Под следами в широком смысле в криминалистике традиционно понимаются любые изменения в окружающей обстановке и содержащие информацию о механизме, участниках и других обстоятельствах исследуемого события¹. Приведенное определение следа по своему содержанию тождественно понятию источника информации и в силу этого не может быть использовано для разработки специальных методик исследования источников информации.

Следует отметить, что использование терминов, не имеющих строгих определений, в отсутствие структурно-информационного анализа канала информации приводит к ошибкам методического порядка. К ним относится смешение материального носителя, сигнальной и знаковой формы отображения с содержательной стороной источника (собственно информацией).

Такое смешение делает невозможным однозначное их использование как в процессе доказывания, так и при разработке информационно-технологических систем. Показательным в этом отношении является использование термина «след» в криминалистической литературе².

Примером очевидного смешения различных по своим информационным функциям структурных элементов канала информации является монография Р. А. Усманова. «Источник, - пишет автор, - можно определить, как то начало, откуда исходит криминалистическая информация, в то время как “способ” - это действие,

¹ Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005. С. 232.

² Салтевский М. В. Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе: автореф. дисс.... д-ра юрид. наук. Харьков, 1969. С. 16; Шевченко Б. И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975. С. 4.

производимое для ее получения. В нашем исследовании эти термины употребляются как равнозначные» (выделено нами - В.К.). При этом под «действиями» автор понимает следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, криминалистические учеты¹.

Ставя знак равенства между материальным носителем, сигнально-знаковой формой отражения информации, самой информацией и способами ее получения, т.е. понимая их как равнозначные, автор, по существу, отказывается от структурно-информационного анализа канала формирования и исследования информации.

Понятие источника информации и сигнала информации должно быть конкретизировано применительно к показаниям живых лиц, заключениям экспертов, вещественным доказательствам и документам.

Рассмотрение отдельных видов источников начинается обычно с их классификации. Будучи приемом систематизации объектов исследования, классификация источников информации, как всякая действительно научная классификация, имеет большое практическое значение.

Классификация - исходная стадия в многоступенчатом процессе познания.

Систематика и классификация служат средством проникновения в сущность познаваемых явлений и предметов. Кроме того, классификация способствует вскрытию связей между накопленными знаниями, обеспечивает правильное использование понятий и терминов, устраняет двусмысленность и неоднозначность языка науки². Классификация в широком смысле представляет собой процесс, при котором для одного и того же исходного объема понятий последовательно избираются различные классификационные основания. В результате возникает столько классификаций,

¹ Усманов Р. А. Теория и практика использования информации в процессе раскрытия и расследования преступлений. Челябинск, 2006. С. 91-135; Он же. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006. С. 50-107.

² Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. С. 247.

сколько использовано оснований деления. Познавательная ценность классификаций в этом смысле обусловлена тем, что исследуемые понятия получают разностороннее, комплексное освещение. Нельзя не указать и на эвристическую ценность классификаций как распространенной логической формы¹.

Значение классификации существенно также и с прогностической точки зрения. Именно в этом смысле методу классификации свойствен поисковый характер².

Классификация позволяет выделить и систематически рассмотреть те наиболее существенные свойства источников, которые определяют возможности и пути их практического использования. Поэтому в основу всякого систематического рассмотрения проблемы источника информации должна быть положена правильная в теоретическом и эффективная в практическом отношении классификация. Как было показано выше, источник информации представляет начальное звено процесса расследования, звено, опосредствующее процессы объективного и субъективного отражения. В связи с этим при исследовании источников представляют интерес как процессы формирования источника, так и процессы отражения ими фактических обстоятельств расследуемого события. В качестве основных признаков, по которым осуществляется классификация, используется способ образования источников и форма отражения ими фактических данных.

Вначале рассмотрим *первоначальные и производные источники информации*.

А. Первоначальные и производные источники информации

Свойства источника могут сформироваться под непосредственным воздействием подлежащих установлению обстоятельств. Таковы представления очевидца преступления, оригинал клеветнического письма и т.п. Отображения такого рода являются

¹ Пучков В. А., Пучкова Т. А. Классификация и систематика в идентификационных исследованиях // Экспертно-криминалистическая идентификация / под ред. В. Я. Колдина. М., 1996. Вып. 2. С. 3-21.

² Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания. М.: Норма, 2002. С. 58.

первоисточниками сведений о доказательственных фактах. Возможен и другой способ образования следов и отображений, когда они формируются под воздействием других источников. Так, очевидец преступления может рассказать об увиденном другим лицам; со следов взлома и ног преступника могут быть сделаны слепки; клеветническое письмо - сфотографировано и т.п. Полученные при этом отображения возникают не под воздействием фактических обстоятельств, подлежащих установлению, а под влиянием других источников информации.

В силу этого полученные источники информации являются уже не первоначальными, а производными. Под первоначальными следует, таким образом, понимать источник, сформировавшийся под воздействием обстоятельства, подлежащего установлению. Производным же является источник, сформировавшийся под воздействием другого источника и воспроизводящий тот же факт, что и первоначальный источник информации.

Деление источников информации на первоначальные и производные исходит из двух оснований:

а) способа формирования источника. Это деление есть деление источников, а не фактов. Оно учитывает отношение источника к первоисточнику;

б) состава факта, содержащегося в первоначальном и производном источнике. При этом состав факта не изменяется; могут изменяться лишь полнота и точность его воспроизведения.

Принцип деления источников информации на первоначальные и производные имеют большое практическое значение. Если первоначальные источники формируются под непосредственным воздействием подлежащих установлению обстоятельств, то именно они являются тем исходным материалом, откуда следователь и суд должны черпать фактические данные о расследуемом событии, если они хотят избежать видоизменения, утраты и искажения этих данных, вследствие их трансформации в последующих источниках. Учет способа формирования источника информации является, таким образом, логической основой принципа непосредственности при оперировании доказательствами во всех его частных проявлениях в процессе расследования. Поскольку производный источник формируется под воздействием другого источника

и воспроизводит тот же факт, что и первоначальный, он может использоваться:

- 1) как средство обнаружения первоисточника, если последний еще не обнаружен;
- 2) как средство оценки содержащихся в нем фактических данных, если они подверглись видоизменению или искажению;
- 3) как источник, заменяющий при соблюдении определенных условий первоисточник, если воспользоваться им невозможно.

Использование производных источников во всех указанных функциях существенно расширяет возможность установления истины.

Определение первоначальных и производных источников информации является поэтому исходным пунктом теоретической разработки методического принципа непосредственности, представляющего существенную гарантию достоверности устанавливаемых в процессе расследования фактических данных. Вместе с тем классификация источников на первоначальные и производные является необходимым условием практической реализации этого принципа в процессе расследования. Без четких критериев, позволяющих отграничить первоначальные источники от производных, принцип непосредственности грозит превратиться в общую декларацию, не подкрепленную средствами ее практической реализации при оперировании доказательствами.

Деление источников на первоначальные и производные, определение их функции и условий использования необходимо, в частности, для выяснения условий допустимости использования большой и важной группы доказательств, появление которой в процессе расследования связано с внедрением современных технологий обнаружения и фиксации информации. Развитие и широкое проникновение в процесс расследования различных научно-технических методов фиксации информации является закономерным и прогрессивным. Этот процесс находится в полном соответствии с тенденциями развития криминалистики и основными принципами уголовного судопроизводства. Научно-технические средства фиксации хода и результатов следственных действий расширяют область применения принципа непосредственности в судебном процессе и тем самым расширяют гарантии установления истины по

делу¹.

Несмотря на существенное теоретическое и практическое значение рассматриваемой классификации, принципы разграничения первоначальных и производных источников информации в процессе расследования еще нельзя признать достаточно разработанными. В ряде случаев рассмотрение вопросов о первоначальных и производных источниках подменяется рассмотрением **непосредственных и опосредствованных источников**. Как было показано выше, деление источников на первоначальные и производные исходит из способа формирования источника. Деление же источников на непосредственные и опосредствованные построено по совершенно другому принципу. Оно имеет в виду не способ формирования источника, а способ его исследования.

Вместе с тем это деление имеет свое самостоятельное основание, свой принцип, отличный от принципа деления источников на первоначальные и производные.

Непосредственно могут восприниматься как показания очевидца, так и показания свидетеля, рассказывающего со слов потерпевшего; как след при осмотре места происшествия, так и гипсовый слепок с него. С другой стороны, выводное знание может базироваться как на первоисточниках (как, например, при осмотре места происшествия), так и на производных источниках (например, при изучении протоколов, планов мест происшествия, фотографий и т.п.).

Таким образом, деление фактических данных на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников информации на первоначальные и производные.

Смешение рассматриваемого деления с другими классификациями затруднит выработку четких критериев разграничения пер-

¹ Хотя принцип истины прямо не упоминается в числе принципов уголовного судопроизводства, его методологическое значение для всей системы деятельности по раскрытию и обоснованию правовых решений, по нашему мнению, неоспоримо. Непосредственным подтверждением этого тезиса является требование доказанности вины (ст. 14 УПК РФ) и обоснованности приговора суда (ст. 247 УПК РФ).

воначальных и производных источников информации и их применение на практике.

При определении первоначальных и производных источников необходимо также учитывать состав факта, информация о котором содержится в источнике. Производный источник указывает на тот же факт, в том же его составе и содержании, что и первоначальный источник. Это обстоятельство, собственно, и позволяет использовать производный источник в качестве заместителя (субститута) первоисточника.

Так, слепок и фотографический снимок, изготовленный со следа на месте преступления, воспроизводит те же самые особенности рельефа, которые содержатся в самом следе и несут информацию об оставившем след объекте. Обеспечивая достаточную для практических целей точность передачи информации, слепок и фотоснимок выступают в качестве субститутов первоисточников, т.е. в качестве производных источников информации.

В качестве производного источник информации выступает тогда и постольку, когда и поскольку его функция ограничивается фиксацией информации, содержащейся в первоисточнике. Природа источника меняется, когда помимо простой фиксации того, что содержится в первоисточнике, источник отражает дополнительные факты.

Так, показания свидетеля, воспроизводящего слова потерпевшего, сказанные им перед смертью, являются производным источником информации, поскольку они лишь воспроизводят то, что ранее сказал потерпевший. Показания того же свидетеля об обстоятельствах обнаружения преступления, времени и месте обнаружения потерпевшего, обстановке места происшествия, поведении потерпевшего и других лиц, его собственных действиях и т.д. является первоначальным источником информации. В целом показания такого свидетеля имеют двойственную природу, т.е. являются в одной своей части производным, а в другой - первоначальным источником информации, что необходимо учитывать при оценке таких показаний.

Состав факта, информация о котором содержится в источнике, не всегда учитывается при определении первоначальных и производных источников информации.

При определении первоначальных и производных источников

информации необходимо учитывать также состав факта, информация о котором содержится в источнике.

Рассмотрим это положение на примере оценки заключения эксперта: является ли оно первоначальным или производным доказательством, поскольку в зависимости от этого меняется сам подход к оценке этого важнейшего судебного доказательства.

Если исходить из того, что заключение эксперта основано на других источниках информации и представляет их воспроизведение, то его следует считать производным доказательством.

Однако такой подход к его оценке вряд ли можно признать правильным. Ясно, что заключение эксперта не является простым воспроизведением материалов, подвергнутых исследованию. Ибо в этом случае следователь и суд, в соответствии с принципом непосредственности, должны были бы использовать не экспертизу, а подвергнутые экспертизе вещественные доказательства и документы. Сама же экспертиза как «производный» источник информации превратилась бы в излишний институт.

Сущность экспертизы состоит не в простом воспроизведении фактов, подвергнутых исследованию, а в установлении по существу новых фактов. Заключение эксперта должно устанавливать по существу новый факт по отношению к фактическому содержанию тех исходных материалов, на основе которых был сделан вывод эксперта. Вывод эксперта, как опосредствованное знание, представляет собой новый факт, отличный от тех посылок, исходных фактических данных, на которых этот вывод основывается. В противном случае вывод эксперта не содержит нового знания и вообще не может рассматриваться как источник информации и доказательство.

Таким образом, оценка заключения эксперта как производного источника связана с неправильными представлениями о логической природе экспертизы и может привести к ошибкам в оценке и использовании этого важного вида информации.

Вряд ли последовательной можно было бы признать позицию о том, что, являясь, как правило, первоначальным источником информации, оно в отдельных случаях, когда оно основано на данных исследования, произведенного другими лицами, является производным.

Если эксперт сам не производит исследования, а ограничивается данными исследования, произведенного другими лицами, он вообще не может быть назван экспертом. Перед любой экспертизой ставятся вопросы, разрешение которых требует специального исследования, независимо от того, будет ли такое исследование связано с непосредственным восприятием материалов или оно будет основано на изучении данных первоначальной экспертизы. Если такое исследование проведено не будет, нельзя, следовательно, говорить вообще об экспертизе и заключении эксперта как источнике информации и доказательстве.

В судебной практике эта проблема наиболее часто возникает при оценке повторных экспертиз и экспертиз по материалам уголовного дела. Исследование в этом случае состоит в оценке материалов первичной (первичных) экспертизы.

Экспертиза, проведенная по материалам другого исследования, отличается от обычных экспертиз не логической природой самого заключения, а лишь характером исходных данных и техникой исследования.

Так, заключение судебно-медицинского эксперта, отправляющегося отданных, изложенных в акте патолого-анатомического вскрытия, остается выводом, базирующимся на оценке определенных исходных фактических данных и сумме собственных специальных знаний. То обстоятельство, что при оценке такого заключения следует учесть характер исходных фактических данных, не меняет логической природы заключения эксперта.

Таким образом, следует прийти к выводу, что заключение эксперта во всех случаях является (по составу содержащихся в нем фактических данных) первоначальным источником.

Особое положение в числе источников информации занимают протоколы следственных и судебных действий. Есть основание полагать, что к числу источников информации следует отнести протоколы всех процессуальных действий, направленных на соби­рание, закрепление, проверку и оценку доказательств.

Принципы отнесения протокола к числу первоначальных или произвольных источников информации еще недостаточно определены. Рассмотрим вопрос по существу.

Информационное значение при осмотре как места происшествия, так и приобщенного к делу вещественного доказательства

имеют те признаки и свойства объектов, которые содержат информацию о расследуемом событии. Таковы, например, размеры, форма и взаимное расположение следов на месте происшествия, по которым устанавливается число лиц, бывших на месте происшествия, их взаимное положение, последовательность их действий и т.д.

Отсюда следует, что первоначальными источниками информации будут непосредственно те предметы, свойства которых имеют доказательственное значение. Протокол же осмотра, дающий описание этих предметов и их свойств, будет производным источником, поскольку он лишь воспроизводит доказательственные признаки, содержащиеся в первоисточнике.

В соответствии с принципом непосредственности следователь и суд должны непосредственно осматривать сами эти предметы и лишь в случае невозможности этого (например, вследствие уничтожения помещения пожаром) ознакомиться с ними по протоколам, фотоснимкам, слепкам, планам и т.д. В этом последнем случае следователь и суд должны оценить полноту и точность воспроизведения фактов в производных источниках информации. Оценка полноты и точности воспроизведения фактов является обязательной для следователя и суда, когда они используют в качестве источников информации протоколы осмотров мест происшествий и другие производные источники информации. И в этом состоит основная особенность их использования в качестве источников информации в процессе следствия и судебного разбирательства.

Сказанное в равной мере относится не только к протоколам осмотров мест происшествия, вещественных доказательств, протоколам осмотра трупов, освидетельствования.

Аналогично должен быть разрешен вопрос и в отношении протоколов допросов, очных ставок, опознания, следственного эксперимента, обыска. В той части, в которой указанные протоколы воспроизводят факты, содержащиеся в первоисточнике (показания свидетелей и обвиняемых, свойства обнаруженных объектов), они являются производными источниками информации.

Однако содержание протоколов не ограничивается воспроизведением фактов, полученных из первоисточника. В протоколах фиксируются также условия проведения следственных действий: описываются индивидуальные признаки объектов, подвергнутых

осмотру или изъятых при обыске, указывается освещение, время и продолжительность следственного действия, применение технических средств, последовательность действий, соблюдение установленных законом правил выполнения данного следственного действия.

Указанные обстоятельства имеют существенное значение для оценки содержащихся в протоколах фактов, и поэтому сами эти обстоятельства могут выступать в качестве доказательственных фактов. Известны многие случаи, когда несоблюдение правил проведения следственных действий приводило к тому, что установленные в ходе этих следственных действий факты теряли свое доказательственное значение.

Так, предъявление для опознания лица или вещи не в составе других однородных объектов, а изолированно обесценивает факт опознания, так как оно может оказаться результатом внушения; недостаточно точное воспроизведение обстановки при проверке возможности тех или иных действий (слышимости, видимости и т.п.) обесценивает результаты следственного эксперимента; отсутствие данных об индивидуальных признаках изъятого вещественного доказательства приводит его к смешению с образцами и т.д.

Существенное значение для оценки протоколов как источников информации имеет место также то обстоятельство, что протоколы отражают результаты процессуального действия (осмотра, обыска, освидетельствования, эксперимента и т.д.).

Тот факт, что в протоколе осмотра описаны именно данные, а не другие свойства и признаки предмета или документа, указывает на определенный результат исследования. Он указывает на то, что следователь или суд усмотрели связь данных признаков с расследуемым событием, т.е. выявили их содержание и установили относимость этих свойств и признаков к делу. Протокольная запись отражает, следовательно, метод и определенный результат исследования первоисточника и в этой части имеет относительно первоисточника самостоятельное значение.

Из сказанного следует, что протоколы следственных действий в той части, в которой они отражают условия, обстоятельства и методы проведения следственных действий, а также их результаты являются первоначальными источниками информации.

Таким образом, протокол следственного или судебного действия как источник информации имеет двойственную природу: в одной части он выступает как первоначальный, а в другой - как производный источник информации.

Выяснение природы протоколов как источников информации должно послужить основой разработки правил протоколирования и использования протоколов как источников информации в следующих направлениях:

1) при составлении и использовании протоколов необходимо различать элементы их содержания, имеющие значение первоначальных и производных источников информации;

2) протокол следственного действия должен содержать исчерпывающие сведения о предусмотренной законом процедуре выполнения данного действия. Отсутствие данных о выполнении какого-либо требования или действия должно оцениваться как их невыполнение, если другими первоначальными источниками не установлено иное¹;

3) протокол следственного действия как производный источник информации должен словесно воспроизводить фактические данные в том их составе и содержании, в каком они были установлены в ходе следственного действия, т.е. констатировать непосредственно установленные в ходе следственного действия обстоятельства.

Полнота и точность констатации фактов являются важнейшими требованиями, предъявляемыми к протоколу как производному источнику информации, и должны быть специально оценены при расследовании. Факты, содержащиеся в первоначальном источнике, но не воспроизведенные в производном источнике информации, могут быть установлены или посредством самого первоначального источника, или посредством других (относительно того же первоисточника) производных источников.

¹ В некоторых случаях выполнение или невыполнение тех или иных действий в процессе осмотра, обыска и т.д. может быть установлено посредством других первоначальных источников: например, показаний понятых, присутствовавших при выполнении следственного действия.

Не менее важно (в практическом отношении) правильное решение вопроса о первоначальном источнике информации применительно к другим письменным документам.

А. А. Эйсманом высказана точка зрения о том, что «первоначальным источником сообщения всегда является человек»¹.

Поскольку письменный документ является средством закрепления, хранения и передачи мыслей человека, нельзя игнорировать его происхождение «от людей», «личный» характер источника. Информация, содержащаяся в документе, прошла через сознание человека, логически осмыслена и в той или иной мере переработана им. В этом смысле фактические данные, содержащиеся в документе, представляют сообщение родственное, например устные показания свидетеля. Все это нельзя не учитывать при оценке и использовании фактических данных, содержащихся в документе. С другой стороны, нельзя не учитывать и специфику документальной формы фиксации фактических данных. Документ как источник информации имеет относительно самостоятельное значение.

Будучи закрепленной в форме знаков в документе, информация отделяется от человека и получает самостоятельное существование. Человек может забыть содержание своего письма, а документ, в форме нанесенных на бумагу знаков, практически неограниченное время может сохранять в неизменном виде содержащееся в нем сообщение. Свойством фиксировать, сохранять в неизменном виде информацию и служить средством передачи ее в пространстве и времени и определяется социальная функция документов.

Особое юридическое значение имеет документальная форма учетных данных. Данные денежного и материального учета, являющиеся предметом исследования при расследовании и судебном рассмотрении многих уголовных и гражданских дел, практически могут фиксироваться и храниться только в форме соответствующих документов: счета, приходно-расходные накладные, ведомости материального учета, отчетные данные, сводные бухгалтерские документы и т.д. В условиях развитого товарно-денежного обращения и сопровождающих его сложных правоотношений па-

¹ Эйсман А. А. Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971. С. 90-91.

мья человека не может служить надежным хранилищем всей связанной с таким обращением обширной информации.

В юридическом отношении чрезвычайно существенна также удостоверительная функция документа. Документальное удостоверение важных юридических фактов облегчает их последующее установление и доказывание. При этом подлинные документы сохраняют свое юридическое значение независимо от того, сохранились ли содержащиеся в них фактические данные и удостоверяемые факты в памяти составителей документов или нет.

В процессе обоснования правовых решений правомерно, по нашему мнению, оперировать понятием документальной информации, т.е. таких фактических данных, само существование которых необходимо связано с документальной формой их выражения. Понятие документальных данных имеет важное значение в процессе расследования. Так, например, факт получения товаров по накладной может доказываться в процессе расследования не только самой накладной, но и другими средствами: показаниями свидетелей, вещественными доказательствами и т.д. При всем этом доказывание этого и подобных фактов необходимо связывать с исследованием документальной формы факта (розыском, выяснением лиц, принимавших участие в их составлении, условий их составления и т.д.). И даже в тех случаях, когда искомые документы не будут обнаружены, сам факт и обстоятельства их составления должны быть в этих случаях предметом исследования по делу.

Из сказанного видно, что вопрос о первоначальном источнике сведений, содержащихся в документах, нельзя решать упрощенно.

В случаях, когда документ представляет обычное письменное сообщение, например собственноручное объяснение обвиняемого, в качестве первоначального источника информации следует рассматривать автора документа.

В случаях, когда документ фиксирует исходные фактические данные, не содержащиеся в других источниках, например первичные документы денежного и материального учета, они сами должны рассматриваться как первоисточники фактических данных. То же самое относится к удостоверительным документам, являющимся первоисточником самого факта удостоверения.

В случаях, когда документ фиксирует данные, содержащиеся

в других документах (например, сводные документы, выписки, копии и т.д.), первоисточниками являются исходные документы.

В случаях, когда документ отражает непосредственно воспринимаемые факты, например протоколы осмотра, акты обследования и т.д., первоначальным источником информации являются сами непосредственно воспринимаемые объекты.

Из сказанного должны быть сделаны практические выводы относительно проверки и оценки документов в процессе расследования.

В случаях, когда первоначальным источником фактических данных, содержащихся в документах, является человек - автор сообщения, проверка и оценка такого документа, в соответствии с принципом непосредственности, требуют обращения к первоисточнику и должны осуществляться в форме допроса автора документа. При невозможности такого допроса использование документа осуществляется в соответствии с общими правилами использования производных источников информации.

В случаях, когда первоисточником содержащихся в документе фактических данных являются другие (первичные) документы или непосредственно воспринимаемые факты, проверка и оценка фактических данных требуют обращения к исходным фактическим данным - соответствующим документам или предметам.

Иначе должны использоваться документы - первоисточники содержащихся в них фактов. Проверка формальной правильности (подлинности) такого рода документов обычно осуществляется путем исследования самого документа посредством его осмотра или экспертизы. При этом может быть использован и допрос лиц, принимавших участие в составлении документа. Такой допрос, однако, нельзя считать в этом случае обязательным.

Проверка фактического содержания документа в этих случаях осуществляется путем его сопоставления с фактическими данными, полученными из других источников. Допрос составителей здесь также не является обязательным. Если такие документы не вызывают сомнений ни по форме, ни по содержанию, они сами рассматриваются как достаточные доказательства удостоверяемых ими фактов. Если же возникает сомнение в подлинности или подложности, то первоисточником данных для разрешения этого вопроса опять-таки является сам документ.

В связи с изложенным нельзя, на наш взгляд, признать правильной рекомендацию некоторых авторов во всех случаях проверки и оценки сведений, содержащихся в документах, «обращаться к “первоисточникам” этих сведений - лицам, составившим документ»¹.

Вопрос о первоисточнике данных, подлежащих проверке и оценке при исследовании документов, нельзя, таким образом, решить в общей форме. Этот вопрос следует решать конкретно, учитывая содержание, характер и назначение документа. В зависимости от этого должны определяться и действия по проверке и оценке документов.

В качестве существенного признака первоисточника в ряде случаев рассматривается его *незаменимость*. Тот факт, что свойства первоисточника формируются под воздействием подлежащего установлению события или его последствий и что первоисточник является относительно этого события непосредственной отображающей системой, действительно, делают его единичным, неповторимым материальным объектом.

Любые первоначальные источники информации (предмет со следом преступника на месте преступления, документ, в котором совершена подделка, похищенная вещь и т. д), являются неповторимыми материальными объектами, ибо сложные совокупности индивидуальных и родовых свойств этих объектов не могут повториться в других объектах. Но свойство неповторимости, присущее любому первоисточнику, как и вообще любому единичному материальному объекту, не следует, по нашему мнению, смешивать со свойством его процессуальной *незаменимости*. В процессуальном отношении источник является незаменимым, если устанавливаемые им факты существенны для решения дела и не могут быть установлены другими источниками. Такими источниками информации, однако, могут быть как первоначальные, так и производные источники. Так, показания свидетеля со слов погибшего от ран потерпевшего об обстоятельствах совершения преступления могут быть столь же незаменимым источником для исследования

¹ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. С. 118.

субъективных и объективных элементов преступления, как собственноручно выполненная потерпевшим предсмертная записка; слепок со следа обуви в грунте на месте преступления, как и сам след, и т.д.

Противопоставление первоначальных и производных источников информации по признаку незаменимости теряет смысл и по другим основаниям. Основная функция производного источника состоит именно в том, что он заменяет источник первоначальный, когда последний не может быть непосредственно изучен следователем и судом.

Производные источники информации могут заменить первоначальные, если последние утрачены или недоступны для расследования. След, который невозможно изъять в натуре, заменяется слепком; показания непосредственного участника события, который не может быть допрошен следователем и судом, - показаниями со слов этого участника и т.д. Функция производного источника информации может быть осуществлена, таким образом, именно на основе принципиальной заменимости первоисточника. Свойство любого источника информации как единичного (неповторимого) объекта нельзя, следовательно, смешивать со свойством его процессуальной незаменимости. Всякий первоисточник, безусловно, неповторим, но при соблюдении соответствующих условий может быть заменен. Различие первоначальных и производных источников лежит не в свойстве незаменимости, а в способе формирования источника: первоисточник формируется под непосредственным воздействием обстоятельств, подлежащих установлению, производный источник - под воздействием другого источника информации.

Понятие производного источника информации углубляется понятием его степени, под которой имеется в виду *степень его удаленности от первоисточника*. Так, слепок со следа будет относительно самого следа производным источником первой степени; фотографический снимок следа (негатив-позитив) - второй и третьей; показания свидетеля из «четвертых рук» - четвертой степени и т.д. Понятием степени источника пользуются сравнительно

давно (в частности, в теории судебных доказательств)¹. Однако его значение нельзя признать достаточно выясненным.

В первую очередь нужно сказать о различии производных источников информации и косвенных доказательств. Отметим, что оценка производных источников и оценка косвенных доказательств базируются на совершенно различных основаниях. Как было показано выше, производные источники воспроизводят информацию о факте в том же составе, что и первоисточник. Неизбежные при воспроизведении помехи влияют на полноту и точность воспроизведения, но не на состав факта, воспроизводимого производным источником. При использовании же косвенных доказательств осуществляется умственный процесс, в ходе которого субъект доказывания, на основе доказательственных фактов (косвенных доказательств), устанавливает ранее неизвестные искомые факты, составляющие предмет доказывания. При этом доказательственные и искомые факты различаются в логическом отношении так же, как посылки и выводы, т.е. по составу и по уровню знания. Производные источники являются средством закрепления и фиксации уже установленных фактов. Косвенные же доказательства являются средством установления новых в логическом отношении фактов. Речь идет, таким образом, о совершенно различных в процессуальном и логическом отношениях средствах доказывания.

В ряде ситуаций практического доказывания обсуждается вопрос о *достоверности производных источников информации*. В условиях стихийного, т.е. не контролируемого сознательно отображения, действие разнообразных «помех», естественно, приводит к пробелам и искажениям в воспроизведении. Именно поэтому показания очевидца предпочтительнее, чем показания от вторых и третьих лиц; вторая машинописная копия - чем пятая, и т.д. и т.п. С другой стороны, однако, следует учесть, что производные источники могут быть продуктом сознательной деятельности, направленной на воспроизведение доказательственной информации. Технически процесс передачи информации может быть подчинен задаче ослабления помех и усиления полезных сигналов. В этих случаях результаты последующих воспроизведений представляют

¹ *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 155; *Васьковский Е. Д.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. С. 405.

значительно более наглядный и убедительный материал, чем первоначальный источник.

В качестве примера достаточно сослаться на довольно частые в юридической практике случаи реставрации фотографических снимков; приемы реставрации кинодокументов, восстановление имеющих особое значение фонограмм и т.п. Совершенно утраченное, нечитаемое фотографическое изображение может быть восстановлено в той мере, какая необходима для идентификации изображенного на ней лица; фонограмма, плохо воспроизводящая состав слов, восстанавливается так, что хорошо воспроизводится тембр, интонация и другие индивидуальные особенности голоса. Десятая копия в этих случаях может быть более информативна, чем вторая копия.

Степень производного источника информации не может быть, таким образом, предустановленным критерием его убедительности и информативности.

Понятие степени источника необходимо для того, чтобы следователь и судья ясно представляли количество источников, предшествующих данному, и, значит могли судить о том, в каких звеньях и как могло произойти искажение или утрата доказательственной информации. Если следователь и суд пользуются, положим, источником третьей степени, то они должны рассмотреть процесс образования всех предшествующих источников, условия, влияющие на полноту и правильность воспроизведения, возможность искажения содержащейся в них информации во всех предыдущих звеньях. Понятие степени источника может ориентировать, следовательно, лишь на условия исследования и оценки данных, содержащихся в источнике, но никоим образом не предрешает результатов этой оценки по существу. Оценивая достоверность и убедительность фактических данных, содержащихся в источниках информации по существу, следователь и суд вправе отдать предпочтение источнику десятой степени перед источником второй степени, точно также, как в известных случаях - производному источнику информации перед первоисточником.

Назначение и порядок использования производных источников информации в процессе расследования различается в зависимости от того, используются ли они в этом процессе при наличии или отсутствии первоисточников.

В соответствии с принципом непосредственности производные источники информации используются лишь при отсутствии или невозможности непосредственного исследования первоисточников. В этих случаях производные источники выступают в качестве заместителей (субститутов) первоисточников, т.е. выполняют ту же функцию, которую выполняли бы сами первоисточники. Однако тождество воспроизводимого в производном источнике информации факта не может быть полным. Во всех случаях неизбежно отличие, несовпадение фактов, содержащихся в первоначальном и производном источнике информации. Это закономерно, так как воспроизведение, передача и сохранение информации связано с помехами и предполагает различие, изменение.

Степень различия фактов может быть неодинаковой. В одних случаях различия ничтожны. В других случаях они существенны, и без учета их степени и характера невозможно использовать производный источник в целях установления истины по делу.

В любом случае для правильного использования производного источника информации необходима оценка характера и степени различий воспроизведенного факта.

Различия воспроизводимого факта в производном источнике информации вызываются и определяются условиями воспроизведения. Учет влияния условий воспроизведения на его правильность и составляет основную проблему оценки производных источников информации.

Изучение условий воспроизведения в то же время характеризует специфику и особую сложность оценки производных источников информации по сравнению с первоначальными. Такое изучение представляет обязательную предварительную стадию оценки источников, предшествующую оценке первоначального источника информации. Перед тем как приступить к оценке показания свидетеля-очевидца, надо определить - правильно ли оно воспроизведено другим свидетелем. Для того чтобы судить, насколько полно и точно передает след строение оставившего его предмета, надо учесть, насколько полно и точно отобразился рельеф следа в имеющемся слепке, и т.д.

Оценив производный источник информации с точки зрения его подлинности и достоверности, т.е. установив индивидуальный

объект, являющийся в данном случае первоисточником, и правильность передачи содержащихся в первоисточнике фактических данных, приступают к оценке этих данных по существу, с точки зрения их соответствия действительности и с точки зрения их значения для разрешения дела. Соответственно этому следует различать две стадии исследования производных источников информации в процессе фактологического анализа по обоснованию правовых решений.

Первая стадия. Исследование подлинности и достоверности производного источника. Здесь исследуются процессы передачи, сохранения и воспроизведения информации производным источником. Производный источник есть в наибольшей степени источник фактических данных о наличии предшествующего источника, а также о способе передачи содержащейся в нем информации.

Так, допрашивая свидетеля, показывающего со слов другого лица, мы получаем в первую очередь данные о том лице, которое сообщило определенные сведения свидетелю, об условиях передачи и содержании этого сообщения. Свидетельство со слов, таким образом, факт восприятия, запоминания и воспроизведения данным свидетелем сведений, полученных им от другого лица.

Именно с этих позиций и должно быть прежде всего произведено исследование производного источника информации. Оценка способа и результата воспроизведения информации в производном источнике - необходимое условие использования содержащихся в нем сведений о расследуемом событии. Существенную роль при этом играет, как уже отмечалось, степень производного источника информации.

Вторая стадия. Оценка фактических данных, содержащихся в первоначальном источнике информации (и воспроизведенных в производном), по существу. Здесь оценивается первоисточник, а производный источник выступает в качестве его заместителя.

В процессе расследования производные источники информации могут использоваться и при наличии в деле первоисточников. Так, наряду с вещественными доказательствами, изъятыми с места происшествия или при обыске, в деле фигурирует протокол осмотра данного вещественного доказательства, изготовленные в момент изъятия его фотографические снимки и т.д.; наряду с по-

казаниями обвиняемого о мотивах совершенного им преступления, данными им на предварительном следствии, в деле могут фигурировать показания свидетелей о том, как обвиняемый объяснял мотивы своего поведения в кругу близких ему лиц и т.д. Использование производных источников (при наличии в деле первоисточников) не может рассматриваться как обстоятельство, противоречащее принципу непосредственности процесса расследования, а, напротив, создает наиболее благоприятные условия для всесторонней реализации этого принципа по существу. Однако функция производного источника информации при этом будет уже иной: он выступает в этих случаях не как субститут первоисточника, а как процессуальное средство оценки содержащихся в нем фактических данных.

Исследование производного источника информации в этих случаях также складывается из двух стадий.

Первая стадия, как и при отсутствии первоисточника, состоит в оценке подлинности и достоверности производного источника. Следует подчеркнуть, что наличие первоисточника не устраняет необходимости оценки подлинности и достоверности производных источников информации. Такая оценка при наличии первоисточников лишь облегчается.

В стадии оценки фактических данных первоисточника по существу производный источник информации используется лишь как вспомогательное средство получения фактических данных, их контроля и оценки. Основным источником информации является, естественно, первоисточник. Практически оценка фактических данных осуществляется путем исследования и сопоставления условий и воспроизведения информации в первоначальном и производном источниках. При этом в ряде случаев может оказаться, что эти условия являются худшими для первоначального источника и лучшими для источника производного.

Так, например, следы укуса, следы царапин и повреждений на теле потерпевшего, обстановка на месте автотранспортного происшествия не могут быть сохранены сколько-нибудь продолжительное время. Между тем обычная цветная и стереоскопическая фотосъемка, видеосъемка и изготовление слепков позволяют фиксировать важные для расследования признаки этих объектов на практически неограниченный срок.

Аналогичное положение может иметь место при использовании показаний обвиняемого, неоднократно изменяемых на предварительном следствии, в зависимости от предъявляемых ему доказательств, в случаях, когда установлены соответствующие другим доказательствам высказывания, сделанные в свободной обстановке.

Оценка данных, содержащихся в первоисточнике и производном источнике, может привести следователя и суд к выводу, что соответствующими действительности являются не те данные, которые содержатся в первоисточнике, а те, которые установлены путем исследования производных источников информации.

Разграничение возможностей, методов исследования и доказательственного значения первоначальных и производных источников представляет актуальную задачу следственно-судебной, экспертной и законодательной практики.

Покажем это на примере использования в доказывании оригиналов и копий документов.

В практике Российского федерального центра судебных экспертиз возникла проблема возможности идентификации личности по подписям, содержащимся в электронных копиях правоустанавливающих документов. Эта проблема возникла в связи с большим объемом задач этого типа и объективными трудностями их решения.

В общем виде результаты проведенных в связи с этим исследований¹ сводились к невозможности достоверного положительного решения этого вопроса.

Этот вывод основывался на следующих положениях:

а) в копии документа при использовании существующих электронных технологий могут отсутствовать признаки подделки, т.е. копирования подписи с подлинного документа;

б) сами технические приемы легального и криминального копирования могут быть тождественными.

При наличии этих обстоятельств идентификация личности по подписи, выполненной посредством электронного копирования,

¹ Исследование было проведено методом экспертных оценок в 2005 г. ведущими специалистами Центра.

не может означать подлинности копии документа. Иными словами, в условиях электронного копирования документов копия подписи в документе теряет силу удостоверительного реквизита.

Сами же эти копии и основанные на них заключения экспертов должны, по нашему мнению, рассматриваться как недопустимые доказательства (ст. 75 УПК РФ).

С учетом рассмотренных положений следует, с нашей точки зрения, пересмотреть ряд положений правового регулирования использования копий электронных документов, приравнивающих электронное воспроизведение удостоверительных реквизитов к их оригиналам (см.: ч. 2 ст. 160 ГК РФ, предусматривающую «факсимильное воспроизведение подписи с помощью средств механического или иного копирования»), а также ГОСТов¹ (В, 7; В, 9), уравнивающих статус физической и цифровой подписи.

Б. Непосредственные и опосредствованные источники информации

Широкое внедрение достижений науки, совершенствование научно-технических методов борьбы с преступностью повлекли значительное расширение круга источников информации и способов их исследования. Увеличился объем таких источников информации, как фотографические снимки, слепки, механические копии, протокольные записи, чертежи. Появился ряд новых технических средств воспроизведения, преобразования и передачи информации, успешно используемых в юридической практике. К их числу относится новая радио-, теле-, фото-, видео- и звукозаписывающая аппаратура, фотографические и электронно-оптические средства преобразования отображений, копировальные и счетно-решающие устройства, получение изображений с помощью токов высокой частоты, лазерная техника и т.д.

¹ ГОСТ 6.10.4-84 «Придание юридической силы документам на машинном носителе, создаваемым средствами вычислительной техники»; ГОСТ Р.34.10-94 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Процедуры выработки и проверки электронно-цифровой подписи на базе криптографического алгоритма».

Средствами новой техники воспроизведения практически осуществляется передача на расстояние и точная фиксация звука и изображения, выявление непосредственно недоступных глазу, вследствие его ограниченной чувствительности, свойств объекта, изучение кратковременных процессов, решение ряда статистических, классификационных и логических задач.

Успешное развитие методов фактологического анализа возможно только на базе широкого, активного использования современных достижений естественных, технических и гуманитарных наук, творчески переработанных в специальные познания.

Наука и техника открывают новые возможности обнаружения, фиксации и исследования информации.

Вместе с тем следует учитывать, что современные научно-технические возможности в полной мере используются в противоправных целях, что существенно осложняет задачи юридического исследования и доказывания.

Задача науки состоит в том, чтобы осмыслить эти возможности и определить условия их реализации в процессе фактологического анализа по обоснованию правовых решений.

Первостепенное значение имеет в связи с этим разработка классификаций источников, способствующих выяснению возможностей использования и разработке методов исследования источников информации.

Одной из таких классификаций является классификация источников по способу отражения информации.

В числе объектов исследования по указанному признаку следует различать две основные группы:

а) объекты, *собственные* свойства которых имеют доказательственное значение (непосредственные источники информации);

б) объекты, содержащие доказательственную информацию о свойствах *других объектов* (опосредствованные источники информации).

Понятие опосредствованного источника может быть сопоставлено с понятием следа-отображения, под которым в общем словоупотреблении понимаются все изменения материальной обстановки, связанные с расследуемым событием. Сюда относят как следы конкретных лиц и предметов, например следы рук, ног,

транспорта, животных и т.п., так и любые изменения, происшедшие в результате расследуемого события. В этом смысле следами могут быть названы и сами предметы, частицы вещества и изменения в их состоянии. Например, одежду преступника, окурки, остатки пищи называют следами пребывания преступника; изменения в положении мебели на месте убийства - следами борьбы; насекомых, обнаруживаемых на трупе, и запахи - следами гниения трупа и т.д., и т.п.

Понятие опосредствованного источника информации имеет более специализированное значение и характеризует преобразованную в источнике информацию о свойствах отображенного в нем объекта. Опосредствованные источники представляют собой лишь часть источников информации, хотя и наиболее значительную его часть. Характерным для опосредствованного источника информации является то, что доказательственное значение имеют не собственные свойства носителя, а свойства другого отображенного в нем объекта.

Так, например, след руки или ноги преступника как опосредствованный источник информации имеет значение лишь постольку, поскольку он отражает свойства оставившего их человека, позволяет найти и изобличить преступника. Представления, сохранившиеся в сознании очевидца, также важны не как собственные свойства личности свидетеля, а как отображения лиц, предметов и событий, связанных с событием.

Специфика опосредствованного источника состоит также в том, что в нем отображается, в зависимости от условий и механизма отражения, не вся совокупность свойств отображаемого объекта, а только их часть, отдельная его сторона (избирательность отражения). В связи с этим объем информации об исследуемом объекте в опосредствованном источнике при его исследовании всегда меньше, а доступное исследователю информационное поле зависит не от выбора исследователя, а от объективных условий и механизма отражения.

В связи с изложенным методика исследования непосредственных и опосредствованных источников характеризуется рядом процессуальных и технологических особенностей. Различаются предмет и задачи исследования, методика и техника исследования, а

также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

В непосредственном источнике информации доказательственное значение имеют свойства самого источника. Задача исследования состоит в обнаружении и фиксации этих свойств. Она может быть решена путем непосредственного восприятия и исследования источника информации.

Так, при осмотре орудия преступления (ножа, огнестрельного оружия и т.п.) выясняются те свойства этих предметов, которые позволяют использовать их в качестве орудия нападения или защиты и обуславливают отнесение их к категории «холодное оружие», «огнестрельное оружие». К числу таких свойств относятся: длина клинка, устройство рукоятки, возможность производства выстрела и др.

При осмотре недоброкачественной продукции задача состоит в обнаружении тех ее свойств, которые характеризуют ее несоответствие стандартам и техническим условиям и так или иначе ограничивают возможности ее использования.

Существенно меняется предмет и задачи исследования при наличии опосредствованных источников информации. Непосредственное исследование фактических данных здесь невозможно, так как доказательственное значение имеют не свойства самого источника информации, а свойства отображенного в нем и постороннего ему объекта.

Данные о свойствах недоброкачественной продукции могут быть получены по фотоснимкам этой продукции, а данные об орудиях преступления - со слов потерпевшего или очевидца. Понятно, что для дела в этих случаях будут иметь значение не собственные свойства фотографического снимка или свидетеля, а свойства отображаемых ими объектов.

Вместе с предметом различаются условия и возможности исследования. Отображение воспроизводит лишь какую-то отдельную сторону оригинала, какую-то отдельную часть его свойств в определенном их состоянии. Поэтому исследование отображения значительно более ограничено по возможностям и сложнее по технике. Исследуя предмет по фотоснимку или описанию, следователь не всегда имеет возможность всесторонне осмотреть предмет,

выполнить необходимые измерения, произвести с ним эксперименты, разобрать его и т.д., не говоря уже о том, что он принципиально не может установить те свойства предмета, которые не переданы в отображении (например, состав, вкус, запах предмета по его фотоснимку).

Специфика опосредствованного изучения источника информации состоит в необходимости исследования механизма отражения доказательственной информации. Отображение одного объекта в другом всегда связано с преобразованием отображаемых свойств. Свойства отображаемого объекта передаются в отображении в преобразованном виде, в форме естественного или искусственного кода. Установление их требует специального исследования, дешифровки содержащихся в отображении данных. Такое исследование осуществляется только путем изучения механизма образования отображения. Выяснив механизм образования отображения, мы получаем ключ к дешифровке содержащихся в нем фактических данных.

Исследование механизма образования отображения представляет тем большие трудности, чем сильнее преобразован сигнал информации в отображении.

Прочтение следов давления проще, чем следов скольжения и трения; дешифровка обычного репродукционного снимка легче, чем снимка места происшествия в невидимых лучах, содержащего яркие, цветные и перспективные преобразования; еще сложнее оценка показаний малолетнего свидетеля, подверженного внушению и склонного к восполнению пробелов восприятия деятельностью фантазии.

Помимо преобразований, сигнал информации в отображении подвергается еще влиянию помех, которые могут привести к искажению сигнала, его ослаблению или потере. Так, неблагоприятные условия фотографического процесса могут привести к вуалированию или появлению дефектов эмульсионного слоя; болезнь свидетеля и его заинтересованность в деле могут повлечь искажение истинной картины наблюдавшегося им события.

В случаях многоступенчатого отражения исследуется механизм образования отображений всех степеней. Так, установление свойств объекта по следу на месте преступления требует изучения механизма образования этого следа. Решение тех же вопросов по

фотоснимку следа, найденного на месте преступления, связано, кроме того, с оценкой условий фотографического процесса (вид и качество фотоматериалов, условий съемки, негативного и позитивного процессов). Свидетельские показания из четвертых рук требуют для их правильной оценки выяснения условий восприятия и воспроизведения факта в каждой из четырех степеней воспроизведения.

Проблема механизма образования отображения является, таким образом, центральной проблемой исследования любых опосредствованных источников информации.

В трасологии, например, центральное место занимает классификация следов в зависимости от условий их образования (статические, динамические, объемные, поверхностные, наслоения, отслоения и т.д.) и экспериментальное изучение самих условий слеодообразования.

При использовании показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых центральным вопросом является механизм психического отражения факта. Эта проблема в силу своей важности является предметом особой отрасли судебной психологии - психологии показаний свидетелей и обвиняемых, даваемых на следствии и в суде. Особенно детально разрабатываются процессы восприятия, формирования представлений, механизма памяти и воспроизведения воспринятого.

Отнесение источника информации к числу непосредственных или опосредствованных прямо связано с определением методики и техники его исследования. В связи с этим рассматриваемое деление имеет прямое практическое приложение в сфере исследования источников информации.

Формулируя основные принципы юридической идентификации, С. М. Потапов на первое место поставил разграничение идентифицируемых и идентифицирующих объектов¹, имея в виду существенное различие методики исследования объектов и их отображений.

¹ Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 19.

Указанный общий принцип нашел отражение во всех конкретных отраслях юридической техники. Так, в области трасологии ему соответствует деление объектов на образующие и воспринимающие¹.

Различие методики и техники исследования непосредственных и опосредствованных источников информации прослеживается на любых объектах и задачах юридического исследования.

Сравним хотя бы непосредственный осмотр трупа на месте происшествия и его изучение по протоколу осмотра; непосредственный осмотр орудия взлома и его изучение по фотоснимку; непосредственный осмотр похищенных вещей и их изучение по показаниям потерпевших. Нетрудно убедиться, что методика и техника исследования источников информации в приведенных и подобных им случаях существенно различаются.

Сравним далее методику непосредственных измерений, применяемую при осмотре места происшествия, с фотограмметрическими измерениями, производимыми по фотоснимкам места происшествия; технику визуальной оценки цвета - ее оценкой по цветным и черно-белым фотоснимкам; исследование рельефа следа при обычном осмотре и по полученным механическим или оптическим путем профилограммам.

Очевидные и существенные различия, наблюдаемые в приведенных и подобных случаях, делают разграничение непосредственных и опосредствованных источников информации принципиальным положением методики всякого юридического исследования.

Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно, как обычно. Здесь отнесение объекта к числу непосредственных или опосредствованных источников информации прямо связано с

¹ Шевченко Б. И. Криминалистическая экспертиза следов при расследования краж, совершенных с применением технических средств: Дисс.... канд. юрид. наук. М., 1946. С. 13.

определением задач и методов исследования.

Рассмотрим несколько таких случаев.

Поврежденный в результате преступления предмет, например строение или вещь домашнего обихода, может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации. Если такой предмет рассматривается, положим, с целью определения ущерба, нанесенного событием, он выступает как непосредственный источник. При этом существенное значение имеют собственные свойства предмета, которые определяют его целевое (хозяйственное, художественное и т.п.) назначение.

Если же такой предмет исследуется, положим, с целью установления лиц, совершивших взлом, и использованных технических средств, он выступает как отображение. При этом доказательственное значение имеют не собственные свойства поврежденного предмета, а свойства постороннего предмета или лица, отображенного в следах. Из свойств же самого поврежденного предмета имеют значение лишь те свойства, которые формируют отображение и определяют качество следа (плотность, твердость, гладкость, зерновая структура, наличие наслоений и т.д.).

Понятно, что методика и техника исследования, а также характер и объем необходимых для этого знаний будут совершенно различными. Так, в первом случае для осмотра должен быть привлечен в качестве специалиста товаровед, а во втором - специалист в области криминалистической техники (трасолог).

Фотографический снимок также может быть непосредственным или опосредствованным источником информации. В первом случае имеют значение собственные свойства фотографического изображения, т.е. его содержание, форма, техника исполнения, делающие его предметом искусства, вещь домашнего обихода, порнографическим изделием и т.д. Во втором случае снимок выступает как отображение предметов и лиц, по которому эти предметы и лица могут быть установлены и идентифицированы.

Отображение может иметь форму объекта, оставаясь в то же время опосредствованным источником информации. Так, скульптурные портреты или посмертные маски, выполненные с помощью той или иной технической методики с умерших лиц, представляют вещественное воспроизведение головы человека и

внешне выглядят как объекты, хотя по существу являются отображениями. Методика их исследования полностью соответствует методике исследования опосредствованных источников информации. Это обстоятельство следует иметь в виду при классификации некоторых сложных объектов исследования.

Предметы массового стандартного производства (например, обувь, пуговицы, сигареты, лезвия и т.д.) могут исследоваться и как непосредственные источники информации, и как опосредствованные источники - отображения. Когда исследуются свойства самой продукции, ее качество, комплектность, стандартность и т.д., она выступает как непосредственный источник информации. Возможен, однако, и другой аспект исследования. Так, при необходимости установить предприятие, которым выпущена продукция, явившаяся предметом спекуляции, в предметах исследуются те свойства, которые отражают особенности конкретного производства, специфику его технологического процесса. Изделие, таким образом, выступает как отображение, опосредствованный источник информации.

Аналогичное положение имеет место и при исследовании материалов и веществ. Так, отравляющее вещество (яд), обнаруженное у лица, обвиняемого в убийстве, также может исследоваться и как объект, и как отображение, хотя их различие в этом случае выглядит не столь явно, как в предыдущих примерах. В первом случае как существенные рассматриваются те свойства обнаруженного у обвиняемого вещества, которые указывают на его назначение и характеризуют его отравляющее действие (состав, концентрация, летальная доза, характер действия и т.д.). Всякого рода случайные безвредные примеси рассматриваются при этом как несущественные. Во втором случае, положим, при сравнении этого вещества с веществом, добавленным к пище потерпевшего, относительное значение обнаруженных признаков будет иным. Собственно, фармакологические свойства яда будут иметь значение лишь как родовые свойства исследуемого вещества. Особо же существенными будут признаки, характеризующие специфичность, происхождение вещества из определенного источника (например, случайные примеси, содержащиеся в той же коробке, где обвиняемый хранил отравляющее вещество). Как видно, и в этом случае методика исследования будет различной. В первом случае налицо

распознавание - фармакологическое или судебно-химическое исследование вещества с целью определения его природы, происхождения и назначения. Во втором - сравнительное идентификационное исследование вещества с целью установления источника происхождения сравниваемых объектов.

Как видно из сказанного, разграничение непосредственных и опосредствованных источников информации имеет существенное методическое и процессуальное значение. Оно позволяет правильно определить предмет и задачи исследования - выбрать наиболее соответствующую методику и технику исследования, правильно оценить его результаты.

В случаях, когда один и тот же объект выступает и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, рассматриваемое деление указывает на различие задач и методов исследования одного и того же объекта, обеспечивает всестороннее выявление всех существенных для дела фактических данных.

Деление источников информации на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников на первоначальные и производные. Последнее имеет в основе не способ отражения факта источником информации, а способ формирования источника и его удаленность от первоисточника сведений о факте.

Как отмечалось выше, рассматриваемые деления нередко отождествляются и терминологически, и по существу. Между тем налицо два самостоятельных деления, осуществляемые по различным логическим основаниям. Первоначальные источники информации далеко не всегда являются непосредственными.

Очевидцы преступления, следы преступника, следы транспорта, следы орудий, следы животных всякого рода и иные отображения, обнаруженные на месте преступления, - все это примеры опосредствованных источников информации, которые являются вместе с тем первоначальными источниками сведений о фактах.

Потерпевший или подозреваемый как объекты освидетельствования являются непосредственными источниками информации. В случаях же допроса указанных лиц и изучения их показаний они являются опосредствованными источниками информации. Вместе с тем и в первом, и во втором случае они выступают как

первоначальные источники информации. След, найденный на месте преступления, и фотоснимок с него - опосредствованные источники информации. Притом первый является первоначальным, а второй - производным.

Как было показано выше, содержанием производного источника информации является всегда тот же факт, что и факт, содержащийся в первоначальном источнике информации; различается лишь полнота и точность воспроизведения. Содержанием же опосредствованного источника может быть и по существу новый факт по сравнению с фактическим составом непосредственного источника информации.

Фотографические снимки, выявляющие удаленный преступником и невидимый при обычном осмотре текст документа, признаки подделки или иные существенные для дела фактические данные, являются наряду с заключением эксперта первоисточниками фактических данных, ибо в деле в принципе не может быть других первоначальных источников информации, содержащих те же фактические данные. В то же время указанные фотографические снимки, а также заключение эксперта следует считать опосредствованными источниками информации. Такие фотографические снимки и заключения важны для расследования не сами по себе, а как отображения, передающие свойства других объектов: один - в форме фотографического изображения, другой - в форме логического вывода.

Из сказанного видно, что рассматриваемые деления имеют различные логические основания. Вместе с тем различается также назначение и роль этих классификаций.

Как было показано выше, смысл деления источников информации на первоначальные и производные состоит в реализации принципа непосредственности исследования. Служебная роль этого деления сводится к тому, чтобы облегчить следователю и суду разрешение вопроса о сравнительной информационной ценности имеющихся или потенциальных источников информации.

Иной смысл имеет деление источников информации на непосредственные и опосредствованные. Значение его состоит в том, чтобы на основе анализа способа отражения факта источником ин-

формации определить способ его исследования. В этом случае решается вопрос уже не о выборе источника информации и его допустимости, а о выборе метода юридического исследования.

Производные источники информации играют роль процессуальных заместителей источников и используются лишь при невозможности использования последних.

Опосредствованные источники информации используются не вместо, а наряду с непосредственными источниками, являясь средством фиксации и исследования содержащихся в них фактических данных. Использование опосредствованных источников в этом качестве позволяет избрать любой технический прием передачи и воспроизведения информации, который является наиболее удобным для разрешения конкретных задач исследования.

Так, при исследовании отображений широко используются приемы преобразования отображений по форме, цвету, яркости, рельефу, контрастности и т.д. и т.п. Так, фотоснимки дактилограмм для сравнения с отпечатками на следекопировальной пленке могут быть преобразованы по форме (в зеркальные) и цвету (из позитивного в негативные); в других случаях целесообразно провести преобразование рельефа, например изучить особенности следа бойка ударника на стреляной гильзе по его полимерным слепкам; с целью выявления недоступных обычному зрению особенностей документа проводятся его фотографические преобразования по цветному или яркостному контрасту и т.д. В ряде случаев оказывается, что методически, при наличии непосредственных источников информации, исследование целесообразнее проводить по отображениям.

Так, при дактилоскопической экспертизе след пальца, изъятый с места преступления, сравнивается не непосредственно с пальцами задержанного, а с изготовленными экспериментально оттисками; при идентификации пистолета по пуле, изъятый их трупа, последняя сравнивается не непосредственно с пистолетом, а со следами канала ствола пистолета на экспериментальных пулях и т.п.

Этот факт, совершенно необъяснимый с позиций деления источников информации на первоначальные и производные, вполне понятен и естествен, если его рассматривать в плане деления ис-

точников информации на непосредственные и опосредствованные.

Принципы использования опосредствованных источников информации должны служить основой для активного вмешательства следователя и судьи в процесс передачи, воспроизведения и исследования доказательственной информации.

С позиций практического доказывания важно подчеркнуть, что эти принципы научно обосновывают использование всех не противоречащих закону технических средств и приемов исследования фактических данных.

В. Сигнальные и знаковые формы источников информации

Сигнальные источники информации

Форма отражения доказательственной информации имеет решающее значение при выборе практических приемов обнаружения, фиксации, проверки и оценки источников информации.

Уже в первых работах по теории доказательств наиболее существенное значение придавалось различию двух основных форм доказательств: «от людей» - личные доказательства и «от вещей» - вещественные доказательства¹.

В дальнейшем в развитие этой классификации предлагалось деление источников на вещественные и сообщения, а также материальные и знаковые.

При этом под сообщениями понимаются сведения о существенных по делу обстоятельствах, «прошедшие через дознание лиц, от которых эти сведения исходят»².

Понятие сообщения в равной мере применимо и к показаниям свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, и к заключениям экспертов, и к документам.

В этом смысле выделение вещественных признаков и сообщений как двух основных форм выражения доказательственной информации соответствует делению источников информации на материальные и знаковые.

Критерий разграничения этих видов источников состоит в

¹ См.: *Бентам И.* О судебных доказательствах / пер. с фр. Киев, 1976. С. 3-29.

² Там же. С. 86.

форме преобразования (кодирования) и отражения содержащейся в них информации.

Вещественные источники формируются в механизме события по законам физической причинности и отображают информацию в форме признаков, представляющих изоморфные отпечатки обстоятельств события.

Форма знака никак не связана с его содержанием. Семантика знака полностью определяется соглашением людей, пользующихся языком знаков (конвенциональная природа знака).

Соответственно, необходимо различать естественный и искусственный код источников информации и необходимые для работы с ними технологии.

Разграничение природы сигнала и знака позволяет практически дифференцировать вещественные и личные источники и базовые методики оперирования ими, т.е. методики обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и оценки вещественных доказательств. Это обеспечивает правильный выбор технических и тактических средств работы с источниками, выбор специалистов, определение методов назначения, проведения и использования экспертиз. В конечном счете разграничение вещественных и личных источников представляет обязательное условие выбора и наиболее эффективного использования технологических схем работы с источниками доказательств.

Практическая значимость указанного критерия еще более возрастает в связи с усложнением структуры вовлекаемых в судебный процесс источников доказательств, многие из которых имеют смешанную природу.

Так, звучащая речь имеет форму акустического сигнала и семантику знака (фонема и морфема) и потому требует отдельного акустического (фонетического) и лингвистического (семантического) анализа. В случае звукозаписи акустический сигнал кодируется посредством изменения магнитных свойств звуконосителя или с использованием иных технологий кодирования и декодирования звукового сигнала. Исследование изоморфизма этих преобразований также требует отдельного анализа каждой ступени преобразования информации. Последний, в свою очередь, требует привлечения соответствующих специальных знаний, технологий и специалистов.

В практике доказывания базовый информационный сигнал нередко представляется в знаковой форме. Так, свидетели и потерпевшие описывают признаки внешности преступников, похищенных вещей, транспортных средств, участков местности. На основе таких описаний составляются фотороботы, композиционные портреты, т.е. знаковая форма преобразуется в форму сигнала.

Широкое применение технических средств фиксации и исследования доказательств неизбежно связано с использованием методов преобразования исходного сигнала: кино-, фото-, видео-, звукозапись, получение копий, слепков, оптических и графических спектров, электронно-оптических преобразователей и др.

Использование опосредованных источников - носителей преобразованного базового сигнала или сообщения вносит ряд технических, информационных, гносеологических и процессуальных трудностей, преодоление которых возможно лишь на базе специальных информационных технологий доказывания.

И дело здесь не в том, что, как утверждают многие авторы, всякая копия хуже оригинала. Напротив, без преобразования сигнала в большинстве случаев вообще невозможно использовать базовый сигнал (ср. латентные следы и скрытые изображения). Действительные трудности состоят в том, что, во-первых, каждая форма преобразования и отражения информации требует самостоятельного анализа, связанного с применением специальных познаний соответствующего профиля; во-вторых, должно быть обеспечено исследование всех преобразований сигнала, идущего от отправителя к адресату, т.е. всех элементов информационного канала; в-третьих, в технологии доказывания должен быть обеспечен изоморфизм преобразований.

Ряд источников информации, используемых в практике оперативно-розыскной и следственной работы, не обеспечивает изоморфизма преобразований и потому не может рассматриваться в качестве вещественных доказательств. Таковы, например, скульптурные портреты, изготовленные по методу М. М. Герасимова, фотороботы и композиционные портреты, рисованные портреты, изготовленные со слов потерпевших и свидетелей, фотографические снимки, изготовленные при наличии значительных помех и искажений, и др.

Нередко само определение природы источника неправильно

ориентирует выбор метода его исследования. Показательно в этом отношении выделение в ряде работ группы так называемых кино-, фото-, видеодокументов. Определение этой группы источников как документов может ориентировать на применение знаково-семантических методов анализа, в то время как фотоизображение, как это доказано классическими работами в области научной фотографии¹, формируется на основе изоморфизма и строгих оптических и фотохимических закономерностей, подчиненных физической причинности и исследуемых специальными научно-техническими методами.

Неправильно также определять природу источника только на основе базового сигнала, игнорируя промежуточные формы его преобразования. Последние требуют самостоятельного раздельного исследования при анализе информационного канала.

Так, базовый магнитный или электронный сигнал в видеофонограмме или на лазерном диске, преобразуемый в оптические или звуковые речевые сигналы, нельзя считать вещественным источником в чистом виде, так как он требует фонетико-лингвистического анализа.

Особым источником информации, существенно расширяющим возможности процессуального доказывания, являются материальные комплексы, представляющие сложные материальные системы, целостность которых обусловлена системой сформированных в обстоятельствах исследуемого события функциональных связей.

Установление целостности такого рода систем представляет нередко важный доказательственный или искомый факт по уголовному или гражданскому делу. Подобное доказательство оказывается возможным только при условии выявления такого рода связей, делающих при внешнем рассмотрении случайное сочетание предметов, следов и вещественных образований целостным объектом.

Встречающиеся в судебной-следственной практике материальные комплексы могут быть подразделены на три основных типа: природные, техногенные и ситуационные.

¹ См.: *Картушанский А. Л., Красный-Адмони Л. В.* Химия и физика фотографических процессов. М., 1987.

Наиболее сложной по структуре и объему информации является в числе источников вещественной информации материальная обстановка расследуемого события.

Под материальной обстановкой события следует понимать целостную систему, представляющую материальную среду расследуемого события, его пространственно-временной и вещественный континуум.

От материальной обстановки события надо отличать понятие «следовой картины» события, под которой понимается выделенная в материальной среде события целостная система источников информации, отражающая в материально-фиксированной форме всю сумму относящихся к предмету доказывания обстоятельств исследуемого события и представляющая совокупный след этого события.

Изучение следовой картины как самостоятельного целостного источника юридической и доказательственной информации позволяет получить данные о пространственно-временных, субстанциональных, функционально-динамических, причинных и иных интегративных связях расследуемого события, относящихся к предмету процессуального доказывания.

Привлечение специалиста и эксперта к анализу этого источника информации в форме комплексной ситуалогической экспертизы на месте происшествия представляет важнейший информационный резерв повышения качества расследования¹. Особенно актуально его использование по делам об убийствах, транспортных авариях, технологических катастрофах, террористических актах, нарушениях правил безопасности и другим сложным для расследования событиям.

Из сказанного видно, что традиционное понимание вещественных доказательств как предметов не соответствует современным научно-техническим возможностям их исследования и требует уточнения и конкретизации. Очевидно также, что анализ про-

¹ Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания. М.: Норма, 2002. С. 30-58; Грановский Г. Л. Ситуалогическое исследование места происшествия // Программные и ситуалогические методики трасологических исследований: сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1979. Вып. 37.

цессуальной, логической и информационной структуры вещественных доказательств представляет актуальную задачу процессуальной и юридической науки.

В числе комплексных средств решения указанных задач не последнее место занимает также разработка информационных и экспертных методов анализа вещественных источников, которая является важным резервом повышения качества расследования и судебного рассмотрения наиболее сложных уголовных и гражданских дел.

Подводя итог анализу деления источников на материальные и знаковые, а также вещественные и личные (документы, сообщения), следует констатировать, что их терминология не в полной мере отвечает потребностям современных информационных технологий.

Поскольку любые источники как носители информации являются материальными объектами и любое отражение материальное или психическое - всегда имеет материальный субстрат, свойство их материальности не может случить для их классификации.

Кроме того, термин «вещественный» или «материальный», как было показано выше, приводит к смешению функций носителя, который всегда «вещественный и материальный», с формой отражения, которая может быть как сигнальной, так и знаковой.

Классификация источников на вещественные и личные (сообщения, документы) в силу тех же причин, а также неоднозначности понятия «документ», «сообщение» также не вполне соответствует своему назначению.

Для классификации форм отражения информации источником мы предлагаем использовать однозначно понимаемые и принятые в информатике термины «сигнал» и «знак». В соответствии с этим по форме отражения информации следует различать сигнальные (естественный код) и знаковые (искусственный код) источники. В первом случае информация содержится в сигналах и исследуется методами анализа объективной причинности.

Во втором - в знаках, имеющих конвенциональную природу и исследуемых по формуле «знак - значение» методами семантического анализа.

Эта классификация источников по простоте и очевидности

своего основания, а также ее значимости для формирования методик исследования обладает рядом преимуществ перед соответствующими традиционными классификациями.

Знаковые источники информации Формой выражения информации в знаковом источнике являются уже не материальные свойства вещи, а знаки (буквы, цифры, символы, условные графические, световые, звуковые или иные подобные обозначения), содержащие сведения, исходящие от лиц в форме устных, письменных или иных сообщений.

Структура знакового источника информации может быть выражена схемой:

Материальный объект — Знак — Информация

Из схемы видно существенное различие структуры знакового и сигнального источника информации. Это различие состоит в том, что функция сигнала - носителя информации, выраженная в сигнальном источнике материальными свойствами вещи, в знаковом источнике переходит на знак.

Знак (буквы, цифры, слова, тексты, коды и т.д.) является субститутом оригинала. Однако знаки, в отличие от сигналов, не подобны оригиналу, который представляют, и поэтому они могут быть носителями информации о нем только в том случае, когда знаки уже имеют для субъектов речевого общения свое значение, т.е. если на их основе уже сформированы знаковые образы соответствующих объектов. Такими знаками, например, могут быть обозначения марок автомашин или систем огнестрельного оружия («Ауди», «Макаров» и т.п.), дактилоскопические формулы, обозначающие структуру папиллярного узора, и т.п.

Знак, таким образом, может дать информацию о предмете только тогда, когда субъект, получающий эту информацию, способен дешифровать ее. Например, извлечь из дактилоскопической формулы информацию может только специалист, который знает правила классификации в дактилоскопии, т.е. дактилоскопические коды.

Знаковые системы в фактологическом анализе весьма перспективны, так как с ними связана возможность использовать кибернетику, математическую логику, семиотику и другие развива-

ющиеся области познания, основанные на использовании знаковых систем.

Знаковая форма, будучи формой выражения информации, является одновременно и процессуальным средством доказывания, предусмотренным законом (показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, заключения экспертизы, протоколы следственных и судебных действий и иные документы).

Следует отметить также важное различие познавательной роли сигнала и знака.

Если за сигналом стоит реальный объект действительности, то знак является производным от человеческих понятий, образов. Поскольку знаки лишь условно связаны с обозначаемыми объектами, ими могут обозначаться и несуществующие, мнимые объекты.

Понятно, что это различие имеет принципиальное значение для процесса расследования.

Разграничение сигнальных и знаковых источников информации и соответствующих им методов исследования в ряде случаев вызывает затруднение. Эти затруднения вызваны двумя обстоятельствами. С одной стороны, не всегда очевидна сама форма выражения информации: материальная или знаковая, с другой - в одном и том же источнике нередко сочетаются различные формы выражения информации: и материальная и знаковая.

Получило довольно широкое распространение отнесение к числу документов фотографических снимков места происшествия, отдельных следов и предметов, а также следовых копий и объемных слепков, изготавливаемых ей следов¹.

Это обосновывается тем, что указанные источники являются приложениями к протоколу того следственного действия, в ходе которого они получены, и что они, подобно протоколу, воспроизводят, описывают обстановку места происшествия. Применительно к фотографии указывалось, что «светописное письмо»

¹ Авдеев М. И. Судебно-медицинская экспертиза трупа. М.: Медицина, 1976; Арсеньев В. Д. Понятие документов и их значение как доказательств в советском уголовном процессе // Труды Иркутского гос. ун-та. Т. XIII. 1955; Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982.

также представляет родственную графическую форму воспроизведения.

Мы полагаем, что эти признаки не являются существенными и достаточными для отнесения указанных опосредствованных источников информации к знаковой форме воспроизведения.

Образование фотографического изображения, так же как любых слепков и следовых копий, происходит на основе строгих объективных закономерностей: объектив строит изображение по объективным законам оптики: проявление и фиксация, электронно-оптические и иные преобразования изображения также опираются на объективные физико-химические взаимодействия и законы.

С другой стороны, существенной особенностью знака является то, что он отражает содержание человеческих понятий и образов, является производным от них. Фотографический снимок, будучи результатом природного взаимодействия тел, отражает не понятия и образы человека, а находящиеся перед объективом конкретные объекты, их вещественные свойства и особенности.

Сказанное не учитывается авторами, относящими фотографические снимки к документам, т.е. знаковой форме воспроизведения.

Неправильность классификации может вести и к ошибочным практическим выводам в использовании доказательственной информации. Так, отнесение фотоснимков к документам приводит В. Д. Арсеньева к выводу о том, что «первоисточниками сведений, зафиксированных на них, являются лица, изготовившие такие документы: фотограф, кинооператор и т.д.»¹.

Согласно этой точке зрения следователь и суд, в соответствии с принципом непосредственности, должен был бы произвести не осмотр фотографии места происшествия, а допрос фотографа, выполнившего эту фотографию. Практика, однако, идет по другому пути: следователь и суд пользуются фотографиями, а необходимость в вызове фотографа возникает только в тех редких случаях, когда применение фотографии не было должным образом оформлено и возникают вопросы относительно условий и способов фотографирования. Такая процедура использования фотографии, повсеместно принятая на следствии и в судах, отнюдь не является

¹ Арсеньев В. Д. Указ. соч. С. 117.

случайной. Объясняется она тем, что источником информации, сведений, зафиксированных на фотоснимках, является не фотограф, кинооператор и т.д., а материальная обстановка расследуемого события, запечатленная объективом и светочувствительным материалом. Понятно, что исследование такой обстановки удобнее осуществлять, пользуясь самими фотоснимками, а не показаниями лиц, производивших фотографирование. Объективность и универсальность фотографического отображения делает его незаменимым источником информации.

Вопрос об основаниях деления знаковых и сигнальных источников информации особенно часто рассматривается в связи с разграничением письменных документов и документов - вещественных доказательств. Широкое распространение при этом получила точка зрения, разграничивающая документы - вещественные доказательства и письменные документы в зависимости от того, что именно представляет в данном источнике интерес для дела: содержание или форма. Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена М. А. Чельцовым, определяющим письменные доказательства как документы, подтверждающие или отрицающие своим содержанием какие-либо факты, относящиеся к преступлению или обвиняемому. Если же «документы важны для дела, либо своим внешним видом... либо местом и обстоятельствами своего обнаружения»¹, они являются вещественными доказательствами.

Такой критерий классификации представляется не вполне удачным, Любой источник информации имеет значение для дела как с точки зрения своей формы, так и с точки зрения своего содержания. Без изучения способа и формы выражения информации невозможно установить содержащуюся в источнике вещественную информацию. Так, содержание документа может быть установлено лишь постольку, поскольку оно выражено в определенной графической форме букв, слов, цифр, условных обозначений. Уничтожение такой формы, например, в силу смывания, выцветания, вытравливания, стирания и т.д. делает невозможным подчас и установление содержания документа.

¹ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 325, 326; Якуб М. Л. Виды доказательств в советском уголовном процессе // Советский уголовный процесс. М., 1956. С. 111-112.

С другой стороны, любой источник информации представляет интерес для дела лишь постольку, поскольку он является источником существенной для дела доказательственной информации, т.е. в силу своего содержания. Если источник не содержит таких данных или если имеющиеся в нем данные по содержанию не относятся к обстоятельствам рассматриваемого дела, он теряет характер источника информации по расследуемому событию. Так, любой предмет приобретает значение материального источника информации лишь постольку, поскольку его свойства содержат следы или признаки, отражающие связь с расследуемым событием и предоставляющие информацию о нем. «Бессодержательные» предметы, т.е. предметы и вещи, не содержащие информации о расследуемом событии, уже в силу этого не могут быть источниками информации.

Конечно, термин «сведения» или «сообщения», как об этом пишет М. С. Строгович¹, мало подходит к информации, получаемой от вещей. Однако из этого отнюдь не следует, что вещественные доказательства, как это утверждает В. Д. Арсеньев, не дают информации о фактах прошлого². Информация, как об этом пишет сам В. Д. Арсеньев³, имеется и в вещах, но выражена она признаками и свойствами предмета, а не знаками.

Суть, таким образом, не в том, что представляет интерес и имеет значение, - содержание или форма источника информации. Суть вопроса состоит в том, как оформлено содержание, как выражена содержащаяся в источнике доказательственная информация: в форме материальных признаков и свойств вещей или в форме знаков.

Деление источников информации на знаковые и сигнальные имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, непосредственно связываясь с проблемой выбора метода и создания технологии анализа источников.

При исследовании материальных источников получение информации основано на изучении следов взаимодействия вещей и

¹ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. С. 203.

² *Арсеньев В. Д.* Указ. соч. С. 85.

³ Там же. С. 119.

существующих между ними природных причинных связей.

Информация о событии выражена в материальных источниках в преобразованном, «закодированном» виде. Таковы, например, данные о внешнем строении орудия, следе трения или давления, данные о скорости движения автомашины в следе торможения, данные о размерах и формах предметов в фотографических снимках и т.д.

В связи с этим получение информации предполагает исследование преобразования сигнала информации в источнике по цепи физической причинности, например: объект - след - слепок; объект - негатив - позитив; скорость движения автомобиля - длина следа торможения и т.д.

Само исследование часто связано с таким преобразованием сигнала, при котором он приводится к наиболее удобной для наблюдения и сравнения форме. Подобные преобразования являются способом получения фактических данных, дешифровки содержащейся в источниках информации.

Показательным в этом отношении является использование электронно-оптического преобразователя для прочтения и фотографирования невидимого текста документа. Прежде чем стать читаемым в виде четко различимых штрихов букв на экране преобразователя, текст документа проходит цепь физических преобразований: вначале объектив прибора строит оптическое изображение документа в невидимых лучах на катоде преобразователя, затем электронная линза строит невидимое электронное изображение на аноде, который одновременно является люминесцирующим экраном. Последний преобразует невидимое изображение в видимое, которое может наблюдаться непосредственно или подвергаться дальнейшим фотографическим преобразованием.

Преобразование сигналов информации по цепи физической причинности и приведение их в удобную для исследования и дешифровки форму составляет содержание многих оптических, фотографических, электронно-оптических и иных физических и химических методов, применяемых при исследовании материальных источников информации. При этом вид и конкретная методика исследования определяются характером материальных свойств объекта - носителя информации.

Так, невидимые при обычном освещении пятна и тексты

(слюна, сперма, обесцвеченные тексты и др.) выявляются путем фотографирования инфракрасной люминесценции; закрытые пятна или заклеенные тексты выявляются путем их фотографирования в инфракрасных лучах; тип пули, застрявшей в мягких тканях задержанного преступника, устанавливается посредством рентгеноскопического исследования.

Существенно отличается методика исследования исходящих от людей и выраженных в знаках сообщений.

Такое исследование предполагает два элемента (которым соответствуют основные задачи и этапы исследования).

1. Исследование смысловой стороны знака, т.е. выяснение содержания выражаемого им образа. Так, при допросе свидетеля выясняется, что именно имел в виду допрашиваемый, используя данный оборот речи; при ознакомлении с протоколом осмотра восстанавливаются мысленно признаки описываемых предметов; при оценке заключения эксперта уясняется смысл использованных им терминов и заключения.

2. Исследование соответствия образа объекту. Поскольку выраженные знаками образы могут как соответствовать действительности, так и не соответствовать ей (мнимые, искаженные, ошибочные представления), важная задача исследования состоит в установлении такого соответствия. Решается эта задача путем изучения условий формирования образа.

Так, например, для выяснения соответствия действительности представлений очевидца преступления выясняются условия, при которых наблюдались описываемые им факты (освещенность и удаленность объекта, продолжительность наблюдения, физическое состояние самого свидетеля, его отношение к наблюдаемым фактам и обвиняемому и т.д.). Для выяснения соответствия действительности выводов эксперта анализируется использованная им методика исследования, проверяются последовательность, непротиворечивость и обоснованность его аргументации и т.д.

Таким образом, для выяснения соответствия сообщения действительности требуется исследование двух типов отношений изоморфизма: знак - образ и образ - объект. Искажения и ошибки могут содержаться в любом из этих отношений.

Сообщения, исходящие от людей, содержащие существенные

фактические данные по делу, выражены обычно в форме общенародного языка (устной или письменной речи).

В связи с этим выяснение соответствия сообщения действительности требует уяснения специфики сигнальной функции слова. Слову, как и любому знаку, условно придано определенное значение, составляющее его содержание и позволяющее использовать слово в качестве заместителя обозначаемого им объекта. «Название какой-либо вещи, - отмечал К. Маркс, - не имеет ничего общего с ее природой»¹. Между словом и обозначаемым им предметом не существует никакой природной связи. В отличие от сигнала, изменения которого непосредственно обусловлены изменениями физического процесса - носителя сигнала, слово, как знак, выражает лишь содержание человеческого образа (понятия, ощущения и т.д.). При этом сам образ может соответствовать действительности, а может и не соответствовать ей.

Использование слов для передачи сообщений связано с такими процессами мышления, как обобщение и систематизация знания, переход от внешних признаков к сущности наблюдаемого явления. Все эти процессы неразрывно связаны со «словесной оболочкой» таких сообщений, как показания свидетелей и обвиняемых, заключения экспертов, протоколов следственных действий и иных документов.

Показания свидетелей, например, в значительной своей части представляют не констатацию непосредственно воспринятых ими явлений, а их оценку, суждения об их связи с другими явлениями, об их смысле и значении. Это обстоятельство вполне понятно и закономерно, так как характеризует свойственное человеческому сознанию стремление отразить главное, существенное в явлениях окружающего его мира.

Оценочный элемент в сообщениях во многом обуславливается особенностями следственной ситуации, ролью источника сообщения в обстоятельствах дела.

Показательным в этом отношении является раскрытое по горячим следам ограбление пункта обмена валюты инвестиционного банка «Аист», совершенное тремя грабителями в Столешниковом

¹ Маркс К. Капитал. С. 107.

переулке Москвы. Двоих налетчиков, азербайджанцев по национальности, оперативники задержали по месту жительства и изъяли часть похищенных ими денег.

Налет на пункт обмена валюты был совершен утром 17 марта 2004 г. Преступники напали на кассира обменного пункта, когда он, придя на работу, открывал двери помещения. Оглушив кассира ударом по голове, бандиты затащили его внутрь помещения и потребовали деньги. При этом один из нападавших изрезал ему лицо ножом. После непродолжительного сопротивления кассир выдал преступникам из сейфа всю наличность - крупную сумму в рублях и долларах. Налетчики скрылись на поджидавшей их неподалеку машине.

На след банды грабителей сыщикам МУРа удалось выйти, когда покалеченный кассир опознал «кавказскую внешность» одного из своих мучителей. Как он утверждал, этот человек несколько раз менял у него небольшие суммы, вероятно, занимаясь разведкой места, где планировалось преступление. Сыщикам пришлось перелопатить гору справок о покупке валюты, в которых значились кавказские фамилии, чтобы выяснить имя грабителя. Им оказался 39-летний Э. Оруджаев из Азербайджана, широко известный в криминальных кругах Баку. Связавшись с правоохранительными органами столицы закавказской республики, оперативники выяснили несколько адресов в столице, по которым мог скрываться Оруджаев, и выставили там засаду. Как оказалось, налетчик после совершенного ограбления не вернулся на улицу Мусы Джалиля, где был временно зарегистрирован, а бросился по землякам и знакомым. Однако по всем возможным адресам азербайджанца уже ждали оперативники. Сделав своим приятелям несколько звонков, преступник почувствовал опасность, но все-таки вернулся на улицу Мусы Джалиля. Задержав разыскиваемого, муровцы нашли при нем часть похищенных денег. Еще некоторую сумму нашли при обыске у второго налетчика - 40-летнего А. Каримова, которого поймали вскоре после ареста главаря банды. Каримов легально занимался в Москве частным извозом, но с легкостью пошел на преступление, когда Оруджаев предложил ему ограбить обменный пункт и предоставил свою машину.

Как видно из фабулы данного дела, решающее значение для раскрытия преступления имела оценка потерпевшим этнической

принадлежности напавшего на него преступника. Именно на основе этой оценки путем анализа документации обменного пункта удалось выйти на преступников.

При исследовании сообщений следователя интересует не любая информация, а лишь та, которая относится к данному делу. Избирательность воспроизведения так же неизбежно связана с оценкой, передаваемой в сообщениях, информации. Но и в тех случаях, когда свидетель, эксперт или иной источник сообщения излагает всю известную ему информацию, он, пользуясь словом, не может избежать обобщения и оценки, так как эти функции органически слиты с функцией слова.

Констатация простого и на первый взгляд «элементарного» факта в сообщении - «на поверхности стола имеется след руки человека» - неразрывно связана с мыслительными операциями систематизации, обобщения, оценки, которые могут иметь существенное значение для дела.

Еще большее значение приобретает логическая обработка сведений, содержащихся в сообщениях, с учетом подлежащих доказыванию фактов. Сообщение очевидца - «Иванов прицелился и выстрелил из пистолета в Петрова» - содержит информацию об основных, подлежащих установлению обстоятельствах. Расследование дела в значительной части сводится к проверке этого сообщения, выяснения его соответствия действительности. В этих условиях особенно важен тщательный анализ содержания образа, выяснение, какие же элементы являются результатом непосредственного восприятия и отражают конкретные предметы и действия людей, а какие являются результатов оценки, умозаключения. В последнем случае важна логическая структура вывода свидетеля и в первую очередь его фактические основания.

Существенные осложнения в установлении соответствия сообщения действительности может внести явление полисемии (многозначности слова). Одним и тем же словам в обычном языке подчас придаются различные значения (омонимы). С другой стороны, одно и то же содержание может быть передано различными словами. Эти особенности языковой формы имеют немаловажное значение при использовании сообщений.

Языковая форма сообщений, выступающих в качестве источников информации в процессе расследования, может быть самой

разнообразной и весьма специфичной. Здесь и особенности речи, обусловленные родным языком или местными говорами допрашиваемого, и техническая и научная терминология специалистов и экспертов, и жаргоны преступников, и особенности речи малолетних и несовершеннолетних свидетелей, и специфическая форма сообщений лиц, перенесших сильные душевные потрясения, и т.д.

Знаковая форма выражения информации может быть как устной, так и письменной. В связи с этим различают устные и письменные сообщения, показания и документы. Форма выражения информации в документах, в свою очередь, может иметь особенности, дающие основание для их дальнейшей классификации. Для использования в качестве источников информации существенное значение может иметь деление документов на документы, излагающие и удостоверяющие факты.

Документы, излагающие факты, приближаются к устным источникам и по существу представляют собой фиксированную форму показаний. Для всех документов, удостоверяющих факты, общим является использование специальной формы составления документа и использование особых средств удостоверения факта - удостоверительных знаков.

В некоторых случаях признак «удостоверения» вводится в само понятие документа. Так, например, в «Юридическом словаре» документ определяется как акт, облеченный в письменную форму «удостоверяющий» какой-либо юридический факт¹.

Такая трактовка документов слишком узка, так как не учитывает большую группу письменных актов, не имеющих специальной формы и предназначенных не для удостоверения, а для фиксации мысли и обмена информацией.

Правильнее поэтому позиция авторов, дающих более широкую трактовку документам², а также точка зрения, нашедшая отражение в ст. 71 ГПК РФ (от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ) «Письменные доказательства», к которым относятся документы, «содержащие сведения» (подчеркнуто нами - *В.К.*) об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела».

¹ Юридический словарь. Т. 1. М., 1956. С. 283.

² См.: *Юдельсон А. С.* Судебные доказательства в гражданском процессе. М, 1956. С. 195.

Особую разновидность документов, удостоверяющих факты, специально указанную в законе (ст. 83 УПК РФ и ст. 71 ГПК РФ), представляют протоколы следственных и судебных действий. Документы, удостоверяющие факты, в свою очередь, могут быть подразделены на две группы. К первой следует отнести документы, констатирующие непосредственно воспринимаемые факты. К их числу относятся протоколы следственных и судебных действий, некоторые административные акты, акты инвентаризации, описи имущества и т.п. Ко второй группе удостоверяющих документов следует отнести документы, удостоверяющие выводные факты, и документы, составляемые на основе других (первичных) документов. К числу таких документов следует отнести акты экспертиз, акты ревизий, заключения различного рода комиссий, разного рода справки, удостоверения и т.п.¹

Исследование каждой из указанных групп документов характеризуется своими методическими особенностями, которые могут составить предмет самостоятельного исследования. Вместе с тем не менее существенно и то общее, что характерно для исследования любого документа и отражает специфику исследования знаковых источников информации.

Основная проблема исследования любого документа, фигурирующего в процессе расследования в качестве источника информации, - это проблема истинности изложенных или удостоверенных документом фактов. Доказательственная информация, изложенная в любом документе, только тогда может быть положена в основу расследуемого дела, в основу приговора или судебного решения, когда установлена истинность этой информации, ее соответствие действительности.

Следует согласиться с авторами, указывающими на необходимость тщательной проверки и оценки письменных документов на основе всех обстоятельств дела в их совокупности. «Отношение к

¹ Там же. С. 192, 202 (см. также *Фейгельсон Л. А.* К вопросу об оценке письменных доказательств в советском гражданском процессе // *Известия АН Казахской ССР.* 1950. № 2. С. 36).

документу, как к непреложному доказательству, - правильно отмечает М. Л. Якуб, - сколь бы авторитетны ни были подписавшие его лица, неприемлемо в нашем процессе»¹.

Г. Смешанные источники информации

Особенно наглядно методическое значение рассматриваемой классификации в тех случаях, когда имеющая значение для дела информация выражена не только материальными свойствами предмета, но и в знаковой форме. В этих случаях можно говорить об идеальном сочетании материального и знакового источника информации. Особенно часто встречается такое сочетание в документах. В документе одновременно может представлять интерес и выраженная в нем словами или условными знаками информация, и его материальные свойства, условия его составления, хранения, обстоятельства обнаружения и использования.

Записка самоубийцы, например, важна и с точки зрения выраженного словами содержания, и с точки зрения времени и обстоятельств ее составления, поскольку не исключена возможность инсценировки, подделки почерка или, как это было в деле братьев Ш., использование ранее написанной убитым ими отцом записке.

Анонимное клеветническое письмо также представляет интерес и с точки зрения своего знакового содержания (как средство совершения преступления), и с точки зрения своих материальных признаков (признаков почерка, сорта и особенностей бумаги, красителя, имеющих на нем следов, например отпечатков пальцев, использованного конверта, марки, почтового штемпеля и т.п.), поскольку они могут быть использованы для розыска и идентификации составителя такого письма.

То же самое следует сказать относительно записок и документов, обнаруживаемых на местах преступлений, документов, обнаруживаемых у лиц, скрывающих свое действительное имя, документов денежного и материального учета, подвергнутых позднейшим видоизменениям, и многих других категорий документов. Во всех случаях такого рода имеет место идеальное сочетание письменного и материального источника информации. Это означает,

¹ Якуб М. Л. Виды доказательств в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 113.

что в таких случаях должны использоваться как методы исследования материальных, так и методы исследования знаковых источников информации.

В зависимости от того, в какой форме выражена содержащаяся информация, избирается та или иная методика исследования. Так, например, восстановление невидимого текста документа, опирающееся на его оптические свойства, осуществляется фотографическим путем. Установление же соответствия действительности уже выявленного и выраженного знаками содержания документа, например суммы денежного документа, осуществляется другими методами: допроса составителей, сопоставления с другими документами и фактическими данными.

Установление исполнителя анонимного письма о хищениях в магазине по признакам почерка осуществляется путем почерковедческой экспертизы; проверка же этого письма по существу - путем документальной ревизии, допросов работников магазина, бухгалтерской экспертизы.

Как видим, методика исследования непосредственно определяется формой выражения информации.

В силу сказанного нельзя согласиться с авторами, полагающими, что документ может быть только или письменным, или материальным источником информации¹.

В документе всегда имеет значение выраженное словом (цифрой, символом и т.д.) содержание. В противном случае вообще нет оснований говорить о документе, а можно говорить о материальном источнике информации в чистом виде.

Так, листок бумаги без каких-либо видимых обозначений, найденный при осмотре места преступления, представляет потенциальный материальный источник информации, поскольку на нем могли остаться какие-либо следы, имеющие значение для дела. Если же в результате исследования на нем выявляются какие-либо слова и обозначения, проливающие свет на существенные обстоятельства дела, такой предмет одновременно приобретает черты документа - письменного источника информации.

¹ Якуб М. Л. Виды доказательств в советском уголовном процессе. М., 1956. С. 112-113.

Дело, конечно, не в номенклатуре и не только в классификации. Отнесение источника информации к числу письменных или материальных в первую очередь имеет значение, поскольку связано с определенным процессуальным режимом их использования и обуславливает специальную методику их исследования. Если мы относим предмет к числу чистых материальных источников, мы сознательно отвлекаемся от знаковой формы выражения информации в нем. Однако если такая информация имеет существенное значение для дела, ее игнорирование недопустимо. Ошибочно также применять методику исследования материальных источников к знаковой форме выражения информации.

Таким образом, неправильное отнесение источника информации к числу знаковых или материальных, может повлечь ошибочный выбор технологии его исследования и нарушение правил проверки и оценки доказательственной информации.

Значение правильного анализа функций знаковых и сигнальных источников информации наиболее наглядно прослеживается на примере конкретных информационных технологий, в частности включения в число реквизитов документов электронно-цифровой подписи (ЭЦП).

Юридический статус этого реквизита был установлен ГОСТ 6.10.4-84 (см.: В, 7; В, 8; В, 9)¹. В соответствии с этим нормативом этот статус или приравнивался к правовому статусу физической подписи, или его применение ограничивалось сферой внутренних электронных сообщений и рассматривалось как средство защиты информации.

Проследить информационную и доказательственную функцию ЭЦП можно только на основе анализа подписи как источника доказательственной информации.

Анализ многовековой мировой практики использования под-

¹ ГОСТ 6.10.4-84 «УДС. Придание юридической силы документам на машинном носителе, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения»; Рекомендации Госстандарта СССР РД 50-613-85 «Методические указания по внедрению и принятию ГОСТ 6.10.4-84»; ГОСТ Р.34.10-94 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Процедуры выработки и проверки электронно-цифровой подписи на базе криптографического алгоритма».

писи в качестве главного удостоверительного средства при составлении документов дает основание выделить в нем несколько взаимосвязанных свойств, на которых основаны его удостоверительные функции.

1. Свойство знака - обозначение лица, выполнившего подпись (транскрипция - графическое обозначение, буквенный состав подписи).

2. Отображение физических свойств исполнителя (его письменно-двигательный навык, почерк).

3. Непосредственный контакт исполнителя с документом (априори предполагающий ознакомление с документом)¹.

Анализ информационной структуры физической подписи показывает, что она является одновременно и знаковым, и сигнальным источником информации, а также, что особенно важно, каждая из этих форм отражения выполняет свою функцию.

В целом на указанных свойствах физической подписи основана ее важнейшая удостоверительная функция, подразумевающая правильность сведений, личность удостоверителя, время и место составления и другие реквизиты документа. На этих же свойствах физической подписи основаны ее защитная и доказательственная функции. Возможность установления подделки, в том числе автоподлога, а также идентификации непосредственного исполнителя подписи обеспечивали на протяжении столетий широкое использование этого удостоверительного средства в судебном доказывании, управленческой и хозяйственной деятельности².

Обратившись к ЭЦП, мы обнаружим, что она не обладает теми свойствами физической подписи, которые традиционно обеспечивали ее удостоверительную, защитную и доказательственную функцию.

По своей информационной природе ЭЦП представляет собой

¹ Возможности исследования подписей в копиях электронных документов, когда такой контакт отсутствует, были рассмотрены нами выше.

² См.: *Атанесян Г. А., Поташик Д. П.* Криминалистическое и судебно-бухгалтерское исследование документов при расследовании хищений социалистического имущества. М., 1986. С. 20-35; *Венгеров А., Лавров В.* Юридическая сила машинных документов // *Хозяйство и право*. 1981. № 9; *Мурадян Э., Фалькович М.* Машинный документ как доказательство в арбитражном процессе // *Хозяйство и право*. 1980. № 11.

код, криптографический знак, посредством которого с определенной надежностью обеспечивается безопасность передаваемой по каналу связи информации. Достигается это тем, что правила кодирования (у отправителя) и декодирования (у получателя) должны быть известны только отправителю и получателю информации, т.е. узкому кругу уполномоченных лиц.

Поскольку секретность кода может быть утрачена, а при судебном рассмотрении раскрыта, а какая-либо природная связь кода с отправителем отсутствует, говорить об удостоверительном и доказательственном значении ЭЦП не представляется возможным.

Сам термин «подпись» в лучшем случае может рассматриваться как образное выражение, мало уместное в сфере права, где может ввести в заблуждение участников доказывания.

В связи с изложенным вряд ли правильной является изложенная выше позиция авторов и положения нормативных актов, уравнивающих юридический статус ЭЦП и физической подписи.

Мы разделяем здесь позицию авторов и те положения нормативного регулирования, которые сохраняют в качестве обязательной физическую подпись лица в качестве основного удостоверительного средства¹.

Что касается ЭЦП, то ее функция должна рассматриваться только как средство защиты информации, передаваемой по каналу связи, хозяйственного, управленческого и правового взаимодействия структур, входящих в состав знаковой конвенции соответствующей конкретной ЭЦП. Это полностью соответствует закрытому характеру ГОСТов² и используемых при этом правил кодирования и декодирования сообщений.

Не меньшее значение имеет учет формы выражения доказательственной информации в опосредствованных источниках. Использование опосредствованных источников информации ослож-

¹ Рекомендации Госстандарта СССР РД 50-613-85 «Методические указания по внедрению и принятию ГОСТ 6.10.4-84».

² Обзор судебной практики Верховного Суда СССР «Использование в качестве доказательств документов и заключений экспертов, подготовленных средствами электронно-вычислительной техники» // ВВС СССР. 1982. № 6. С. 20-26.

няется тем, что здесь следует учитывать не только форму выражения в опосредствованном источнике, но и форму ее выражения во всех предшествующих ему источниках. При этом способ воспроизведения не менее важен, чем форма выражения информации в первоисточнике. Так, следы преступника на месте обнаружения преступления могут быть описаны свидетелями, а их показания зафиксированы в протоколе допроса; они могут быть описаны следователем в протоколе осмотра места происшествия; эти следы могут быть сфотографированы; с них, наконец, могут быть изготовлены слепки и т.д. Лучшее всего рельеф следа будет воспроизведен слепочной массой, обеспечивающей достаточную степень разрешения деталей (например, слепком из полимерного материала). Технически правильно выполненный фотоснимок, как и слепок, пригоден для установления оставившего след объекта (если, конечно, сам след содержит необходимую для этого информацию). Что касается описания следа свидетелем или в протоколе осмотра места происшествия, то эти способы позволяют с достаточной точностью воспроизвести лишь отдельные групповые свойства объекта, но мало пригодны для отображения особенностей. Указанное обстоятельство сильно ограничивает возможности исследования такого рода отображений. Положительная идентификация по таким отображениям, как правило, оказывается невозможной.

Аналогичное положение имеет место и в других случаях. Так, при установлении содержания отсутствующего подлинника документа существенно не только то, что он является письменным источником, но и то, каким способом воспроизведено его содержание (со слов свидетеля; рукописное воспроизведение; фотографическая, нотариально удостоверенная копия и т.д.).

В связи с этим представляется целесообразным в характеристику любого опосредствованного источника включать указание как на способ воспроизведения, так и на форму выражения доказательственной информации в первоисточнике. Особенно необходимо это в случаях, когда форма выражения информации в исходном и опосредствованном источнике различается. В связи с этим следует остановиться на понятиях однородного и неоднородного воспроизведения.

Если способ воспроизведения соответствует форме выражения информации в первоисточнике, имеется однородное воспроизведение.

Так, однородное устное воспроизведение будет при изложении одним свидетелем показаний другого свидетеля; однородное письменное - при изложении в протоколе содержания осматриваемого документа; однородное вещественное - при изготовлении слепка с объемного следа и т.п.

Однако для воспроизведения может быть использована и разнородная форма выражения информации. Так, устные показания свидетелей могут быть записаны на магнитную пленку, а признаки рельефа следа воспроизведены в словесной форме протокольной записи. Различию сигнальной и знаковой формы выражения информации должны соответствовать различные способы ее исследования.

Так, правильность воспроизведения звука при использовании фонограммы может быть установлена только техническим путем (исследованием механизма записи и воспроизведения); правильность же самих показаний, записанных на пленку, может быть проверена посредством обычных тактических приемов проверки свидетельских показаний.

Показания потерпевшего о внешности скрывшегося преступника вначале исследуются по общим правилам исследования знаковой информации, т.е. проверяются условия формирования представлений потерпевшего, механизм их словесного воспроизведения и т.д. Однако, поскольку содержанием информации являются вещественные признаки, они могут быть в дальнейшем подвергнуты технической обработке. Так, показания свидетелей используются для составления рисованных портретов преступника; в других случаях используется метод составных фотографических портретов, так называемый фоторобот.

Таким образом, классификация источников по форме выражения информации на устные, письменные и материальные, применительно к опосредствованным источникам, является недостаточной. В числе опосредствованных источников информации необходимо различать источники с однородным и неоднородным воспроизведением. Характеристика последних должна включать указа-

ние как на способ воспроизведения, так и на форму выражения информации в исходном источнике. Такая характеристика является предпосылкой правильного исследования содержащейся в источнике доказательственной информации.

Разграничение методики исследования материальных и знаковых источников информации не ограничивается отдельными источниками и имеет более общее методическое значение.

Рассматривая общие положения планирования расследования преступлений, С. А. Голунский высказал мысль о методической целесообразности выделения двух категорий дел, при расследовании которых следователь отправляется:

1) «от факта преступления, обычно не имея в начале расследования никаких данных о том, кем это преступление могло быть совершено» (убийства, подлоги, кражи со взломом и т.п.);

2) «от определенного лица или лиц» (большинство должностных и хозяйственных преступлений)¹.

Указывая на особенности расследования по каждой из этих категорий дел, С. А. Голунский специально выделяет характер первичного материала и удельный вес отдельных видов доказательств. «По преступлениям первой группы обычно основное значение имеют данные осмотра места, преступления и вещественные доказательства. По преступлениям второй группы в большинстве случаев наибольший удельный вес... имеют письменные документы»².

Выделение категорий дел по признакам преобладания в них материальных или знаковых источников информации осуществляется и в более поздних работах³.

Способ выражения доказательственной информации в источнике, таким образом, не только определяет методику исследования каждого отдельного источника информации, но существенным образом влияет на выбор первоначальных следственных действий,

¹ Голунский С. А. Планирование расследования // Криминалистика. 1938. С. 334.

² Там же. С. 335.

³ См.: Яблоков Н. П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика. М.: Юрист, 1999. С. 496, [и др.]

планирование дальнейшего расследования, характер используемого доказательственного материала, т.е. обуславливают типовые черты общей методики расследования преступления.

Подводя итоги сказанному, следует сделать следующие выводы.

1. Классификация источников по форме выражения доказательственной информации имеет существенное значение как для определения процессуального режима их использования, так и для определения методики их исследования.

2. Установление доказательственной информации, содержащейся в вещах, осуществляется по цепи физической причинности.

3. Исследование исходящих от людей сообщений складывается из последовательного анализа соответствия:

- а) знака и образа;
- б) образа и объекта.

4. Разграничение формы выражения доказательственной информации и соответствующей методики исследования особенно важно в тех случаях, когда в одном источнике сочетаются различные формы выражения информации (случаи сочетания знакового и материального источника информации, опосредствованные источники информации с неоднородным воспроизведением).

В заключение рассмотрим вопрос о соотношении рассматриваемых классификаций источников информации.

1. Первоначальные источники информации могут быть как непосредственными, так и опосредствованными, т.е. как объектами, таки отображениями. Что касается производных источников информации, то они могут быть только опосредствованными источниками (отображениями). Таким образом, говоря о производных источниках, всегда имеют в виду отображения, но, говоря об отображениях, не всегда имеют в виду производные источники. Отображения (опосредствованные источники информации) могут быть и первоначальными источниками информации.

2. Материальные источники могут быть как непосредственными, так и опосредствованными, как первоначальными, так и производными.

Знаковые источники информации могут быть только опосредствованными. Как показания живых лиц, так и письменные доку-

менты являются отображениями, т.е. содержат образы, информацию о свойствах, отображенных в них объектов. В то же время знаковые источники информации могут быть как первоначальными, так и производными.

Нельзя смешивать деление источников информации по способу образования (первоначальные - производные) с другим делением, делением источников по форме выражения информации (материальные, знаковые). Эти деления имеют различные логические основания и не должны смешиваться.

Материальные источники информации могут быть не только первоначальными, но и производными (фотоснимки, следовые копии, слепки). С другой стороны, письменные документы могут быть и первоначальными источниками информации. Так, например, акт ревизии, устанавливающий факт недостачи материальных ценностей, является первоначальным источником. Допрос ревизора и других лиц, принимавших участие в проведении ревизии, может использоваться лишь для проверки изложенных в акте ревизии обстоятельств и условий проведения самой ревизии. Информация о результатах ревизии, основанной на обследовании многих объектов и изучении многочисленных документов, может быть надежно зафиксирована только в документе. Память человека слишком несовершенна для выполнения этой задачи. Именно поэтому акт ревизии, как документальное отражение ее хода и результатов, и будет первоначальным источником информации, который в соответствии с принципом непосредственности и должны в первую очередь изучить следователь и суд. Сказанное относится и ко многим другим письменным документам.

Представляет интерес вопрос о классификации образцов (ст. 202 УПК РФ) как источников информации.

По способу образования образцы следует отнести к производным источникам информации.

С точки зрения формы отображения информации они могут быть как материальными, так и письменными (суть знаковыми) источниками. Так, дактилоскопические отпечатки или образцы крови будут материальными источниками информации. Образцы же почерка и машинописи, полученные, например, с целью установления автора анонимного письма, - знаковыми источниками информации.

Мы не можем согласиться с мнением отдельных авторов о том, что образцы не относятся ни к документам, ни к вещественным доказательствам, а, представляют «особый вид средств доказывания».

Представляя особый вид средств доказывания, образцы тем не менее поддаются общей классификации источников с точки зрения формы отражения доказательственной информации и, что наиболее существенно, методики их исследования.

2.2. Систематизация задач и методов исследования источников

А. Принципы систематизации задач и методов

Оптимизация криминалистической деятельности, создание современных криминалистических методик и технологий тесно связаны с анализом ее структуры, т.е. выделением в ее составе важнейших элементов и существующих между ними информационных и функциональных связей.

Системный анализ экспертной и технико-криминалистической деятельности базируется на триаде «задача - объект - метод».

Система задач в любой системе деятельности является интегральным элементом, определяющим структуру деятельности. Это в полной мере относится к профессиональной деятельности любого криминалиста. Программа (алгоритм) следственной, экспертной и доказательственной деятельности представляет систему методов (действий, средств, операций, технологий) по решению задач и подзадач указанных видов деятельности. При этом задачи полностью обуславливают средства и методы деятельности. В нормально функционирующем программно-целевом блоке акцепт любого действия возможен лишь при условии его соответствия программе (принцип обратной связи). В силу этого любое изменение задачи и программы деятельности неизбежно влечет изменение технологии деятельности.

Так, допрос добросовестного свидетеля с целью подтверждения факта получения им зарплаты по бухгалтерской ведомости будет существенно отличаться от допроса бухгалтера по тому же делу, обвиняемого в систематическом хищении денежных

средств, связанном с фальсификацией документов. При экспертизе свинцовых сплавов в судебной баллистике экспертная задача также прямо определяет структуру метода. В случае распознавания свинцового сплава достаточен качественный эмиссионный спектральный анализ. Если же ставится задача установления производственного происхождения дроби или идентификации конкретного источника происхождения боеприпасов, требуется также количественное определение компонентов сплава. При исследовании пятен, подозрительных на кровь, задача также полностью определяет методику исследования. Установление наличия крови, ее видового происхождения, определение группы и типа крови, генетическая идентификация - все эти задачи требуют использования специализированных методик.

Общая система задач и методов является продуктом методологии современного судебно-экспертного научного знания. В указанной методологии для классификации экспертных методик предложены три основания: **задачи, объекты и методы экспертного исследования.**

Базовая классификация осуществляется по задачам, ибо именно она определяет структуру экспертной деятельности. При этом на основе значительного числа частных предметных методик путем вычленения общих методических положений может быть построена общая методика исследования различных объектов с использованием различных инструментальных и технических средств.

Исторически этот процесс отчетливо прослеживается на примере создания общей методики криминалистической идентификации. На ранних стадиях развития методики криминалистической экспертизы (начало и середина XX века) создавались рабочие методики идентификации отдельных наиболее часто встречающихся объектов. К ним относились почерк, внешность человека, огнестрельное оружие, орудия взлома, транспортные средства. Затем криминалистами России было отмечено, что, несмотря на различие в объектах и инструментарии экспертных исследований, все они осуществляются на общей принципиальной основе и подчиняются одному общему алгоритму. Честь этого открытия принадлежит С. М. Потапову, работы которого и послужили импульсом

к интенсивному развитию теории и методологии криминалистической идентификации.

В настоящее время созданная усилиями ряда отечественных криминалистов общая методика судебно-экспертной идентификации представляет алгоритм решения экспертной идентификационной задачи применительно к любым материальным объектам с использованием любых технических средств.

Методологическая функция общей теории и методологии криминалистической идентификации состоит в систематизации знаний, унификации языка науки, формировании методических основ подготовки экспертных и юридических кадров, а также в методологическом обеспечении создания идентификационных методик исследования новых криминалистических, а также некриминалистических объектов¹.

Субклассификации идентификационных методик осуществляются по предметному принципу. Сохраняя принципы и структуру общей методики, они выделяют в объекте экспертизы конкретное информационное поле, которое и используется для решения экспертной задачи.

Такие субклассификации могут осуществляться на различных уровнях, например:

- идентификация (общая методика);
- субстанциональная идентификация (частная методика);
- идентификация наркотических веществ (предметная методика);
- идентификация наркотиков растительного происхождения;
- идентификация наркотиков в составе химфармпрепаратов;
- частные предметные методики.

Методные классификации имеют в доказывании весьма ограниченное значение. Любой научный метод является общим достоянием науки и не может иметь постоянной «прописки» в какой-либо отдельной методике или даже отрасли знания. Так, системно-

¹ См., напр.: Медико-криминалистическая идентификация / под ред. В. В. Томилина. М.: Норма, 2000; Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания / под ред. В. Я. Колдина. М.: Норма, 2002 (работы в области ДНК-идентификации, идентификации объектов по их отображениям на фоно-, видео- и электронных носителях).

структурный анализ и вероятностно-статистические методы могут использоваться как для анализа типовых информационных моделей преступной деятельности, так и для анализа структуры генома в целях розыска преступников и идентификации; наблюдение в инфракрасных лучах используется как для выявления невидимых текстов, так и для наблюдения за преступниками в оперативно-следственной работе и т.д. Общий обзор методов и их классификация возможны лишь в контексте общей методологии криминалистики и судебной экспертизы.

В настоящей работе методы систематизируются применительно к решению конкретных задач доказывания, что и создает соответствующие конкретные методики и технологии доказывания.

Особое внимание при этом уделяется профилирующим и новейшим задачам и возможностям. Отдельные задачи в настоящем издании не рассматриваются. Это относится к ряду узкоспециализированных задач профессиональной криминалистической деятельности в сфере оперативно-розыскной, экспертной и следственной работы.

В практических целях методная классификация экспертных методик используется при формировании экспертных специализаций и структурных подразделений учреждений судебной экспертизы, использующих высокоспециализированные лабораторные, аппаратные, информационные и компьютерные комплексы.

Эффективное использование информационных технологий доказывания требует обязательного соблюдения двух условий:

- 1) органическое единство задачи, вытекающей из следственной ситуации и предмета доказывания, и метода, обусловленного возможностями информационной технологии;
- 2) системного видения субъектами исследования задач и методов, учета их взаимосвязи в динамическом процессе исследования.

Структура экспертной задачи

В состав предметной следственно-экспертной ситуации входит информация о природе исследуемого события (явления), структуре его материальной обстановки и возможных элементах предмета доказывания.

Система задач исследования вещественных доказательств обусловлена, с одной стороны, информационной структурой вещественных доказательств, поскольку из источника можно получить только ту информацию, которая в нем содержится. В то же время вся содержащаяся в источнике информация должна быть использована с максимальной полнотой. С другой стороны, система задач экспертного исследования обусловлена предметом доказывания по уголовному или гражданскому делу, а на стадии предварительного расследования также системой следственных версий.

Такая система целеполагания обеспечивает непосредственную связь информационного потенциала вещественных источников и задач расследования и доказывания.

Что касается системы методов, то она, будучи производной, опирается на возможности общенаучной методологии и полностью использует технологии специальных исследований, разработанных в судебной экспертизе и криминалистике.

Системное видение задач и методов информационной технологии доказывания является основой решения проблемной следственно-экспертной ситуации. Оно обеспечивает эффективность использования как информационного потенциала источника доказательств, так и арсенала общенаучных и специальных методов исследования.

В качестве метода решения указанной ситуации может быть предложен прием наложения информационной сетки, характеризующей структуру наличной следственно-экспертной ситуации, и информационной сетки, характеризующей систему задач и методов информационных технологий.

Такой прием позволяет быстро и эффективно определить, какие именно задачи и с применением каких методов могут быть решены в условиях данной проблемной ситуации.

Так, ситуация взрыва на производстве при наличии нескольких возможных причин выдвигает на первое место каузальный анализ и индукцию по очевидным последствиям взрыва в очаге повреждений. При этом, если в очагах повреждений обнаруживаются предметы неизвестного происхождения, методами естественно-научных и технических классификаций выясняется их природа, происхождение и назначение, исследуется механизм взрывных процессов, при обнаружении образцов производится

отождествление и т.д.

Системное видение задач и методов исследования является основой эффективной организации взаимодействия эксперта (специалиста) и субъекта доказывания по уголовному или гражданскому делу. В процессе такого взаимодействия следователь и суд видят возможности экспертизы, а эксперт (специалист) видит задачи доказывания, понимает цель и смысл выполняемого им научно-технического исследования и поэтому в состоянии полностью реализовать свой научный потенциал.

При подготовке и назначении экспертизы системное видение задач и методов позволяет правильно поставить задачи перед экспертом с учетом перспективы расследования и возможностей экспертизы.

Так, при обнаружении вещества неизвестного происхождения у подозреваемого в распространении наркотиков следователь ставит перед экспертом задачу распознавания (определения природы вещества). Вместе с тем он должен иметь в виду возможности последующих идентификационных экспертных исследований и принять меры к обнаружению сравнительных образцов в процессе обысков и освидетельствований в других помещениях и у других лиц. Эксперт, в свою очередь, проводя распознавание и зная возможности идентификации, в случае обнаружения признаков кустарной переработки сырья или особых условия выращивания, транспортировки, хранения должен в порядке экспертной инициативы уведомить об этом следователя для собирания соответствующих образцов и организации идентификационных исследований.

Системное видение задач и методов исследования позволяет субъекту доказывания и специалисту организовать их взаимодействие в форме экспертизы и участия в других процессуальных действиях. При этом такое взаимодействие должно рассматриваться ими не как решение частной изолированной задачи, а как совместное участие в целостном развивающемся процессе доказывания, представляющем систему последовательно решаемых познавательных задач и действий.

Так, обнаружение следователем в процессе обыска сравнительных образцов позволяет экспертным путем осуществить идентификацию; выявление экспертом при сравнительном исследовании несовместимых свойств позволяет следователю исключить

сравниваемый объект и выдвинуть новые версии о проверяемых объектах; установление в процессе экспертного исследования фактов, противоречащих основной версии расследования, например о причине взрыва, требует пересмотра всей концепции и плана расследования.

Информационное взаимодействие эксперта (специалиста) и субъекта доказывания позволяет вести исследование с учетом меняющейся ситуации, дополнять его новыми исходными данными и задачами, исключать из расследования и экспертизы тупиковые версии. Так, зная возможности дорожно-транспортной экспертизы, следователь может поставить перед экспертами вопрос о скорости движения транспортного средства по длине тормозного пути и возможности предотвращения наезда на потерпевшего. В свою очередь, специалист, участвующий в процессе осмотра места происшествия, зная предмет доказывания и возможности комплексной экспертизы, может сообщить следователю о возможностях установления механизма как отдельных повреждений, так и о механизме дорожно-транспортного происшествия в целом, например наезд и опрокидывание велосипедиста на крышу салона.

Таким образом, при оптимальной организации информационного взаимодействия специалиста (эксперта) и субъекта доказывания специалист видит непосредственные и конечные цели доказывания, а субъект доказывания видит конечные и промежуточные задачи экспертизы и каждый участник познавательного процесса в рамках своих процессуальных полномочий и профессиональных возможностей участвует в их решении.

На основе обобщения практики судебно-экспертных учреждений предложена следующая классификация судебно-экспертных задач.

1. Обнаружение источников информации.
2. Распознавание исследуемого объекта.
3. Фиксация доказательственной информации.
4. Реставрация исследуемого объекта.
5. Получение образцов.
6. Разрешение вопроса об индивидуальном тождестве.
7. Установление искомого объекта.

8. Установление механизма слеодообразования и взаимодействия исследуемых объектов.
9. Установление временных отношений.
10. Установление причинно-следственных связей.
11. Установление механизма исследуемого события.
12. Прогнозирование.
13. Установление нестационарных свойств и состояний объекта.
14. Решение нормативно-технических задач.
15. Решение оценочных задач¹.

В основу данной классификации положены следующие принципы.

1. *Выделение задачи как определяющего элемента деятельности и ее отграничение от метода и других структурных элементов.*

Определяющее значение задачи как элемента экспертной деятельности не дает оснований для смешения его с самой деятельностью.

Необходимость соблюдения этого требования вызвано часто встречающимся в литературе и на практике смешением задачи и метода. Это относится к таким терминам, как распознавание, отождествление, классификация, идентификация, определение видовой (групповой) принадлежности, диагностика.

Смешение задачи и метода лишают функциональности любые классификации и определения. Весьма распространенной является классификация задач судебной экспертизы на «идентификационные, диагностические, классификационные и ситуалогические»².

Между тем все эти термины характеризуют в системе деятельности не задачу, цель деятельности, а путь, способ ее достижения.

¹ См.: Вещественные доказательства. М.: Норма, 2002. С. 32-90.

² *Зинин А. М., Майлис Н. П.* Судебная экспертиза: учебник. М.: Юрайт-М, 2002. С. 26.

Идентификация, классификация, ситуалогический подход характеризуют методы, способы получения доказательственной информации, а не предметное содержание информации, представляющее задачу экспертной деятельности.

Методологической ошибкой является также отождествление задачи с деятельностью, поскольку это отождествление элемента с системой, что делает невозможным их системный анализ¹.

2. Определение критериев выделения экспертных задач.

История криминалистики и судебной экспертизы показывает, что отсутствие таких критериев и произвольное определение экспертной задачи не может обеспечить формирование экспертной методики и порождает лишь наукообразные иллюзии и фантомы.

Так, данное С. М. Потаповым определение идентификации как тождества исследуемого факта с доказательством истины по уголовному делу привело к столь широкой ее трактовке, что она была возведена во всеобщий метод познания любых обстоятельств уголовного дела². Потребовалось время, чтобы задача разрешения вопроса о тождестве и методы идентификации нашли свое место в структуре судебно-экспертной деятельности.

В настоящее время история повторяется с терминами «диагностика» и «распознавание». Вызвано это отсутствием у авторов критериев определения судебно-экспертных задач.

В числе таких критериев следует указать следующие.

А. *Требование системности.*

Экспертные задачи должны рассматриваться не изолированно, а в общей системе задач судебно-экспертной деятельности, которые находятся во взаимосвязи и взаимодействии. В равной мере неправомерны как отрыв экспертной задачи от общей системы, так и подмена формулируемой задачей других экспертных задач, требующих самостоятельных методик. Так, расширенное

¹ Так, А. М. Зинин и Н. П. Майлис в цитированном учебнике считают, что «экспертная задача - это такая *экспертная деятельность* (курсив наш. - В.К.), которая направлена на преобразование потенциальной доказательственной информации» (с. 24) и что «цель экспертной задачи в значительной мере обуславливает выбор способа ее решения (с. 27).

² См.: *Потапов С. М.* Введение в криминалистику. М., 1946.

понимание задачи диагностики приводит к подмене ею самостоятельных экспертных задач распознавания, исследования механизма следообразования, исследования механизма события, нормативно-технических и оценочных задач. Решение этих задач базируется на оригинальных методиках, не имеющих методической общности. Поэтому создание общей теории и методологии их решения обречены на неудачу.

В предложенной нами классификации диагностика рассматривается как метод решения задачи установления нестационарных свойств и состояний.

Если объект находится в стационарном функциональном состоянии, установление его свойств и состояний относится к задачам распознавания и разрешения вопроса о тождестве, применительно к которым эти методики получили всестороннюю разработку.

Б. Методическое обеспечение экспертной задачи.

Это требование указывает на неправомерность произвольного, декларативного определения экспертной задачи без ее методического обеспечения.

Рассмотренная выше классификация экспертных задач на идентификационные, диагностические, классификационные и ситуалогические не является функциональной в силу отсутствия методического обеспечения. Ни диагностика, ни классификация, ни ситуалогия не имеют собственного методического обеспечения в форме судебно-экспертных методик, поскольку они сами представляют методы, используемые при решении разных судебно-экспертных задач. Это подтверждается и выводами цитированных авторов о том, что «классификационные задачи... могут возникать в ходе диагностических и идентификационных исследований»¹.

В связи с изложенным следует прийти к выводу, что вышеуказанная классификация экспертных задач не может быть использована в общей системе принципов классификации судебно-экспертных методик.

В структуре практической судебно-экспертной деятельности задача не может существовать без ее научно-методического обес-

¹ Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. М., 2002. С. 23.

печения. Если оно отсутствует, то речь может идти только о гипотезе или прогнозе в структуре криминалистики или судебной экспертизы.

Так, в области прогнозов и научных разработок была проблема отождествления объектов по их субстанциональным свойствам. Она получила теоретическое обоснование и была практически подтверждена.

Практическая апробация метода может привести к отрицательным результатам, как это произошло, например, с методом определения давности выстрела по содержанию нитритов и нитратов в пороховой коפותи в канале ствола огнестрельного оружия. Туже судьбу разделили математические методы обоснования ФКВ по аллельным наложениям микроволокон.

Концепция расширенной трактовки диагностических задач не получила практического подтверждения, поскольку она не привела к созданию каких-либо новых или совершенствованию уже существующих методик.

В. Самостоятельное доказательственное значение результатов судебно-экспертного исследования.

Поскольку судебно-экспертное исследование всегда порождается следственно(судебно)-экспертной ситуацией, а процесс исследования направлен на установление доказательственных фактов, задача экспертизы всегда состоит в выявлении доказательственной информации. Именно поэтому заключение экспертизы и является доказательством в судебном процессе.

Если задачи и методики экспертизы не порождают информации о доказательственном или искомом факте, они не могут рассматриваться как рабочие элементы экспертной методики.

Так, если в заключении идентификационной экспертизы вместо вывода о тождестве или распознавании будет указан только перечень совпадающих признаков без их экспертной оценки по существу поставленного перед экспертизой вопроса, такое заключение не может рассматриваться как полноценное доказательство, а сама методика - как доброкачественная судебно-экспертная методика.

Указанное требование позволяет также проследить связь и соотношение родственных судебно-экспертных задач и методик, а

также оценить значение промежуточных задач и выводов эксперта.

Так, задача распознавания (определения родовой, видовой и групповой принадлежности) сравниваемых объектов в методике судебной идентификации является промежуточной. Однако в определенных судебно-экспертных ситуациях она может быть самостоятельной судебно-экспертной задачей, если соответствующий экспертный вывод имеет самостоятельное доказательственное значение.

В таких случаях задача распознавания должна выделяться как самостоятельная как при назначении экспертизы, так и при формулировании экспертных выводов. При этом доказательственное значение распознавания определяется его уровнем, т.е. степенью его приближения к индивидуальному определению.

Так, в случае назначения идентификационной экспертизы по следам транспортного средства должна быть предусмотрена возможность распознавания на уровне максимального приближения к индивидуальной идентификации: в случае невозможности разрешения вопроса об индивидуальном тождестве определить, какова минимальная классификационная группа искомого транспортного средства.

Такая формулировка задач и выводов экспертизы будет в максимальной степени способствовать повышению их оперативно-розыскного и доказательственного значения.

Анализ вышеуказанных типовых судебно-экспертных задач позволяет в их числе выделить три блока.

Внутри каждого блока эти задачи связаны последовательностью их процессуального разрешения, а также общей методической базой и технологией их экспертного использования.

Так, задачи первого блока (с 1-го по 7-й) можно характеризовать как идентификационно-поисковые.

Задачи второго блока (с 8-го по 13-й) непосредственно связаны с исследованием причинно-следственных отношений и поэтому могут быть обозначены как каузальные.

Задачи третьего блока имеют нормативно-технический характер.

Такая типизация задач позволяет проследить взаимосвязь в их методическом обеспечении, выделив обслуживающие их банки

методов (рис. 1).

Прямыми линиями в банке методов выделены профильные методы, представляющие основу экспертной методики. Фигурными скобками обозначены методические блоки, представляющие основу соответствующих экспертных технологий.

Прослеживание указанных зависимостей позволяет построить общую систему задач и методов, как методическую основу общей классификации судебно-экспертных методик.

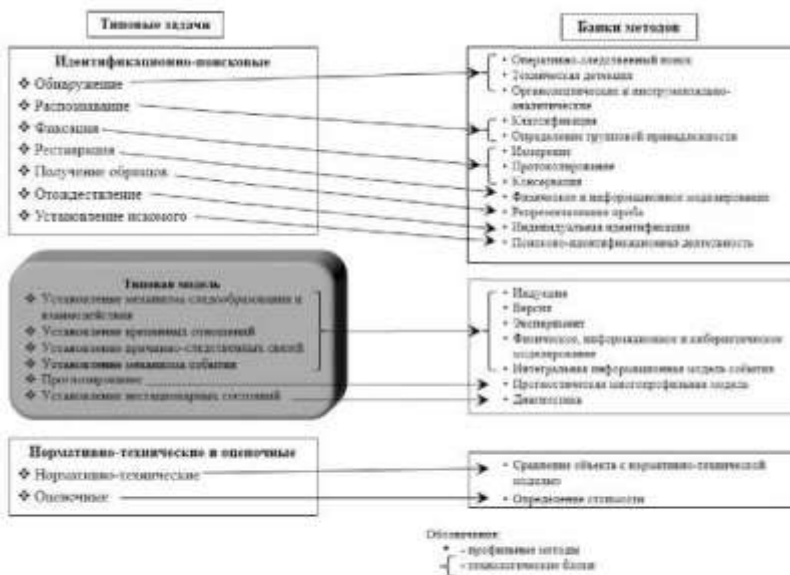

Рис. 1. Общая система задач и методов исследования источников фактологической информации

Обнаружение источников вещественных доказательств

Технические приемы и средства обнаружения источников вещественных доказательств рассматриваются в криминалистике применительно к отдельным видам вещественных доказательств (следы человека, животных, транспорта, применения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, документы и др.) и отдельным

видам преступлений (убийства, разбой, кражи, изнасилования, финансовые аферы и т.п.). Такой подход оправдан, поскольку характер информационного поля в источнике обусловлен механизмом события и способом преступного действия. Однако в контексте информационных технологий доказывания в первую очередь следует рассмотреть общую структуру познавательного процесса, в которой может быть выделено три этапа.

На **первом этапе** осуществляется построение версий и информационной модели способа преступного действия и механизма расследуемого события. Общая информационная модель расследуемого события строится на основе видимых следов события, а также других исходных фактических данных. Одновременно она проецируется на материальную обстановку события, в результате чего выделяются участки помещений и местности, конкретные предметы как потенциальные следоносители.

Поиск следов и предметов различается в зависимости от предмета поиска: а) поиск относительно крупных предметов и видимых следов (трупов, предметов одежды, похищенных вещей, следов транспортных средств и т.п.) на больших площадях; б) поиск относительно мелких предметов и невидимых следов на небольших площадях (стреляных пуль, гильз, частиц одежды, краски, фарного стекла, следов пальцев рук и т.п.).

В первом случае основная трудность поиска заключается в необходимости обследования больших площадей, на которых могут быть обнаружены искомые объекты. Во втором - в выборе технических приемов и средств, позволяющих обнаружить признаки искомых предметов и следов и необходимости привлечения для решения этой задачи специалистов.

Для получения наиболее эффективных результатов в том и другом варианте поиска могут быть использованы такие приемы:

- 1) сопоставление информационной модели механизма расследуемого события и информационной модели искомого объекта. Этот прием позволяет построить наиболее обоснованные версии о местонахождении искомого объекта;

- 2) использование способа поиска, наиболее соответствующего характеру искомого объекта и его окружению, например прочесывание поросших лесом или кустарником участков местности

сплошной цепью осматривающих для обнаружения предметов одежды и трупов; осмотр с вертолетов для обнаружения бежавших преступников, их стоянок, брошенных транспортных средств; осмотр по естественным рубежам местности; осмотр по квадратам для обнаружения стреляных гильз и т.п.

3) применение соответствующей поисковой техники. Так, для поиска металлических предметов применяются металлоискатели, для обнаружения закопанных трупов - трупоиискатели, для поиска вещей в водоемах - тралы и т.п.

4) выбор специальных технических приемов осмотра.

При выборе технического приема реализуется следующая логическая схема: механизм слеодообразования - признаки искомого следа - технические приемы его обнаружения. Так, при осмотре документа для обнаружения признаков подчистки (шероховатость, приподнятость волокон бумаги) используется косопадающее освещение, а для обнаружения признаков травления - осмотр в ультрафиолетовых лучах.

Второй этап состоит в осмотре и предварительном исследовании потенциальных следоносителей с целью обнаружения других видимых следов и определения места объекта в структуре события.

Третий этап состоит в выявлении невидимых и слабовидимых следов. С этой целью осуществляется моделирование механизмов взаимодействия и слеодообразования, исследуются предметные и энергетические характеристики взаимодействующих объектов и природа потенциального информационного поля, например следы рельефа, наслоения потожирового вещества, металлизация, магнитное поле и др.

На основе такого анализа осуществляется выбор физического эффекта и технического средства, позволяющего выявить невидимые следы, например опыление, окрашивание, химические реакции, электронно-оптический преобразователь и др.

Приведем краткий перечень таких технических приемов:

1) выявление микрорельефа:

- осмотр и фотографирование в косопадающем свете;
- щуповое и электронно-оптическое профилирование;

2) выявление латентных следов-наслоений:

- осмотр с использованием косопадающего и проходящего

освещения;

- цветоделение;
- опыление;
- обработка парами йода;
- обработка жидкими реагентами;
- люминесцентный анализ;
- фотосъемка в ультрафиолетовых, инфракрасных и рентгеновских лучах;

новских лучах;

- фотографические методы усиления контраста;
- электронно-оптические методы;

3) выявление микрочастиц:

- оптическая микроскопия;
- электронно-растровая микроскопия;

4) выявление скрытых объектов:

- тактические приемы обнаружения тайников;
- щуповые методы;
- магнитоискатели;
- металлоискатели;
- рентгеновские методы;
- радиография;
- газовые детекторы;
- одорологические методы;
- применение служебно-розыскных собак;

5) выявление следов крупных технологических и экологических катастроф:

- методы аэрокосмического наблюдения и фиксации.

Распознавание как задача исследования и доказывания

В системе задач судебного исследования и процессуального доказывания под распознаванием понимается определение природы, происхождения и назначения в целях определения его относимости к данной следственно-экспертной (правовой) ситуации.

Как правило, задача распознавания возникает в исходных ситуациях расследования, когда в орбиту расследования или иной правовой процедуры попадает объект неизвестной природы, происхождения или назначения и возникает вопрос о его относимости к исследуемому событию. Если решение этого вопроса требует

специальных познаний и исследований, ситуация приобретает характер экспертной. Таковы ситуации обнаружения неизвестных веществ при расследовании дел, связанных с изготовлением, хранением, транспортировкой и использованием наркотиков; изготовлением, хранением, транспортировкой и применением огнестрельного и холодного оружия, взрывчатых веществ; обнаружением пятен, похожих на кровь, сперму, слюну или другие выделения, выделения и части человеческого тела, обнаружение костных останков и т.п.

Понятие относимости является категорией доказательственного права и представляет такое свойство информации, содержащейся в источнике, которое позволяет использовать ее для установления существенных для дела фактов.

Относимость представляет самую слабую информационную связь источника с предметом доказывания, так как характеризует лишь способность служить исходным материалом для проверки (подтверждения или опровержения) предположения о наличии (отсутствии) реальной связи того или иного объекта с механизмом расследуемого события.

Задача распознавания решается на уровне исследования родовидовых свойств и отношений объекта (огнестрельное оружие, взрывчатое вещество, яд, наркотик и т.п.).

Результаты исследования могут иметь двойное доказательственное значение:

- 1) служить основанием для приобщения источника в качестве вещественного доказательства к уголовному или гражданскому делу;
- 2) служить основанием для принятия процессуального решения по делу, если ими устанавливаются самостоятельные юридические факты, входящие в предмет доказывания.

Методы распознавания

Задача распознавания решается методами опознания, классификации, дифференциации.

Опознание. В обычной следственной и судебной практике, как любой другой общественной практике, задача распознавания ре-

шается без применения специальных технических средств методами симультанного или сукцессивного опознания.

В основе опознания образа психологи различают четыре операции:

- 1) обнаружение - регистрация сигнала образа;
- 2) различение - выделение в нем информативных признаков;
- 3) отождествление объекта с эталоном, записанным в памяти;
- 4) опознание знакомых объектов.

При этом отмечается, что при опознании незнакомых объектов операция выбора гипотезы (перебора известных эталонов) заменяется операцией ее конструирования, имеющей эвристический уровень. При этом наблюдатель пытается отыскать свою цель в поле восприятия, обладающем собственной упорядоченностью.

В случаях, когда перцептивно-познавательные возможности субъектов доказывания оказываются недостаточными для распознавания, привлекаются специалисты и назначается экспертиза.

Последние используют:

- а) органолептические и инструментально-аналитические методы для выявления релевантных родо-видовых свойств объекта;
- б) естественно-научные, технические, специальные криминалистические и судебно-экспертные классификации;
- в) методы дифференциации.

Подробный обзор инструментально-аналитических методов дан в отдельной главе настоящего учебника.

Если органолептические и инструментально-аналитические методы позволяют выявить дополнительные объективно присутствующие исследуемым объектам свойства, то классификационные методы позволяют распознать неизвестный объект в качестве элемента известного множества объектов, существенные свойства которых ранее изучены.

В классификационной системе каждый объект занимает строго определенное место (ячейку, таксон) и находится с другими объектами в строго определенных отношениях. При распознавании установленные свойства неизвестного объекта сравниваются с признаками таксонов используемой классификации и в случае их совпадения с каким-либо таксоном при отличии от признаков других таксонов достигается его распознавание. Неизвестный объект

рассматривается как элемент известного таксона, в силу чего на него могут быть экстраполированы все родо-видовые свойства данного таксона. Такая экстраполяция позволяет получить дополнительные сведения об изучаемом объекте, что и характеризует познавательную функцию используемой классификации.

Следует указать на тесную связь аналитических и классификационных методов. При использовании аналитических методов стремятся выявить именно те свойства неизвестного объекта, которые позволяют распознать его в системе соответствующей общенаучной или специальной классификации.

Так, при исследовании неизвестного вещества растительного происхождения с подозрением на героин бесспорным основанием для его отнесения к наркотическим веществам этого рода является обнаружение в составе его многочисленных компонентов диацетилморфина. Поэтому его качественное и количественное определение в составе пробы является в данном случае главной задачей экспертного анализа.

Классифицирование неразрывно связано с **дифференцированием**. Дифференцирование, т.е. различение однородных, сходных по каким-либо признакам сравниваемых объектов на основе обнаружения различий их устойчивых свойств и особенностей, является при распознавании инструментом классифицирования. Так, фрагменты волос человека дифференцируются от волос животных и текстильных волокон; микрочастицы стекла - от частиц полимеров и эмали; частицы строительных материалов - от частиц почвы и т.п.

Использование классификационных методов в целях распознавания существенно отличается от их использования в целях идентификации. В случаях распознавания классификация представляет метод, решающий задачу в окончательном виде. В случаях идентификации классификация способна решить лишь промежуточные задачи индивидуализации. Отнесение сравниваемых объектов к одному и тому же классу представляет промежуточную, притом часто начальную стадию исследования. Задача идентификации требует максимальной индивидуализации сравниваемых объектов и перехода от минимальных групп к единичному объекту. С этой целью в сравниваемых объектах должны быть выделены не только закономерные, родо-видовые свойства, но также

свойства, обусловленные бытием объекта в обстоятельствах конкретного дела (групповая принадлежность), а также случайные свойства и особенности (индивидуально-конкретное тождество).

Следует иметь в виду, что в естественных науках, в отличие от судебной экспертизы, термин «идентификация» используется в самом широком смысле и отождествляется с терминами «распознавание», «классификация», «родовое тождество». Для целей судебного отождествления, связанного с установлением тождества единичных индивидуально-определенных лиц и предметов, такая трактовка термина неприемлема, поскольку она смешивает различные по своим задачам и значению инструменты процессуального доказывания.

Некорректное использование термина «идентификация» в законодательстве привело к ряду серьезных осложнений в правоприменительной практике. Так, требование идентификации временно ввозимых и вывозимых товаров, предусмотренное ст. 70 Таможенного кодекса РФ, привело к блокированию на таможенной границе возвращаемых в Россию нескольких тонн золота, полученного из российского сырья на аффинажных заводах за рубежом. Конечный продукт (золото) в этом случае не мог быть идентифицирован с исходным сырьем (лом электронных приборов). В данном случае должна быть поставлена не задача идентификации, а задача распознавания конечного продукта по заданным параметрам переработки исходного сырья.

Эффективность использования той или иной классификационной системы зависит как от выбора самой системы, так и ее уровня, на котором в качестве основания деления использованы свойства, определяющие относимость исследуемого объекта к делу. Процесс классифицирования как многоступенчатого исследования следует осуществлять с учетом ситуации, определяющей относимость тех или иных свойств объекта к делу.

При этом:

а) каждая ступень классификации может оказаться дифференцирующей, т.е. исключающей относимость исследуемого объекта к делу;

б) при изменении ситуации может потребоваться переход на другой уровень классификации или могут быть использованы другие основания классификации;

в) при обнаружении проверяемых объектов или их образцов задача распознавания может быть трансформирована в задачу идентификации;

г) в этом последнем случае каждое дополнительное свойство, выявленное в структуре исследуемого объекта, может использоваться и как информационно-поисковое (для моделирования искомого объекта), и как идентификационное, т.е. в целях отождествления.

Рассмотрим указанные методы классифицирования на примере судебно-биологического исследования.

Ситуация 1 (исходная).

При расследовании телесных повреждений с применением холодного оружия на одежде подозреваемого обнаружены пятна, о происхождении которых он не дал конкретных объяснений.

Решение: поскольку относимость указанных следов к делу может быть подтверждена в случае обнаружения следов крови, этот вопрос должен быть поставлен перед экспертом.

Ситуация 2 (при положительном решении ситуации 1 - прогностическая).

Решение: поскольку в случае обнаружения следов крови на одежде подозреваемый ссылается на их происхождение от крови животных и птицы, вопрос о родо-видовом происхождении крови должен быть поставлен перед экспертизой.

Ситуация 3 (в случае обнаружения на одежде подозреваемого крови человека - прогностическая).

Решение: для проверки возможной ссылки обвиняемого на собственное кровотечение следует установить группу, тип и региональное происхождение крови в пятнах на одежде.

Ситуация 4 (прогностическая).

Решение: для проверки указанной ссылки следует произвести также экспертное сравнительное исследование крови в пятнах с образцами крови подозреваемого.

Ситуация 5.

Решение: для проверки следственной версии о происхождении крови в пятнах от потерпевшего Б. следует провести экспертное сравнительное исследование их групповых и типовых свойств.

Ситуация 6.

Для проверки указанных версий может быть произведена генетическая идентификация.

Ситуация 7.

В случае если ситуация 1 будет решена отрицательно и версия о кровавом происхождении пятен не получит подтверждения, по делу должны быть проверены другие версии.

Решение: с этой целью перед материаловедческой экспертизой может быть поставлен вопрос о природе вещества в пятнах на одежде.

Ситуация 8.

В случае обнаружения данных о том, что на месте происшествия была свежеекрашенная мебель и пятна на одежде могли быть следствием контакта с ней.

Решение: с указанной целью может быть назначена идентификационная материаловедческая экспертиза.

Решение ситуаций с учетом динамики их развития и вопросы, поставленные экспертам биологам.

1. Являются ли следы на одежде А. следами крови?
2. В положительном случае принадлежит ли эта кровь человеку, животному или птице?
3. Каковы группа, тип и региональное происхождение крови человека на одежде А.?
4. Не совпадают ли свойства крови на одежде А. со свойствами крови А. и какова вероятность их происхождения от крови А.?
5. Не совпадают ли свойства крови на одежде А. со свойствами крови потерпевшего Б. и какова вероятность их происхождения от крови Б.?
6. Не принадлежит ли кровь на одежде А. потерпевшему Б. или подозреваемому А.?

Решение ситуаций с учетом динамики их развития и вопросы, поставленные перед материаловедческой экспертизой (в случае отрицательного решения ситуации 1).

7 (2). Какова природа и происхождение вещества пятен на одежде А.?

8 (3). Не происходят ли пятна на одежде А. от контакта с мебелью, образцы покраски которой представлены на экспертизу?

Из сказанного видно, что правильное определение задачи распознавания требует анализа следственно-экспертной ситуации, динамики ее развития и возможной трансформации задачи распознавания в задачу индивидуального отождествления.

В рамках данной главы не может быть рассмотрен весь комплекс задач технико-криминалистического исследования. Многие из этих задач выделены в самостоятельные криминалистические методики и требуют их самостоятельного рассмотрения.

2.3. Процессуально-технические принципы исследования источников

В числе проблем фактологического анализа за последние годы получила актуальность проблема источников информации, созданных (полученных искусственным путем) в ходе самого исследования. Актуальность указанной проблемы объясняется широким внедрением в процесс расследования научно-технических методов обнаружения, фиксации и изъятия источников информации, общим повышением уровня и усилением активных начал расследования, а также прямой регламентацией указанных методов в уголовно-процессуальном законе.

Процессуальные кодексы РФ, а также последующие законодательные акты предусматривают круг научно-технических средств, применяемых для фиксации и изъятия доказательственной информации, условия их применения при производстве следственных и судебных действий, а также порядок их процессуального оформления.

В настоящее время предусмотрены не упоминавшиеся в УПК РСФСР 1924 г. такие технические средства, как фотографирование и киносъемка, изготовление слепков и оттисков следов, стенографирование и звукозапись, аудио- и видеозаписи (ст. 77 ГПК РФ, ст. 84, 166 УПК РФ), а также средства факсимильной и электронной связи (ст. 71 ГПК РФ) и носители компьютерной информации (ст. 166 УПК РФ).

Законодательная регламентация указанных технических средств, с одной стороны, подводит определенный итог теоретической и практической разработки проблемы источников информации, а с другой - ставит перед процессуальной наукой ряд новых проблем, в числе которых наибольшее значение имеют *проблемы*

получения и исследования отображений опосредствованных источников информации.

Проблема получения отображений сводится к выяснению тех оптимальных условий, при которых должны быть получены, и требований, которым должны удовлетворять отображения, используемые в качестве опосредствованных источников информации.

Проблема исследования отображения понимается как проблема оценки объективности, адекватности отображения, составляющая необходимое условие получения и использования содержащихся в опосредствованном источнике фактических данных.

Отображения источников информации, создаваемые искусственно в процессе расследования, существенно отличаются от тех отображений, которые возникают в результате процессов, стоящих вне контроля следователя и судьи.

Важнейшая их особенность состоит в возможности целенаправленного воздействия на ход и результаты процесса с целью получения отображений. В связи с этим в первую очередь следует рассмотреть требования, которым должны удовлетворять отображения, получаемые в процессе расследования и определяющие технические условия их получения. Эти требования и составляют процессуально-технические принципы получения отображений, используемых для обоснования правовых решений.

В зависимости от задач, которые разрешаются путем воспроизведения опосредствованных источников информации, необходимо различать следующие два вида воспроизведения:

- 1) простое воспроизведение (фиксацию фактических данных);
- 2) содержательное преобразование (воспроизведение с целью выявления новых фактических данных).

Простое воспроизведение - наиболее распространенный метод фиксации и изъятия источников информации.

Простое воспроизведение состоит в получении отображения, максимально полно и точно передающего существенные для дела и воспринимаемые при обычных условиях признаки оригинала.

Так, при фотографировании и описании в протоколе обстановки автотранспортного происшествия задача состоит в том, чтобы с максимальной полнотой и точностью воспроизвести все

те детали обстановки, которые свидетельствуют об обстоятельствах происшествия (расположение транспортных средств, характер и состояние дорожного покрытия, следы торможения, поза и положение трупа, повреждения транспортных средств и др.).

Аналогично при допросе свидетеля - очевидца происшествия задача состоит в том, чтобы получить и запротоколировать показания, с максимальной полнотой и точностью воспроизводящие содержание представлений, возникших в результате восприятия свидетелем происшествия и могущих с течением времени, под действием многочисленных причин, существенно измениться.

Воспроизведение с целью выявления новых свойств в исследуемом объекте - широко распространенный метод исследования источников информации.

Многие важные доказательственные признаки источников информации не могут быть восприняты либо в силу ограниченных природных возможностей органов чувств человека, либо в силу случайного или умышленного маскирования этих признаков.

Для выявления таких признаков должны быть применены те или иные технические средства и приемы. При их применении часто соединяют в один процесс выявление, фиксацию и исследование. Невидимость материальных источников информации является следствием их:

- а) микроскопического или субмикроскопического размера;
- б) малого контраста с фоном, на котором они наблюдаются (если их оптическая неоднородность не достигает порога дифференциации зрительного анализатора человека);
- в) субстанциального, а не морфологического характера;
- г) скрытого расположения.

Методы для поиска и выявления невидимых объектов выбираются прежде всего с учетом перечисленных факторов. Изменения микроскопического размера могут быть выявлены под микроскопом, а субмикроскопического размера и субстанциального характера подвергаются физико-химическим методам исследования. Для создания или увеличения контраста могут быть использованы селективные методы физического или химического способа окрашивания остаточного или временного характера, а также наблюдения при помощи интерференционного или поляризационного

микроскопа. Более выгодными с точки зрения сохранности вещественного доказательства для этой цели являются оптико-фотографические методы (сюда относятся специальные виды освещения, использование различных светофильтров, а также специальных фотоматериалов) и особенно электронно-оптических преобразователей). Оптическая неоднородность, не достигающая порога различения человеческим глазом, может быть выявлена методами спектрофотометрии. Для обнаружения скрытых носителей информации используются специальные искатели (металлоискатели, трупоискатели и т.п.) или лучи электромагнитного спектра, имеющие способность проникать через прикрывающий слой (например, рентгеноскопия, обнаружение замурованных тайников, инфракрасная фотография закрытых текстов и т.п.), а также различные физические и химические методы снятия прикрывающего слоя. Для восстановления уничтоженных номеров, маркировок и других знаков (в частности, на оружии, на двигателях, на различных деталях и др.) применяется метод ионного травления. Для выявления невидимых следов находит применение и лазерная техника.

Для выявления таких признаков необходимо использовать такой механизм отражения свойств объекта, который, изменяя состав отраженных признаков, позволяет значительно расширить природные возможности органов чувств исследователя и выявить новые, недоступные при обычном восприятии свойства объекта, имеющие доказательственное значение.

Так, невидимые при обычном рассмотрении штрихи выцветшего текста на снимке инфракрасной люминесценции могут быть отображены в виде контрастных белых штрихов на черном фоне; текст, закрытый черным пятном, может быть отображен на экране электронно-оптического преобразователя как текст без пятна и т.п.

Для разрешения указанных задач в практике исследования источников информации находит применение широкий круг научно-технических средств и методов. В их числе методы обычной и электронной микроскопии и микрофотографии, методы скоростной кинематографии, методы контрастирующей, цветоделительной и люминесцентной фотографической съемки, методы съемки в невидимых лучах спектра и получение изображений с помощью излучений радиоактивных изотопов, методы получения изображений с помощью электронно-оптических приборов для усиления

контраста и наблюдения в невидимых лучах; методы абсорбционного и эмиссионного спектрального анализа, рентгеновского и рентгеноструктурного анализа, радиоактивационный анализ, газовая хроматография, диффузионно-копировальные методы и ряд других.

Воспроизведение источника неизбежно связано с его преобразованием относительно обычных условий восприятия. Каждый признак отображения передает не только свойства воспроизводимого объекта, но неизбежно и конкретные условия, в которых осуществляется воспроизведение. Поэтому признак отображения нетождествен соответствующему признаку оригинала, а само отображение никогда не может быть тождественным оригиналу или другому отображению.

Преобразующее действие механизма в отображении проявляется в следующих формах:

1) исчезновения признаков воспроизводимого объекта (утраты информации, например цвета поверхности при изготовлении слепка);

2) преобразования признаков воспроизводимого объекта (кодирование информации, например цвета фотографируемого предмета в черно-белом снимке);

3) появления новых признаков воспроизводимого объекта (выявление дополнительной информации, например выявление различия в цвете штрихов за счет усиления их цветового контраста).

В каждом отображении указанные формы преобразования существуют в тесной взаимозависимости и целиком определяются механизмом отражения. Преобразование одних признаков всегда связано с исчезновением вторых и появлением третьих.

Так, при съемке летнего пейзажа в инфракрасных лучах он кажется зимним, исчезает изображение облаков и появляется изображение невидимых при обычном наблюдении удаленных объектов. Все эти преобразования взаимосвязаны и определяются свойствами инфракрасных лучей и условиями съемки (сильное поглощение инфракрасных лучей листвой и травой, хорошее прохождение их сквозь туман и дымку, использование специального фото-материала и т.д.).

Рассматривая научные основы методики выявления невидимых текстов, А. А. Эйсман различает усиление и преобразование изображений. В первом случае имеются в виду ахроматические (неокрашенные) объекты, например слабовидимые серые штрихи на сером фоне, и «речь... идет о количественном изменении первоначальных яркостей штрихов и фона, об увеличении различия их яркостей»¹.

Во втором случае имеются в виду случаи, «когда текст невидим вследствие слишком малого различия в цвете»², и речь идет о превращении «цветового различия в различие яркостей»³.

Приемы усиления яркостного контраста, рассматриваемые А. А. Эйсманом, правильное, по нашему мнению, не противопоставлять приемам преобразования отображений, а рассматривать как частную форму такого преобразования. Преобразование отображения, связанное с выявлением новой доказательственной информации, имеется как в первом, так и во втором случае, и это обстоятельство, объединяющее такие преобразования, является наиболее существенным.

Различается лишь форма преобразования. В первом случае оно осуществляется за счет усиления яркостного, а во втором случае - за счет усиления цветового контраста. Причем различие в цвете в конечном счете и в этом последнем случае преобразуется в различие яркостей.

Более существенное различие форм преобразования мы имеем в тех случаях, когда различие штрихов и фона выявляется не за счет их оптических (яркости, плотности, цвета), а за счет иных физико-химических свойств. Значительнее в этих случаях и различие технической методики (копирование, химические методы и т.п.).

Хотя физические принципы и техника получения таких отображений существенно отличаются от оптических методов, А. А. Эйсман также относит их к «преобразованиям»⁴.

¹ Эйсман А. А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1.1965. С. 15.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 15.

Более последовательно, таким образом, все формы воспроизведения, связанные с получением новой доказательственной информации, рассматривать как содержательное преобразование отображений источников информации. Внутри же содержательного преобразования, в зависимости от положенных в основу физических принципов и используемой техники, следует различать виды и конкретные методики содержательного преобразования.

В различных видах воспроизведения роль преобразования различна.

При простом воспроизведении все формы преобразующего действия механизма имеют характер помех и играют отрицательную роль. Таковы, например, искажения в фотоизображении, вызванные абберациями объектива, неравномерной цветовой чувствительностью фотослоя, необычной дистанцией или ракурсом съемки и т.п.; аналогичны искажения вследствие недостаточной пластичности слепочной массы слепка, плохого качества следокопировальной пленки и т.п.

В соответствии с этим принцип простого воспроизведения состоит в максимальном устранении всех форм преобразующего действия механизма воспроизведения отображения. Решение указанной задачи в ряде случаев требует значительных технических усилий и может быть достигнуто лишь с течением времени. Примерами могут служить: история создания высококорректированных фотообъективов; проблема получения фотографических слоев, обладающих равномерной цветовой чувствительностью; проблема правильной цветопередачи в цветной фотографии; проблема адекватной звукозаписи и т.п.

Весьма показательны в этом отношении получившие широкое распространение в технике способы цифровой фотографии, звукозаписи и воспроизведения. Методы цифрового кодирования в значительной степени повышают разрешающую способность метода фиксации и, соответственно, информативность источника информации.

Принцип простого воспроизведения есть общий принцип фиксации источников информации. При фиксации свойств объектов и документов, а также при фиксации показаний живых лиц должны быть зафиксированы только те признаки и в том состоянии, как

они воспринимались следователем при производстве следственного действия.

Технический принцип простого воспроизведения отражает наиболее важное процессуальное требование любой протокольной фиксации доказательственной информации, фиксации любых фактических данных, выступающих в качестве судебных доказательств. Существенное нарушение указанного принципа приводит к получению недоброкачественных отображений, затрудняющих или делающих невозможным использование полученных фактических данных.

Так, в случае неправильного ракурса при съемке трупа (со стороны головы или со стороны ног на близком расстоянии) возникают затруднения в установлении относительных размеров тела и их взаиморасположения; при съемке цветных объектов на несенсибилизированных фотоматериалах искажается цветопередача; «стилистическая обработка» показаний несовершеннолетнего или малограмотного может привести к искажению смысла данных им показаний и т.д.

Иную роль играют преобразования в случаях воспроизведения с целью выявления новых фактических данных. Выявление новых свойств объекта может быть осуществлено только путем изменения состава воспроизводимых признаков, а именно:

а) путем устранения помех (примерами могут служить: прием устранения теней при фотографической съемке с целью усиления яркостного контраста; прием устранения внутренних шумов при реставрации фонограммы; прием устранения мешающего действия фона при фотографировании в невидимых лучах и т.д.);

б) путем преобразования сигналов доказательственной информации (например, преобразование вогнутого рельефа в выпуклый с целью лучшего наблюдения особенностей; преобразование рельефа следа в графическую кривую при изготовлении профилограмм; преобразование обычного светового изображения в изображение, построенное потоком электронов в электронно-оптических приборах, и т.д.);

в) путем выявления новых сигналов доказательственной информации (примерами могут служить приемы выявления стертых, смытых и иным путем поврежденных записей путем усиления яркостного и цветового контраста, съемки в невидимых лучах,

съемки люминесценции и т.д.).

Из сказанного видно, что роль преобразования отображения в данном виде воспроизведения коренным образом отличается от роли преобразования при простом воспроизведении.

Если при простом воспроизведении все формы преобразования играют роль помех и ведут к искажению отображения, то в данном виде воспроизведения каждая форма преобразования может быть использована как средство выявления новой доказательственной информации.

Принцип данной формы воспроизведения состоит, таким образом, в максимальном использовании тех форм преобразования, которые позволяют выявить новые доказательственные признаки, и сведения к минимуму искажающего действия других форм.

Несоблюдение указанного принципа приводит к тому, что полученное отображение не воспроизводит новых доказательственных признаков или содержит искажения, затрудняющие объективное установление свойств оригинала.

В некоторых случаях, например, вытравленный или иным путем обесцвеченный текст выявляется при рассмотрении люминесценции документа в ультрафиолетовых лучах. Неправильный подбор светофильтров при съемке таких объектов может привести к тому, что свет люминесценции текста будет смешан с отраженными от документа ультрафиолетовыми лучами. В результате картина люминесценции на снимке будет искажена, а обесцвеченный текст не выявится.

Практическая реализация рассматриваемого принципа тесно связана с проблемой определения оптимального уровня детализации признаков в отображении источника информации.

Технически возможный максимум детализации признаков в отображении не всегда является целесообразным и может привести не к выявлению новой информации, а к появлению помех, затрудняющих исследование. С таким явлением часто приходится сталкиваться при микроскопировании следов на материалах грубой структуры (дерево, фанера, волокнистые материалы). Хотя технически возможным являются увеличения в тысячу и более раз, практически целесообразны в этих случаях увеличения около 10х. Последующие увеличения приводят к выявлению структуры материала следа, которая играет роль помех.

Аналогично определяются пределы детализации и при использовании других технических методов получения отображений. Так, фотоэлектрический метод профилирования дает возможность воспроизвести особенности рельефа высотой до 0,001 мм. Однако, если величина структурных единиц материала следа превышает несколько микрон, использовать указанный максимум нецелесообразно, так как он приведет к появлению помех.

Сигнал информации в отображении выявляется всегда на фоне помех. Практически используемый уровень детализации или разрешения, в соответствии с общими принципами теории информации, должен соответствовать максимуму отношения сигнал/помеха. Иными словами, детализация признаков в отображении целесообразна до того уровня, пока она увеличивает уровень сигнала информации и не связана со значительным усилением уровня помех.

Общим принципом получения отображений в процессе расследования является однозначность (изоморфизм) преобразования сигнала информации в отображении. Однозначным является такое преобразование, при котором одним и тем же свойством оригинала соответствуют одни и те же качественные и количественные характеристики отображения.

Так, одним и тем же яркостям объекта съемки соответствуют одинаковые плотности почернений в фотографическом снимке; одинаковым по высоте выступам следообразующего объекта соответствуют одинаковые по глубине впадины следа; сила тока, отклоняющего стрелку гальванометра в термоэлементе, строго соответствует количеству света, попадающего в термоэлемент, а последнее однозначно определяется количеством копоти выстрела, имеющейся на пораженной преграде.

Во всех приведенных случаях сохраняется однозначность преобразования сигнала информации в отображении.

Однозначность преобразования является существенным свойством отображения, благодаря которому его можно использовать как сигнал информации об оригинале.

Нарушение однозначности преобразования сигнала в отображении приводит к невозможности использования отображения в качестве источника доказательственной информации.

Засветка экспонированной пленки приводит к порче фотографического изображения; попадание в след посторонних предметов (при его образовании) влечет образование таких особенностей следа, которые не отражают рельефа следообразующего объекта, и т.д.

Нарушают принцип однозначности преобразования сигнала информации и некоторые технические приемы получения отображений.

Показательны в этом отношении такие широко распространенные в фотографии и кинематографии технические приемы, как комбинированные съемки, ретушь, маскирование при проекционной печати, монтаж и т.п. Искусственное видоизменение изображения, достигаемое с помощью приемов такого рода, нарушает его соответствие действительности. Отдельные элементы изображения полностью или частично не соответствуют оригиналу: видоизменены, привнесены извне, являются элементами других изображений. Будучи уместными и допустимыми как средства художественного творчества, технические приемы такого рода вступают в противоречие с принципом объективности расследования и неприемлемы в правовых процедурах.

Между тем некоторые аналогичные приемы применяются при выполнении снимков, прилагаемых к протоколам осмотров и актам судебных экспертиз. Так, слабовидимые пятна или следы обводятся на фотоснимках чернилами и отмечаются стрелками со специальными указателями; признаки папиллярных узоров, используемые для обоснования вывода при производстве дактилоскопической экспертизы, также в случае их слабой выраженности обводятся, заштриховываются или иным образом выделяются. Подобные приемы выделения признаков встречаются и в других видах идентификационных экспертиз, в исследованиях, связанных с выявлением невидимых текстов, удаленных пятен и т.д. Применение подобных приемов иногда обосновывается соображениями иллюстративности, требованиями наглядности выводов эксперта. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что наглядность и иллюстративность выводов эксперта ни при каких условиях не должна вступать в противоречие с принципом объективности процесса расследования. В приведенных же случаях объективные признаки объектов подменяются знаками, отражающими не объективные

свойства, а представления, сложившиеся в результате их восприятия у следователя или эксперта.

Фотографические снимки, содержащие всякого рода обводку, указатели и иные обозначения, допустимы только как средства дешифровки, разъяснения лишенных таких знаков чистых фотографических снимков в качестве приложений к заключениям экспертов. Сами по себе такие снимки, в силу нарушения принципа изоморфизма изображения, не могут рассматриваться как источники доказательственной информации.

Принцип изоморфизма распространяется также на все иные средства получения отображений и фиксации информации.

В протоколе осмотра места происшествия и освидетельствования, согласно ст. 180 УПК РФ, описываются «все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и освидетельствовании в той последовательности, в какой производились осмотр и освидетельствование, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра и освидетельствования». При составлении протокола осмотра или допроса недопустимо фиксировать одни и произвольно опускать другие обстоятельства, имеющие значение для дела, при составлении одного и того же плана - использовать различный способ измерений, различный масштаб, различный способ нанесения предметов на план и т.д.

Звукозапись допроса, согласно ст. 190 УПК РФ, должна отражать весь ход допроса. Недопустима звукозапись частей допроса, пропуск фрагментов допроса, а также повторение специально для звукозаписи показаний, данных в ходе того же допроса.

Таким образом, отображения, полученные с нарушением принципа адекватности, не обеспечивают объективного установления существенных обстоятельств дела и потому не могут быть допущены в качестве источников доказательственной информации.

В заключение отметим, что принцип однозначности преобразования относится к сигналам доказательственной информации и не распространяется на другие свойства оригинала, последние могут быть преобразованы неоднозначно или вовсе не воспроизведены. Так, оптическая развертка цилиндрической поверхности пули показывает картину следов на цилиндрической поверхности пули в развернутом виде в плоскости фотографического снимка.

При этом, естественно, форма поверхности самой пули не получает однозначного отображения. Это, однако, не имеет значения, поскольку ставится задача получения заключенной в следах информации об оружии, а не о пуле.

При фотографировании следа пальца важно воспроизвести его строение, размеры, форму и относительное размещение особенностей. При этом не имеет значения цвет папиллярных линий и фона, на котором находится след. Последние приводятся к наиболее удобному для восприятия виду.

Процесс получения отображений не является изолированной технической операцией. Он неразрывно связан со всем процессом расследования и установления истины по конкретному делу. Эта связь выражена прежде всего в необходимости логически обоснованного *определения круга источников информации, подлежащих воспроизведению*, а также выбора вида и способа их воспроизведения.

Решение указанных задач опирается на определенные логические предпосылки, практическое значение которых трудно переоценить. При производстве любого следственного действия, связанного с собиранием информации: осмотра, освидетельствования, допроса и др., - всегда необходимо определить, что подлежит описанию, фотографированию, с каких следов изготовить слепки, копии, а какие обстоятельства могут быть опущены, не подлежат фиксации. Произвольное решение этих вопросов приводит к пробелам в расследовании или загромождению дела ненужными материалами и случайной информацией. Определение круга подлежащих воспроизведению источников находится в связи с вопросом об относимости содержащихся в них фактических данных. Неразрывно связан с вопросом об относимости и выбор конкретного вида и способа воспроизведения.

Определение характера признаков, имеющих доказательственное значение, имеет существенное значение также для определения конкретного способа воспроизведения.

Если признаки, имеющие доказательственное значение, доступны для обычного восприятия, используется механизм простого воспроизведения; если же эти признаки могут быть выявлены лишь в особых условиях, применяется содержательное преобразование отображения.

Вместе с тем при определении способа и техники воспроизведения исходят из физических свойств оригинала, имеющих доказательственное значение. Так, если для дела существенное значение имеет видимый текст документа, используется простая репродукционная съемка; если требуется выявить признаки механического повреждения бумаги и вдавленные штрихи подчищенного текста, применяется теневая съемка; для выявления слабо видимых штрихов выцветшего или вытравленного текста - съемка в ультрафиолетовых лучах или съемка люминесценции и т.д.

Способ, механизм воспроизведения должны отправляться от механизма образования отображения, физической природы сигнала, несущего доказательственную информацию. Способ воспроизведения, пригодный для одной категории признаков, оказывается совершенно неприменимым к другой. Так, способ теневой съемки, хорошо выявляющий вдавленный текст, совершенно непригоден для выявления слабо заметных штрихов на шероховатых поверхностях. В этом случае вместо усиления сигналов, несущих доказательственную информацию, такой способ приведет к усилению действия помех. Для получения необходимого эффекта в этом случае применяется способ бестеневой контрастирующей съемки.

Решение вопроса об относимости источников и определения круга их свойств, имеющих доказательственное значение, встречает определенные трудности. Трудности эти обусловлены тем, что на первоначальных этапах расследования обстоятельства, а иногда и сама сущность расследуемого события еще недостаточно выяснены и потому причинная связь с этим событием отдельных источников может быть установлена лишь в предположительной форме. В случае достоверного отсутствия такой связи обнаруженный источник не может быть признан в качестве исходной информации, если установлено, что отображение к расследуемому событию не относится, поэтому не имеет смысла вести поиск следообразующего объекта.

Исходя из конкретной следственной ситуации далеко не всегда удается установить характер связи обнаруженного отображения с событием. Тем не менее сама задача должна быть поставлена. Существенное значение поэтому приобретает построение версий о связи отображений с расследуемым событием. Методи-

ческая особенность построения и проверки версий в данном случае состоит в том, что механизм образования исследуемого отображения должен быть изучен в связи с механизмом расследуемого события.

Эта задача решается исследованием механизма следообразования. Как метод такое исследование предполагает:

- 1) оценку места и связей данного отображения в общей следовой картине;
- 2) определение параметров следообразования;
- 3) классификацию идентификационного поля следообразующего (искомого) объекта;
- 4) оценку места и времени образования следа.

На этой основе определяется и относимость отображения, и круг тех его свойств, которые несут доказательственную информацию.

Так, например, при определении, какие из многочисленных следов, имеющих на взломанном хранилище, имеют отношение к делу и должны быть зафиксированы, а какие нет, в первую очередь должен быть установлен способ взлома этого хранилища. Допуская, положим, что преступник вскрыл дверь путем ее отжима, мы ставим в связь с этим способом взлома свежие следы давления ломика на обвязке и косяке двери в месте нахождения замка и следы упора руки на стене, соответствующие положению тела преступника при отжиме. С другой стороны, мы исключим, как не относящиеся к делу, следы прежнего ремонта двери, следы смены замков, применение похожих ключей владельцами и т.д., и т.п.

Соответственно физической природе выявленных следов будет избран и способ их фиксации: изготовление слепков с вдавленных следов и изготовление следовых копий с поверхностных следов.

При исследовании документа принимаются во внимание обстоятельства его использования преступником. Так, в случае его предъявления в качестве удостоверения личности исследуется круг реквизитов, которые могли быть подвергнуты подделке, например обозначения фамилии, имени и отчества, а также возможный способ подделки (например, подчистка). На этой основе определяются физические свойства документа, подлежащие выяв-

лению, и способ их воспроизведения, например теневая съемка документа для выявления механического повреждения бумаги.

Выбор источника, подлежащего воспроизведению, и определение самого способа воспроизведения основываются, таким образом, на известных логических предпосылках. Такими предпосылками являются версии о связи механизма образования отображения с механизмом расследуемого события. Технические приемы воспроизведения, следовательно, определяются кругом и характером подлежащих выявлению фактических данных, предметом и процессуальными задачами расследования.

Резюмируем сказанное относительно процессуально-технических принципов получения опосредствованных источников информации.

1. Искусственно получаемые в процессе расследования опосредствованные источники информации должны соответствовать определенным процессуально-техническим требованиям (принципам).

2. Поскольку выбор источника и способа его воспроизведения исходит как из анализа относимости фактических данных, так и из физической природы сигнала информации, используемые для получения отображения приемы имеют смешанную юридическую и техническую природу.

3. В зависимости от задач, которые решаются при получении опосредствованных источников информации, следует различать:

а) простое воспроизведение (фиксацию ранее обнаруженных фактических данных);

б) содержательное преобразование (воспроизведение, связанное с получением новых фактических данных).

4. В качестве общих принципов получения опосредствованных источников должны быть названы принципы относимости, информативности и адекватности отображения.

5. Нарушение принципа адекватности (изоморфизма) отображения делает невозможным использование содержащихся в отображении фактических данных в качестве доказательственной информации.

6. Принцип простого воспроизведения (фиксации фактических данных) состоит в получении отображения, максимально

полно и точно передающего воспринимаемые при обычных условиях доказательственные признаки оригинала. Принцип простого воспроизведения предполагает сведение к минимуму преобразующего действия механизма воспроизведения.

7. Принцип содержательного преобразования сводится к максимальному использованию механизмов преобразования с целью обнаружения дополнительных фактических данных.

8. Значение рассмотренных принципов состоит в том, что они, с одной стороны, представляют гарантию объективности, используемых в процессе фактологического анализа по раскрытию и расследованию преступления фактических данных, а с другой - являются методической основой технических приемов получения опосредствованных источников информации.

2.4. Технологии декодирования сигнальной информации

Изложенные выше принципы получения отображений относятся к той группе отображений, которая возникает в ходе процесса расследования, создается искусственно с целью воспроизведения существенной для расследования информации. Проблема метода исследования имеет более общий характер и относится к любому отображению независимо от условий его получения.

Выбор методов исследования источников информации, т.е. определение круга тактических и технических приемов и средств, с помощью которых могут быть обнаружены источники, выявлена, зафиксирована, объяснена, систематизирована содержащаяся в источнике информация, относится к наиболее ответственным моментам процесса фактологического анализа.

Решающее значение на выбор методов и технологий исследования оказывает форма отражения доказательственной информации.

Доказательственная информация, выраженная в свойствах и признаках материальных объектов, воспринимается и исследуется методами непосредственного наблюдения, измерения, путем производства опытов, инструментальными методами, т.е. любыми методами исследования природной причинной связи явлений. Эти методы реализуются при следственном осмотре, обыске, освидетельствовании, эксперименте, получении образцов для сравнения, назначения и проведения экспертизы.

Доказательственная информация, выраженная в форме устных и письменных сообщений, исследуется методами вербально-семантического анализа речевых сообщений.

Эти методы реализуются при допросах, очной ставке, исследовании письменных документов. Наряду с указанными можно говорить о существовании методов, основанных на исследовании смешанных форм отражения информации. К их числу относятся предъявление для опознания и проверки показаний на месте. Информационный эффект указанных методов обусловлен возможностью сопоставления и комплексного использования информации, полученной из различных по физической природе источников материальных и знаковых отображений.

Поскольку расследуемое событие отражается в различных элементах обстановки, сознании различных лиц и документах, его обстоятельства могут быть изучены по различным источникам, а информация, полученная при их исследовании, может быть сопоставлена, уточнена, подвергнута взаимной проверке, оценке, суммированию. Очевидно, что такой способ исследования значительно повышает его надежность и информационные возможности. Проблема получения информации есть проблема обеспечения условий объективного отражения информации в опосредствованных источниках. Проблема исследования - это проблема извлечения информации, содержащейся в уже имеющихся в распоряжении следователя и судьи источниках информации, и оценки ее объективности. Извлечение содержащейся в отображении информации и оценка ее объективности представляют необходимые условия ее использования в качестве фактических данных.

Оценка объективности отображений связана с известными методологическими трудностями. В первую очередь следует рассмотреть само понятие объективности отображения, признаков и критериев, которыми следует руководствоваться при определении этого понятия.

Является ли, например, объективным фотографический снимок помещения, выполненный с применением короткофокусного объектива с близкого расстояния и содержащий очевидные перспективные искажения сфотографированных предметов? Является ли адекватным снимок документа в ультрафиолетовых лучах, показывающий признаки, невидимые при обычном рассмотрении,

и представляющий как бы негативное изображение оригинала? Является ли объективной полученная механическим или оптическим путем кривая профиля объекта, растягивающая рельеф по вертикали или горизонтали?

Если за единственный критерий объективности и адекватности отображения принять представления, полученные в результате нормального восприятия объекта органами чувств человека, то на поставленные вопросы надо везде дать отрицательные ответы. Полученные отображения во всех рассмотренных случаях резко отличаются от результатов обычного восприятия объекта. В этих случаях принято говорить о перспективных, цветовых, яркостных и иных искажениях, деформациях и т.д.

Вместе с тем такого рода отображения являются адекватными, если при их получении соблюден принцип взаимнооднозначного соответствия отображения и оригинала.

Главным критерием объективности, учитывая субъективность и ограниченные возможности нормального восприятия, является не соответствие отображения обычным представлениям или нормальному восприятию, а соответствие отображения действительности, соблюдение принципа взаимной однозначности преобразования (принципа изоморфизма).

Если отображение соответствует действительности, а оно всегда будет соответствовать действительности при соблюдении принципа изоморфизма, то его следует признать адекватным, объективным отображением источника информации.

Если принцип взаимной однозначности преобразования нарушен, отображение неадекватно соответствует действительности, то оно не является объективным и не может поэтому служить источником достоверной информации. Следует отметить, что при этом отображение может соответствовать нашим обычным восприятиям и представлениям, быть очень похожим на оригинал (показательными примерами из следственной практики могут служить случаи фальсификации оттисков печатей и штампов, типографских изделий и денежных знаков с использованием компьютерных электронно-цифровых методов).

Вместе с тем критерий обычного человеческого восприятия не может быть исключен. Все наши представления о механизме преобразования отображений отправляются от обычного восприятия

объекта.

Отсутствие обычных представлений об объекте делает невозможным понимание самого механизма преобразования. Так, снимок документа в ультрафиолетовых лучах, при отсутствии обычного снимка и данных об условиях исследовательской съемки, не раскрывает механизма преобразования и потому не дает правильного представления об истинных свойствах исследуемого документа. В силу соответствия, адекватности наших обычных восприятий действительности они служат первоначальным масштабом оценки отображения (что не исключает в дальнейшем применения других масштабов). Сопоставление отображения с данными обычного восприятия облегчает понимание самого механизма отображения, а следовательно, и его соответствия действительности.

Таким образом, при оценке объективности отображения мы не можем опираться только на критерий его соответствия или несоответствия нашим обычным представлениям об отображаемом объекте. Оценка объективности отображения должна исходить из более общего критерия взаимодозначного соответствия всех элементов действительности (изоморфизма отображения) и опираться на исследование механизма образования отображения. В свою очередь, данные обычного восприятия объекта являются исходными для правильного понимания механизма образования отображения.

Приведенные соображения являются принципиальными как для понимания сущности исследования отображений, так и для разработки методики исследования.

Исследование отображения должно быть произведено в первую очередь с точки зрения его подобия оригиналу. Подобными являются объекты, тождественные друг другу в одной части своих элементов и различающиеся в другой. Отображение (опосредствованный источник информации) относительно отображаемого объекта является подобным объектом, так как, с одной стороны, содержит те же элементы, что и оригинал, а с другой - отличается от оригинала.

Рассматриваемые с точки зрения их соответствия оригиналу, все элементы отображения могут быть разбиты на три группы.

1. Инварианты - элементы отображения, тождественные оригиналу.

2. Помехи - элементы отображения, не содержащие информации об оригинале.

3. Варианты - элементы отображения, преобразованно отражающие свойства оригинала.

Соотношением инвариантов, вариантов и помех характеризуется уровень подобия отображения оригиналу и во многом возможности его использования.

Фотографическая копия документа, например, может иметь высокий уровень подобия оригиналу и быть тождественной ему по размеру, форме, содержанию, наличию и расположению реквизитов и другим свойствам. В связи с этим такая копия может во многих случаях успешно заменять оригинал и представляя его содержание (например, в качестве нотариально удостоверенной фотокопии), и представляя существенные элементы формы (например, в случаях исследования почерка по фотоснимкам рукописей). Исследование инвариантов отображения равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала. Сказанным определяется методическое значение выделения и использования инвариантов отображения.

Вместе с тем отображение никогда не может быть полностью тождественно оригиналу. Наряду с тождественными оно всегда содержит и различающие элементы - помехи и варианты, преобразование отражающие свойства оригинала.

К помехам относятся собственные свойства отображения, не содержащие информации об оригинале. Таковы, например, особенности фотоизображения, возникшие вследствие дефектов фотоэмульсий, и особенности рельефа слепка, возникшие в результате попадания в след посторонних предметов, повреждения следовой копии в результате неплотного прилегания пленки к поверхности предмета, внутренние шумы при магнитофонной записи, всякого рода субъективные наслоения в показаниях свидетелей и т.д.

Определив происхождение данной группы признаков, их исключают из дальнейшего исследования, преследующего цель установления свойств оригинала.

Выделение помех из числа других признаков отображения и их исключение из дальнейшего исследования имеет существенное методическое значение.

Практика показывает, что помехи иногда смешиваются со свойствами оригинала и это приводит к ошибкам. Так, при следственном осмотре дефекты слепка, возникшие в процессе его изготовления, могут быть приняты за особенности рельефа оригинала; при допросе свидетелей их субъективные переживания и впечатления не всегда отграничиваются от объективных фактов, являющихся предметом показаний свидетелей, и т.п.

Выделение и исключение помех представляет поэтому важное условие успешного исследования любого отображения.

Преобладание помех снижает уровень подобия отображения оригиналу и может сделать невозможным его использование в качестве опосредствованного источника доказательственной информации.

Так, например, портретный любительский фотоснимок, изготовленный с нарушением правил освещения, экспонирования и обработки, может сделать сфотографированного неузнаваемым, а сам снимок непригодным для целей идентификации личности.

Аналогично следует оценить и нечеткие, лишенные определенности и конкретности образы и представления свидетелей, если они не отображают свойств предметов и явлений, связанных с расследуемым событием, а выражают лишь субъективные переживания свидетеля и его отношение к этому событию.

Наибольшую сложность представляют исследование и оценка тех элементов отображения, которые передают свойства оригинала в преобразованном виде (вариантов). В отличие от инвариантов варианты передают информацию об оригинале в преобразованном виде, в форме естественного кода.

С позиций теории информации варианты являются результатом совокупного действия сигнала и помехи, результатом наложения помехи на сигнал, несущий информацию об оригинале. Выделение содержащейся в вариантах информации требует поэтому их специального исследования, дешифровки. Методом такого исследования может быть лишь анализ естественного кода, изучение механизма образования отображения.

С целью облегчения такого анализа может быть произведена классификация вариантов отображения. В зависимости от их отношения к соответствующим свойствам оригинала и обычному восприятию этих свойств следует выделить следующие две

группы вариантов.

1. Признаки, отображающие свойства оригинала в преобразованном относительно обычного восприятия виде.

2. Признаки, отображающие свойства оригинала, недоступные для обычного восприятия.

Признаки, отображающие свойства оригинала в преобразованном относительно обычного восприятия объекта виде

В зависимости от вида преобразования признаки данной группы разделяются на две подгруппы.

А. *Признаки симметричного преобразования.* В этом случае признак отображения, относительно соответствующего признака оригинала как бы повернут на 180° и имеет обратную выраженность. Таковы, например, признаки зеркальности отображения и негативности фотоизображения, противоположный рельеф слепка, выраженность изображения в дополнительных цветах.

Б. *Признаки асимметричного преобразования.* В этом случае признак отображения относительно соответствующего признака оригинала изменяет степень или характер выраженности, не меняя своего направления. Таковы, например, изменения степени яркости, контрастности, разрежения деталей, масштаба отображения, выраженности перспективы в фотографическом изображении, изменения конфигурации объекта в результате его пластической деформации при образовании следа, изменения силы и тембра звука при воспроизведении звукозаписи и т.д.

Асимметричные преобразования нередко относят к искажениям отображения, признавая за ними лишь отрицательную роль. Действительно, несоответствие отображения обычному восприятию объекта затрудняет установление его свойств. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что асимметричные преобразования признаков объекта не означают невозможности объективного установления его свойств. Например, так называемые перспективные искажения, возникающие при съемке объективом с необычным фокусным расстоянием (телеобъектив, широкоугольный объектив), являются искажениями лишь относительно обычного зрительного восприятия перспективы. Изображение в этих случаях строится в полном соответствии с объективными законами пер-

спективы и при учете этих законов может быть пригоден для установления размеров, расстояний, взаимного расположения предметов¹. По существу, в этих случаях правильнее говорить не об искажениях, а о различии механизма образования фотографического и зрительного изображения. Сказанное относится и к другим формам асимметричных преобразований.

При исследовании отображения необходимо установить характер преобразования, его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение соответствующих свойств.

Так, в статическом объемном следе устанавливается негативное отображение рельефа и связанная с ним зеркальность отображения. Влияние этих форм симметричных преобразований на отображение рельефа состоит в том, что поверхность следа оказывается конформной поверхности объекта.

В динамическом объемном следе дополнительно сказывается влияние одной из форм асимметричного преобразования. Оно состоит в том, что каждая точка объекта отображается в следе в виде линии. Влияние этой формы преобразования на отображение рельефа выражается в том, что профиль сечения следа соответствует профилю того же сечения объекта.

При пользовании рядом оптических приборов, например объективом микроскопа, объективом фотоаппарата, следует учитывать, что они дают зеркальное (перевернутое) изображение объекта, обычно измененное по масштабу, т.е. содержат формы симметричного и асимметричного преобразования. В свою очередь, изменение масштаба изображения всегда влечет изменение разрешающей способности прибора, поля его зрения и глубины резкости.

При использовании в качестве источников электронных доку-

¹ Так, если известно фокусное расстояние объектива и изображение содержит предмет, могущий служить масштабом, по такому снимку могут быть определены соответствующие расстояния и размеры (см.: *Зюскин Н. М.* Определение размеров предметов по случайному фотоснимку // *Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы.* М.: ЦКЛ ВИЮН, 1958. С. 151-162).

ментов следует учитывать возможности широкого спектра преобразований оригинала документа.

Обычные графические редакторы позволяют легко и в больших пределах изменять масштаб изображения, тип и размер шрифта, полностью трансформировать элементы оформления документа: поля, межстрочные интервалы, абзацные отступы и др.

Сканирование текстов, перевод и автоматическое редактирование существенно изменяют лексический состав документа.

Фотографические снимки, выполненные методом цифровой фотографии, а также схемы и рисунки, полученные посредством электронного сканирования, могут быть подвергнуты любым преобразованиям. С этой целью могут использоваться многочисленные программы электронного преобразования изображения по форме, положению, размеру, соотношению частей, цвету и т.д. Башмак может быть легко превращен в утку, а клякса в огненный смерч.

В связи с этим установление изоморфизма отображений в этих случаях представляет значительные трудности и требует применения специальных познаний¹.

*Признаки, отображающие свойства объекта,
недоступные для обычного восприятия*

В этих случаях признак отображения источника информации также объективно воспроизводит определенное свойство объекта, но это свойство не может быть воспринято органами чувств человека в обычных условиях. Таковы, например, отображения, полученные в результате фотографической съемки с изменением яркостного или цветового контраста, съемки в невидимых лучах и излучениях радиоактивных изотопов, съемки люминесценции, изображения на экране электронно-оптических преобразователей и т.д.

¹ Кочетков А. Т., Серов В. Н., Поставкин В. И. [и др.] Криминалистическое исследование видеосигнала по выявлению идентификационных признаков видеоаппаратуры и видеоносителей. М.: ЭКУ МВД РФ, 1998; *Они же*. Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей. Методическое пособие для экспертов / под ред. А. Ш. Каганова. М.: РЦСЭ при Минюсте России, 2003.

Происходящее при этом преобразование признаков является особой формой асимметричного преобразования, дающей наряду с искажениями дополнительную информацию об объекте исследования.

Основная задача оценки признаков, воспроизводящих недоступные при обычном восприятии свойства объекта, состоит в том, чтобы определить, что эти признаки отображают действительные свойства объекта, а не какие-либо элементы механизма отображения свойств.

Так, например, при рассмотрении рентгенограмм важно определить, что наблюдаемое на снимках затемнение действительно является результатом меньшей плотности просвечиваемого объекта, а не случайного засвечивания пленки или других посторонних причин.

Подведем некоторые итоги сказанному:

1. Задачи исследования отображения источника информации состоят в выделении содержащейся в нем информации об оригинале и оценке ее объективности, адекватности оригиналу.

2. Общим методом исследования отображения является его анализ с точки зрения механизма образования и подобия оригиналу.

3. Для разрешения указанных задач и выбора соответствующих технологий существенное значение имеет классификация признаков отображения и определение направления исследования их отдельных групп.

4. Деление признаков отображения на инварианты, помехи и варианты позволяет определить возможности использования отображения, а также направления исследования указанных трех групп признаков.

5. Определение и выделение «чистых помех» составляет обязательное условие эффективного исследования отображения с целью выявления содержащейся в нем информации об оригинале.

6. Исследование инвариантов равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала.

7. Основным материалом исследования является группа признаков, отображающая как свойства оригинала, так и механизм его образования (т.е. полученная в результате наложения помехи на сигнал информации).

8. Задача исследования вариантов состоит в том, чтобы определить характер преобразования (симметричное, асимметричное), его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение свойств¹.

2.5. Проблемы общей методик

Рассмотрев общие задачи и методологию исследования опосредствованных источников информации, следует обратиться к его методике в условиях фактологического анализа по обоснованию правовых решений.

Методика и техника исследования отдельных видов отображений получила детальную разработку в специализированных разделах криминалистики, судебной медицины, судебной психологии и других отраслях науки и техники. Получению и использованию отдельных видов отображений посвящены целые отрасли и разделы соответствующих наук. Достаточно сослаться, например, на судебную фотографию, дактилоскопию и психологию свидетельских показаний. По каждой из этих отраслей имеется обширная специальная литература, а в плане научно-практического применения каждая из них представляет самостоятельную специальность.

Наряду с дальнейшей углубленной разработкой техники исследования отдельных видов отображений в специализированных отраслях знания назрела очевидная необходимость рассмотрения общей методик исследования опосредствованных источников.

Необходимость разработки общей методик исследования отображений источников информации определяется, по крайней мере, следующими обстоятельствами:

1) общая закономерность развития науки состоит в том, что процессу специализации, накопления фактов должен соответствовать процесс их обобщения, генерализации, выявляющий общие тенденции исследуемых явлений и намечающий новые пути их исследования. И хотя отдельные исторические периоды развития науки характеризуются относительным преобладанием одного из

¹ То есть пользуясь терминологией теории информации, определить способ кодирования информации в отображении.

этих процессов, в целом нормальное развитие науки осуществляется при гармоничном сочетании, уравновешении этих процессов.

Применительно к обоснованию правовых решений процессу специализации средств и методов исследования в отдельных отраслях криминалистики, судебной химии, медицины, судебной психологии и других, должен соответствовать процесс их обобщения, прослеживающий общие черты этих методов, тенденции и закономерность их развития, а также соответствие принципам процессуального права;

2) методы обнаружения, фиксации и исследования отображений не могут рассматриваться как чисто технические приемы. Конечной целью этих методов является получение фактических данных, используемых для принятия правовых решений.

В связи с этим рассмотрение технических аспектов должно органически сочетаться с рассмотрением юридической сущности используемых в процессе расследования средств и методов. Всякий технический прием обнаружения и исследования отображений в процессе расследования должен быть проанализирован и как прием доказывания. Техническое исследование любого отображения с целью получения фактических данных должно рассматриваться в то же время и как исследование опосредствованного источника информации.

Широкое вторжение в процессы отправления правосудия идей, методов и инструментов естественных наук и технологий, общая информатизация и технологизация судебного процесса, наряду с его оптимизацией, связана с рядом издержек и появлением новых проблем. Ряд фундаментальных понятий имеют неоднозначную трактовку, понимание и применение в юриспруденции и технике. Поэтому прямой перенос их, положим, из области информационных технологий в правосудие чреват нежелательными методологическими и методическими последствиями. Между тем ошибки такого рода уже имеют место как в области научно-практической, так и в области законотворческой. В качестве примеров достаточно привести понятия истины, объективности, надежности, идентификации документа, подписи и ряда других.

Нормативно-техническое регулирование этих инструментов в сфере практического доказывания может быть обеспечено только посредством создания общего языка и методики исследования.

Существенно облегчают задачи обобщения и юридизации методики исследования отображений идеи и методы теории информации, позволяющие рассматривать любое отображение, фигурирующее в рамках процесса расследования, как источник доказательственной информации.

3. Обширный фактический материал, накопленный в специализированных отраслях, рассматривающих технику исследования отдельных видов отображений, может быть всесторонне освоен и квалифицированно применен на практике следователем, судом и любым другим участником правоприменительной деятельности. Эта задача решается путем использования в процессе расследования специалистов и экспертов, обладающих необходимыми специальными познаниями в соответствующей отрасли знания.

В то же время участники правоприменения, повседневно использующие отображения в качестве источников информации, сами должны владеть определенной методикой их исследования.

Такая методика должна представлять обобщение, синтез частных методик, рассматриваемых в специализированных отраслях знания, и обеспечивать решение задач исследования любого отображения. Будучи обобщением технических данных, такая методика должна быть вместе с тем юридической специализацией, приспособленной к условиям правоприменительной практики.

В связи с разработкой такой методики должны быть поставлены и рассмотрены теоретические и процессуально-технические проблемы работы с отображениями источников информации, которые не рассматриваются совершенно или остаются в тени при узкоспециальном и чисто техническом решении проблемы использования отображений. К их числу относятся в первую очередь проблемы фиксации, процессуального оформления и дешифровки отображений.

Создание рассматриваемой методики связано с неизбежными трудностями, вызванными прежде всего тем, что она должна охватывать такие качественно разнородные объекты, как вещественные и психические отображения, специальное исследование которых относится к различным отраслям знания и специальностям. Однако преодоление этих трудностей необходимо и возможно. Необходимо потому, что всякое отображение - это в первую очередь источник фактических данных о расследуемом событии. Для

него важны главным образом общие методы исследования источников информации. Возможно, потому, что к этому имеется необходимая методологическая и научно-техническая база в виде теории отражения, теории информации и теории судебных доказательств.

Детальная разработка и оформление такой методики потребуют определенного времени и усилий представителей различных специальностей. Настоящая работа рассматривается как первоначальный вклад в создание данной методики.

В судебно-следственной и экспертной практике используются следующие взаимосвязанные и дополняющие друг друга методы исследования отображений:

- 1) метод восстановления;
- 2) метод контрольных средств;
- 3) метод сравнения.

Метод восстановления

Метод основан на том, что процесс установления свойств оригинала является обратным относительно процесса преобразования оригинала в отображении. В первом случае процесс идет от признака отображения к свойству оригинала. Во втором - от свойства оригинала к признаку отображения.

Сущность метода заключается в том, что вначале устанавливается механизм преобразования (характер, направление и степень преобразований). Затем на этой основе осуществляются обратные преобразования или вносятся соответствующие коррективы в признаки отображения.

Установление механизма преобразования признаков представляет сложную задачу. Обычными средствами ее разрешения являются:

- 1) изучение отображения;
- 2) изучение данных об условиях образования отображения;

3) эксперимент¹.

Путем исследования отображения в первую очередь устанавливаются данные об общем способе отображения (описание, фотографирование, моделирование, копирование и др.) и его соответствии задачам воспроизведения. Так, копирование пригодно лишь для воспроизведения поверхностных, а моделирование объемных следов, описание - относительно худший способ фиксации признаков внешнего строения, но незаменимо для фиксации данных осязательных и обонятельных восприятий и т.д. Исследование механизма отображения должно осуществляться не абстрактно, а с точки зрения воспроизведения именно тех свойств оригинала, которые представляют существенные для дела фактические данные.

Путем исследования отображений должны быть установлены условия их образования, влияющие на отображение существенных для дела свойств.

Так, исследованием портретного фотоснимка устанавливаются данные о положении и позе снимаемого, направлении и характере освещения, величине экспозиции, а также их влияние на отображение признаков внешности. Путем осмотра фотоснимка может быть установлена, например, слабая проработка деталей на теневой стороне оригинала, являющаяся следствием недостаточной экспозиции. При научно-техническом исследовании отображений целесообразно привлечение данных тех специальных отраслей знания, которые исследуют закономерности образования и преобразования данного типа отображений. В их числе, помимо отраслей криминалистики, могут быть названы судебная психология, теория подобия, проективная геометрия, теория конформных отображений, физика твердого тела, сенситометрия и ряд других.

Условия образования отображения могут быть изучены и по другим материалам. Так, если отображение возникает в ходе судебного процесса, условия образования отображений должны

¹ *Белкин Р. С.* Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе. М.: Высш. шк. МВД СССР, 1961. С. 71-76; *Он же.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юрид. изд., 1964. С. 159-211; *Колдин В. Я.* Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. С. 47-55.

быть изучены по протоколам следственных действий и иным материалам дела.

Особенно важно таким путем выяснить те элементы механизма преобразования, которые затруднительно или невозможно установить путем непосредственного изучения отображения. К числу их относятся:

1) данные о свойствах отображаемого и отображающего объектов (например, характеристика объекта съемки, а также негативного фотоматериала; свойства слеп очной массы и свойства материала следа);

2) условия образования отображения, приводящие к его образованию относительно обычного восприятия оригинала (например, применение светофильтра при цветоделительной съемке, применение удлинительных колец, сменной оптики и т.п.).

Из сказанного следует, что в протоколе следственного или судебного действия обязательной фиксации подлежат те условия образования отображения, которые влекут преобразования отображения. Должны фиксироваться также те условия образования отображения, которые влияют на качество отображения, но не могут быть установлены путем простого осмотра полученного отображения.

Указанное важное требование, предъявляемое к протокольной записи, следует рассматривать как существенный элемент процессуальной формы отображений, полученных в ходе процесса расследования, гарантирующий правильность их использования в качестве опосредствованных источников информации.

На основе установленных данных о механизме преобразования (характер, направление, степень преобразования) осуществляются обратные преобразования и корректировка признаков.

Симметричные преобразования подвергаются полной обратной трансформации, которая осуществляется при исследовании вещественных отображений, как правило, механическим, оптико-механическим, фотомеханическим или иным подобным путем; разработан и практически используется ряд соответствующих методов. К ним относятся: метод устранения зеркальности изображения в процессе съемки, осмотре или проекционной фотографической печати; метод отражения рельефа путем применения пласти-

ческих масс; метод «оптических слепков»; метод устранения негативности изображения и ряд других.

Следует отметить, что метод полной обратной трансформации как метод восстановления применим лишь к симметричным преобразованиям. Так, путем снятия посмертной маски можно получить копию лица умершего (симметричные преобразования). При изготовлении же обычных или оптических слепков с объемного динамического следа мы получим копию следа, а не копию оставившего его объекта.

При наличии асимметричных преобразований рассматриваемый метод не обеспечивает восстановления признаков оригинала (эту необходимую оговорку всегда следует иметь в виду, говоря о применении метода обычных и оптических слепков).

Применение метода восстановления осложняется в случаях исследования асимметричных отображений. С целью восстановления отображения здесь могут использоваться следующие вспомогательные методы:

- метод частичной обратной механической трансформации;
- расчетный метод;
- оценочный метод.

Метод частичной обратной механической трансформации осуществляется с помощью разного рода корректирующих средств и устройств. В качестве таких средств в юридической практике могут быть использованы: проекционные аппараты, корректирующие светофильтры, стереоскопические устройства, кинопроекторные, стереофонические и другие приспособления.

Необходимый эффект восстановления будет получен лишь при соблюдении принципа соответствия степени преобразований. Это означает, что мощность корректирующего устройства и степени преобразования отображения должны быть согласованы между собой. Так, степень увеличения при проекционной печати должна соответствовать степени уменьшения при съемке, скорость воспроизведения записи должна соответствовать скорости работы киноаппарата, звуко-, кино- или видеозаписи и т.п.

Несоблюдение указанного принципа не позволяет достигнуть

эффекта восстановления¹.

Расчетный метод восстановления применяется в тех случаях, когда доказательственное значение имеет абсолютная выраженность свойств оригинала, например абсолютные размеры и расстояния между предметами, изображенными на фотоснимках или планах места происшествия. Метод основан на использовании строгой зависимости существующей между признаками изображения и отдельными элементами механизма отображения. Так, используя зависимость масштаба изображения и степени удаленности объекта от объектива, можно, определив фокусное расстояние объектива расчетным путем, установить размеры отдельных предметов, отображенных на снимке, и расстояние между ними².

Оценочный метод заключается в мысленном восстановлении свойств по признаку на основе данных о направлении и степени его преобразования. Оценочный метод применяется в случаях, когда доказательственное значение имеет не тождество, а подобие структур, т.е. не абсолютная, а относительная выраженность свойств, и когда признак отображения подобен свойству оригинала, а последнее легко восстанавливается по признаку.

Так, ориентирующий снимок места происшествия не требует увеличения до натуральной величины, а также вычисления размеров отдельных предметов, так как в данном случае значение имеют относительные размеры места происшествия, его расположение на местности относительно различных видимых ориентиров. Изображение в этом случае соответствует объективной картине, а искажения, вносимые, положим, короткофокусным объективом (например, искажение перспективы) легко могут быть исправлены путем оценки изображения в ходе его осмотра.

Рассматриваемым методом широко пользуются для оценки цвета и яркости предметов по черно-белым и цветным фотоснимкам, для оценки формы предметов по плоскостным изображениям, для оценки высоты и тембра голоса по фонограммам и т.д.

Условием применения оценочного метода является четкое

¹ Но может быть использовано как средство выявления недоступных для обычного восприятия свойств (например, метод скоростной киносъемки).

² Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. С. 105-118.

представление о доказательном значении структурных характеристик оригинала, характере и степени преобразования отображения. Если у следователя, эксперта нет данных о характере и степени преобразований, применение метода может оказаться невозможным.

Так, если в протоколах осмотра или актах экспертизы отсутствуют данные об условиях съемки, а на самих фотоснимках отсутствуют привычные для обычного восприятия предметы или специально используемые масштабы для определения характера и степени преобразования, фотоснимки могут оказаться не поддающимися дешифровке, нечитаемыми. Таковы, например, крупномасштабные снимки неровностей грунта, многие микроснимки, аэроснимки и т.п.

Это обстоятельство еще раз подтверждает мысль о том, что фиксация данных о преобразованиях подобного рода является существенным элементом процессуальной формы опосредствованных источников информации¹.

Важны также и технические приемы, обеспечивающие возможность применения оценочного метода. Для получения четкого представления о характере и степени преобразования в практике часто пользуются сопоставлением отображения, полученного в необычных условиях (большая степень увеличения, необычный ракурс съемки, низкий уровень расположения камеры, особый спектральный состав и т.п.) с отображением, полученным в условиях, соответствующих обычным условиям восприятия.

¹ Отсутствие таких данных в сообщениях, защищенных посредством «электронной подписи» делает проблематичной возможность использования их в качестве источников судебных доказательств. Источник, преобразования информации в котором не могут быть проверены в судебном заседании, не может быть признан допустимым. Поскольку правила кодирования и декодирования информации в таких сообщениях установлены закрытыми ГОСТами, а сама информация представлена в нечитаемой форме, сами эти сообщения представляют для суда своеобразный «черный ящик», недоступный для проверки. Следует согласиться с авторами, ставящими возможность использования таких сообщений в качестве источников судебных доказательств в зависимости от разработки специальной процессуальной формы, обеспечивающей возможность их процессуального исследования и оценки (см.: *Ткачев А. В. Проблемы реквизитов машинных документов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 2. С. 65, 66.*

С этой целью в случаях использования отображений, признаки которых не соответствуют обычному зрительному восприятию, для сравнения прилагаются отображения, полученные в условиях, соответствующих условиям обычного восприятия.

Так, в случаях микросъемки части объекта дается его изображение и в натуральную величину с указанием участка, подвергнутого микрофотографированию. В случае съемки в невидимых лучах прилагаются снимки того же объекта, выполненные при обычном освещении, и т.д. и т.п.

Поскольку сравнение преобразованного отображения с обычным отображением является методом оценки выявленных фактических данных, в этих случаях могут использоваться специальные технические приемы сравнительного исследования: способы сопоставления, совмещения и наложения отображений. Особенно целесообразны эти приемы в тех случаях, когда само значение выявленных признаков отображения зависит от их формы, положения и относительного размещения на оригинале. Так, например, восстановление удаленного подчисткой обозначения (буквы, цифры или слова) по следам подчистки и остаткам удаленного текста значительно облегчается в том случае, когда выявленные следы и штрихи могут быть наглядно сопоставлены с расположением имеющегося на документе видимого текста. С этой целью могут быть использованы специальные технические приемы.

Так, например, производится наложение выявленных с помощью бета-радиографии признаков подчистки на обычное фотографическое изображение документа¹. Для большей наглядности сравниваемые изображения рекомендуется предварительно окрашивать в дополнительные цвета. Полученное составное изображение, показывающее одновременно и видимый текст документа, и следы удаленного текста, является наиболее удобным для дешифровки выделенных признаков и восстановления первоначального текста (в частности, методом интерполяции).

При отсутствии данных об условиях преобразования отображений в протоколах следственных действий или актах экспертиз,

¹ Лисиченко В. К., Киричинский Б. Р. Применение бета-излучения радиоактивных изотопов при криминалистической экспертизе вещественных доказательств // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957. С. 137.

а также при отсутствии соответствующих контрольных отображений применение оценочного метода оказывается невозможным, так же как и использование в дальнейшем расследовании отображений источников информации в качестве доказательств.

Это обстоятельство нередко игнорируется экспертами, не указывающими в своих заключениях соответствующих данных, а также прилагающими к своему заключению нечитаемые отображения без соответствующих контрольных отображений. В результате доказательственное значение экспертизы в большей или меньшей степени утрачивается.

Метод восстановления находит широкое применение не только при исследовании вещественных, но и психических отображений - образов. Допрос и оценка показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых всегда связаны с мысленным восстановлением обстоятельств расследуемого события, т.е. с использованием оценочного метода восстановления. Так, восстанавливается круг предметов и лиц, бывших на месте преступления, их взаимное расположение, содержание и последовательность действий участников события, содержание фраз, сказанных при совершении преступления, и т.д. Наиболее полное мысленное восстановление всех существенных для дела обстоятельств расследуемого события, являющихся предметом допроса, представляет задачу и содержание допроса.

Мысленное восстановление при допросе нередко сочетается с демонстрацией, вещественным воспроизведением (репродукцией) отдельных элементов расследуемого события.

Так, потерпевший не только рассказывает, но и показывает, в каком положении и состоянии находились предметы домашней обстановки до совершения кражи, как были расположены вещи в хранилищах, в каком состоянии находились окна, двери, запоры, осветительные приборы и т.д.; обвиняемый не только рассказывает, но и показывает, в каком положении и на каком расстоянии находился он от потерпевшего в момент нанесения ему огнестрельного ранения, каково было состояние огнестрельного оружия, его направление и т.д.

Вещественное воспроизведение позволяет максимально конкретизировать и детализировать сохранившиеся у допрашиваемого

мого образы, что имеет в ряде случаев существенное для дела значение. С другой стороны, такое воспроизведение позволяет сопоставить содержание образов с материальной обстановкой и другими собранными по делу фактическими данными. Этот прием представляет не только наиболее действенное средство проверки и оценки показаний обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и свидетелей, но и позволяет в ряде случаев выявить новые существенные для дела фактические данные.

Вполне естественно поэтому, что наиболее эффективные формы сочетания мысленного восстановления и вещественного воспроизведения при допросе получают все большее и большее применение в доказывании и обосновании правовых решений. Наибольшее распространение и значение в этой связи имеет допрос свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого на месте происшествия, проверка показаний ранее допрошенных лиц на месте происшествия, воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств расследуемого события в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела (следственный эксперимент).

Метод контрольных средств

Метод контрольных средств (эталонов) основан на использовании однозначной взаимосвязи преобразования однородных объектов.

Сущность указанного принципа состоит в том, что однородные свойства оригинала, находящиеся в одинаковых условиях, преобразуются в отображении однозначно.

Так, все предметы, находящиеся перед объективом фотоаппарата на одном и том же расстоянии, будут уменьшены (или увеличены) при съемке в одинаковое число раз; предметы, имеющие одну и ту же яркость и спектральную характеристику, будут переданы на фотоснимке одинаковыми почернениями; звуковые колебания одинаковой частоты и амплитуды будут воспроизведены в фонограмме звуками одинаковой силы и высоты и т.д.

Контроль за качеством и количеством преобразований в отображении осуществляется посредством эталонов - объектов с заранее известными свойствами (размера, веса, цвета и т.д.)

В качестве эталонов могут быть использованы такие свойства

отображаемого объекта, которые однородны свойствам, имеющим доказательственное значение, и могут быть легко установлены по отображениям. Эталонами могут служить как собственные свойства оригинала (случайные эталоны), так и специально вводимые в отображение свойства посторонних объектов (специальные эталоны).

Рассмотрим *метод специальных эталонов*. Особенно широкое распространение получили специальные средства контроля качества изображения при исследованиях вещественных доказательств. Принципы и способы контроля воспроизведения различаются в зависимости от задач воспроизведения и характера преобразования отображения, т.е. вида воспроизведения.

При простом воспроизведении принцип контроля состоит в установлении точного соответствия эталона и его репродукции. Отклонения укажут на пределы, характер и происхождение искажений.

В качестве примера может быть приведена нейтрально-серая шкала, используемая для контроля правильности цветовоспроизведения в цветной фотографии.

Если шкала воспроизведена на снимке правильно, т.е. оттенками ахроматического серого цвета, в чем очень легко убедиться при рассмотрении фотоснимка даже лицу, никогда не видевшему воспроизводимый на снимке объект, то все цвета на снимке также переданы правильно. Если же в шкале преобладает какой-либо цветной фон (например, зеленый), то это указывает на искажение цветопередачи вследствие разбалансирования светочувствительности фотографических слоев и необходимость применения соответствующих корректирующих светофильтров при печати. Из-за многообразия условий, влияющих на воспроизведение цвета, определить правильность цветовоспроизведения при отсутствии такой шкалы практически невозможно.

Для контроля оптимальной плотности фотоизображения Е. Ю. Брайчевской уже давно рекомендовано использование эталона в

виде градационного негатива с обозначенными плотностями полей¹.

Необходимость объективных средств контроля качества отображения имеется и в других случаях воспроизведения: при изготовлении слепков, копий, звукозаписи и др. Однако до настоящего времени их разработке не уделялось должного внимания. Представляется необходимой разработка соответствующих эталонов для контроля качества воспроизведения рельефа при изготовлении слепков, плотности фотографического изображения для контроля оптимальных условий экспонирования, силы, высоты и тембра звука для контроля качества звукозаписи и т.д. Обязательными качествами таких эталонов должна быть простота, возможность использования неспециалистами и достаточная эффективность.

В случаях воспроизведений, связанных с преобразованием формы, в отображение должны вводиться для контроля элементы, указывающие на произведенные преобразования. Например, изображение на снимке обычной масштабной линейки с обозначением цифр укажет на преобразования масштаба, негативность и зеркальность изображения. Использование отображений, связанных с преобразованием формы, без такого рода контрольных средств следует признать недопустимым.

В случаях воспроизведения с целью выявления новых свойств принцип точного соответствия эталона и репродукции непригоден и действует другой критерий объективности воспроизведения, а именно: установление того факта, что имеющиеся в отображении новые признаки являются отображением объективных свойств воспроизводимого объекта, а не действием каких-либо случайных причин.

В качестве средства контроля применяется эталон, дающий при определенных условиях воспроизведения совершенно определенный, заранее известный эффект отражения свойств. По воспроизведению свойств эталона судят о соответствующих свойствах исследуемого объекта.

Наиболее наглядным является использование эталонов при

¹ *Брайчевская Е. Ю.* Рациональный метод оценки контрастов и контроль процессов судебной фотографии // Теория и практика криминалистической экспертизы. 1956. № 2. С. 175.

эмиссионном спектральном исследовании вещественных доказательств. Каждое химическое вещество имеет свой характерный специфический только для него спектр, который может быть распознан по заранее изученным аналитическим линиям. Получив тем или иным путем спектр исследуемого вещества, его сопоставляют со спектром эталона, в качестве которого берется наиболее изученный и богатый спектральными линиями спектр железа. Сопоставление аналитических линий исследуемой пробы с аналитическими линиями спектра железа позволяет с помощью специальных атласов определить их принадлежность определенному химическому элементу. Так определяется качественный состав вещества.

В основе количественного спектрального анализа лежит прямая зависимость интенсивности спектральной линии и концентрации вещества в пробе. Измерив интенсивность спектральной линии исследуемого вещества и сопоставив ее с интенсивностью спектральной линии веществ, концентрация которого заранее известна (эталона), можно с помощью специальных градуировочных графиков определить концентрацию исследуемого вещества. При исследовании концентрации примесей в сплавах свинца (например, в дроби, картечи, пулях) в качестве эталона берется линия свинца, по сравнению с которой и определяется концентрация примесей (олово, мышьяк, висмут и др.). Если в сравниваемых пробах нет элемента, количественное содержание которого было бы одинаковым (например, при исследовании тканей, бумаги и т.п.), в сравниваемые пробы специально вводится в одинаковых количествах элемент, называемый внутренним эталоном. В качестве последнего выбирается элемент, редко встречающийся в исследуемых объектах. Так, скажем, существует метод определения дистанции выстрела по количеству металла в копти выстрела на мишени. С этой целью в материал пораженного выстрелом объекта вводится специальный внутренний эталон (кобальт, молибден). Если интенсивность спектральных линий этих элементов будет одинаковой при всех вариациях опыта, она может служить масштабом для определения концентрации искомых металлов в

копоти выстрела¹.

Примером использования эталонов для изучения снимков люминесценции и в отраженных лучах невидимых зон спектра могут служить описанные Д. П. Эрастовым² тест-объекты. Тест-объекты представляют маленькие цинковые пластинки с люмированной поверхностью и наклеенными на них квадратиками специально окрашенной бумаги. Пластинка и квадратики обладают определенными, заранее известными оптическими свойствами (отражения, поглощения, люминесценции) и дают различные негативные изображения при съемке в различных участках спектра и различных режимах освещения. По изображению тест-объекта можно судить о правильности воспроизведения соответствующих свойств исследуемого объекта.

Так, в отраженных ультрафиолетовых лучах индикатор фиксируется на негативе в виде черного прямоугольника с прозрачным квадратом на нем: пластинка хорошо отражает ультрафиолетовые лучи, а квадрат с люминофором их поглощает. При съемке видимой люминесценции изображение индикатора меняется: пластинка не люминесцирует и получается прозрачной, а квадрат с люминофором получается высокой плотности. В случае нарушения условий съемки и попадания на фотослой помимо лучей люминесценции еще и отраженных ультрафиолетовых лучей (что искажает картину видимой люминесценции), почернения произойдут как в изображении пластинки, так и в изображении квадрата на ней.

Изображение эталона на негативе, таким образом, сразу позволяет определить в каких условиях производилась съемка и были ли соблюдены ее технические условия.

Для случаев контрастирующей съемки и цветоделения в видимых зонах спектра аналогичные средства контроля в виде цветной

¹ Митричев В. С. Криминалистическое исследование некоторых видов вещественных доказательств методом эмиссионного спектрального анализа: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М.: ВИЮН, 1960. С. 15.

² Эрастов Д. П. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.: АН СССР, 1958. С. 16-17.

штриховой шкалы, черно-белого кольца и белого кольца предложены Е. Ю. Брайчевской, А. А. Эйсманом и А. И. Манцвевой¹.

С помощью описанных эталонов устанавливается не только факт искажения правильности цветовоспроизведения, но также их причины, например неправильный выбор светофильтра, неправильное определение экспозиции, а также устанавливается стадия того процесса, в которой были допущены нарушения условий съемки (экспонирование, негативный или позитивный процесс). Одновременно определяются и пути получения правильных отображений.

Из сказанного видно, что метод индикаторов является эффективным средством исследования отображений.

Разработка простых и высокоэффективных средств контроля качества воспроизведения для всех его форм и видов является важной задачей криминалистики и других обслуживающих процесс расследования отраслей знания.

Следует указать на целесообразность сочетания указанных средств контроля с удостоверительными средствами, обеспечивающими подлинность отображения. Представляется целесообразным снабжать применяемые тест-объекты подписью изготавливающего отображение лица. Будучи воспроизведены во всех степенях отображения, надписи будут служить средством индивидуализации и удостоверения отображений.

Теперь остановимся на *методе случайных эталонов*. Наряду со специальными предметами, искусственно вводимыми в отображение, в качестве эталонов могут быть в отдельных случаях использованы также собственные свойства отображаемого объекта (случайные эталоны). Использование случайных эталонов основано на том же принципе однозначной взаимозависимости преобразования и по существу не отличается от использования специальных эталонов. Так, случайно сфотографированный листок бумаги или другой белый объект может быть использован при цветной печати вместо нейтрально-серой шкалы; изображение монеты

¹ Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств / под ред. Н. М. Зюскина, Б. Р. Киричинского. М., 1962. С. 103, 184; Эйсман А. А., Николайчик В. М. Физические методы выявления невидимых текстов. М., 1961. С. 106.

- роль масштабной линейки на фотоснимке или шкалы рельефа на слепке; движение маятника - роль индикатора времени при кино-проекции и т.п.

Метод контрольных средств широко используется и при исследовании психических отображений (образов).

В процессе допроса и оценки показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых этот метод используется в форме сопоставления показаний с объективно установленными данными.

Всякий достоверно установленный по делу факт может играть роль контрольного в процессе допроса и оценки показаний допрашиваемых¹.

С другой стороны, одной из важных задач допроса является получение данных, поддающихся последующей объективной проверке. С этой целью ставятся так называемые контрольные вопросы.

Так, свидетель заявил, что он слышал звук выстрела около 12 ч ночи. На вопрос следователя, как он определил время, свидетель ответил, что выстрел им был услышан вскоре после прохождения местного поезда, отходящего с ближайшей станции в 23 ч 55 мин. Данное обстоятельство было подтверждено при ознакомлении с железнодорожным расписанием и в ходе допроса работников станции.

Для проверки показаний обвиняемого о его местонахождении и действиях выясняется, где и с кем он находился, что делал, могли ли остаться следы его действий и т.д.

Так, обвиняемый на допросе показал, что револьвер, из которого он совершил убийство, был выброшен им при бегстве с места происшествия. В результате постановки контрольных вопросов выяснилось, что револьвер был выброшен обвиняемым в колодец, а бежал он с места преступления через свежевспаханное поле. Эти обстоятельства подтвердились в ходе тщательного осмотра колодца и прилегающего к месту происшествия поля.

¹ Селиванов Н. А. Вещественные доказательства. М.: Юрид. лит., 1971. С. 132-133; Комаров В. С. Тактика допроса: учеб. пособие. Харьков, 1975. С. 27-45.

Роль контрольных средств при допросе могут играть и заранее известные свойства предметов. Так, допрашиваемому предлагается оценить заранее измеренное расстояние между предметами, высоту отдельных предметов, определить их форму, цвет и т.д. По ответам допрашиваемого судят о его способности оценивать свойства наблюдаемых им вещей и явлений: правильности и точности суждений, характере и пределах отклонений от истины. Полученные данные учитываются при оценке показаний допрашиваемого по существу дела.

Вариантом рассматриваемого способа является и следующий. Допрашиваемому вначале предлагают оценить то или иное свойство предмета, например расстояние между предметами на месте допроса. Затем это расстояние измеряется. Полученные данные используются для оценки показаний, данных допрашиваемым.

В числе контрольных данных, «которые хотя непосредственно и не нужны для дела, но необходимы для проверки показаний свидетеля», С. А. Голунский указывает следующие:

а) внешняя обстановка, при которой свидетель наблюдает описанные им факты;

б) наличие других свидетелей, наблюдавших те же события, о которых дает показания данный свидетель;

в) такие факты, которые вытекают из показания допрошенного свидетеля и могут быть установлены путем тех или иных следственных действий;

г) подробные данные о личности самого свидетеля».

Большое значение придается выявлению контрольных данных при допросе П. И. Тарасов-Родионов, Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит, А. Б. Соловьев¹ и другие криминалисты.

Метод сравнения

В основе метода сравнения лежит изучение различных проявлений свойства оригинала. Подлежащие установлению свойства оригинала могут быть установлены путем исследования различ-

¹ Карнеева С. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958. С. 83-89; Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М.: Юрид. лит., 1981. С. 11-18.

ных их проявлений - признаков отображения и оригинала. Это положение и лежит в основе метода сравнения. В зависимости от материалов сравнения необходимо различать:

- 1) сравнение отображения с оригиналом;
- 2) сравнение с однородным объектом;
- 3) сравнение отображения с другими отображениями того же объекта.

Сравнение признаков отображения с признаками отображенного объекта возможно лишь при наличии оригинала, т.е. самого отображенного объекта, свойства которого подлежат изучению.

Указанный метод ограничен случаями исследования экспериментальных отображений. Его основное назначение - исследование условий (механизма) образования отображений.

При исследовании, например, оттисков каучуковой печати может проследиваться влияние силы нажима на отображение особенностей клише. Такое исследование предполагает непосредственное сопоставление особенностей клише с признаками оттисков, полученных при различных условиях.

Более общее значение имеет исследование отображения при отсутствии оригинала.

Особенно важны случаи изучения следов и других отображений, обнаруженных на месте преступления.

В связи с этим представляет интерес *метод сравнения отображения с однородным наличным объектом*. Метод основан на гомоморфизме отражения родовых (видовых и т.п.) свойств объектов.

Правильность отображения родовых свойств оригинала может быть проверена не только путем сравнения отображения с самим оригиналом, но и путем его сравнения с любым объектом того же рода.

Так, если на фотоснимке имеются изображения каких-либо предметов массового стандартного производства (архитектурные детали, мебель, инструменты, бытовые приборы, машины и т.п.), качество их отображения может быть установлено как путем сравнения именно с теми предметами, которые изображены на снимке, так и с любыми другими однородными предметами.

Рассматриваемый метод позволяет определить не только правильность отображения родо-видовых свойств, но и характер и степень преобразований, обусловивших обнаруженные искажения. Таким путем при исследовании фотоснимка могут быть выявлены искажения перспективы, искажения, вызванные необычным ракурсом съемки, положением камеры, аберрациями объектива, освещением и т.п.

Показания свидетеля о признаках системы наблюдавшейся им автомашины могут быть детализированы и сопоставлены следователем с признаками любой другой автомашины той же системы (высота, форма, детали отделки, устройство радиатора, количество колес, дверей и т.п.). В случае если свидетель затрудняется определить систему, ему могут быть предъявлены автомашины различных систем, с тем чтобы он указал ту, которая более всего соответствует виденной им на месте происшествия. Оживляя ассоциации свидетеля по сходству, такие сопоставления могут привести к воспоминанию забытых свидетелем признаков и фактов. С другой стороны, в результате такого рода сопоставлений может быть установлена или достаточная четкость и детальность восприятия свидетеля, или его неспособность к определению интересующего следователя факта.

Данные о характере и степени преобразования, полученные путем сравнения родо-видовых свойств, могут быть использованы и для общей оценки качества отображения.

Так, если путем сравнения длины автомашины на фотоснимке с длиной наличной машины той же марки установлено искажение перспективы (например, автомашина на снимке кажется короче), то это должно быть учтено и при оценке размеров в глубину и других объектов (например, длины оставленного следа торможения машины).

Существенное практическое значение имеет то обстоятельство, что установление наличия, характера и степени преобразования осуществляется значительно легче именно путем исследования и сравнения родо-видовых признаков объектов, а не их особенностей. Объясняется это тем, что такие признаки обладают относительно лучшей выраженностью и доступностью для исследования и сравнения. Не случайно поэтому для установления преобразований отображения обращаются в первую очередь к общим

размерам, форме, рельефу и иным родо-видовым признакам изображенного объекта.

В целях более широкого применения метода следует рекомендовать введение в качестве элементов отображения четко выраженных свойств объектов массового стандартного производства. Так, при фотографировании желательно иметь в кадре хорошо видимый предмет со стандартными размерами в трех измерениях, при изготовлении слепка роль такого объекта может выполнять гербовая сторона новой монеты, имеющая хорошо различимый средний и мелкий рельеф, при звукозаписи - удары камертона и т.п.

Следует иметь в виду также пределы применения данного метода. Сравнение в этом случае ограничено кругом родовых признаков отображенного объекта и не может распространяться на особенности. Дефекты изготовления, степень изношенности, повреждения, возникшие в ходе эксплуатации, и другие особенности однородного объекта не могут служить для контроля качества отображения. Поскольку сравниваемые объекты являются хотя и однородными, но различными объектами, они, естественно, различаются по своим индивидуальным признакам, особенностям.

Указанное положение является принципиальным и должно учитываться во всех случаях применения указанного метода.

Рассмотрим *метод сравнения отображений с другими отображениями того же объекта*.

Исследование отображения с помощью других отображений того же объекта - наиболее распространенный метод, применимый как к материальным отображениям, так и к образам.

Поскольку свойства оригинала устанавливаются по признакам отображения, возможности исследования существенно различаются в случаях, когда исследуется одно отображение или несколько отображений одного и того же объекта.

При наличии нескольких отображений одного и того же объекта есть возможность проследить варианты, имеющие различный механизм образования, отражающие различные стороны, свойства оригинала и поэтому дающие о нем более полную, а следовательно, и более правильную информацию.

Сравнение различных отображений одного и того же объекта находит поэтому широкое применение как метод исследования и

контроля при использовании любых опосредствованных источников.

Наиболее важными в практическом отношении являются случаи исследования отображений, изъятых с места преступления, а также исследования отображений, полученных экспериментальным путем с целью их последующего сравнительного исследования. Возможности метода зависят от количества имеющихся отображений и условий их образования. Наилучшие условия исследования имеются при наличии следующих категорий отображений:

- 1) оптимальных отображений;
- 2) корректирующих отображений;
- 3) дополняющих отображений.

Оптимальным при простом воспроизведении будет отображение, наиболее полно и четко воспроизводящее признаки объекта. Условия оптимального воспроизведения различаются для различных отображений. Они зависят от механизма воспроизведения и характера воспроизводимых признаков. Так, если при воспроизведении рельефа в объемном следе оптимальные условия определяются пластичностью, плотностью и зерновой структурой воспринимающего объекта, то в поверхностном следе решающую роль имеет относительная величина рельефов взаимодействующих объектов и физические свойства вещества следа.

Условия, оптимальные для воспроизведения одной категории признаков (например, при фотоснимке рельефа), могут оказаться наименее для другой категории (например, при съемке слабо-видимых штрихов текста). Так, в частности, теневое освещение, хорошо прорабатывающее штрихи вдавленного текста при фотосъемке документа, непригодно для выявления слабо-видимых штрихов текста, удаленного механическим путем. В отличие от первого рельеф поверхности документа в этом случае играет роль не сигнала информации, а помех. Задача заключается в выборе оптимального варианта отображения именно для той категории признаков, которые несут полезную доказательственную информацию.

Приемы получения отображений преследуют в первую очередь цель создания оптимальных условий отображения.

Таковы, например, приемы изготовления слепков, методы репродукционной, стереоскопической, цветной фотографии, приемы

получения фонограмм и т.д.

Рассмотренные выше процессуально-технические принципы простого воспроизведения исходят из задачи получения оптимального отображения.

Дополняющим, как показывает название, будет отображение, дополняющее информацию, содержащуюся в оптимальном отображении.

Как показывает практика, даже те отображения, которые получены в самых оптимальных условиях, не могут дать всестороннего представления об оригинале. Между тем для правильного разрешения дела существенное значение имеет всестороннее отображение свойств оригинала. В этих случаях оптимальные отображения целесообразно сопоставить с отображениями, выявляющими существенные для дела дополнительные свойства оригинала. Одно оптимальное отображение в таких случаях дает одностороннее, а потому иногда и ошибочное представление об оригинале.

Так, фотографический снимок, показывающий состояние автомашины после автопроисшествия, может создать неправильное представление о степени ее повреждения, если он показывает ее только с одной стороны. Более полное представление о масштабах и характере повреждений будет получено, если сопоставить такой снимок со снимком, выполненным с противоположной стороны.

Правила судебной фотографии прямо предусматривают получение взаимодополняющих отображений при фотографировании наиболее важных объектов.

Так, при съемке места происшествия рекомендуется производить встречную, крестообразную и панорамную съемку; съемку при обычных условиях освещения дополнять снимками в невидимых лучах; при опознавательной съемке, наряду со снимком в анфас, обязательно должен быть сделан снимок в профиль, а в отдельных случаях в ³А оборота и в полный рост в обычной одежде, и т.д.

Аналогичные правила действуют при получении других отображений. При получении дактилоскопических оттисков, наряду с прокаткой конечных фаланг пальцев, делаются контрольные отпечатки всех фаланг без их прокатки; при получении экспериментальных следов меняется контактная поверхность образующего

объекта и т.д.

Показания свидетеля, данные в ходе свободного рассказа, сопоставляются с его ответами на поставленные вопросы; показания обвиняемого в начале расследования сопоставляются с его же показаниями после предъявления ему собранных по делу доказательств и т.д.

При получении дополняющих отображений существенно определить важные для дела дополнительные свойства оригинала. Наряду с этим должны быть выделены те условия оптимального отображения, которые следует видоизменить для правильного воспроизведения дополнительных свойств (точку съемки или угол освещения при съемке; фронтальный угол или контактную поверхность при получении экспериментальных следов; характер вопросов, ставящихся перед допрашиваемым, обстановку допроса или круг предъявляемых ему доказательств).

Иную роль играют *корректирующие отображения*. Как видно из сказанного, исследование оптимальных и дополняющих отображений преследует цель получения информации о свойствах оригинала. В отличие от этого корректирующие отображения предназначены для изучения влияния, которое оказывают условия образования отображения на воспроизводимую информацию. Даже самое оптимальное отображение не свободно от преобразующего действия механизма воспроизведения (наложение помех на сигнал информации). Для выяснения происхождения и характера преобразований исследуемое отображение целесообразно сравнить с отображениями, образованными в отличающихся условиях. Такое сравнение позволит проследить влияние, оказываемое условиями воспроизведения на полученную информацию.

Задача исследования корректирующих отображений состоит, таким образом, в том, чтобы с их помощью уточнить и правильно оценить данные, полученные при изучении других отображений.

Поясним это положение примерами.

При исследовании внешности человека по фотографическому снимку нередко возникают затруднения в оценке отдельных признаков, наблюдаемых на фотоснимке. Например, отображают ли эти признаки особенности лица сфотографированного или являются результатом наложения светотени, дефектами эмульсионного слоя, обработки негатива и позитива и т.п. Для выяснения

этих вопросов производится сопоставление исследуемого фотоснимка с другими фотоснимками того же лица, выполненными в иных условиях освещения. Если особенность наблюдается и на снимках, выполненных в измененных условиях, то можно заключить, что указанные условия не являются причиной ее появления на фотоснимке, а она свойственна оригиналу (пигментное пятно, родинка, шрам и т.п.).

При исследовании оттисков печати нередко возникает вопрос, отображают ли наблюдаемые в оттиске признаки, например так называемый слепой шрифт, рельеф каучукового клише или являются результатом его засорения посторонними веществами. Для выяснения данного обстоятельства сравнивают исследуемый оттиск печати с оттисками, полученными после тщательной чистки клише от посторонних загрязнений. Если особенность наблюдается и в полученных таким путем оттисках, то ее следует признать особенностью рельефа самого клише.

При получении корректирующих отображений основная сложность состоит в выделении того элемента механизма отображения, который мог вызвать исследуемые признаки, например угол освещения при фотографической съемке, фронтальный угол при получении динамических следов, сила нажима при получении оптических следов и т.п. При этом в числе вариантов должны быть получены отображения, показывающие действие этого элемента с большей и меньшей степенью выраженности относительно исходного отображения.

Сравнение отображений как метод экспертного исследования привлекало внимание многих криминалистов¹.

Применительно же к условиям работы следователя и судьи метод сравнения отображений не получил необходимой разработки. Между тем в этих условиях он имеет не меньшее значение.

Особенно большое практическое значение имеет метод сравнения отображений при изъятии отображений в качестве материальных источников информации, а также при подборе образцов

¹ *Колдин В. Я.* Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1978. С. 30-65; *Колмаков В. П.* Идентификационные действия следователя. М.: Юрид. лит., 1977. С. 15-68, [и др.]

для сравнения и экспериментальном воспроизведении отображений.

Следует отметить, что здесь в разработке и практическом применении метода имеются существенные недостатки. Особенно это относится к случаям изъятия отображений в качестве материальных источников информации. В большинстве руководств и пособий, а также на практике правильно обращается внимание на изъятие оптимального отображения (отыскивается наиболее полный и четкий след, фотоснимок, рукопись и т.д.).

Однако часто не делается указаний о необходимости отыскания и изъятия вариантов отображения (корректирующих и дополняющих отображений).

Так, например, детально описывая технику обнаружения, фиксации и изъятия следов пальцев рук, авторы хорошо известных руководств совершенно не упоминают о необходимости изъятия с места преступления дополняющих и корректирующих отображений¹.

Отсутствие такого рода указаний приводит к тому, что следователи и дознаватели нередко изымают с мест преступлений при наличии ряда различных отображений только один след, один фотоснимок, одну рукопись и т.д.

При исследовании таких отображений возникают значительные, часто непреодолимые трудности. Обуславливаются они тем, что изъятые с мест преступления отображения очень часто плохого качества, отображают лишь отдельные участки и свойства объекта и не содержат необходимой информации. Восполнить же этот пробел в процессе исследования (например, в ходе экспертизы) оказывается уже невозможным, так как соответствующие дополняющие и корректирующие отображения, имеющиеся на месте преступления, уже утрачены. В результате исследование оказывается полностью или частично невозможным.

Из сказанного видно, что в случаях изъятия отображения с места преступления особенно важно обеспечить исследование корректирующих и дополняющих отображений.

Практически это означает, что:

¹ Криминалистическая техника. М.: Госюриздат, 1959. С. 171-192.

1) с места преступления должно изыматься не одно оптимальное отображение, а по возможности все основные варианты.

Не следует изымать дублирующих, т.е. образованных в одних условиях и не содержащих дополнительной информации, отображений.

2) в процессе изъятия отображений должны применяться комбинированные методы фиксации (изготовление слепков, фотографирование, протоколирование, вычерчивание планов, схем и т.д.). Комбинирование методов, с одной стороны, обеспечивает возможность изъятия практически неограниченного круга отображений (например, с помощью современных способов фото- и кино-съемки), с другой - оно обеспечивает использование взаимодополняющих средств фиксации отображений (фотоснимок, слепок, план, протокол).

В ходе подбора образцов для сравнительного исследования, а также производства экспериментов с этой целью еще не всегда должным образом используются корректирующие и дополняющие отображения.

Так, при отобрании у заподозренного отпечатков пальцев для экспертизы не всегда обращается внимание на получение отпечатков с различным направлением и силой нажима пальца на поверхность. Между тем это обстоятельство серьезно осложняет процесс исследования, так как лишает эксперта данных для оценки явлений деформации исследуемого отпечатка.

При подборе образцов почерка не всегда отыскиваются все варианты почерка проверяемого лица. В тех же случаях, когда исследуемая рукопись или подпись выполнены не тем вариантом почерка, который отражен в образцах, исследование осложняется и вопрос, поставленный перед экспертизой, может оказаться нерешенным.

Аналогичное значение имеет получение и использование дополняющих и корректирующих отображений в других исследованиях.

В случаях использования отображений, преобразованных относительно обычного восприятия (например, снимки в невидимых лучах) в качестве корректирующих и дополняющих должны использоваться снимки тех же объектов, полученные при обычных

условиях восприятия. Как было показано при рассмотрении метода восстановления, контроль процесса преобразования при отсутствии таких снимков затрудняется или оказывается невозможным.

Немалое значение имеет рассматриваемый метод и при исследовании психических отображений. Сравнение различных отображений при получении и оценке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых осуществляется в двух основных формах:

1) в форме сопоставления различных высказываний (образов) одного и того же лица по данному обстоятельству. Так, полученные в ходе допроса показания сопоставляются с высказываниями допрашиваемого до возбуждения дела, сделанными в различной обстановке, с показаниями его на предшествующих допросах, в письменных заявлениях и т.д.

Вариантом рассматриваемой формы является использование допрашиваемым собственноручных записей, писем, памятных записок и т.п. для восстановления в памяти забытых им фактов, особенно когда речь идет о датах, цифрах, наименованиях, технических данных и т.д.;

2) в форме сопоставления показаний различных лиц по исследуемому обстоятельству. Так, показания одного свидетеля сопоставляются с показаниями другого свидетеля по тому же вопросу, показания обвиняемого с показаниями потерпевшего и т.п.

Развитием данной формы сравнения опосредствованных источников является очная ставка, проводимая при наличии существенных противоречий в полученных показаниях.

Существенное практическое значение имеет *вопрос о необходимости специальных знаний для исследований отображений*. В зависимости от его разрешения находятся процессуальные формы и технические приемы изучения и использования опосредствованных источников.

Относительно любого опосредствованного источника информации должен быть решен вопрос, возможно ли исследование отображения самим следователем и судьей в форме осмотра, освидетельствования, допроса и иных процессуальных действий или требуется привлечение специалистов и назначение экспертизы.

Принципы простого воспроизведения, как правило, делают

возможным исследование отображения на базе обычных представлений об исследуемых объектах - путем его сопоставления с данными обычного восприятия. При соблюдении правил получения и процессуального оформления таких источников информации механизм их образования может быть установлен без привлечения специалистов и экспертов. Так, исследование свидетельских показаний, фонограмм, фотоснимков, слепков, следовых копий и других отображений, полученных в ходе осмотров, обысков, экспериментов и иных следственных действий, обычно не требует специальных познаний и может быть успешно произведено следователем и судьей без привлечения специалистов и экспертов. Исключения составляют случаи, когда в процессе следственного или судебного осмотра возникают специальные вопросы, касающиеся механизма образования отображений, например установление факта монтажа при исследовании фотоснимка или фонограммы, выяснение происхождения отдельных особенностей отображения, выявление признаков психического заболевания при оценке свидетельских показаний и т.д.

Иное положение имеет место при воспроизведении с целью выявления недоступных для обычного восприятия свойств оригинала. Обиходные представления об исследуемых объектах оказываются в этих случаях недостаточными. Понимание, дешифровка отображения, объяснение его признаков основаны в этих случаях на теоретических или специальных эмпирических представлениях о механизме образования таких отображений, т.е. требуют специальных познаний.

Так, снимок одежды потерпевшего в инфракрасных лучах, выявляющий следы копоти выстрела и позволяющий судить о наличии огнестрельного повреждения, расположении входного отверстия и дистанции выстрела, требует специальной научно-технической интерпретации. В своем заключении эксперт должен показать не только технический способ получения снимка, но и теоретические предпосылки метода исследования: свойства объектов исследования, закономерности получения отображений. Без такой интерпретации снимок не может служить средством доказывания, не будет иметь значения источника доказательственной информации. Информация, содержащаяся в таких снимках, останется зако-

дированной, нечитаемой, недоступной для восприятия следователем и судьей.

В силу сказанного такие отображения как цветоделительные снимки, микроснимки и снимки люминесценции, снимки в невидимых лучах спектра и излучениях радиоактивных изотопов, изображения на экранах электронных преобразователей и т.п. могут рассматриваться как опосредствованные источники информации лишь после исследования их лицами, располагающими соответствующими специальными знаниями. Такими лицами являются эксперты или специалисты, осуществляющие исследования, в ходе которых соответствующие отображения получены.

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес позиция М. А. Чельцова. Считая специфической чертой заключения эксперта сообщение следователю или суду опытного положения, под которое должен быть подведен определенный факт дела, М. А. Чельцов пишет: «Если вызванное судом лицо только выявляет каким-то техническим способом факт, неизвестный ранее, оно не может считаться экспертом. Поэтому не будет, например, экспертом судебный фотограф, изготовивший увеличенный или полученный с применением особых приемов снимок с документа, на котором делаются очевидными следы подчисток или вытравленного текста. Подобного рода снимки следует считать вещественным доказательством. Техническая же операция, выявившая моменты, невидимые для невооруженного глаза, является выполнением сложного осмотра подлинного вещественного доказательства»¹.

Действительно, если специалист ограничился изготовлением снимка и не показал в своем заключении способа его получения, сущности проведенных преобразований и механизма образования выявленных им признаков, его работу нельзя считать проведением экспертизы. Суд и следователь не получают в результате такого исследования фактических данных, которые можно было бы правильно оценить и использовать в процессе доказывания. В этой части мы разделяем позицию М. А. Чельцова.

Следует, однако, отметить, что и полученный в этом случае

¹ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 175-176.

фотографом снимок нельзя считать источником доказательственной информации, материальным источником. Без специальной научно-технической интерпретации такой снимок не может служить источником фактических данных, истинность и достоверность которых может быть оценена следователем и судом.

С другой стороны, если специалист дает такую интерпретацию, раскрывает научные основы метода исследования и механизм образования выявленных им доказательственных признаков, его выводы следует рассматривать как заключение эксперта. В этом случае и прилагаемые к заключению фотоснимки приобретают характер опосредствованных источников информации.

Широкое внедрение научно-технических средств в практику работы органов дознания и следствия делает возможным получение такого рода отображений самим следователем, дознавателем или оперативным работником. Практике известны случаи, когда следователи путем осмотра предмета в невидимых лучах, например с помощью люминесцентной лампы или электронно-оптического преобразователя, или его фотографирования выявляли невидимый текст или другие важные его особенности и успешно использовали их для установления истины по делу.

Не умаляя роли инициативности и оперативности в процессе расследования, мы полагаем, что полученные таким путем отображения не приобретают значения источников доказательственной информации, хотя и могут использоваться в оперативных целях. Следователь или дознаватель, получившие такого рода отображения, не могут дать компетентной оценки наблюдаемых на них признаков, а если бы и могли это сделать, то не вправе совместить в своем лице функции следователя (дознавателя) с одной стороны и специалиста или эксперта с другой.

Отображения, выявляющие недоступные обычному восприятию признаки, могут стать источниками доказательственной информации только в тех случаях, когда они были предметом исследования специалистов или экспертов и получили надлежащее научно-техническое объяснение.

Такое объяснение может быть дано или в форме включенного в протокол заключения специалиста, участвовавшего в осмотре и исследовании материального источника информации, или в форме

заключения эксперта, если исследование такого источника производилось путем экспертизы. Следует отметить при этом, что функцию источника доказательственной информации полученное отображение приобретает только при совместном использовании с протоколом соответствующего следственного действия (или заключением эксперта). В этом состоит особенность рассматриваемых источников. Взятые изолированно, в отрыве от указанных процессуальных документов (например, фотоснимок без соответствующего протокола или заключения эксперта), такого рода отображения не могут служить источниками доказательственной информации, а останутся лишь потенциальными источниками информации.

Резюмируем сказанное относительно необходимости специальных знаний при исследовании опосредствованных источников информации.

Исследование оригинала по опосредствованным источникам, полученным в результате простого воспроизведения, не требует специальных знаний, если при этом не возникает каких-либо специальных вопросов, касающихся механизма воспроизведения свойств.

Исследование опосредствованных источников, выявляющих свойства оригинала, недоступные обычному восприятию, требует специальных познаний.

Отображения такого рода приобретают функцию источника доказательственной информации только в результате их исследования специалистами или экспертами в качестве приложений к соответствующим документам (протоколам или заключению экспертизы).

Выводы

1. Методологические подходы

Традиционная теория судебных доказательств базируется на логическом анализе ее понятийного аппарата и толковании связанных с процедурой доказывания норм закона и практики его применения. В настоящее время появилась возможность и необходи-

мость использования новых инструментов анализа судебных доказательств. Речь идет о возможностях структурного, деятельностного и информационного подходов, показавших свою плодотворность при анализе любых систем деятельности, в том числе криминальной, криминалистической и доказательственной.

2. Понятие источника фактологической информации и анализ структуры информационного канала

Системный подход позволил выделить в целостном понятии доказательства элементы, имеющие самостоятельное функциональное, а следовательно, и процессуально-криминалистическое содержание и значение. К их числу относится понятие материального носителя информации, понятие отображения, понятие информации. Каждый из этих элементов представляет относительно самостоятельную подсистему, имеющую самостоятельное информационно-функциональное и доказательственное значение и требующую специального анализа.

Так, с понятием материального объекта - носителя информации связываются задачи обнаружения, фиксации и индивидуализации, без чего невозможно обеспечение его подлинности.

С понятием источника связывается задача прочтения, декодирования содержащихся в нем сведений.

С понятием информации связывается задача определения ее относимости, т.е. определения ее соответствия общей модели расследуемого события.

Решение указанных задач относится в теории доказательств к преддоказательственному уровню и детально не анализируется. Между тем именно их решение обеспечивает получение полноценных судебных доказательств.

Методический смысл и значение выделения указанных задач состоит в том, что каждая из них требует разработки самостоятельных методик и современных технических средств, обеспечивающих их реализацию.

Не будет преувеличением утверждение о том, что основной научно-технический потенциал оперативной спецтехники, криминалистики и судебной экспертизы сфокусирован именно на решении указанных задач.

В связи с этим юридический, информационно-доказательственный анализ данных задач, адаптация высоких научных технологий к решению задач расследования и судопроизводства весьма актуальны как для науки, так и для юридической практики.

Так, задача индивидуализации и идентификации источника как удостоверительной процедуры обеспечения подлинности, несмотря на ее практическую актуальность и значение, ранее специально не исследовалась ни в процессуальной, ни в криминалистической литературе.

В современном законодательстве и литературе нет однозначного понимания вещественных и письменных доказательств, а также понятия документа. Между тем разграничение этих понятий представляет не абстрактную классификацию, а является методической основой выбора методики исследования источников, определения профиля привлекаемых специалистов, постановки перед ними экспертных задач, организации взаимодействия и т.д.

Выделение и анализ сигнальной и знаковой форм отражения информации позволили дать более четкое определение вещественных и личных источников, а также сформировать основы методик их криминалистического исследования. Разграничение указанных форм имеет особое методическое значение при исследовании смешанных источников с многоступенчатой сигнально-знаковой формой отражения информации (фоно-, видео-, электронно-цифровые носители информации). Здесь разграничение указанных форм отражения является необходимым условием правильной организации работы экспертов разного профиля в процессе комплексного исследования источников.

3. Проблемы классификации источников

Наиболее значимым в теоретическом и методическом отношении является деление источников информации на непосредственные и опосредствованные. Оно позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

В непосредственном источнике информации доказательственное значение имеют свойства самого источника. Задача исследования состоит в обнаружении и фиксации этих свойств. Она может

быть решена путем непосредственного восприятия и исследования источника информации.

Специфика опосредствованного изучения источника информации состоит в необходимости исследования механизма отражения содержащейся в нем информации. Отображение одного объекта в другом всегда связано с преобразованием отображаемых свойств. Вся информация передается в отображении в преобразованном виде, в форме естественного (сигнал) или искусственного (знак) кода. Установление их требует специального исследования, дешифровки содержащихся в отображении данных. В следах такое исследование осуществляется путем изучения механизма образования отображения. Выяснив механизм образования отображения или значение знака, мы получаем ключ к дешифровке содержащихся в нем фактических данных.

Отнесение источника информации к числу непосредственных или опосредствованных прямо связано с определением технологии его исследования. В связи с этим рассматриваемое деление имеет прямое практическое приложение в отраслевых методиках. Так, в области идентификации оно реализуется через деление объектов на идентифицируемые и идентифицирующие, в трасологии - в делении объектов на образующие и воспринимающие, в психологии - в разграничении объекта и образа и т.д.

Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно.

Деление источников информации на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников на первоначальные и производные. Последнее имеет в основе не способ отражения факта источником информации, а способ формирования источника и его удаленность от первоисточника сведений о факте.

При этом, однако, данная классификация не учитывает существенного различия возможностей и методов исследования предметов и следов-отображений, которые могут быть как первоначальными, так и производными источниками. Непосредственное предметно-чувственное исследование предметов, осуществляемое

при их осмотрах и других судебно-следственных действиях, существенно отличается от изучения следов-отображений, следовых копий, электронных носителей и других подобных источников информации, требующих, как правило, привлечения специалистов и экспертов. Между тем и те, и другие могут быть как первоначальными, так и производными источниками информации.

В целях правильной организации и проведения криминалистических исследований существующая классификация источников на первоначальные и производные должна быть дополнена их делением на непосредственные и опосредствованные.

В составе опосредствованных источников должна быть выделена категория смешанных источников, возникающих в ситуациях использования универсальных средств фиксации и многоступенчатого преобразования сигнала.

Особенно широкое распространение эти источники получили в связи с внедрением в процесс расследования и доказывания современных средств фиксации, передачи и хранения информации (фото-, фоно-, видео- и электронно-цифровые источники).

При исследовании такого рода источников каждый этап преобразования сигнала должен быть оценен с позиций изоморфизма произведенных преобразований, так как без этого невозможно оценить достоверность полученной информации.

Вместе с тем каждый этап таких преобразований должен быть процессуально удостоверен, что является гарантией подлинности информации, получаемой по каналу связи и гарантией от неправомерного доступа.

Указанное требование еще не нашло отражения в действующем процессуальном законодательстве и, как показывает опыт авторских наблюдений, не учитывается в практике использования опосредствованных источников информации в судебном процессе.

Системный анализ отображений особенно важен в случаях, когда источники содержат различные информационные поля, требующие применения специальных методов исследования в составе комплексных экспертиз, например, акустическое, лингвистическое, трасологическое информационное поле при исследовании видеофонограмм. Такие источники являются одновременно и вещественными, и личными источниками информации. При этом

выделение в их составе соответствующих информационных полей является важнейшей предпосылкой правильной организации исследования и получения оптимальных результатов. Некорректное отнесение таких источников к вещественным доказательствам или документам может только неправильно ориентировать субъектов доказывания на выбор методов их исследования.

Как видно из сказанного, рассматриваемая классификация имеет не только теоретическое, но и существенное методическое значение, как основа разработки методик фактологического исследования источников.

4. Процессуально-технические принципы получения опосредствованных источников информации:

а) искусственно получаемые в процессе расследования опосредствованные источники, расширяя его информационную базу, вместе с тем должны соответствовать определенным процессуально-техническим требованиям (принципам);

б) поскольку выбор источника и способа его воспроизведения исходит как из анализа относимости фактических данных, так и из физической природы сигнала информации, используемые для получения отображения приемы имеют смешанную юридическую и техническую природу;

в) в зависимости от задач, которые решаются при получении опосредствованных источников информации, следует различать:

— простое воспроизведение (фиксацию ранее обнаруженных фактических данных);

— содержательное преобразование (воспроизведение, связанное с получением новых фактических данных);

г) в качестве общих принципов получения опосредствованных источников должны быть названы принципы относимости, информативности и адекватности отображения;

д) нарушение принципа адекватности (изоморфизма) отображения делает невозможным использование содержащихся в отображении фактических данных в качестве доказательственной информации;

е) принцип простого воспроизведения (фиксации фактических данных) состоит в получении отображения, максимально полно и

точно передающего воспринимаемые при обычных условиях доказательственные признаки оригинала. Принцип простого воспроизведения предполагает сведение к минимуму преобразующего действия механизма воспроизведения;

ж) принцип содержательного преобразования сводится к максимальному использованию механизмов преобразования с целью обнаружения дополнительных фактических данных;

з) значение рассмотренных принципов состоит в том, что они, с одной стороны, представляют гарантию объективности используемых в процессе фактологического анализа по раскрытию и расследованию преступления фактических данных, а с другой - являются методической основой технических приемов получения опосредствованных источников информации.

5. Общая методика декодирования отображений

Общим методом исследования отображения является его анализ с точки зрения механизма образования и подобия оригиналу.

Для разрешения указанных задач существенное методическое значение имеет классификация признаков отображения и определение направления исследования их отдельных групп.

Деление признаков отображения на инварианты, помехи и варианты позволяет определить возможности использования отображения, а также направления исследования указанных трех групп признаков.

Определение и выделение чистых помех составляет обязательное условие эффективного исследования отображения с целью выявления содержащейся в нем информации об оригинале.

Исследование инвариантов равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала.

Основным материалом исследования является группа признаков, отображающая как свойства оригинала, так и механизм его образования (т.е. полученная в результате наложения помехи на сигнал информации).

Задача исследования вариантов состоит в том, чтобы определить характер преобразования (симметричное, асимметричное), его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение свойств.

6. Частные методы декодирования отображений

Анализ экспертной и судебно-следственной практики позволил выделить три основных типа методов декодирования:

- метод восстановления;
- метод контрольных средств;
- метод сравнения.

Метод восстановления основан на том, что процесс установления свойств оригинала является обратным относительно процесса преобразования оригинала в отображении. В первом случае процесс идет от признака отображения к свойству оригинала. Во втором - от свойства оригинала к признаку отображения.

Сущность метода заключается в том, что вначале устанавливается механизм преобразования (характер, направление и степень преобразований). Затем на этой основе осуществляются обратные преобразования или вносятся соответствующие коррективы в признаки отображения.

На основе установленных данных о механизме преобразования (характер, направление, степень преобразования) осуществляются обратные преобразования и корректировка признаков.

Применение метода восстановления осложняется в случаях исследования асимметричных отображений. С целью восстановления отображения здесь могут использоваться следующие вспомогательные методы:

- метод частичной обратной механической трансформации;
- расчетный метод;
- оценочный метод.

Метод контрольных средств (эталонов)

Метод контрольных средств (эталонов) основан на использовании *однозначной взаимосвязи преобразования*.

Сущность указанного принципа состоит в том, что однородные свойства оригинала, находящиеся в одинаковых условиях, преобразуются в отображении однозначно.

Метод сравнения

В основе метода сравнения лежит *изучение различных проявлений свойства оригинала*. Подлежащие установлению свойства

оригинала могут быть установлены путем исследования различных их проявлений - признаков отображения и оригинала. Это положение и лежит в основе метода сравнения. В зависимости от материалов сравнения необходимо различать:

- сравнение отображения с оригиналом;
- сравнение с однородным объектом;
- сравнение отображения с другими отображениями того же объекта.

7. Необходимость специальных знаний для исследований отображений

В зависимости от его разрешения этого вопроса находятся процессуальные формы и технические приемы изучения и использования опосредствованных источников.

Относительно любого опосредствованного источника информации должен быть решен вопрос, возможно ли исследование отображения самим следователем и судьей в форме осмотра, опросов, допроса и иных процессуальных действий или требуется привлечение специалистов и назначение экспертизы.

Принципы простого воспроизведения, как правило, делают возможным исследование отображения на базе обычных представлений об исследуемых объектах, путем его сопоставления с данными обычного восприятия. При соблюдении правил получения и процессуального оформления таких источников информации механизм их образования может быть установлен без привлечения специалистов и экспертов. Так, исследование свидетельских показаний, фонограмм, фотоснимков, слепков, следовых копий и иных отображений, полученных в ходе осмотров, обысков, экспериментов и других следственных действий, обычно не требует специальных познаний и может быть успешно произведено следователем и судьей без привлечения специалистов и экспертов. Исключения представляют случаи, когда в процессе следственного или судебного осмотра возникают специальные вопросы, касающиеся механизма образования отображений, например, установление факта монтажа при исследовании фотоснимка или фонограммы, выяснение происхождения отдельных особенностей отображения, выявление признаков психического заболевания при оценке свидетельских показаний и т.д.

Иное положение имеет место при воспроизведении с целью выявления недоступных для обычного восприятия свойств оригинала. Обиходные представления об исследуемых объектах оказываются в этих случаях недостаточными. Прочтение, дешифровка отображения, объяснение его признаков основаны в этих случаях на теоретических и специальных эмпирических представлениях эксперта о механизме образования таких отображений, т.е. требуют специальных познаний.

Глава 3

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ В МЕТОДОЛОГИИ ФАКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

3.1. Место учения об информационных полях в системе специальных знаний

В настоящее время преждевременно говорить о сформировавшейся системе знаний на уровне учения с четко обозначенной методологической функцией. Вместе с тем, как нам представляется, в науке уже имеются не только предпосылки, но и четко обозначенные тенденции и потребности создания такого учения.

Развитие специальных правовых знаний в криминалистике и судебной экспертизе, как и других науках, происходит по законам генерализации и дифференциации знаний. Наиболее интенсивно эти процессы в отечественной криминалистике происходили во второй половине XX века, когда была сформирована ее общая теория и методология, а также выделены базовые отрасли: трасология, материаловедение и анализ функционально-динамических комплексов.

На базе такой специализации осуществлялась оптимизация функций, структуры и технологической базы действующей в настоящее время системы отечественных учреждений судебной экспертизы.

Анализ главных тенденций развития криминалистики и судебной экспертизы со всей очевидностью свидетельствует о том, что в основе дифференциации и специализации этих знаний лежит выделение, структуризация и анализ информационных полей в объектах исследования.

Этапной в этом отношении следует считать монографию Б. И. Шевченко¹, выделившего в качестве самостоятельного объекта исследования внешнее строение объектов и показавшего, что такое выделение позволяет сформировать специальные методики обнаружения, фиксации и сравнительного исследования вещественных доказательств.

Та же тенденция проявилась в цикле работ ряда отечественных криминалистов², посвященных исследованиям материалов, веществ и изделий. В этой области возможности фактологического анализа информационных полей выявились наиболее ярко, поскольку потенциал современных инструментально-аналитических средств позволяет выявлять и анализировать недоступные визуальному анализу внутреннюю структуру, молекулярный, атомарный и изотопный состав, каждый из которых представляет мощное информационное поле, несущее доказательственную информацию.

Исследование функционально-динамических свойств личности, проявляющихся в письме, походке, устной речи, бытовых и профессиональных навыках, привлекали внимание криминалистов всех времен и народов. Однако на научную основу эти исследования были поставлены только после того, как они были выделены в самостоятельные информационные поля: письменная речь, устная речь, профессиональный навык, преступный навык и т.д.

Выделение самостоятельных информационных полей ФДК сделало возможным как общетеоретические исследования в этой области³, так и создание специализированных методик и технологий в исследовании почерка, речевых технологий, полиграфологии, рефлексивного управления и др.⁴

Рассмотренные тенденции развития фактологического знания

¹ Шевченко Б. И. Научные основы современной трасеологии. М., 1946. С. 3-15.

² См.: Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960. С. 5-18.

³ См.: Самойлов Г. А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968. С. 2-10.

⁴ См.: Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. М., 1973. С. 3-16.

и экспертной практики, которые представляют их объективные закономерности, дают основания для утверждения о том, что выделение и анализ информационных полей следует рассматривать как общую методологическую основу фактологического анализа.

Формирование таких оснований приобретает особую актуальность в связи с новыми задачами науки криминалистики по формированию информационных технологий решения криминалистических задач.

3.2. Структура информационного канала

Общая структура информационного канала в терминах теории передачи информации может быть представлена в следующем виде.

Исследуемое событие, рассматриваемое как ансамбль сообщений, отображается в окружающей среде в форме разного рода отображений (следов). При этом процесс отображения представляет процесс передачи сообщений в форме кода, определяемого механизмом слепообразования, а след представляет фиксированное в окружающей среде сообщение. В процессе фиксации результатов первоначальных исследовательских (оперативно-следственных, судебных и иных) действий формируются промежуточные накопители информации в виде слепков, кино-, фото-, видео-, аудиозаписей и протоколов. Последние представляют преобразования исходного сообщения в удобной для хранения форме искусственного (протоколы) или естественного кода (фототехническая и другая подобная форма). Исследование источника представляет декодирование исходного сообщения, содержащегося в следе, по правилам использованного кода (механизма слепообразования). В результате субъект доказывания (адресат сообщения) получает фактические данные об исследуемом событии: объектах, механизме, условиях слепообразования. Указанные фактические данные при условии их получения в режиме процессуального доказывания являются доказательствами и могут быть использованы для установления доказательственных фактов.

Анализ и систематизация доказательственных фактов, осуществляемый за рамками исследования информационного канала на логическом уровне доказывания, обеспечивает формирование доказательственных систем, адекватно отражающих исследуемое

событие.

Поскольку исследуемое событие всегда представляет сложную систему, ее анализ требует выделения элементарных информационных каналов на разных уровнях взаимодействия материальных тел: одностороннее отражение, взаимодействие, механизм расследуемого события. *Анализ одностороннего* отражения представляет базовый уровень анализа механизма события.

Высшим уровнем исследования механизма события является исследование систем многостороннего взаимодействия с учетом роли каждого взаимодействующего объекта в структуре указанного события: субъект, орудие, предмет, обстановка. Например, система: водитель - автомобиль - потерпевший - дорога.

Описанная в терминах теории передачи информации¹ и с точки зрения современных представлений о структуре процессуального доказывания² общая структура информационного канала фактологического анализа выглядит следующим образом (рис. 2).

¹ Теория передачи информации. АН СССР. Комитет научно-технической терминологии: сб. рекоменд. терминов. Вып. 94. М.: Наука, 1979. С. 13-16.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.

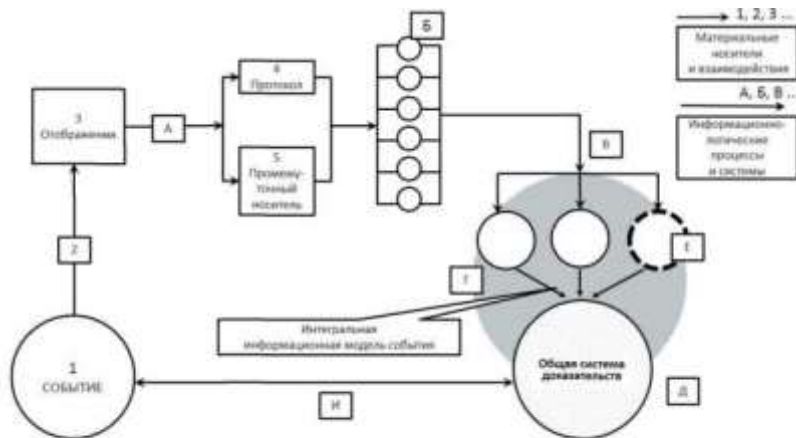

Рис. 2. Общая структура информационного канала фактологического анализа

3.3. Понятие информационного поля

Базовым понятием фактологического учения об информационных полях является само понятие информационного поля, не получившее, несмотря на свое широкое распространение в литературе, самостоятельного определения¹.

Между тем использование этого термина в качестве главного инструмента фактологического анализа требует не только его содержательной интерпретации, но и раскрытия его методологической функции в структуре фактологического исследования и доказывания.

Поскольку информационное поле является основным инструментом фактологического анализа, раскрытие этого понятия возможно только в общей системе понятий и инструментов фактологического анализа.

Имея в виду, что понятие информационного поля находится

¹ Впервые сам термин был использован, по нашим наблюдениям, А. А. Эйсманоу в связи с анализом логических связей в доказательственных системах. Однако ему не было дано формального определения, не была раскрыта и методологическая функция этого понятия (см.: *Эйман А. А. Логика доказывания*. М., 1971. С. 30-45).

на стыке науки криминалистики, информационного анализа и теории судебных доказательств, в определении должны найти отражения взаимосвязи этих отраслей научного знания.

С учетом указанных требований представляется возможным предложить следующее рабочее определение понятия информационного поля:

«Информационное поле - это выделенный в составе источника поток однородной информации об обстоятельстве, подлежащем установлению в соответствии с задачами фактологического исследования и доказывания».

Приведенное определение, алгоритм и схема требуют соответствующих комментариев.

Выделение носителей доказательственной информации в виде предметов и иных материальных образований осуществляется на основе следственных версий и информационных моделей механизма расследуемого события. Такое выделение представляет важный первоначальный этап работы, без которого невозможна индивидуализация носителя и обеспечение технических условий его анализа.

Однако сам анализ предполагает выделение в составе носителя такой системы свойств, которая несет доказательственную информацию о подлежащих установлению обстоятельствах расследуемого события. Последняя и представляет содержательную сторону источника (фактические данные).

Каким путем осуществляется извлечение из источника фактических данных, его декодирование, интерпретация, прочтение?

В механизме расследуемого события каждый объект участвует в том или ином качестве, отражает ту или иную систему своих свойств, воспринимая ту или иную систему свойств других взаимодействующих объектов. В результате каждый след-отображение несет информацию о свойствах отображенного в нем объекта, а также условиях механизма отражения и взаимодействия.

В потоке информации, содержащейся в источнике, должна быть выделена информация о конкретном обстоятельстве, подлежащем установлению по делу, т.е. информации о доказательственном факте: субъекте, времени, месте, орудии и других обстоятельствах. Для решения этой задачи, прямо связанной с декодированием информации, используется понятие информационного поля.

В отличие от элементарного признака-сигнала¹, или знака, представляющих элементарную единицу, биты информации, информационное поле представляет поток сигналов, информационный срез действительности на предметном или функциональном уровне. Информационное поле следует отличать от источника - следа-отображения, представляющего фиксированный результат объективного взаимодействия и имеющего сложную информационную структуру. Последняя включает отображение внешнего строения, состава и структуры взаимодействующих объектов, механизма их взаимодействия. Информационное поле отражает специально выделенную в результате анализа источника систему свойств или сторону исследуемой системы взаимодействия.

Выделение информационного поля является инструментом анализа информационной структуры источника. При этом чем более сложной является информационная структура источника, тем большее значение имеет выделение и раздельное исследование соответствующих информационных полей.

В контексте информационных технологий доказывания существенно подчеркнуть, что выделение информационных полей прямо связано с применением соответствующих специальных познаний и экспертизы.

Предметная специализация каждого эксперта прямо связана с определенным информационным полем определенного объекта, например дактилоскопия, механоскопия, «словесный портрет», баллистика, почерковедение, материаловедение, товароведение и др.

Структурная организация учреждений судебной экспертизы (система лабораторий) также прямо связана с исследованием соответствующих информационных полей источников вещественных доказательств.

¹ Основным инструментом анализа в криминалистических исследованиях с целью установления свойств объекта (распознавание, идентификация, диагностика, оценка [и др.]) является понятие признака. Обнаружение, классификация, сравнение и статистическая обработка признаков позволяют исследователю осуществить переход от непосредственно чувственно наблюдаемых, вариационных проявлений исследуемого объекта к его внутренним устойчивым свойствам, оценка которых позволяет получить информацию, имеющую доказательственное значение.

Таким образом, анализ информационной структуры вещественных источников представляет разработанный наукой инструмент интеллектуального проникновения в структуру материальной среды изучаемого события с целью прочтения (декодирования) информации о свойствах взаимодействующих объектов и механизмах их взаимодействия.

Выделение информационных полей в структуре материальной обстановки расследуемого события осуществляется следователем на основе следственно-экспертной ситуации с учетом задач доказывания в конкретных пространственно-временных и материально-технических условиях. Специалист (эксперт) осуществляет выделение информационных полей на основе анализа следственно-экспертной ситуации с учетом своей специализации и научно-технических возможностей. Согласование предмета доказывания и задач экспертного исследования осуществляется в форме согласования вопросов, формулируемых перед экспертизой. Такое согласование имеет предварительный характер (ст. 195, 198, 204 УПК РФ), поскольку в процессе исследования может быть выявлена дополнительная информация, о которой эксперт может указать в своем заключении (ст. 204 УПК РФ).

Выделенная с учетом задач доказывания и экспертного исследования информационная структура источника (информационное поле) определяет основания и пределы экспертного анализа и круг фактических данных, которые могут быть получены в его результате. В процессе исследования по мере выделения его промежуточных задач исходное информационное поле может детализироваться на ряд подсистем, могут быть выделены дополнительные и вспомогательные информационные поля, обеспечивающие всесторонность и глубину экспертного анализа.

Так, при исследовании следа пальца на стекле одного из звеньев оконной рамы, выставленной из оконного проема материального склада воинской части при совершении кражи, эксперт не обнаружил достаточной для идентификации совокупности совпадений особенностей папиллярного узора. Вместе с тем путем исследования механизма следообразования он пришел к выводу, что вся совокупность следов, имеющихся на стекле, оставлена пальцами одной правой руки. В соответствии с этим задача идентификации

была поставлена по всей совокупности обнаруженных следов и решена положительно. Однако в процессе судебного следствия обвиняемый заявил, что его следы на стекле были оставлены при служебном досмотре помещения склада снаружи в то время, когда он осуществлял охрану склада. В этой ситуации перед экспертом по той же совокупности следов был поставлен вопрос, могли ли они образоваться при указанных обвиняемым условиях. Поскольку следы пальцев обвиняемого имелись как на наружной, так и на внутренней поверхности стекла и были образованы одновременно в результате захвата оконной рамы правой рукой, эксперт категорически исключил такую возможность.

3.4. Классификация информационных полей и методология их исследования

Так как выделение информационных полей представляет инструмент анализа, определяет пределы и возможности доказывания, а также методику их экспертного исследования, классификация информационных полей имеет существенное методологическое значение.

На основе типизации свойств вещественных источников предлагаются следующие основания такой классификации.

1. Свойства собственные и отраженные (предметы и следы-отражения).
2. Происхождение (генезис) свойств.
3. Уровень иерархической организации объекта.
4. Природа свойств.
5. Место источника в механизме исследуемого события и системе отражательных процессов.
6. Место источников информации в общей системе доказательств.

Собственные и отраженные свойства источника

Эта классификация является отправной и характеризует две основные группы источников, существенно различающиеся по методам и возможностям их исследования.

Познание объекта по отображению существенно отличается от непосредственного познания. Исследователь в этом случае

имеет дело с информацией в форме естественного кода, а декодирование осуществляется путем исследования механизма отображения и преобразования информационного сигнала.

Происхождение свойств

Для определения методов и направления исследования весьма существенны условия возникновения и механизмы формирования свойств источника, используемых в качестве информационного поля. В соответствии с этим принципом выделяются следующие свойства: исходного генотипа, приобретенные, специально измененные и ситуационные.

Природа свойств

Данная классификация имеет наибольшее методическое значение в формировании предметных экспертных методик и структур судебно-экспертных учреждений.

По природе составляющих их свойств информационные поля подразделяются на три основных группы.

1. Внешнего строения.
2. Субстанциональные.
3. Функционально-динамические.

В качестве первоначальной методической апробации инструментария рассмотренного учения об информационных полях рассмотрим его использование в сфере исследования вещественных источников фактологической информации.

3.5. Понятие и система вещественных источников фактологической информации

Объектами фактологического исследования являются материальные структуры, содержащие в силу объективной связи с расследуемым событием информацию о нем. В результате фактологического исследования, выполненного в соответствующей процессуальной форме, эти объекты приобретают статус вещественных доказательств, а результаты их исследования - статус экспертных заключений или протоколов процессуальных действий.

Базовое определение вещественного доказательства содержится в процессуальном законодательстве. Согласно ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами являются любые предметы: которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; иные *предметы* и документы, которые могут служить *средствами* для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Статья 73 ГПК РФ, отказываясь от перечневого определения, дает более общее определение вещественных доказательств, характеризуя их как *предметы*, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или иным признакам могут служить *средством* установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Отправляясь от информационной сущности понятия вещественного доказательства (и в целях наиболее эффективного использования существующих информационных технологий доказывания), следует признать, что термины «предметы» и «средства», положенные в основу указанных определений, не раскрывают современного содержания этого понятия и нуждаются в уточнениях и конкретизации.

Под классическое определение **предметов**, как индивидуально-определенных тел, имеющих устойчивые пространственные границы, не подпадает обширная область вещественных объектов, исследуемых методами современной судебной экспертизы. К ним относятся материалы, вещества, материальные комплексы, ареалы, источники происхождения, запахи, производственные и энергетические процессы.

В числе вещественных доказательств существенно различаются предметы, собственные свойства которых несут доказательственную информацию, и следы, несущие информацию об отображенных в них объектах.

От предметов, отображающих информацию в форме физических сигналов (признаков), следует отличать предметы, отображающие информацию в форме знаков, - документы.

Имея в виду, что вещественная информация широко используется в процессе оперативно-розыскной деятельности, а также в

стадии доследственной проверки и существует проблема ее легализации, следует различать понятия вещественного источника информации и вещественного доказательства.

Поскольку вышеназванные термины относятся к тезаурусу информационно-поисковых систем, они требуют более подробного рассмотрения.

Термин «вещественное доказательство» появился в юридической науке, полицейской и судебной практике одновременно с термином «доказательство» и обозначал один из важнейших источников розыскной и доказательственной информации, используемых для расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел.

Уже в самых первых работах по теории судебных доказательств осуществлялось деление **доказательств** на личные (от людей) и вещественные (от вещей), что подчеркивало фундаментальное различие этих источников информации с позиций практического оперирования ими.

С течением времени под влиянием научно-технической революции возможности использования вещественных доказательств в судебном процессе качественно изменились. В первую очередь это касается возможностей исследования внутренней структуры и состава вещественных образований, микроследов и обоснования ранее считавшейся невозможной индивидуальной идентификации по свойствам внутреннего состава и строения вещественных образований.

Вместе с тем в криминалистической науке и практике утвердилась идеология, рассматривающая любое вещественное образование не изолированно, в качестве отдельных приобщаемых к делу предметов, а в общей структуре материальной обстановки исследуемого события. При этом вещественная среда события рассматривается как целостный материальный объект во всем многообразии его системных, функциональных и иных свойств, связей и отношений. Такой подход открыл качественно новые возможности

комплексных исследований¹ суммирования информации, полученной из различных источников, и преодоления дефицита розыскной, идентификационной и доказательственной информации². Так называемые немые свидетели заговорили в полный голос, что в силу объективности, достоверности, научной подтверждаемости, возможности контрольных процедур и использования экспертных технологий получило убедительное подтверждение в практике процессуального доказывания.

Вместе с тем умножение источников судебных доказательств и усложнение процедур доказывания с использованием вещественных доказательств потребовали более строгих определений вещественных доказательств и более глубоких исследований их природы.

Эта природа, по правильному и глубокому определению П. И. Люблинского, состоит в том, что вещественные доказательства формируются и используются в канале физической причинности. Использование идей информационного подхода и семиотического (знакового) анализа позволяет дать более строгие содержательные и функциональные определения вещественного доказательства и ограничить его от других источников доказательств.

Физические свойства вещей, проявляющиеся в их отношениях с другими вещами, и соответствующие им процессы отражения этих свойств в признаках составляют сущность вещественных источников информации. При этом признаки следует рассматривать как сигналы информации о свойствах объектов³.

Разграничение природы сигнала и знака позволяет практиче-

¹ Грановский Г. Л., Загрядская А. П., Беляева А. А. [и др.] Комплексная методика идентификации и установления факта контактного взаимодействия. М.: ВНИИСЭ МЮ РФ, 1987.

² Колдин В. Я. Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1978.

³ См.: Колдин В. Я. Гносеологическая природа и функции понятий идентификационных свойств и признаков // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений. М., 1988.

ски дифференцировать вещественные и личные источники и базовые методики оперирования ими, т.е. методики обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и оценки вещественных доказательств. Это обеспечивает правильный выбор технических и тактических средств работы с источниками¹, выбор специалистов, определение методов назначения, проведения и использования экспертиз. В конечном счете разграничение вещественных и личных источников представляет обязательное условие выбора и наиболее эффективного использования технологических схем работы с источниками доказательств.

Практическая значимость указанного критерия еще более возрастает в связи с усложнением структуры вовлекаемых в судебный процесс источников доказательств, многие из которых имеют смешанную природу. Так, звучащая речь имеет форму акустического сигнала и семантику знака (фонема и морфема) и потому требует отдельного акустического (фонетического) и лингвистического (семантического) анализа. В случае звукозаписи акустический сигнал кодируется посредством изменения магнитных свойств звуконосителя или с использованием иных технологий кодирования и декодирования звукового сигнала. Исследование изоморфизма этих преобразований также требует отдельного анализа каждой ступени преобразования информации. Это в судебном процессе требует привлечения соответствующих специальных знаний, технологий и специалистов.

В практике доказывания базовый информационный сигнал нередко представляется в знаковой форме. Так, свидетели и потерпевшие описывают признаки внешности преступников, похищенных вещей, транспортных средств, участков местности. На основе таких описаний составляются фотороботы, композиционные портреты, т.е. знаковая форма преобразуется в форму сигнала.

Широкое применение технических средств фиксации и исследования доказательств неизбежно связано с использованием методов преобразования исходного сигнала: кино-, фото-, видео-, звукозапись, получение копий, слепков, оптических и графических

¹ См.: Снетков В. А., Зинин А. М., Житников В. С. [и др.] Криминалистическое описание внешности человека. М., 1998.

спектров, электронно-оптических преобразователей и др.

Использование опосредствованных источников - носителей преобразованного базового сигнала или сообщения - вносит ряд технических, информационных, гносеологических и процессуальных трудностей, преодоление которых возможно лишь на базе специальных информационных технологий доказывания.

Под вещественным источником доказательственной информации понимается любой материальный носитель, отображающий имеющую значение для дела информацию в форме физического сигнала.

Общая характеристика системы вещественных источников доказательственной информации раскрывает информационный потенциал вещественных доказательств и дает исходную ориентировку в направлениях их поиска и использования.

Следует подчеркнуть, что качественный скачок в использовании возможностей получения информации из материальной среды расследуемого события требует пересмотра традиционных представлений о составе вещественных доказательств и включения в него ряда новых источников, которые требуют дополнительного рассмотрения.

Предметы

Под предметами понимаются вещи, имеющие устойчивое внешнее строение (границы), характеризующиеся размерами, формой, цветом, весом, запахом и иными признаками.

Указанные свойства, как правило, позволяют легко распознать происхождение, назначение вещи, ее место в обстоятельствах исследуемого события. Они же облегчают описание (протоколирование) вещи, ее индивидуализацию и идентификацию.

Предметы наиболее часто фигурируют в качестве вещественных доказательств по уголовным и гражданским делам, выступая как орудия и средства преступления (огнестрельное и холодное оружие, транспорт, инструменты промышленного и бытового назначения и др.), предметы преступных посягательств (движимое и недвижимое имущество, документы, драгоценности, деньги, промышленные и продовольственные товары, предметы домашнего обихода) и другие элементы обстановки исследуемого события.

Особыми источниками вещественной информации являются живые лица, трупы и их части. В случаях, когда для решения задач розыска, диагностики, идентификации существенное значение имеют предметные свойства живых лиц и трупов, на них распространяется статус вещественных источников информации и правила их осмотра, фиксации, исследования.

Однако, подчеркивая общую информационную природу указанных объектов как источников информации, следует иметь в виду процессуальную специфику их обнаружения, хранения, освидетельствования и экспертизы (см.: ст. 81,82,177-181,195-202 УПК РФ). Наиболее распространенными способами фиксации предметных свойств являются: протоколирование, фотографирование, составление планов и схем, приобщение к делу.

Процессуальными способами исследования предметов является следственный и судебный осмотр, предварительное исследование с участием специалиста, а также различные виды экспертных исследований.

Внешние, предметные свойства объектов исследуются методами трасологической экспертизы.

В зависимости от ситуации события и роли предмета в ее структуре в предметах могут быть актуальными также их внутренние и любые специальные свойства: анатомические, функциональные, субстанциональные, товарные и др.

Для экспертного исследования этих свойств могут быть использованы методы любых предметных экспертиз. Так, в целях идентификации личности живых лиц и трупов используются методы портретной экспертизы, методы криминалистической экспертизы навыков, судебно-медицинской и судебно-биологической экспертизы. Товарные свойства предметов исследуются методами товароведческой экспертизы; субстанциональные свойства предметов исследуются методами криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий.

Особый вид исследования предметов представляет исследование изделий, т.е. продукции промышленного или кустарного производства.

Предметом исследования здесь является система свойств, сформированная в цикле промышленного или кустарного произ-

водства, регулируемого специальными технологическими нормативами (ГОСТы, технические условия и т.п.). Данные свойства исследуются или с целью выяснения их соответствия указанным технологическим требованиям (товароведческая экспертиза), или в целях идентификации и установления источника происхождения объектов (криминалистическая экспертиза).

В случаях товароведческой экспертизы и экспертизы изделий, помимо самих предметов, источниками доказательственной информации могут быть реальные производственные комплексы, реальные технологические процессы, а также нормативно-техническая документация. В указанных случаях исследование приобретает комплексный характер и требует привлечения специалистов-технологов по профилю соответствующих производств.

Вещества

Особую группу источников вещественных доказательств образуют объекты, не обладающие собственной устойчивой формой и пространственными границами, - жидкие, полужидкие, сыпучие и газообразные вещества, находящиеся в специально приспособленных емкостях или в виде природных образований, отделившихся частиц, растворов или газообразных смесей.

Отсутствие собственных устойчивых пространственных границ, свойственных предметам, усложняет процессуальное оперирование этой категорией источников и предъявляет ряд специальных требований к методам изъятия, фиксации, процессуального оформления, исследования и оценки указанных источников.

Они основаны на изоляции вещества, применении герметичной упаковки (емкости), ее опечатывании, исключающем несанкционированный доступ, и процессуальном удостоверении всех указанных операций. Указанные процессуально-технические требования, обеспечивающие подлинность изъятых источников, процессуально не регламентированы. Однако их следует считать обязательными для всех объектов данной группы, используемых в качестве вещественных доказательств в судебном процессе (см., в

частности, Методические рекомендации по обнаружению, фиксации и изъятию микрочастиц и запаховых следов¹).

В целях совершенствования процессуальной техники и исключения весьма частых в судебной практике споров о подлинности вещественных доказательств указанными требованиями следует дополнить ст. 82 УПК РФ и ст. 74 ГПК РФ, предусматривающие правила хранения вещественных доказательств.

В этой связи уместно также отметить, что догма гражданского права традиционно разграничивает правовой режим вещей, характеризующихся индивидуально-определенными и родовыми признаками, имея в виду различные возможности их идентификации и взаимозаменяемости.

Отсутствие собственных устойчивых границ исключает применение методов исследования, основанных на анализе размеров форм и иных пространственных характеристик, традиционно используемых в трасологии и других смежных криминалистических исследованиях. Исследование состава и внутренней структуры вещественных образований требует применения методов физики, химии и инструментального физико-химического анализа. Указанные методы, позволяющие осуществлять анализ на атомарном, молекулярном, фракционном уровне, исследовать кристаллическую структуру вещества, дают возможность проводить исследования при наличии микроколичеств вещества в следе до 0,001-0,0001 г и обнаруживать следовые примеси в составе исследуемых объектов. Указанные возможности позволяют не только предельно индивидуализировать исследуемые объекты по признакам их состава и структуры, но и решать новые недоступные традиционной криминалистике задачи доказывания. В связи с изложенным следует признать устаревшими и не соответствующими практическим реалиям современной судебной экспертизы высказывания отдельных авторов о невозможности идентификации жидких и сыпучих веществ на основе исследования их субстанциональных свойств.

¹ Корнеев В. А., Пчелинцев А. М., Ивченко Е. А. Криминалистическое исследование золото-серебряно-медных сплавов с помощью безэталонного микроспектрального анализа // Экспертная техника. Вып. 93. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1986.

Опосредствованные источники информации

В отличие от предметов и вещественных образований, являющихся объектами непосредственного исследования, при котором изучаются их собственные свойства, в опосредствованных источниках исследуются свойства сторонних, отображенных объектов и опосредствующие их механизмы следообразования. Исследование здесь имеет опосредствованный характер, поскольку изучаемые свойства переданы в источнике в преобразованном виде. Это имеет существенное значение для анализа и оценки полученной информации и всей процедуры доказывания.

В связи с этим необходимы терминологические уточнения.

Следоноситель, т.е. предмет, изменения которого вызвали образование следа, изучаемый с целью его выделения из окружающей среды и индивидуализации в качестве вещественного доказательства, исследуется и описывается как предмет или элемент материальной обстановки события, т.е. методами непосредственного исследования.

Субстрат следа, т.е. свойства следоносителя, изменившиеся в результате следообразования, могут быть выражены:

а) в форме изменения собственных свойств следоносителя (внешнего строения, намагничивания, силовых полей и т.д.). Исследование в этих случаях всегда имеет характер опосредствованного, поскольку свойства отображенного в следоносителе объекта переданы в нем в преобразованном виде. Их исследование требует декодирования, которое осуществляется по специальной методике;

б) в форме наложений сторонних предметов (веществ, запахов, микрочастиц).

Если при исследовании наложений ставится задача распознавания, т.е. определения природы и происхождения наложений, например определение наркотика, яда, крови и т.п., то исследуются собственные свойства наложений. Если же в наличии следственно-идентификационная ситуация, т.е. исследователя интересует объект, оставивший след, - в наложении исследуются отображенные в нем свойства искомого объекта. В этом случае исследователь выделяет в следе идентифицирующий объект и осуществляет идентификацию. Отметим, что в качестве идентифицирую-

щих объектов могут выступать не только вещества и микрочастицы, но и предметы, когда, например, устанавливается источник их происхождения.

Таким образом, наложения (вещества, запахи, микрочастицы), возникая в результате следообразования, отображения, могут быть объектами как непосредственного, так и опосредствованного исследования.

Из сказанного следует, что термин «следы-отображения» не может использоваться для обозначения отдельной категории следов, поскольку (а) любые следы являются отображениями, т.е. носителями свойств, отображающих свойства сторонних объектов, и (б) различается лишь направление отражения: внешнее, когда отображаются свойства стороннего объекта, и внутреннее, когда отображаются собственные свойства объекта. В последнем случае мы имеем дело с предметами и вещественными образованиями, как объектами непосредственного исследования. Без процессов отражения вообще нет каналов передачи информации и, следовательно, самой информации.

Не может использоваться этот термин и как понятие «след» в самом широком смысле слова, понимая под следом любой носитель доказательственной информации: следы-отображения, предметы, вещества и даже «идеальные следы»-отображения в сознании людей. Такое понимание следов, отождествление их с любым источником доказательственной информации вряд ли является продуктивным и приемлемым, поскольку (а) не имеет самостоятельного содержания, так как подменяет понятие «отображение», и (б) не дифференцирует источники с позиций методов оперирования ими в процессе их собирания и исследования и потому лишено практического смысла.

При оперировании с отображениями внешнего строения, а также иными опосредствованными источниками, при их обнаружении, фиксации, исследовании следует учитывать следующие особенности их информационной структуры:

1) любой след, формируемый в процессе взаимодействия (элементарное отображение), отображает как минимум два информационных поля:

а) идентификационное - в виде признаков отображенного в следе объекта, являющееся основанием для его распознавания и

индивидуального отождествления;

б) механизма слеодообразования, позволяющего восстановить параметры взаимодействия. Это информационное поле весьма существенно для моделирования механизма расследуемого события и прослеживания причинной связи взаимодействующих объектов и процессов;

2) в процессе идентификации, предполагающем прослеживание вариационности отображаемых признаков, исследуются оба указанных информационных поля. Вместе с тем механизм слеодообразования может быть объектом отдельного исследования, когда он приобретает самостоятельное значение, например для установления направления взлома преграды, направления выстрела, происхождения повреждений (разрез, разрыв, разруб, распил и т.п.).

Исследование механизмов слеодообразования является важной частью ситуалогических исследований, направленных на установление механизма события по материальным следам на основе исследования вещественной обстановки;

3) идентификационная структура следа может быть весьма сложной и состоять из нескольких подсистем. Так, информация о свойствах может иметь различную природу идентификационных полей (внешнего строения, субстанционального или функционально-динамического) и находиться на различных уровнях организации материи (атомарном, молекулярном, фракционном, структурном). Например, в следе руки может быть выделено морфологическое идентификационное поле в виде отображения структуры папиллярных и флексорных линий, субстанциональное в виде частиц потожирового вещества, одорологическое в виде молекул запаха, функциональное в виде отображения способа захвата или оперирования предметом.

Каждое из этих информационных полей может быть предметом самостоятельного экспертного анализа специалистом соответствующего профиля;

4) в процессе доказывания существенно учитывать, что в материальной среде расследуемого события каждый след существует не изолированно, а в системе других следов, в которой следует различать встречные, последовательные и параллельные следы.

Многосторонность отображаемого объекта выражена в образовании следов, отражающих различные информационные поля либо дополняющих информационное поле исходного отображения. В их числе следует различать встречные, последовательные и параллельные следы-отображения.

Встречные следы образуются на контактных поверхностях взаимодействующих объектов и могут в зависимости от свойств этих поверхностей содержать однородные или разнородные информационные поля. Так, при столкновении автомашин на каждой из них образуются вмятины и царапины, отображающие внешнее строение соответствующих контактных поверхностей. В то же время на эти же поверхности может произойти взаимоперенос частиц лакокрасочных покрытий, а при наличии посредствующего объекта, например сбитого пешехода, на каждой из них могут оказаться также частицы волокон одежды и поврежденных тканей тела потерпевшего.

Последовательные (повторяющиеся) следы-отображения являются результатом последовательных следовых контактов одного и того же следообразующего объекта в серии однородных операций: следы ходьбы, следы патронного упора на гильзах от автоматной очереди, следы рубления и т.п.

Параллельные (сопутствующие) следы образуются от различных частей или сторон одного и того же функционирующего в обстоятельствах расследуемого события искомого объекта и представляют его самостоятельные информационные поля. Таковы, например, следы различных протекторов автомобиля, частички груза и отщепы древесины кузова при дорожных происшествиях; следы крови, рук и ног преступника на месте разбойного нападения; гильзы, дробовой заряд, пыжи, изъятые с места выстрела, и т.п.

Использование указанных следов в целостной системе существенно расширяет информационные возможности доказывания за счет суммирования содержащейся в них информации.

Такое суммирование, однако, является правомерным при соблюдении определенных правил доказывания:

а) относительно *встречных следов* должно быть следственным или экспертным путем доказано, что они имеют общий механизм следообразования в процессе взаимодействия материальных

структур в механизме исследуемого события;

б) относительно *последовательных следов* должно быть установлено, что они отображают части (стороны) одного и того же слеодообразующего объекта в повторяющихся операциях одного и того же процесса или сложного действия в механизме исследуемого события;

в) относительно *параллельных следов* должно быть доказано, что они отображают стороны одного и того же сложного искомого объекта, функционирующего в механизме исследуемого события.

При отсутствии указанных доказательств суммирование информации, содержащейся в различных следах, будет неправомерным.

Материальные комплексы

Особым источником информации, существенно расширяющим возможности процессуального доказывания, являются материальные комплексы, представляющие сложные материальные системы, целостность которых обусловлена системой сформированных в обстоятельствах исследуемого события интегративных связей. В их числе важнейшими являются: пространственно-временные, причинно-следственные, функциональные, субстанциональные, генетические, технологические и иные ситуационные связи. Установление целостности такого рода систем представляет нередко важный доказательственный или искомый факт по уголовному или гражданскому делу. Подобное доказательство оказывается возможным только при условии выявления интегративных связей, делающих при внешнем рассмотрении случайное сочетание предметов, следов и вещественных образований целостным объектом.

Встречающиеся в судебно-следственной практике материальные комплексы могут быть подразделены на три основных типа: природные, техногенные и ситуационные.

Природные материальные комплексы

В естественных ареалах или участках местности интегративные связи имеют генетическую природу. Сочетание особенностей

геолого-почвенных образований, растительных сообществ, спорово-пыльцевого спектра и техногенных характеристик придают этим объектам индивидуализирующие свойства, позволяющие выделить их из числа однородных объектов. На этой основе может быть, например, установлено происхождение почвенно-растительных наложений на одежде и обуви подозреваемого с участка местности, где было совершено преступление; происхождение изъятой партии наркотического вещества с конкретной местности, где выращивается мак или конопля. Соответствующие исследования осуществляются в рамках комплексной почвоведческой и ботанической экспертизы.

Техногенные материальные комплексы

В рамках судебной экспертизы техногенные комплексы выступают чаще всего как источники происхождения приобщенных к делу вещественных доказательств. Установление конкретного производственного источника изготовления (выпуска) промышленных или кустарных изделий является одной из задач криминалистической идентификационной экспертизы.

В зависимости от природы исследуемого объекта привлекаются специалисты соответствующего профиля. Так, производственное происхождение дроби и картечи устанавливается судебными баллистами и металловедцами; происхождение полиграфической продукции - специалистами по техническому исследованию документов.

Ситуационные материальные комплексы

Ситуационные материальные комплексы формируются в условиях конкретного исследуемого события, например события преступления, за счет свойственных ему пространственно-временных, причинно-следственных, отражательных, субстанциональных и функциональных связей, актуализированных в процессе преступной деятельности или динамики иных процессов, связанных с расследуемым событием.

Образцами такого типа материальных комплексов могут служить:

1) контактное взаимодействие преступника (тело, одежда, обувь), жертвы (тело, одежда, обувь) и среды (природные, бытовые, техногенные компоненты);

2) взаимодействие систем: водитель автомобиль, дорога, препятствие при дорожно-транспортных происшествиях;

3) взаимодействие систем: преступник, орудия взлома, преграда в случаях взлома преград и хранилищ;

4) комплекты вещей, являющихся предметом преступных посягательств (краж, грабежей, разбойных нападений и др.), имеющие общие свойства в связи с механизмом преступления, условиями их происхождения, хранения и использования.

Доказательство целостности ситуационных материальных комплексов следственным и экспертным путем представляет достаточно сложную самостоятельную задачу, так как зависит от возможности выявления интегративных связей между отдельными компонентами этих комплексов. В то же время процессуально-доказательственное значение указанных фактов трудно переоценить, поскольку они являются, как правило, ядром предмета доказывания и в силу случайного характера интегративных связей между компонентами комплексов обладают выраженной индивидуальностью. Поэтому доказательство целостности ситуационных комплексов ведет в большинстве случаев к установлению главного факта по уголовному или гражданскому делу.

Материальная обстановка события

Под материальной обстановкой события следует понимать целостную систему, представляющую материальную среду расследуемого события, его пространственно-временной и вещественный континуум. В этом же смысле в литературе используется термин «вещная обстановка»¹.

От материальной обстановки события надо отличать понятие «следовая картина» события, под которой понимается выделенная в материальной среде события целостная система источников информации, отражающая в материально-фиксированной форме всю

¹ См.: Митричев В. С. Указ. соч. С. 10 [и др.]

сумму относящихся к предмету доказывания обстоятельств исследуемого события и представляющая совокупный след этого события.

Выделению данного источника доказательств способствовало интенсивное развитие института специалиста в судебном процессе и активизация участия экспертов в следственных действиях, связанных с изучением материальной обстановки событий.

Необходимость процедур с участием специалистов и экспертов, в свою очередь, вызвана изменениями в структуре событий, требующих осмотра, освидетельствования, эксперимента, экспертизы. В их числе должны быть названы преступные и техногенные взрывы, пожары, обрушения, стихийные бедствия, авиакатастрофы, террористические и диверсионные акты.

Участие специалиста и эксперта при производстве следственных действий на месте развития событий создает совершенно новую исследовательскую ситуацию, требующую применения новой методологии и открывающую новые возможности процессуального доказывания.

Особенность этой исследовательской ситуации состоит в том, что специалист и эксперт могут исследовать не отдельные следы и предметы, искусственно изолированные из среды и исследуемые в лабораторной обстановке, а всю совокупность этих следов и предметов, образующих материальную обстановку события.

Специфика этого объекта состоит в том, что он может исследоваться как самостоятельное целостное образование во всем многообразии его системно-структурных связей.

Изучение указанных связей составляет содержание экспертного ситуалогического анализа. Оставаясь в границах своих специальных познаний, опираясь на исследование причинно-следственных и иных материально выраженных связей в структуре события, эксперт (специалист) получает в ряде случаев возможность установить обстоятельства исследуемого события и данные о личности преступников, являющиеся предметом доказывания. К их числу относятся: данные о количестве преступников, последовательности их действий; тип, вид и особенности орудий и средств преступления; время, затраченное на выполнение преступных действий; профессиональные навыки исполнителей, их анатомо-фи-

зиологические и патологические свойства, возраст, половую принадлежность; ориентацию в ситуации действия участников события и др.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что экспертно-ситуалогический анализ должен базироваться исключительно на результатах непосредственного исследования специалистами материальной среды события, осуществляемого на основе своих специальных познаний. Только при этом условии их выводы могут рассматриваться как самостоятельные источники доказательств.

Если, как это нередко случается, специалисты, осуществляющие ситуалогический анализ, наряду с данными собственных исследований, используют результаты расследования (показания свидетелей, результаты ревизий, результаты служебных расследований и т.п.), то их выводы могут иметь характер условных умозаключений, достоверность которых зависит от правильности аргументов, положенных в основу вывода.

Так, если при определении причины пожара специалист использовал показания свидетелей о том, когда и откуда пошел дым, какого он был цвета, запаха и т.д., то достоверность вывода эксперта будет прямо связана с достоверностью показаний свидетелей.

В отличие от экспертного, следственно-судебный ситуалогический анализ базируется на всей совокупности имеющихся доказательств, в том числе на заключениях экспертов. Однако в этом случае следователь и суд должны четко ограничивать выводы на основе непосредственного исследования источников вещественных доказательств и выводы на основе анализа доказанных фактов (логическое, опосредованное исследование).

В составе связей, составляющих предмет ситуалогического анализа, следует выделить три основные группы.

1. *Системные связи самой материальной обстановки*, характеризующие ее как самостоятельный источник доказательств:

а) пространственно-временные (например, пространственные границы места происшествия на протяжении определенного отрезка времени);

б) структурно-функциональные (например, функциональное назначение частей помещений, оборудования и т.п.);

2. *Системные связи элементов деятельности*, составляющей

предмет доказывания: субъект - программно-целевой блок - орудия и средства действия - предмет действий - внешняя обстановка - результат.

3. *Системные связи взаимодействия материальных элементов* механизма исследуемого события: субъект - орудие - предмет - место.

Новые возможности доказывания с использованием рассматриваемого источника могут быть проиллюстрированы на примере использования следов преступника на месте происшествия в целях его идентификации.

При традиционном подходе идентификационные возможности полностью определяются объемом информации об идентифицируемом объекте в его отдельном следе, например отдельном следе пальца. Если этой информации недостаточно, например обнаружено до пяти совпадающих особенностей папиллярного узора, вопрос о тождестве разрешен быть не может. При этом не может быть принята во внимание информация, содержащаяся в других следах, найденных на месте преступления. Сторонники данного подхода считают идентификацию по совокупным следам «нереальной идентификацией», поскольку не исключена возможность того, что такие следы действительно могли быть оставлены в разное время и разными лицами, и такая идентификация не имеет фактического основания. Однако основания для такой идентификации могут быть получены при системно-ситуационном подходе, когда место происшествия рассматривается как целостное материальное образование, совокупный следоноситель, отражающий целостную систему действий одного и того же объекта. Для этого с привлечением специалистов должны быть изучены системно-структурные связи следоносителя, отраженной деятельности и отраженного объекта. В результате может быть установлено, что отдельные следы на предмете или их совокупность на разных предметах оставлены пальцами одной и той же руки. Следы ног образуют «дорожку» последовательно оставленных следов, сопровождаемых следом трости. Следы крови, следы рук, следы ног оставлены одним и тем же лицом, совершившим взлом, и т.п. Такой вывод дает основание рассматривать указанные совокупности следов, как следы целостного объекта на совокупном следоносителе. Это последнее, в свою очередь, дает основание для суммирования

содержащейся в отдельных следах информации¹.

Если учесть, что основной проблемой доказывания является на практике дефицит доказательственной информации, нетрудно убедиться, какие дополнительные возможности предоставляет рассматриваемый подход. При этом, однако, не следует упускать из виду, что целостность следоносителя и отображенного в нем объекта подлежит в этих случаях самостоятельному доказыванию.

Материалы дела

Особое место в системе источников вещественных доказательств занимают материалы дела: протоколы следственных и судебных действий и приложения к ним. Эти материалы имеют неоднородную структуру, различный процессуальный статус и различные информационные характеристики, как источники доказательственной информации.

Остановимся на возможностях использования указанных источников в зависимости от сигнальной или знаковой формы отражения содержащейся в них информации.

А. Сигнальная форма

В этой форме выражена информация в вещественных доказательствах, приобщенных к делу, образцах, приложениях к протоколам следовых копий, фото-, кино-, видеозаписей, электронных дисках и т.п. В знаковой форме информация о предметно-вещественных свойствах источников выражена в протоколах и приложениях, выполненных в знаковой форме: планах, схемах, рисованных портретах, фотороботах и т.п.

Материалы дела, содержащие информацию о предметно-вещественных свойствах в сигнальной форме, могут быть объектами любых специальных и экспертных исследований с применением научно-технических средств и методов. Особенностями таких исследований, как указывалось выше, является то обстоятельство, что приобщенные к делу источники искусственно изолированы от

¹ Подробнее обоснование метода суммирования идентификационной информации дается в работе: *Колдин В. Я.* Судебная идентификация. М., 2002. С. 125-136.

реальных связей, которыми они связаны с окружающей материальной средой, могущими иметь существенное значение для доказывания. Полное или частичное восстановление таких связей в отдельных случаях возможно при повторном осмотре места происшествия или исследовании протоколов, схем, чертежей и других материалов дела. Эти ограничения возникают также в случаях, когда предмет приобщается к делу не целиком, а в отдельной части, например кусок оконного стекла.

Б. Знаковые формы

Материалы дела, содержащие информацию о предметно-вещественных свойствах: протоколы, схемы, чертежи, рисунки и т.п., - занимают особое место в системе источников доказательств. С одной стороны, они фиксируют свойства материальной обстановки и содержат информацию о механизме исследуемого события. В этом качестве они могут быть источниками при специальном, в том числе экспертном, исследовании. С другой стороны, оценка информации, выраженной в знаковой форме, строго говоря, выходит за рамки специальных познаний экспертов. Исключение - психологическая и психиатрическая экспертизы, при которых сама форма психического отражения действительности составляет предмет экспертного исследования. В остальных случаях исследование форм психического отражения действительности в источниках, выраженных в словесно-языковой и письменно-знаковой форме, относится к компетенции субъектов доказывания, осуществляющих соответствующие следственные и судебные действия: допросы, очные ставки, опознания, проверки показаний на месте и т.п.

В связи с изложенным возможности использования знаковой информации в специальных и экспертных исследованиях ограничены. В полном объеме они могут быть использованы специалистами в стадии анализа следственно-экспертной ситуации для общей ориентировки в характере и обстоятельствах события, а также в целях определения возможностей обнаружения источников информации, выделения информационных полей и определения объектов и предмета экспертного исследования.

Недопустимо использовать указанную информацию для обоснования экспертного вывода. Он должен быть основан исключительно на данных, полученных посредством применения специальных познаний из источников с сигнальной формой отражения информации. Следует отметить в связи со сказанным, что ряд важнейших доказательственных свойств источников, например микрорельеф следа, в принципе не может быть вербализован и описан в протоколе осмотра места происшествия или вещественного доказательства.

Поэтому, в частности, нельзя признать допустимым экспертное доказательство тождества объекта по описанию его следа, внешности человека по рисованным и комбинированным портретам, фотороботам, скульптурным портретам и другим источникам, не обеспечивающим строгого изоморфизма отображения. Они могут рассматриваться только как источники ориентирующей и оперативно-розыскной информации.

3.6. Анализ информационной структуры вещественных источников

В процессе фактологического исследования источников решаются две основные задачи:

- а) устанавливаются объекты, участвующие в процессах взаимодействия;
- б) устанавливается механизм их взаимодействия.

Решение каждой из этих задач осуществляется на основе специальных криминалистических методик.

В первом случае используется алгоритм поисково-идентификационной деятельности, обеспечивающий установление искомого объекта по его отображению.

Путь такого исследования может быть выражен в схеме «признак - свойство - система свойств (вещь) - система вещей». Структура такого исследования включает обычные стадии криминалистической идентификации: аналитическую, сравнительную и оценочную, а также предполагает использование всей системы методов поисково-идентификационной деятельности.

Основным инструментом анализа в криминалистических ис-

следованиях с целью установления свойств объекта (распознавание, идентификация, диагностика, оценка и др.) является понятие признака. Обнаружение, классификация, сравнение и статистическая обработка признаков позволяют исследователю осуществить переход от непосредственно чувственно наблюдаемых, вариационных проявлений исследуемого объекта к его внутренним устойчивым свойствам, оценка которых позволяет получить информацию, имеющую доказательственное значение.

Переход познания от признаков к свойствам и составляет содержание аналитической стадии технико-фактологического исследования.

3.7. Понятийный аппарат фактологического анализа

Разработка понятийного аппарата, языка науки в сферах деятельности, находящихся на стыке наук, связана со значительными методологическими трудностями. В данном случае они обусловлены тем, что каждая из взаимодействующих наук имеет собственный традиционный понятийный аппарат, далеко не всегда адекватный понятийному и терминологическому аппарату смежных наук. Достаточно сослаться на понятие «доказательство» в традиционной теории судебных доказательств, которое в различных контекстах интерпретируется и как материальный носитель, и как след, и как фактические данные, и как доказательственный факт. Между тем с позиций информационного подхода в каждом из указанных понятий мы имеем дело с совершенно различными инструментами информационно-познавательного процесса.

Поскольку создание современных информационных технологий криминалистической и процессуальной деятельности возможна только на основе строго однозначного тезауруса и понятийного аппарата, унификацию языка науки криминалистики, доказательственного права и информационного подхода следует рассматривать как предпосылку взаимодействия этих наук и создания современных информационных технологий.

Раскроем данный тезис на основе элементарных рассуждений.

Разработка технологии решения любой практической задачи требует однозначного определения задачи, метода (способа решения), алгоритма (последовательности решения промежуточных за-

дач) и технологической схемы решения каждой из них. Этим требованиям удовлетворяет только понятийный аппарат, строго соответствующий методологическим и логическим требованиям: системности, однозначности, непротиворечивости, соподчиненное™ понятий и др.

История криминалистики и судебной экспертизы наглядно подтверждает данную аксиому.

Успешная разработка методики и технологий идентификационного исследования во всех отраслях судебной экспертизы стала возможной только после теоретического решения общей концепции судебной идентификации, отграничения ее задачи от задач смежных исследований и разработки общего понятийного аппарата, позволившего построить алгоритм решения идентификационной задачи¹.

В качестве доказательства от противного приведем предлагаемые в литературе концепции диагностики и дифференциации. Методологическая ущербность данных концепций, не породивших самостоятельных методик и технологий, связана с тем, что их авторам не удалось однозначно определить специальные задачи указанных исследований, отграничив их от других самостоятельных задач (идентификация, распознавание, установление причины и др.).

Предлагаемые в настоящей работе концепция учения об информационном полях и терминологический аппарат фактологического анализа следует рассматривать как первый опыт решения указанной задачи.

Специальные термины

Интегральная модель исследуемого события - рабочее предположение исследователя, опирающееся на все известные фактические данные об исследуемом событии и непротиворечиво объясняющая все обстоятельства этого события.

¹ Имеются в виду следующие работы: *Колдин В. Я.* Судебная идентификация; *Митричев В. С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960; *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1970, [и др.]

Интегральная следственная версия - предположение следователя о характере и обстоятельствах расследуемого события, опирающееся на все установленные фактические данные и все их непротиворечиво объясняющее.

Материальная обстановка - материальная среда развития события, подлежащего расследованию (исследованию).

Материальные комплексы - вещественные источники, представляющие сложные материальные системы, интегрированные ситуационной совокупностью пространственно-временных, причинно-следственных, функциональных, субстанциональных, генетических и иных связей.

Механизм расследуемого (исследуемого) события - целостная динамическая структура взаимодействия материальных объектов, рассматриваемая в общей системе расследуемого события.

Механизм слеодообразования - параметры взаимодействия слеодообразующего и следовоспринимающего объектов, приводящего к образованию следа.

Многостороннее взаимодействие - следовое взаимодействие объектов, связанное с образованием трех и более самостоятельных информационных полей.

Ситуалогический анализ (следственный, судебный) - исследование целостной структуры механизма расследуемого события на основе общей системы фактических данных о расследуемом событии.

Ситуалогический анализ (экспертный) - экспертное исследование целостной структуры расследуемого события на основе информации, содержащейся в материальной обстановке и следовой картине события, представленной как совокупный объект экспертизы.

Следовая картина - целостная система, отображающая в материально-фиксированной форме всю сумму относящихся к предмету доказывания обстоятельств расследуемого события и представляющая совокупный след этого события.

Следственно-экспертная ситуация - проблемная ситуация расследования, требующая для своего разрешения привлечения специальных знаний в форме экспертизы.

Суммирование информации - метод обоснования экспертного вывода и доказывания, основанный на совокупном использовании информации об объекте исследования и предмете доказывания, полученной из различных источников.

Факт контактного взаимодействия (ФКВ) - частный случай многостороннего взаимодействия в ситуации: взаимодействия лиц, одежды и окружающей обстановки.

Базовые термины¹

Криминалистический анализ - криминалистическое исследование, направленное на обнаружение источников и декодирование релевантной информации, обеспечивающей решение криминалистических, процессуальных и материально-правовых задач.

Информационный канал - коммуникационная система, используемая для передачи данных от объекта А (расследуемое событие) объекту Б (субъект расследования).

Сигнал - физический процесс, используемый для передачи информации.

Носитель - материальный объект, выделенный в обстановке расследуемого события в качестве потенциального источника криминалистической информации.

Источник - выделенная в процессе фактологического анализа система свойств носителя, измененных под воздействием расследуемого события.

Информационное поле - выделенный в составе источника поток однородной информации об обстоятельстве, подлежащем уста-

¹ Впервые полное рассмотрение терминологического аппарата фактологического анализа было дано в работе «Вещественные доказательства: Информационные технологии процессуального доказывания» (М., 2002. С. 1-93).

новлению в соответствии с задачами фактологического исследования и доказывания.

Информационный уровень доказывания - обнаружение, фиксация, исследование и оценка информации, полученной посредством непосредственного (сенсорного) контакта с источником информации.

Частная система доказательств - система фактических данных, используемая для установления конкретного доказательственного факта.

Доказательственный факт - обстоятельство расследуемого события, являющееся предметом доказывания и установленное соответствующей частной системой доказательств.

Логический уровень доказывания - установление и доказывание обстоятельств расследуемого события посредством анализа логических связей, предварительно установленных доказательственных фактов.

Общая система доказательств - документированная система фактических данных, представляющая процессуальную информационную модель расследуемого события в конкретной ситуации и стадии процесса доказывания.

Фактологическая матрица события - замкнутая система установленных в результате доказывания доказательственных фактов, адекватная предмету доказывания и составу расследуемого преступления и используемая для обоснования процессуально-правового решения.

Верификация оснований правового решения - аутентификация фактологической матрицы и правовой модели расследуемого события путем сведения выводов к их обоснованию и тестирования надежности их информационных и логических связей.

Глава 4

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФАКТЫ (ИНФОРМАЦИОННО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Между источником и фактом

Всегда стоит гипотеза и индукция.

Без гипотезы и индукции

Не может быть доказательственного факта.

Задача установления доказательственных фактов требует для своего разрешения специального методологического и технологического обеспечения. В связи с этим решение данной задачи требует выделения самостоятельной стадии фактологического анализа и доказывания - информационно-логического анализа.

Его специфика состоит в том, что он сочетает, с одной стороны, информационный анализ сигналов в источнике, с другой - комплексный анализ системной информации о доказательственном факте в частной системе доказательств.

Методология перехода от информационного анализа к логическому требует исследования информационно-логической связи категорий информации, доказательства и факта.

4.1. Информация, доказательства, факты

Поскольку фактологический анализ представляет разновидность процесса познания, отражения человеком объективной действительности, его структура обуславливается общей структурой действующих при этом отражательных и информационных процессов.

Общая структура процесса отражения и передачи информации достаточно изучена современной наукой. Она, очевидно, и является тем объективным критерием, который должен быть положен

в основу выделения элементов процесса фактологического анализа и доказывания. Выделение разнокачественных в функциональном отношении элементов анализа и прослеживание их связей должно отправляться от общей структуры отражательных процессов. Сопоставление же этих элементов с общими процессами и механизмами отражения может использоваться как метод научного исследования структуры фактологического анализа.

В связи с изложенным возникает необходимость рассмотрения общей структуры и содержания отражательных процессов в рассматриваемой сфере.

«Вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»¹. На необходимость всестороннего использования идей философской теории отражения при разработке конкретных проблем теории судебных доказательств справедливо указывалось в юридической литературе².

Значение и актуальность теории отражения объясняются тем, что она позволяют глубже вскрывать сущность явлений, «как бы анатомировать изучаемый объект, процесс»³. Между тем расследуемые криминальные события и экономические споры имеют подчас не менее сложный состав, чем внутренности, исследуемые патологоанатомом. Поэтому и требуют они соответствующего объекта и задачам исследования инструментария.

Свойство отражения производно от таких всеобщих фундаментальных свойств материи, как движение, взаимосвязь, взаимодействие. Всякое изменение одного предмета, явления или процесса под влиянием другого отображает в той или иной форме

¹ Ленин В. И. Соч. Т. 14. С. 81.

² См.: Голунский С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе//Советское государство и право. 1966. № 6. С. 71; Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 61; Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 15-65.

³ Жуков Н. И. Информация (Философский анализ центрального понятия кибернетики). 2-е изд., переработ. и доп. / под ред. В. И. Степанова. Минск: Наука и техника, 1971. С. 10.

свойства этого последнего, является его отражением.

«Взаимодействие, - отмечал Ф. Энгельс, - исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное, но вместе с тем оно есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат!»¹

Элементарный акт взаимодействия, следовательно, можно рассматривать по отношению к одному или другому из взаимодействующих объектов. Тогда любой из взаимодействующих объектов будет выступать, с одной стороны, как источник воздействия или отражаемый объект, а с другой - как отражающий объект, являющийся материальным носителем и субстратом отображения.

Исследование конкретного процесса и результата отражения требует его выделения из процесса всеобщего взаимодействия и рассмотрения, что именно и в чем отражается. Любое конкретное отображение, в том числе следы и отпечатки, исследуемые в процессе доказывания, образуется в условиях одностороннего направленного воздействия, свойственного причинно-следственным отношениям объектов материального мира. При этом только та взаимосвязь ведет к отражению, которая имеет причинно-следственный характер и сопровождается, как показал И. В. Кузнецов, переносом материи и движения в направлении от причины к следствию².

Примером продуктивного использования принципа отражения в доказывании тождества является деление объектов на идентифицируемые (отражаемые) и идентифицирующие (отражающие), выделяющее во взаимодействии объектов причинно-следственные отношения и указывающее на состав и направление отражения полезной информации³.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 129.

² Кузнецов И. В. Проблема причинности в современной физике. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Гл. 1; Тюхтин В. С. О природе образа. М., 1963. С. 111-112.

³ См.: Колдин В. Я. Судебная идентификация. С. 52-59.

Поскольку выделение причины и следствия всегда связано с абстрагированием из всеобщего взаимодействия явлений, структурный анализ конкретного процесса отражения также неизбежно связан со схематизацией, «огрублением» действительности.

В наиболее общем виде отражение определяется как «процесс и один из результатов воздействия одной, материальной системы (отображаемой) на другую (отображающую), представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы во второй»¹.

Всякий акт отражения как особая форма взаимодействия явлений предполагает:

1) отображаемое - объект, свойства которого становятся прообразом изменений, происходящих в отображающей системе;

2) формирующее воздействие отображаемого на отображающую систему;

3) отображающую систему, получатель формирующих воздействий, в результате которых возникает отображение (след или образ отображаемого объекта);

4) отображение.

Главным элементом отражательного процесса является отображение.

Отображение представляет сложный процесс и суммарный результат внутреннего взаимодействия в отражающем сил, обусловленных как отражаемым, так и отражающим объектом.

В отображении существенно различать два момента:

а) внешнее обратное воздействие отображающего на отображаемое и другие объекты;

б) след (или образ) как совокупность изменений, сохранившихся внутри отображающей системы.

Внешнее обратное отражение следует учитывать при разработке методов розыска и идентификации преступника по следам на его теле и одежде с места преступления, при использовании с этой целью деятельности потерпевшего, активистов-общественников и иных лиц.

Внутренние изменения, остаточные явления в отражающем

¹ *Украинцев Б. С., Платонов Г. В.* Об объективных критериях и материальной основе развития форм отражения // Вопросы философии. 1964. С. 27.

как следы воздействия представляет особый интерес для доказывания. Именно они представляют исходную базу судебного исследования, образуя следы преступления в широком смысле.

По его следам: материальным и идеальным отображениям в окружающей обстановке и сознании людей устанавливаются все фактические обстоятельства расследуемого события.

К числу принципиальных проблем доказывания, связанных и проблемой истины, относится возможность достоверного установления событий и явлений по их отображениям. Для обоснования такой возможности должно быть, по нашему мнению, использовано отношение изоморфизма. Изоморфными называются системы (или множества), если их элементы взаимно однозначно соответствуют друг другу и связи одной системы соответствуют связям другой системы.

Отношение изоморфизма столь же универсально, сколь универсально отношение взаимодействия материальных структур. В основе изоморфизма лежит закон взаимодействия, закон причинности. Везде в природе, где имеет место протекающий во времени процесс взаимодействия материальных структур, складывается отношение изоморфизма.

«Любое изменение одного объекта, - пишет В. С. Тюхтин, - полученное в результате его взаимодействия с другим объектом, можно рассматривать как изоморфное отображение или модель определенной стороны другого объекта. И наоборот, изменение второго в результате его взаимодействия с первым объектом есть модель первого, его определенной стороны»¹.

Отношение изоморфизма взаимодействующих объектов имеет принципиальное значение для теории познания и судебного исследования. Поскольку отношение связи и взаимодействия универсально, постольку все свойства объекта в принципе могут быть представлены в виде изоморфных отображений. Последние же в силу однозначного соответствия с объектом могут послужить основой для выявления и определения собственных свойств объекта.

Отношение изоморфизма является, таким образом, основой объективного, адекватного познания действительности человеком. Разграничение понятий подобия, изоморфизма и тождества

¹ Тюхтин В. С. Указ. соч. С. 15.

имеет существенное значение для решения ряда специальных проблем идентификации и доказывания.

Отношение тождества неправомерно смешивать с отношением изоморфизма.

Так, М. Я. Сегаем предложено понятие «идентификационные связи» (прямые, встречные, обратные), которые складываются в процессе взаимодействия объектов идентификации. Между тем идентификационную связь нельзя понимать иначе, чем отношение тождества. А оно существует только как отношение тождества между различными состояниями одного и того же объекта при положительном разрешении вопроса о тождестве. Однако М. Я. Сегай использует термин «идентификационная связь» для обозначения связи между объектом и его отображением. Это - совершенно другой тип связи, обозначаемый термином «изоморфизм отображения». Смешение этих типов связи может привести к смешению сходства и тождества и ошибкам в практических исследованиях¹.

Аналогичную ошибку допускает И. Д. Кучеров, говоря о том, что «отношение между отражением и отображаемым характеризуется тождеством-различием». Отношение объекта и отображения это, как показано выше, отношение подобия, изоморфизма². Для теории идентификации и доказывания разграничение указанных отношений и понятий имеет принципиальное значение. Это разграничение положено в основу структуризации стадий судебной идентификации: раздельного и сравнительного исследования.

Предметом раздельного исследования является отношение изоморфизма следа и вызвавшего его объекта. Процесс же такого исследования состоит в анализе информационного канала, по которому происходит передача информации от объекта идентифицируемого к объекту идентифицирующему. Методами такого исследования являются анализ, эксперимент, причинное следование.

В стадии сравнения предметом исследования является отношение тождества идентифицируемых объектов, мыслимых существующими раздельно. Методом исследования становится оценка

¹ *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1969. С. 85-127.

² *Кучеров И. Д.* Соотношение тождества и различия. На материале криминалистики. Минск: Наука и техника, 1968. С. 79.

установленных путем сравнительного исследования совпадений и различий.

Аналитические методы, таким образом, уступают место оценочным.

Из сказанного видно, что разграничение понятий изоморфизма и тождества имеет не только теоретические, но и важное методическое значение. Смешение тождества и сходства, тождества и изоморфизма, как уже неоднократно отмечалось в криминалистической и процессуальной литературе, ведет к серьезным ошибкам в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел¹.

Понятие информации, представляющее содержательную сторону доказывания, тесно связано с процессами отражения, происходящими при взаимодействии материальных тел. Анализ этих понятий помогает раскрыть структуру процесса доказывания.

«Информация, - пишет Н. Винер, - это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств»². «Процесс познания, - как правильно отмечает Й. Земан, - является также процессом передачи информации, и теория информации дает, как известно, возможность точного изучения информационных каналов»³. Структура информационного процесса при доказывании соответствует общей структуре информационного процесса и состоит из трех основных элементов:

- системы, от которой исходит информация;
- системы, получающей информацию;
- носителя информации, соединяющего первые две системы.

Рассмотрим эти элементы подробнее.

¹ Уместно в связи с этим вспомнить, что зачинатель теории криминалистической идентификации С. М. Потапов рассматривал разграничение тождества и сходства как важнейший принцип криминалистической идентификации (см.: *Потапов С. М. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. 1940. № 1*).

² *Винер Н. Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфилова; общ. ред. и предисловие Э. Я. Кольмана. М.: Изд-во ин. лит., 1958. С. 31.*

³ *Земан Й. Философия и кибернетика // Философия и естествознание: сб. ст. / пер. Н. С. Николаева, Э. А. Големба, А. А. Старостина, Е. С. Алексеев; сокр. пер. с чешек. М.: Прогресс, 1965. С. 98.*

1. В качестве системы, от которой исходит информация, выступает сложная динамическая система - процесс совершения преступления и связанные с ним обстоятельства, устанавливаемые при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, либо другое релевантное в правовом отношении событие.

Процесс совершения преступления связан с взаимодействием ряда объектов, процессами отражения одних объектов в других. Этот процесс может включать автономные познавательные и информационные процессы, например передача кодированных сообщений, выслеживание жертвы, согласование действий преступников в пространстве и времени и т.д.

В процессе доказывания все эти процессы и системы выступают в качестве единой, целостной системы - процесса преступления, продуцирующего информацию и являющегося, таким образом, системой, от которой исходит информация.

2. В качестве системы, получающей информацию, выступает субъект доказывания, т.е. специально уполномоченное лицо, которому в соответствии с законом предоставлено право или предписана обязанность участия в процессе доказывания. К их числу относятся: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, обвиняемый и подозреваемый, законный представитель, потерпевшие и его представитель, защитник, государственный обвинитель и защитник, гражданский истец, гражданский ответчик и его представители¹. Деятельность субъектов доказывания регламентирована законом и согласована таким образом, чтобы обеспечить наиболее всестороннее и полное получение информации об обстоятельствах преступления.

3. В качестве центрального элемента системы, объединяющего два рассмотренных уже элемента, выступает носитель информации о расследуемом событии - любой материальный объект, участвовавший во взаимодействии тел, образующем процесс преступления.

В качестве таких материальных объектов могут выступать

¹ Подробно о субъектах доказывания и формах их участия в процессе доказывания см.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Гл. 8. С. 494-566.

лица (обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие, свидетели), документы и различные предметы.

При более подробном ознакомлении с носителем информации в составе каждого из них могут быть выделены материальные следы, отпечатки и психические отображения (образы), явившиеся результатом взаимодействия, связанного с расследуемым событием. Следы и образы в преобразованном виде отражают содержание тех обстоятельств, в результате которых они возникли. След руки, например, отражает строение кисти, отдельных пальцев, микрорельеф кожи, а также способ действия с предметом (захват, касание, опорное движение и т.д.); образ, сохранившийся в сознании свидетеля, может отражать содержание и последовательность действий преступника при подготовке, совершении или сокрытии преступления, высказанные им намерения, угрозы и т.д. След и образ, как результаты взаимодействия материальных систем, представляют изоморфные отображения, т.е. отображения, взаимно однозначно соответствующие оригиналу. Рассматриваемые с позиции теории информации материальные следы и психические отображения представляют не что иное, как кодированные сообщения, сигналы информации о расследуемом событии.

С точки зрения формы сигнал информации о расследуемом событии может быть выражен в форме любого физического процесса, материальных свойств любого предмета, признаков следа или рукописи, психического отображения в сознании свидетеля и любого другого процесса.

С точки зрения содержания сигнал представляет преобразованное, изоморфное отражение вызвавших его обстоятельств, связанных с расследуемым событием, т.е. несет информацию о преступлении.

Как видно из сказанного, получение и использование информации в ходе доказывания связано с обычными информационными процессами преобразования (кодирования и дешифровки) сообщений. Поскольку при образовании следов используются не специально созданные, а естественные «каналы связи», отсутствует и специальная операция кодирования. В этих случаях говорят о так называемом естественном коде сообщения. Обратное преобразование сигналов (декодирование, дешифровка) осуществляется по правилам этого «естественного кода».

Это положение особенно наглядно видно на примере образования зрительных образов. Когда какой-либо предмет попадает в поле зрения, отраженные от его поверхности лучи света воздействуют на сетчатку глаза и вызывают в ней сложные фотохимические процессы. Эти процессы преобразуются в биоэлектрические импульсы, которые распространяются вдоль волокон зрительного нерва и вызывают в затылочных долях коры головного мозга зрительные ощущения. Из этих ощущений строится целостный зрительный образ объекта. Данные физиологии нервной деятельности говорят о том, что биоэлектрические импульсы, распространяющиеся от различных органов чувств (зрение, слух осязание и т.д.), в основных чертах имеют одну и ту же природу. Только в различных отделах коры головного мозга, куда эти импульсы поступают, они расшифровываются и возникает образ, адекватный исходному воздействию. В результате человек может судить, о каких именно сторонах, свойствах действительности информирует его то или иное ощущение. Обычный зрительный образ связан, следовательно, с преобразованием (кодированием) исходного светового сигнала в сетчатке и обратным преобразованием его (декодированием) в затылочной доле коры головного мозга. Сохранившиеся в сознании человека зрительные и иные образы могут быть актуализированы и считаны при воспоминании и воспроизведении этих образов, например, дающим показания свидетелем.

Несколько иной механизм дешифровки информации, заключенной в следах. Дешифровка, прочтение следов должны быть произведены лицом, осуществляющим расследование. Для этого необходимо овладеть естественным кодом, т.е. выяснить способ преобразования информации, заключенной в следе. Практически это осуществляется путем исследования механизма образования следа, т.е. способа взаимодействия объектов при его образовании. Наибольшее внимание исследованию этих процессов уделяется в криминалистике, которая в значительной своей части и посвящена разработке методов дешифровки, извлечения информации о расследуемом событии при проведении различных следственных действий.

Рассматривая познавательный процесс раскрытия, расследования и доказывания как целостную систему, уместно поставить вопрос о понятии фактологической информации.

Логично предположить, что именно понятие фактологической информации является центральным при информационной трактовке процесса раскрытия, расследования и судебного доказывания.

Получение фактологической информации и исследование ее свойств: количества, достаточности, относимости, ценности и др. - составляют, очевидно, основное содержание этих процессов.

В качестве первоначального может быть предложено определение фактологической информации как *любых релевантных фактических данных, полученных в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств.*

Это определение охватывает любую релевантную информацию, полученную на любых стадиях раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел, в любой организационно-правовой форме познавательного процесса и позволяет анализировать информацию вне формы ее получения в чистом виде.

Понятие фактологической информации непосредственно связано с понятиями доказательства и доказательственной информации.

Вопрос о правомерности и необходимости такого понятия должен быть решен с учетом того, нуждается ли содержание и форма информации в самостоятельном анализе.

Диалектика познавательного процесса, рассматривающего форму и содержание в неразрывном единстве, не исключают, а предполагают на определенных стадиях анализа абстрагирование и раздельное изучение каждой из этих сторон единства.

Содержание информации, как изоморфное отражение действительности в материалах дела, представляет основной стержень всех оперативно-розыскных, следственных и судебных процедур. А сами эти процедуры представляют процессуальные фильтры очищения исходной информации от шумов и шлаков.

Содержательная сторона познавательного процесса, который нельзя свести только к процессуальным процедурам, может и должна быть абстрагирована от процессуальной формы и подвергнута самостоятельному изучению.

Исследование таких важнейших свойств информации, как ее

относимость, достаточность и ценность с позиций ее связи с предметом доказывания, - это чисто логические операции, требующие абстрагирования от процессуальной формы источников, из которых эта информация получена.

Достаточно в связи с этим сослаться на разработанные в праве процедуры и технологии введения в процесс заключений специалистов и информации, полученной в процессе оперативно-розыскной деятельности. На примере этих процедур отчетливо видно, что для преобразования информации из одной процессуальной формы в другую, в данном случае - непроцессуальной в процессуальную, необходимо абстрагировать содержание от формы и дать отдельную оценку относимости содержания и допустимости формы. Любые операции по информационному моделированию обстоятельств расследуемого события, в том числе с использованием кибернетических технологий, также требуют такого абстрагирования.

В ряде информационных и идентификационных систем, используемых при раскрытии и расследования преступлений, информация фигурирует в «чистом» виде: усредненные признаки, графики, кибернетические модели и т.п. Это позволяет осуществлять сравнение, «взвешивание», индивидуализацию, дифференциацию и иным операции для разрешения заложенных в программы этих систем задач.

Таким образом, понятие фактологической информации, обслуживающей эти функции, теоретически обосновано и практически необходимо на тех стадиях доказывания, когда содержательную сторону доказательств исследуют, отвлекаясь от способа их получения.

Понятие фактологической информации, как наиболее широкой категории фактических данных, независимо от формы их получения, следует отграничивать от понятий, характеризующих различные организационно-правовые формы ее получения: агентурная, оперативно-розыскная, заключение специалиста, консультация, беседа, ревизия, последственная проверка, доказательства и др.

Любая из перечисленных форм может содержать может содержать или не содержать релевантные фактические данные и, соответственно, представлять или не представлять фактологическую информацию.

В судебном процессе может использоваться не любая фактологическая информация, относящаяся к делу, а только та, которая соответствует требованиям допустимости, т.е. получена в специальной предусмотренной законом форме. Эта форма, дополняемая практикой высших судебных инстанций, составляет свод правил доказывания и требований процедуры, несоблюдение которых делает используемую в процессе информацию недопустимыми доказательствами.

Оценка информации с позиций ее допустимости представляет наиболее существенную специфику судебного процесса, отличающую его от любых других форм фактологического анализа в других видах деятельности.

Доказательства в строгом процессуальном смысле представляют лишь одну из форм фактологической информации. Такая информация появляется в деле лишь в результате доказывания и решения ряда предусмотренных законом задач доказывания. Они предусматривают обнаружение источника, декодирование и процессуальную фиксацию содержащейся в нем информации. Она исследуется в ходе осмотра, допроса, обыска и других следственных действий, основное содержание которых сводится к получению, систематизации и процессуальному оформлению фактологической информации.

При этом и теоретически и практически важно выяснить, как разрешение отдельных задач доказывания влияет на свойства собираемой информации.

В числе этих задач наиболее существенными являются: обнаружение материального носителя, источника, декодирование содержания фактических данных, их фиксацию и использование для установления существенных обстоятельств дела.

Решение указанных задач составляет отдельные грани, стороны, этапы отражения, познания субъектом доказывания обстоятельств расследуемого события. Вместе с тем они характеризуют новые свойства собираемой информации: ее материальный источник, ее содержание, ее системность, ее процессуальную форму. Таким образом, выделение указанных задач и свойств информации существенно не только в плане теоретического анализа познавательного процесса при доказывании, но и в чисто практическом

аспекте, позволяющем уяснить цели доказывания на его отдельных стадиях доказывания и соответствующие им новые качества фактологической информации.

Фактологическая информация (уровни процессуального использования):

мертвая - объективное отображение обстоятельств события в окружающей среде;

латентная - обнаружение, индивидуализация, фиксация источника информации;

потенциальная - выявлено (декодировано) содержание фактических данных;

актуальная - использована для установления обстоятельств дела в системе других фактических данных;

доказательства - базовый уровень процессуального доказывания (процессуальная форма установления доказательственных фактов).

Итак, в составе фактологической информации, помимо доказательств в собственном смысле, следует различать мертвую, латентную, потенциальную и актуальную информацию. Доказательства в собственном смысле должны быть не только выделены и процессуально зафиксированы по источнику, но и осмыслены субъектом доказывания и включены в соответствующую доказательственную систему.

Так, в показаниях свидетеля к числу доказательств относится только та информация, которая зафиксирована в протоколе допроса (в соответствующих случаях и на фонограмме) и использована для установления доказательственных и искомых фактов. Сведения, известные свидетелю, но не сообщенные им на допросе или должным образом не зафиксированные, следует считать мертвой или латентной информацией.

При производстве экспертизы почерка в состав доказательства войдет только та часть содержащихся в рукописях идентификационных признаков, которая приведена в обоснование экспертного вывода в его заключении и иллюстрирована на фотоснимках. Остальная часть будет латентной или потенциальной информацией.

Следует иметь в виду, что обнаруживаемые и приобретаемые к

делу источники доказательств: вещественные доказательства, фотоснимки, слепки, документы - содержат зачастую обширную латентную и потенциальную информацию. Освоение, актуализация такой информации представляют важный резерв расследования. Повторные допросы и обыски, дополнительные экспертизы, повторные исследования собранных к делу доказательств в новых следственных ситуациях представляет, по-видимому, лишь отдельные формы актуализации потенциальной доказательственной информации.

Из сказанного следует, что доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей своей актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками. Такое понимание фактологической информации, наряду со строго процессуальным пониманием доказательств, в наибольшей степени соответствует потребностям практики и задачам судопроизводства.

Определение фактологической информации, в том числе используемой в процессуальной форме (доказательственной информации), и четкое уяснение ее свойств являются необходимыми условиями правильной трактовки процесса доказывания как познавательного и информационного процесса. Этот процесс связан с ростом актуальной информации и уменьшением неопределенности (энтропии) расследуемого события. В этом состоит суть информационного подхода к доказыванию, основа качественных и количественных критериев оценки доказательственной информации.

Позволяя проследить процесс возникновения доказательств из релевантной информации, оно вместе с тем строго ограничивает доказательства от любой другой циркулирующей в процессе доказывания, уточняет критерии относимости и допустимости, обеспечивает возможности формализации и логической обработки доказательственной информации¹.

¹ Нельзя в связи с этим согласиться с авторами, определяющими доказательственную информацию через содержание доказательств (см.: *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. С. 173; *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. 1977. С. 176; *Ульянова Л. Т.* Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959. С. 3-53).

Требует самостоятельного рассмотрения проблема использования в доказывании информации, полученной за рамками процессуальной процедуры, так называемой непроцессуальной информации. Необходимость рассмотрения этой проблемы вызвана тем, что доказывание как информационный процесс, является, особенно по уголовным делам, продолжением информационных процессов, возникших до следствия и суда.

Важно отметить, что фактологический анализ, как отмечалось выше, используется как метод исследования не только на предварительном расследовании и в суде, но и в процессе оперативно-розыскной деятельности, частном сыске, парламентском, общественном журналистском расследовании и других видах деятельности. Раскрытие преступлений, как важнейшая информационная задача, в весьма значительной своей части решается за рамками процесса доказывания.

Речь идет, следовательно, об использовании мощного информационного потенциала, накопленного за рамками процесса доказывания, для решения задач доказывания.

В общем виде вопрос о возможностях использования непроцессуальной информации не представляет сложности. Любая информация, в принципе, может быть использована в качестве доказательства, при том, однако, обязательном условии, что она удовлетворяет требованиям, предъявляемым законом к доказательствам.

Возможность использования в доказывании информации, полученной в процессе оперативно-розыскной деятельности, подтверждает и ст. 11 соответствующего Федерального закона¹. При этом, однако, делается существенная оговорка о том, что такое использование должно осуществляться «в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств».

Однако закон ничего не говорит о механизмах преобразования

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 133-ФЗ.

непроцессуальной информации в процессуальную и формах ее использования в доказывании.

Проблеме использования непроцессуальной информации в доказывании посвящено значительное число работ¹. Вместе с тем ряд актуальных аспектов данной проблемы еще не получил надлежащего решения. Между тем они касаются не только чистоты доказательственных процедур, но и процессуальных гарантий.

Это относится в первую очередь к возможностям непосредственного использования непроцессуальной информации в доказывании.

Ряд авторов считает возможным использование такой информации в обоснование ею решений о проведении конкретных процессуальных, в том числе следственных, действий - задержаний, обыска, допроса и др.; при принятии решений об обыске, выемке, наложении ареста на имущество, аресте корреспонденции и т.п.²

Той же позиции придерживается С. В. Зуев, полагая, что непроцессуальная информация может служить достаточным основанием для принятия процессуальных решений³.

Мы полагаем, что вопрос о непосредственном использовании непроцессуальной информации в доказывании, и особенно для обоснования процессуальных решений, должен быть решен отрицательно в категорической форме. В противном случае терят

¹ См., напр.: Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. С. 154-156; *Бедняков Д. И.* Непроцессуальная информация. М., 1991. С. 5-15; *Овчинский С. С.* Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. М.: Инфра-М, 2000. С. 61; *Хомколов В. П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. Системный подход. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999. С. 53-54; *Быховский И. Е.* Производство следственных действий: учеб. пособие. Л., 2007. С. 15; *Зуев С. В.* Использование оперативной информации в уголовном процессе: учеб. пособие / С. В. Зуев; под ред. В. И. Казакова. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 11-29.

² *Белкин А. Р.* Теория доказывания. М., 1999. С. 226-227.

³ *Зуев С. В.* Указ. соч. С. 18.

смысл само различие процессуальной и непроцессуальной информации и роль доказательств как оснований принятия процессуальных решений.

Особые возражения вызывает обоснование непроцессуальной информацией процессуальных решений, связанных с ограничением гражданских прав и свобод и изменением процессуального статуса участников процесса.

Что касается возможностей и способов опосредствованного использования непроцессуальной информации, то они требуют самостоятельного рассмотрения.

Принципиально, на наш взгляд, разграничивать использование непроцессуальной информации в целях моделирования информационных процессов и ее использование в процессе доказывания. Если информационное моделирование не связано с принятием процессуальных решений и представляет чисто познавательную деятельность, в ее структуре может использоваться любая, в том числе оперативно-розыскная, информация. Однако, при переходе к доказыванию, процессу обоснования процессуально значимых выводов и решений должны неукоснительно соблюдаться предъявляемые законом требования к составу и качеству используемой информации.

Это положение и должно рассматриваться как принципиальная основа использования непроцессуальных и процессуальных технологий в доказывании.

Рассмотрим это принципиальное положение подробнее.

В составе непроцессуальной информации для доказывания релевантными являются сведения:

- 1) об обстоятельствах расследуемого события;
- 2) об источниках сведений об этих обстоятельствах.

Эти сведения, наряду с использованием уже собранных по делу доказательств, могут использоваться для построения следственных версий и интегральной информационной модели расследуемого события.

Такая модель является информационной основой для организации и планирования расследования и принятия решений о производстве следственных действий и оперативно-тактических комбинаций (осмотров, обысков, допросов и др.).

Обнаруженные в ходе процессуальных действий и соответствующим образом процессуально оформленные источники и сведения будут формально включены в процесс доказывания.

Таким образом, основным способом использования в доказывании непроцессуальной информации является производство процессуальных действий, ведущих к обнаружению легальных источников доказательственной информации.

Обращаем внимание на то, что непроцессуальная информация используется в этом случае в процессе доказывания не непосредственно, а через информационную модель события, сформированную на основе всех установленных по делу доказательств.

Отдельно следует сказать о более частных способах, например о прямой легализации источника.

Имеются в виду случаи допроса в качестве свидетеля, потерпевшего или подозреваемого секретного сотрудника правоохранительного органа, бывшего участником или свидетелем расследуемого события. Эти весьма сложные процедуры осуществляются в форме специально подготавливаемых оперативно-тактических комбинаций, связанных со службами охраны свидетелей и др.

Весьма спорным в процессуальном отношении представляется способ введения в процесс оперативной информации путем ее истребования следователем, дознавателем, прокурором (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Рапорт или сопроводительное письмо оперативного органа и даже постановление следователя об их приобщении к делу в качестве документов в порядке ст. 84 УПК РФ¹ вряд ли могут рассматриваться как допустимая процессуальная форма.

4.2. Доказательственные факты в структуре доказывания

В системе средств уголовно-процессуального доказывания доказательственные факты занимают промежуточное положение.

С одной стороны, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан как адекватный действительности факт. Здесь

¹ См. цит. выше работы А. Р. Белкина и С. В. Зуева.

доказательственный факт выступает в качестве тезиса и непосредственной цели доказывания. В качестве же аргументов, оснований выступают исходные фактические данные - доказательства.

Так, при установлении факта недостачи ценностей у материально ответственного лица следователь анализирует акт ревизии, допрашивает ревизоров, осматривает не принятые ими документы, знакомится с объяснениями и личностью материально ответственного лица, заключением бухгалтера вышестоящей организации, выясняет условия хранения материальных ценностей и другие фактические данные, которые могут послужить в качестве исходных для вывода о наличии недостачи.

Установление доказательственного факта является во всех случаях результатом вывода, умозаключения, в основе которого лежат исходные фактические данные - доказательства: показания живых лиц, заключения экспертов, документальные данные, результаты осмотров, обысков, следственных экспериментов, опознаний и других процессуальных действий.

С другой стороны, доказательственные факты, будучи установленными, доказанными, но не имея уголовно-правового значения, выступают в качестве логических оснований, аргументов для выводов о главном факте, событии преступления.

Так, факт недостачи ценностей у материально ответственного лица сам по себе может не иметь уголовно-правового значения, но в сочетании с фактами не оформленного надлежащими документами отпуска ценностей посторонним, фактами приобретения дорогих вещей, явно превышающих по стоимости легальные доходы этого лица, фактами обнаружения при его обыске крупных сумм денег и т.п. могут явиться достаточными логическими основаниями для вывода о совершении материально ответственным лицом хищения путем растраты, т.е. преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Итак, доказательственные факты - это нейтральные в уголовно-правовом отношении факты, установленные путем исследования доказательств и служащие логическим основанием для вывода о подлежащем доказыванию событии преступления и всех его существенных в правовом отношении обстоятельствах.

Понятие доказательственного факта является одним из важнейших понятий теории судебных доказательств, и его разработке

традиционно уделяется серьезное внимание.

Особенно детальную разработку это понятие получило в теории улик (косвенных доказательств), которая, по справедливому замечанию М. С. Строговича, «в своей основе сводится к вопросу о доказательственных фактах, их связи с главным фактом»¹. Признание опосредствованного характера доказывания уликами, отграничение улик, с одной стороны, от предмета доказывания, а с другой - от исходных фактических данных всегда рассматривались как исходные положения теории улик.

«Уликою, - как отмечал А. Жиряев, - должно быть признано всякое обстоятельство, которое по предполагаемой связи своей с одним из трех главных предметов уголовного исследования содержит в себе косвенное на действительность, или свойства их указание. Улики доказательны лишь тогда, когда сами они вполне доказаны»².

Особенно детально исследована структурная самостоятельность доказательственного факта М. М. Гродзинским.

«Улики, - пишет он, - представляют собой установленные посредством различных источников доказательств факты, каждый из которых допускает предположение о причинной его связи с исследуемым преступлением и которые в совокупности своей служат косвенными доказательствами события преступления и виновности обвиняемого. Улики должны быть отличаемы от источников доказательств, с одной стороны, и от основных искомых фактов дела - с другой. В отношении первых улики являются предметом доказывания; в отношении вторых улики сами служат доказательствами»³.

Указанная характеристика доказательственных фактов разделяется в основном и другими авторами.

Исследование доказательственных фактов в смысле средств доказывания требует:

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 360.

² *Жиряев А.* Теория улик. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1855. С. 34.

³ *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. М., 1944. С. 117.

- 1) выяснения соотношения доказательственных фактов с другими понятиями и средствами доказывания;
- 2) анализа содержания доказательственных фактов как элементов структуры процессуального доказывания;
- 3) определения содержания, способов получения и значения доказательственных фактов.

Понятие доказательственного факта в ряде случаев отождествляется с понятием обстоятельства дела.

«Обстоятельства уголовного дела, - пишет М. С. Строгович, это тоже факты, а не что-либо иное, но только такие факты, которые как бы составляют части, отдельные черты и свойства того факта, который образует основное содержание обвинения или связан с ним»¹.

К нему присоединяется В. Д. Арсеньев². Той же позиции придерживается М. А. Чельцов³.

Отождествление обстоятельств и фактов неправильно, по нашему мнению, в методологическом отношении.

В процессе доказывания необходимо отграничивать, с одной стороны, предметы и явления, существующие объективно, вне и независимо от сознания судьи и следователя, с другой стороны, субъективные отображения этих предметов и явлений, психические образы их.

Указанному разграничению в процессе доказывания соответствуют понятия обстоятельства и фактов.

Говоря об «обстоятельствах», уголовно-процессуальный закон во всех случаях имеет в виду обстоятельства, подлежащие «исследованию», «выявлению», «доказыванию», «установлению» (ст. 73, 74, 85, 90 и др.), т.е. объективно существующие явления, объекты познания в процессе уголовного судопроизводства.

Под доказательственными фактами имеют в виду факты, свойствами которых является соответствие действительности - доказанность, т.е. результат исследования, познания объективных явлений, предметов.

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 349-356.

² *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юрид. лит., 1964. С. 79.

³ *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 136 [и др.]

Иными словами, понятие «обстоятельства дела» соответствует в гносеологическом плане понятию «объект исследования». Понятие же «доказательственный факт» - психическому отображению объекта его образу.

Разграничение объекта и образа, обстоятельств дела и отображающих их фактов имеет не только структурно-познавательное, но и непосредственное практическое значение.

В процессе судебного исследования доказательственные факты не есть нечто заранее данное, существующее априори. Доказательственные факты сами должны быть исследованы, выявлены, установлены, доказаны. При этом само соответствие образа действительности, его адекватность также должны быть установлены, доказаны.

Смещение объекта и образа может привести к использованию в качестве доказательственных фактов образов, сведений, данных, истинность которых не установлена, но принимается как факт. Об этом правильно пишет М. С. Строгович: «В следственной и судебной практике встречается иногда эта ошибка - использование в качестве доказательственных фактов таких фактов, которые сами не доказаны с достоверностью, но которые указывают некоторые источники (показания свидетелей и др.), нуждающиеся в проверке»¹.

Из числа существенных для правильного разрешения дела не подлежат доказыванию только общеизвестные факты, а также факты, установленные вступившими в законную силу приговорами, определениями о прекращении дела, решениями по гражданскому делу, а также неотмененными постановлениями о прекращении дела прокурорско-следственных органов (п. 4, 5 ст. 27, ст. 90 УПК РФ).

Таким образом, и слияние объекта и образа, их тождество, в смысле адекватности образа объекту, можно понимать лишь как задачу, цель доказывания. Сам же процесс познания связан с мысленным отделением и сопоставлением объекта и образа, в результате чего только и может быть достигнуто адекватное отражение действительности.

В юридической литературе доказательственные факты не-

¹ Строгович М. С. Указ. соч. С. 350.

редко отождествляются с исходными фактическими данными - доказательствами.

«Доказательствами, - пишет М. П. Шаламов, - могут быть лишь доказательственные факты, или... фактические данные»¹.

Некоторые авторы считают, что доказательственные факты входят в состав понятия судебного доказательства, составляют содержание судебного доказательства: «Доказательственным фактом как в прямом, так и в косвенном доказательстве будут определенные сведения о фактах, подлежащих разрешению по делу».

Отождествление исходных фактических данных (доказательств) и доказательственных фактов ведет к смешению различных уровней доказывания, существенным теоретическим и практически ошибкам.

В другой своей работе тот же автор утверждает, что «доказательством может считаться только правдивая информация» и «достоверность сведений» - необходимое свойство доказательств².

Данное утверждение основано на очевидном смешении доказательств, как исходных фактических данных, и доказательственных фактов, как оснований принятия судебных решений. Содержание доказательств составляют сведения и информация о подлежащих установлению обстоятельствах дела. Доказательственные же факты - это адекватно отраженные в сознании следователя и судьи обстоятельства дела. Сведения, информация об обстоятельствах дела, содержащиеся в доказательствах, могут быть неполными, неточными, ошибочными, ложными. Это не означает, однако, что от этого доказательства перестают быть доказательствами. В этом случае нам придется исключить из их числа большую часть показаний обвиняемых, потерпевших, многих свидетелей и даже некоторых экспертов. Доказательственные факты - это адекватное, соответствующее действительности отражение в сознании субъекта доказывания и процессуальных актах исследуе-

¹ Шаламов М. П. Теория улик. М.: Госюриздат, 1960. С. 40.

² Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959. С. 16; Она же. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. С. 92, 98.

мых обстоятельств дела. В этом - принципиальное различие доказательств и доказательственных фактов, которое необходимо учитывать как в теоретических построениях, так и при практическом оперировании указанными средствами доказывания. Доказательства, как исходные фактические данные, также адекватно отражают действительность.

В протоколе соответствующего процессуального действия должно быть отражено только то, что объективно существует и было воспринято следователем и судьей в процессе допроса, осмотра, обыска, следственного эксперимента и т.д. Однако адекватность (изоморфизм) доказательства не влечет адекватности соответствующего ему доказательственного факта.

Так, показания свидетеля, обвиняемого, заключения экспертов признаки предметов и документов могут быть адекватно отражены сознанием следователя, зафиксированы в соответствующих процессуальных документах и признаны судебными доказательствами. Вместе с тем они могут не отражать адекватно тех обстоятельств дела, о которых они содержат информацию: заключение эксперта может быть неточным или ошибочным, сведения, содержащиеся в показаниях и документах, ложными. Указанное обстоятельство обуславливает сложный многоступенчатый, опосредствованный характер познания расследуемого события. Обстоятельства расследуемого события, как факты прошлого, отображаются в предметах, документах, сознании живых лиц в преобразованном виде, в виде следов, признаков, информации, сведений. Соответственно этому и познание, отражение расследуемого события не могут быть зеркальными, прямыми, непосредственными. Вначале следователь и судья должны адекватно отразить в своем сознании информацию, сведения о расследуемом событии. Содержащие эту информацию предметы, следы, документы, показания живых лиц суть непосредственно воспринимаемые явления объективной действительности, факты настоящего. Переход от непосредственно воспринятых фактов настоящего к обстоятельствам расследуемого события, лежащим в прошлом, представляет сложное опосредствованное исследование. Оно предполагает анализ условий передачи хранения и преобразования информации в источниках, выявление наличия и характера действия помех, обратное преобразование сигналов, их дешифровку и т.д.

При этом факты настоящего, сигналы информации в виде материальных признаков вещей, знаков документов и сообщений живых лиц выступают как основа исследования. Обстоятельства же расследуемого события - как предмет, задача исследования. Таким образом, непосредственно воспринимаемые факты настоящего - доказательства - и выводные, опосредствованным путем устанавливаемые доказательственные факты образуют два различных слоя фактов, лежащих в основе процессуального доказывания. Доказательственные факты, объективно установленные в процессе доказывания, необходимо отграничивать от информации об этих фактах, содержащейся в источниках. Смешение их с информацией об этих фактах представляет одну из распространенных ошибок практического использования доказательств.

Вместо того чтобы критически оценить сведения, полученные от свидетелей, экспертов, извлеченные из документов или других источников, некоторые следователи и судьи принимают их на веру как установленные факты, и кладут в основу приговора и судебного решения. Между тем ошибка в основаниях может, как это известно из логики, привести к ошибке в выводе по существу дела. В отличие от доказательства доказательный факт не может быть просто обнаружен и удостоверен. Он должен быть доказан, т.е. логическим путем выведен из других фактов, иными словами, должна быть доказана его необходимая связь с другими, ранее установленными фактами и доказательствами.

В процессе же доказывания необходимо четко отграничивать то, что доказывается, от того, чем доказывается. В противном случае не будет самого логического следования, доказывания. Цикл получения и проверки информации замкнут в условиях непосредственного исследования на единичном источнике. При установлении доказательственного факта нельзя ограничиться единичным источником. Содержащаяся в нем информация может быть неполной, ложной и потому должна быть проверена с помощью других источников информации. В связи с этим процесс получения и проверки информации при установлении доказательственного факта касается не единичного источника, а охватывает всю совокупность источников, содержащих нужную информацию.

Проследим различие доказательств и доказываемых фактов на примере показаний свидетеля и заключения эксперта. Сообщение

свидетеля о пребывании обвиняемого на месте преступления есть в первую очередь непосредственно воспринимаемый следователем факт настоящего. Этот непосредственно воспринятый и зафиксированный в протоколе допроса факт и является судебным доказательством. От него необходимо четко отграничивать предмет показаний свидетеля - пребывание обвиняемого на месте преступления. Этот факт, как факт прошлого, не может быть воспринят непосредственно и подлежит доказыванию¹.

Доказывание этого факта осуществляется путем использования всей совокупности источников, содержащих нужную информацию: показаний других свидетелей, видевших обвиняемого на месте преступления или вблизи него; показаний потерпевшего о нахождении обвиняемого; показаний самого обвиняемого о месте его пребывания в момент преступления; данных осмотра места преступления; заключения экспертизы об идентификации обуви обвиняемого по следам на месте преступления и других данных.

Вывод о соответствии или несоответствии показаний свидетеля действительности делается не путем оценки единичного источника, а на основе логической переработки всей совокупности данных, собранных в процессе расследования относительно этого факта.

Заключение эксперта о причинах смерти потерпевшего также представляет объективно существующий и непосредственно воспринимаемый следователем и судом факт - доказательство. Его необходимо четко отграничивать от факта прошлого - причины смерти, составляющей предмет экспертизы и подлежащей доказыванию в процессе.

Вывод эксперта о доказываемом факте нельзя отождествлять с самим доказываемым фактом, а исследование, проведенное экспертом, - с процессом судебного доказывания факта, бывшего предметом экспертизы. Вывод эксперта не является для следователя и суда обязательным. Он используется лишь как одно из

¹ Ставя свою подпись под протоколом допроса, следователь удостоверяет ею не предмет показаний свидетеля - пребывание обвиняемого на месте преступления, а только непосредственно воспринятое им сообщение свидетеля.

средств установления доказываемого факта; наряду с ним в процессе доказывания факта, бывшего предметом экспертизы, следователь и суд используют фактические данные - доказательства, полученные из других источников. Так, для установления причин смерти следователь использует не только данные экспертизы, но и данные внешнего осмотра трупа и места его обнаружения, результаты судебно-медицинского вскрытия, осмотра найденных у умершего вещей и документов, показания родственников умершего, очевидцев преступления и др. При этом, как показывает практика, в выводы эксперта могут быть внесены существенные коррективы.

Возникает вопрос: могут ли следователь и суд при отсутствии у них специальных познаний сформулировать свое умозаключение по поводу факта, бывшего предметом экспертизы?

Если следователь и суд будут при этом опираться только на те материалы (объекты исследования), которыми пользовался эксперт, эту задачу они разрешить не смогут. Необходимая связь исходных фактов и выводов в этом случае может быть установлена только при наличии специальных знаний. Из этой предпосылки следователь и суд исходили уже при назначении экспертизы. Иначе следует ответить на этот вопрос в случаях, когда для установления искомого факта следователь и суд пользуются дополнительными материалами, всей находящейся в их распоряжении информацией.

На такой базе умозаключение о доказываемом факте часто оказывается возможным и без специальных познаний.

Так, оценка заключения эксперта-трасолога, установившего, что след пальца, найденный на месте преступления, оставлен обвиняемым, сама по себе недостаточна для установления факта пребывания обвиняемого на месте преступления. Оценка совпадений признаков папиллярного узора пальца требует специальных знаний, которыми ни следователь, ни суд не располагают.

О доброкачественности или недоброкачественности проведенного экспертом исследования они могут судить лишь по формальным признакам.

Следователь и суд могут, однако, воспользоваться и другими средствами установления того же факта. Они могут получить показания обвиняемого о его местонахождении в момент совершения преступления и проверить их, выяснить, бывал ли он вообще

на месте преступления, опросить очевидцев и провести опознание обвиняемого, сравнить другие следы и предметы, найденные на месте преступления, с предметами обвиняемого и т.д.

В результате следователь и суд получают достаточные основания для надежной оценки заключения эксперта и вывода по существу доказываемого факта. Эксперт не может ограничиться констатацией искомого факта. Он должен доказать его, а это значит доказать наличие исходных фактических данных и необходимую связь между ними и выводом - искомым фактом. Этот процесс особенно нагляден при доказывании экспертом своего заключения в ходе судебного заседания с участием сторон. В свою очередь, следователь и суд не могут ограничиться пассивным ознакомлением с заключением эксперта. Исследования специалистов и экспертов не освобождают следователя и других субъектов доказывания от активного доказывания фактов с помощью других процессуальных средств. Задача следователя и суда состоит в обнаружении и исследовании других источников, содержащих необходимую информацию о доказываемом факте, и правильной оценке этой информации наряду с заключением эксперта.

При этом информация, полученная от эксперта, будет проверяться данными осмотра места происшествия, сведениями, полученными из документов, свидетельских показаний и других источников. В свою очередь, эти последние данные должны быть оценены с учетом заключения эксперта. Только всестороннее использование всех доступных следователю и суду источников доказательств может обеспечить объективное установление доказательственного факта. Это положение особо важное значение приобретает в тех случаях, когда база экспертного исследования недостаточна и выводы эксперта по тем или иным причинам нуждаются в дополнительном обосновании и проверке.

Вывод эксперта имеет значение для следователя и суда лишь постольку, поскольку он основан на определенных исходных фактах. Если исходные факты, положенные в основу вывода, недостаточны или противоречивы, то даже категорическое заключение эксперта теряет свое значение. Напротив, если установленные экспертом фактические данные основательны, а вывод логически безупречен, - и вероятное заключение эксперта приобретает значение в установлении наличия или отсутствия доказательственного

факта.

В связи с изложенным нельзя согласиться с мнением авторов, рассматривающих заключение экспертизы не как средство обнаружения истины, средство установления доказательственных фактов, а как саму истину, объективно установленный факт. «Заключения экспертов, - пишет А. В. Дулов, - носят характер объективной истины, верно отражающей определенные обстоятельства данного дела»¹.

Такая характеристика заключения эксперта может способствовать распространению некритического подхода к выводам экспертов.

Таким образом, доказательственные факты - это выводные факты, полученные путем опосредствованного исследования.

В. Д. Арсеньев говорит о непосредственно воспринимаемых доказательственных фактах нестоящего, под которыми он понимает результаты опознания и следственного эксперимента².

Конструкция непосредственно воспринимаемого доказательственного факта в принципе противоречит общепризнанному понятию доказательственного факта. То, что нуждается в доказывании, нельзя воспринимать непосредственно. Как это было показано выше, существенным свойством доказательственного факта является его доказанность. Прежде чем стать основой последующих умозаключений о главном факте, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан. Этим он отличается и от главного факта, и от исходных фактических данных - доказательств.

Конструкция непосредственно воспринимаемого доказательственного факта противоречит указанным структурным представлениям и ведет к смешению доказательственных фактов с доказательствами. В действительности, как при производстве опознания, так и при производстве следственного эксперимента непосредственно воспринимаются не доказательственные факты, а лишь показания живых лиц, результаты их действий, исследуемых пред-

¹ Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959. С. 7.

² Арсеньев В. Д. Указ. соч. С. 21.

метов, помещений и т.д., т.е. то, что охватывается понятием источников и средств доказывания.

Так, путем предъявления подозреваемого для опознания очевидцу преступления следователь стремится установить тождество (или различие) предъявляемого лица и преступника. Тождество (или различие) указанных лиц и есть подлежащий установлению доказательственный акт. Нетрудно убедиться, что ни в ходе опознания, ни после него следователь не может непосредственно воспринимать указанный факт. Непосредственно воспринимаются только показания опознающего, даваемые им по поводу этого факта.

Переход от непосредственно воспринимаемых показаний к доказательственному факту связан с проверкой показаний. Он требует анализа условий восприятия, при которых очевидец наблюдал преступника, оценки признаков, на основе которых произведено опознание, вывода об обоснованности опознания, привлечения контрольных и дополнительных данных из других источников, т.е. представляет цепь опосредствований, умозаключений.

Аналогично оцениваются и результаты следственного эксперимента. Здесь также результаты непосредственных восприятий необходимо строго отграничивать от логических выводов, умозаключений о подлежащих установлению фактах.

Так, например, вывод о том, что, находясь в соответствующих условиях, свидетель мог (или не мог) воспринимать явления, о которых он дает показания, есть результат цепи умозаключений. Этот вывод предполагает исследование самих свидетельских показаний, условий восприятия события свидетелем, условий их воспроизведения в процессе следственного эксперимента, соответствия указанных двух групп условий, влияния на результаты эксперимента невоспроизведенных обстоятельств, количества опытов, влияния помех и т.д., и т.п.

Признание данных непосредственного восприятия доказательственными фактами может привести практически только к некритическому их использованию и ошибкам в процессе доказывания.

Различие непосредственного и опосредствованного исследо-

вания имеет принципиальное значение, так как характеризует качественный скачок в познании, высшую ступень доказывания.

Смещение непосредственного и опосредствованного исследования, принятие доказательств за доказательственные факты влечет существенные ошибки в доказывании. На практике такие ошибки встречаются довольно часто и состоят в не посредственном установлении доказательственных фактов.

Так, например, бурые пятна на одежде подозреваемого принимаются за пятна крови, бухгалтерская ошибка рассматривается как факт недостачи, сходство сравниваемых следов принимается за тождество оставивших их объектов, наличие исправления в документе расценивается как факт его подделки и т.д.

Логическое исследование взаимосвязи фактов подменяется в этих случаях «непосредственным усмотрением» доказательственного факта. Понятно, что такого рода «усмотрение» ничего общего с действительным доказыванием не имеет.

Достоверность, доказанность устанавливаемых фактов могут быть обеспечены лишь при условии строгого разграничения результатов непосредственного восприятия и опосредствованного вывода, логического умозаключения.

Именно в этом и состоит логический и процессуальный смысл разграничения доказательств и доказательственных фактов.

Установленный законом порядок доказывания строго разграничивает процессуальное оформление, способ введения в процесс доказывания непосредственно установленных и доказательственных фактов.

Непосредственно устанавливаемые факты-доказательства - процессуально оформляются протоколом того следственного или судебного действия, в ходе которого они были установлены.

Выводы и умозаключения лиц, осуществляющих доказывание, строго отграничиваются от доказательств и могут найти отражение только в процессуальных документах иного типа - документах, отражающих решения уполномоченных государством органов: постановлениях, определениях, решениях, приговорах.

В соответствии с принципом непосредственности вся цепь умозаключений, приводящая к установлению предмета доказывания, должна вытекать и полностью основываться на непосредственно установленных источниками фактических данных.

Доказательственные факты представляют выводное, оценочное знание, необходимо вытекающее из непосредственно установленных источниками фактов. Факты-умозаключения представляют как бы логические опорные пункты процесса доказывания, ведущие к установлению предмета доказывания. Обязательность факта-умозаключения обуславливается не его процессуальной формой (такая форма в отдельных случаях устанавливается законодателем, например, для заключения эксперта), а необходимым характером тех реальных связей, на которые опирается умозаключение. Если такие связи отсутствуют или не имеют необходимого характера, умозаключение, сделанное одним участником доказывания, будет опровергнуто другим участником.

В связи с изложенным применительно к доказательственному факту нельзя признать точными часто встречающиеся в юридической литературе выражения «и факт, почерпнутый из источника» или «факт, содержащийся в источнике».

В источниках содержатся не доказательственные факты, а информация о них. Можно поэтому говорить о том, что из источника получена информация, сведения, фактические данные, но не доказательственный факт.

Установление доказательственного факта есть результат проверки доказательства. Последняя же требует привлечения комплекса познавательных средств и совокупности источников, достаточных для проверки информации, составляющей содержание проверяемого доказательства.

О необходимости привлечения совокупности источников для установления главного факта правильно отмечалось в юридической литературе¹.

Высказанные при этом соображения полностью относятся, по нашему мнению, к установлению доказательственных фактов.

Каждый доказательственный факт устанавливается с помощью определенной системы доказательств.

¹ См., напр.: *Шаламов М. П.* Указ. соч. С. 41; *Петрухин И. Л.* Понятие, основные принципы и субъекты оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов [и др.]; редкол.: Н. В. Жогин (отв. ред.), Г. А. Злобин, В. И. Каминская, И. И. Карпец [и др.]. М.: Юрид. лит., 1966. С. 341.

Таковы, например, факты недостачи ценностей у материально ответственного лица, безвестного отсутствия потерпевшего, его насильственной смерти, враждебных отношений обвиняемого и потерпевшего.

В связи с этим правомерно утверждать, что понятию доказательственного факта соответствует понятие частной системы доказательств, с помощью которой данный доказательственный факт устанавливается.

Формирование частной системы доказательств представляет существенный структурный и динамический элемент доказывания. Из определенной совокупности таких элементов складывается процесс доказывания. Вместе с тем из совокупности частных систем образуется общая система доказательств, устанавливающая все необходимые для правильного решения дела обстоятельства. Таким образом, в отличие от доказательств, которые устанавливаются и вводятся в процесс доказывания путем непосредственного исследования материальных источников информации, доказательственные факты устанавливаются опосредствованным путем.

Говоря о путях получения доказательственных фактов, нельзя не указать на существенное различие двух основных способов их установления.

1. Первый (основной) способ установления доказательственных фактов связан с исследованием конкретного источника и анализом содержащейся в нем информации. При этом информация, содержащаяся в других источниках, привлекается для восполнения и контроля информации, содержащейся в исходном источнике. Этот способ установления доказательственных фактов может быть назван информационным. Примеры установления доказательственных фактов указанным способом (проверка показаний свидетеля, оценка заключения эксперта и т.п.) были приведены выше.

2. Второй (дополнительный) способ установления доказательственных фактов основан на логическом анализе уже установленных фактов, т.е. предполагает наличие доказательственных фактов, установленных информационным путем.

Так, исследуя способ совершения преступления, следователь

в ряде случаев умозаключает об отдельных свойствах преступника, его взаимоотношениях с жертвой, отдельных обстоятельствах совершенного преступления.

Так, на основе сопоставления использованного преступником способа взлома, выбора места взлома, ведущего к внутренним запорам, и орудий взлома удастся судить о знании (или незнании) преступником устройства взламываемой преграды и его общей ориентировке на месте преступления. Эти обстоятельства, в свою очередь, используются для определения круга лиц, в числе которых следует искать преступника.

В. Д. Арсеньев различает информационный и гипотетический путь доказывания. «Доказательственные факты, - пишет он, - дают возможность установить обстоятельства дела гипотетическим путем, а средства доказывания дают возможность установить доказательственные факты, как правило, информационным путем»¹.

Разграничение информационных и логических способов доказывания нельзя понимать как их противопоставление.

Информационный способ также предполагает версии умозаключения и опирается на логические закономерности. Так, например, при проверке показаний обвиняемого (информационный путь доказывания) следует учитывать как версию обвиняемого, так и версии, вытекающие из осмотра места происшествия и других данных. Вывод о соответствии или несоответствии показаний обвиняемого действительности должен быть логически обоснованным.

Разграничение этих способов позволяет лучше уяснить их соотношение. Собственно логические приемы доказывания не связаны с проверкой информации, полученной из конкретного источника.

Они опираются на уже установленные, проверенные факты.

Способ совершения и сокрытия следов убийства, например обезображение лица трупа, уничтожение имеющихся на теле особых примет, уничтожение документов и одежды, свидетельствует о намерении преступника всячески затруднить опознание трупа, а это, в свою очередь, указывает на близкую связь преступника и жертвы, которая может быть ключом к раскрытию преступления.

¹ Арсеньев В. Д. *Указ. соч.*

Сопоставление объема использованного сырья и сумм, выплаченных рабочим за изготовление продукции, позволяет в ряде случаев умозаключить об объеме фактически изготовленной продукции, которая может значительно превышать объем продукции, сданной на склад по приемным актам.

Сопоставление расхода тары на складе готовой продукции с транспортными расходами позволяет установить объем фактически вывезенной со склада продукции, который может быть значительно больше количества товаров, указанного в расходных накладных.

Установление этих фактов имеет существенное значение при расследовании хищений на промышленных предприятиях и складах.

Логический характер имеют выводы на основе анализа так называемых негативных обстоятельств.

При осмотре пожара был обнаружен обгоревший труп владельца сгоревшего дома. Расследование выясняло, погиб ли владелец дома в огне или был убит еще до пожара. Лабораторное исследование крови, извлеченной из трупа, показало, что в ней отсутствует окись углерода, всегда обнаруживаемая в крови заживо сгоревших.

Исследование взаимосвязи указанных фактов позволило установить новый существенный для дела факт: смерть потерпевшего наступила до того, как он оказался в огне, и не явилась следствием пожара. Из этого факта, в свою очередь, были сделаны получившие подтверждение в ходе дальнейшего расследования выводы об обстоятельствах преступления и преступниках.

При освидетельствовании потерпевшего от разбойного нападения на отдельных частях его тела были обнаружены повреждения, нанесенные колюще-режущим оружием. Однако при сопоставлении этих повреждений с аналогичными повреждениями на одежде потерпевшего обнаружилось их несоответствие по расположению, которое обязательно имело бы место в случае, если одежда была в момент нанесения повреждений на потерпевшем.

Последовал вывод о том, что повреждения, имеющиеся на представленной потерпевшим одежде, нанесены не одновременно с ранениями, имеющимися на теле потерпевшего. Это обстоятельство в совокупности с другими фактами привело к установлению

инсценировки разбойного нападения «потерпевшим»¹.

Доказательственные факты, установленные на основе доказательств, являются выводными фактами первого порядка.

В процессе исследования их логических связей устанавливаются факты, которые могут быть условно выделены как доказательственные факты второго, третьего и, возможно, более высокого порядка.

Исследование продолжается до тех пор, пока установленные факты не заполнят все звенья логической взаимосвязи, ведущей от доказательств к главному факту.

Отдельного рассмотрения требует доказывание так называемыми прямыми доказательствами, под которыми понимаются источники, содержащие информацию об элементах главного факта. Таковы, например, показания группы очевидцев, потерпевшего и признательные показания задержанного с поличным, якобы «прямо» устанавливающие факт кражи.

Прямое доказывание главного факта источниками доказательств представляет грубую и широко распространенную на практике методологическую ошибку. Она основана на упрощенных представлениях об уровневой структуре доказывания и смешении уровней непосредственного и опосредствованного доказывания. Находящийся в прошлом главный факт не может восприниматься непосредственно и доказываться «прямо», что доказано классическими работами по теории улики. Путь к главному факту во всех случаях ведет от системы предварительно установленных доказательственных фактов, а сложность процесса расследования и доказывания определяется только количеством опосредствующих звеньев, лежащих между исходными данными и главным фактом.

Различие информационного и логического пути установления доказательственных фактов имеет, на наш взгляд, немаловажное методическое значение.

Такое разграничение ориентирует на углубленную теоретическую разработку указанных способов и дифференцирование их применения на практике. Следует отметить, что информационный

¹ Случай приводится по: *Стеничев С.* Расследование разбоев: метод, пособие. М.: Госюриздат, 1955. С. 86.

способ установления доказательственных фактов уже получил серьезную разработку в уголовно-процессуальном и криминалистическом аспектах применительно к исследованию отдельных источников доказательств. В настоящее время можно говорить о технологиях производства отдельных следственных действий: допроса и оценки показаний свидетелей, обвиняемых, потерпевших, осмотра места происшествия, обыска, производства и оценки экспертизы, следственного эксперимента и др.

Этого нельзя сказать о логическом способе установления доказательственных фактов. Теоретическая разработка этого способа, требующая всестороннего применения развитого аппарата формальной и диалектической логики, находится пока в самом начале своего развития. Это начало было положено работами А. А. Старченко и А. А. Эйсмана и продолжено в цикле наших работ¹.

Из сказанного видно, что доказательства и доказательственные факты существенно различаются по способу получения, способу введения их в процесс доказывания.

Наряду с этим различается и функция и значение рассматриваемых средств доказывания.

Как было подробно показано выше, доказательства есть исходные фактические данные. На доказательствах должны быть основаны и к ним должны быть сведены любые выводы о подлежащих установлению обстоятельствах дела. Однако, поскольку сведения об этих обстоятельствах, образующие содержание доказательств, могут быть как истинными, так и ложными, доказательства не должны рассматриваться как логические основания судебного решения. Эту функцию могут принять на себя только проверенные доказательства, т.е. достоверно установленные обстоятельства дела, - доказательственные факты.

¹ *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958; *Эйсман А. А.* О некоторых логических системах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. Вып. 12. М., 1964. С. 50-69; *Колдин В. Я.* Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11; *Он же.* Роль вероятного заключения эксперта // Советская юстиция. 1962. № 15-16; *Он же.* Судебная идентификация. С. 3-98.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и непроверенных данных. Обоснование приговора недостаточно исследованными данными и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела представляют основание к отмене приговора¹.

Указные принципиальные положения закона последовательно проводятся в судебной практике. Верховный Суд РФ (ВС РФ) неоднократно в своих постановлениях и определениях указывал, что предположительно установленные факты не могут служить основанием для постановления приговора или принятия судебного решения.

Так, ВС РФ отметил, что иногда суды без надлежащей оценки обстоятельств, предшествовавших преступлению, основывают свое решение на неправильном представлении о характере происшедшего события, не уточняя мотивов поведения осужденного, и зачастую принимают во внимание лишь тяжесть причиненного вреда, что приводит к неправильной квалификации действий виновных, а также допускают ошибки в применении материального закона из-за неполного исследования обстоятельств, имеющих значение для квалификации действий виновных².

При рассмотрении дел в отношении нескольких подсудимых, по которым подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, суд в приговоре должен дать анализ доказательств по каждому обвинению и в отношении каждого подсудимого³.

Особое значение придает ВС РФ обоснованности выводов суда по вопросам назначения вида и размера наказания⁴.

Специфика исследования и оценки доказательств в суде присяжных и необходимость обоснования вердикта присяжных на объективно установленных обстоятельствах дела потребовали от законодателя более детальной регламентации этих процедур.

¹ См.: ст. 297, 307, 339, 340, 348, 351 УПК РФ.

² ВС РФ. 2001. № 9.

³ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 2 кв. 2000 г. С. 14.

⁴ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40. «О практике назначения судами уголовного наказания».

К их числу относится, в частности, напутственное слово председательствующего, в котором специальное внимание присяжных обращается на принципы и правила оценки доказательств. Их выводы не могут основываться на предположениях, а также доказательствах, признанных судом недопустимыми.

Статья 339 УПК РФ прямо указывает на обстоятельства, которые должны быть доказаны и положены в основу вердикта: наличие деяния, его совершение подсудным, его виновность.

Особое значение ВС РФ придает соблюдению принципа объективности при рассмотрении дел данной категории. Так Пленум суда указал, что нарушение председательствующим принципа объективности, изложение в напутственной речи позиций обвинения и защиты в оценке доказательств по делу влекут за собой отмену приговора. При этом присяжным разъясняется, что доводы сторон, изложенные в их позициях, не являются доказательствами. Их собственные выводы должны основываться исключительно на тех доказательствах, которые исследованы в их присутствии по их внутреннему убеждению¹.

4.3. Методы фактологического анализа и доказывания

В числе методов фактологического анализа наибольшее практическое значение имеют индуктивно-эвристические и традиционные методы, не получившие должной оценки в юридических исследованиях.

Недостаток внимания юристов к разработке индуктивно-эвристических методов можно объяснить лишь тем, что блуждать в толпе житейских случайностей менее приятно, чем блаженствовать в царстве абстрактных закономерностей. Между тем из всего арсенала методов расследования именно индуктивно-эвристические ближе всего касаются непосредственной практической деятельности криминалиста и субъекта процессуального доказывания.

Современная криминалистика свидетельствует о возрастании роли и высокой актуальности этого спектра практических методов. Большая часть методик расследования, ориентированных на

¹ Комментарий к УПК РФ / под ред. В. И. Радченко. М., 2003. С. 732.

плановую экономику и социальные условия жизни советского общества, созданные криминалистами на протяжении десятилетий, во многом потеряли свою силу. Новые методики, отражающие иную мотивацию и структуру преступной деятельности, еще не созданы. Техническая вооруженность, интеллектуальный и технологический уровень современной преступности породили качественно новые ситуации, не укладывающиеся в рамки традиционных представлений, моделей и схем расследования. Планомерной системной научной работы по созданию новых моделей и методик в настоящее время не ведется¹.

Все эти обстоятельства заставляют произвести переоценку индуктивно-эвристических методов расследования, находящихся в тени традиционной криминалистики. Эти методы, несомненно, представляют один из немногих методологических резервов современной российской криминалистики.

Индукция, как известно из логики, в отличие от дедукции, характеризуется движением мысли от частного к общему, от отдельного к целому.

Созданная на стыке логики, теории информации, психологии, теории искусственного интеллекта и других наук, эвристика представляет науку, исследующую проблемы творческого мышления. Ее проблематика - модели принятия решений в условиях нестандартных проблемных ситуаций - прямо относится к основной методологической проблеме криминалистической практики. Основной методический инструмент эвристики - методы сокращения времени решения задачи по сравнению с временем сплошного ненаправленного перебора возможных альтернатив - должен быть всесторонне использован в практической криминалистике.

Рассмотрим под этим углом зрения возможности моделирования, традукции и идентификации.

¹ К числу немногих исключений относится работа профессора Е. П. Ищенко и Н. Б. Водянова «Алгоритмизация следственной деятельности» (М., 2010. С. 107-126), в которой рассмотрению соотношения алгоритмического и эвристического подходов посвящен специальный раздел.

Эвристическое моделирование

Проблеме моделирования были посвящены многие монографические исследования¹.

Важнейшая особенность практического информационного моделирования расследуемого события состоит во взаимодействии фактического и версионного наполнения модели, которое и представляет эвристический потенциал этого инструмента (рис. 3).

Рис. 3

Индуктивное наполнение сектора А в процессе следственных и оперативно-розыскных действий ведет к ситуационной модификации сектора Б. Последнее, в свою очередь, индуцирует поиск и обнаружение новых фактических данных. В результате осуществляется дискретный процесс информационного наполнения модели.

Приведенная структура информационного моделирования представляет, таким образом, важнейший информационный потенциал расследования.

Рассмотрим последовательную цепь эвристических задач, решаемых посредством информационного моделирования расследуемого события.

1. Поиск источников криминалистической информации.

Моделирование механизма расследуемого события на основе видимых следов преступления и исходных фактических данных

¹ См., напр.: Лузгин И. М. Моделирование в расследовании преступлений // Труды ВШ МООП СССР. 1967. Вып. 15.

позволяет спроецировать эту модель на реальную материальную обстановку и выделить потенциальные следоносители.

2. Декодирование информационного канала.

Исследование субстратов и механизмов слеодообразования, а также их сопоставление с механизмом расследуемого события представляют ключ к получению содержащейся в следах криминалистической информации.

3. Заполнение фактологических блоков модели.

Фактологический сектор модели складывается из:

а) исходных фактических данных, полученных до начала криминалистического и следования;

б) данных, полученных в результате непосредственного восприятия (осмотра) источников криминалистической информации (результаты протоколирования);

в) данных предварительного и экспертного исследования источников;

г) данных опосредованного исследования структуры расследуемого события (выводы о доказательственных и искомых фактах).

При этом должны быть дифференцированы идентификационный, ситуационно-динамический и интегративный информационный блоки.

4. Версионное наполнение.

В основе информационной модели расследуемого события лежит понятие интегральной информационной модели, представляющей информационно-логический базис расследования, его информационную стратегию.

Интегральная модель расследуемого события базируется на всей совокупности фактических данных о расследуемом событии и все их непротиворечиво объясняет.

В отличие от частных версий и частных информационных моделей, объясняющих отдельные обстоятельства расследуемого события (время, место, орудия преступления и др.), интегральная модель представляет общую систему события, целостную структуру

составляющих его элементов и их взаимосвязей. Сказанным интегральная версия¹ и модель отличается от общей версии и модели, дающих только общую характеристику события по мотиву, способу или субъекту: убийство - самоубийство; хищение - недостача; взрыв - террористический акт и т.п.

Если в процессе расследования достоверно устанавливаются факты, противоречащие интегральной модели, она подлежит ситуационной модификации или полной реконструкции.

Из сказанного видно, что интегральная информационная модель расследуемого события является не только инструментом поиска и интерпретации фактических данных, но и тестом на непротиворечивость, достоверность суммарной криминалистической информации.

Общая информационная модель расследования

Понятие интегральной модели расследуемого события позволяет представить общую информационную модель расследования, характеризующую движение энтропии (неопределенности), информации в процессе расследования, а также информационный критерий истинного криминалистического знания.

Процесс расследования, нормально развивающийся во времени, характеризуется нарастанием информации и уменьшением неопределенности (энтропии) (рис. 4).

¹ О понятии версии расследования см.: *Арцишевский Г. В.* Понятие версии расследования // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М.: Госюриздат, 1962.

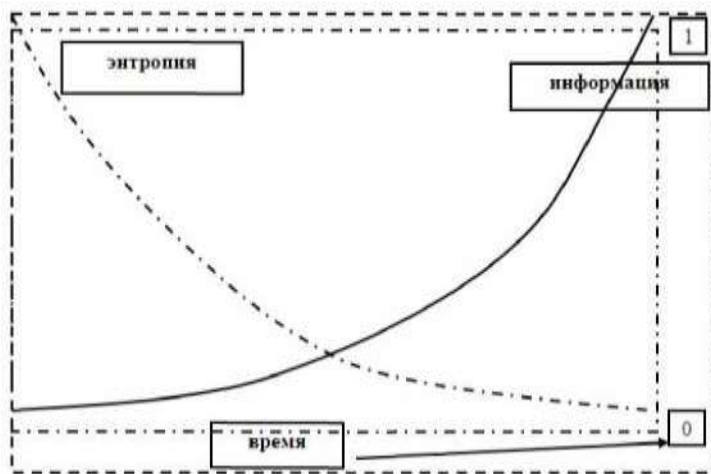

Рис. 4

Объем энтропии объективно характеризуется объемом версий, принятых к рассмотрению в процессе расследования. В начальных стадиях расследования этот объем бывает как угодно велик. При окончании расследования оставшаяся единственной интегральной версия должна быть преобразована в информационную модель, в которой блок версий по обстоятельствам предмета доказывания полностью замещен судебными доказательствами.

Объективным показателем объема информации является объем уголовно-релевантных фактических данных, собранных в данный момент расследования по делу. Уже при возбуждении уголовного дела количественный показатель такой информации как угодно отличается от нулевого, поскольку для его возбуждения необходимы «признаки преступления», характеризующие элементы состава преступления. Все важнейшие этапы расследования и принимаемые процессуальные акты связаны с нарастанием объема доказательственной информации, достигающей при вынесении судебного решения единицы.

Последняя в информационном смысле означает достоверное установление всех обстоятельств расследуемого дела, необходимых для принятия законного и обоснованного судебного решения.

Индуктивно-эвристические методы исследования причинности

В системе эвристических методов значительное место занимают индуктивные методы исследования причинных связей, позволяющие сократить перебор возможных альтернатив и отсеять лишние ветви версионного дерева.

Методы сходства, различия, сопутствующих изменений, составляющие классический арсенал индукции, позволяют опытным путем препарировать фактическую структуру следственной или экспертной ситуации и получить важную информацию о связях ее элементов. В силу особого значения этих методов они подробно рассматриваются в тактике следственного, судебного и экспертного эксперимента.

В данном контексте существенно подчеркнуть, что его методы позволяют в ряде случаев достоверно исключить или с известной вероятностью подтвердить возможность тех или иных уголовно-релевантных фактов.

Традуктивные методы: аналогия, идентификация, традукция

В отличие от научных исследований в практическом расследовании выводы от частного к частному занимают значительно большее место. Они также являются важным инструментом эвристики.

Рассмотрим логическую цепочку задач, решаемых с применением традукции.

Формирование интегративной модели

Формирование интегративной модели является исходным пунктом традуктивных умозаключений. Без такой модели невозможен поиск аналогов и прецедентов. Технология формирования эвристической модели расследуемого события была рассмотрена выше.

Поиск аналогов и формирование исходного множества

Поиск аналогов является традиционным инструментом эвристики. В этой связи уместно сослаться на многовековой опыт англосаксонского прецедентного судебного права. Судебный прецедент в этой системе рассматривается как факт, имеющий не только

информационное значение, но и юридическую силу по конкретному судебному делу.

Поиск аналогов может осуществляться с использованием:

- 1) методов классификации;
- 2) информационно-справочных систем и банков данных;
- 3) массивов следственной, оперативно-розыскной и экспертной практики;
- 4) личного опыта.

Технологии использования **классификационных систем** в целях распознавания и идентификации детально рассмотрены в теории и методике криминалистической идентификации¹. При этом рассмотрены как общенаучные естественные, технические и технологические, так и специально криминалистические классификации.

Приведем для иллюстрации ситуацию расследования взрыва в городском квартале. В процессе исследования продуктов взрыва были установлены компоненты взрывчатого вещества и взрывного устройства, используемых в промышленных целях при производстве горных и строительно-дорожных работ. Эта информация, основанная на технической классификации взрывотехнических устройств, была успешно использована для формирования версии об источнике происхождения использованных взрывных устройств и построении интегральной версии расследуемого события.

Использование систем регистрации. Системы уголовной регистрации специально созданы в целях раскрытия и расследования преступлений. Как инструменты поиска и идентификации, они имеют ряд преимуществ по сравнению с общими классификационными системами и банками информации:

- а) регистрации и систематизации подвергаются только уголовно-релевантные объекты;
- б) систематизация и поиск объектов осуществляются по признакам, отображаемым в следах преступления и исходных фактических данных;

¹ См.: Экспертно-криминалистическая идентификация. Вып. 2 / под ред. В. Я. Колдина. М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 1996. С. 3-20; Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 257-267.

в) идентификация зарегистрированного объекта позволяет получить информацию о его относимости к обстоятельствам конкретных расследуемых преступлений;

г) любая регистрационная система представляет набор аналогов (исходных множеств проверяемых объектов), которые в отличие от общих классификационных систем получены в однородных уголовно-релевантных ситуациях.

В системах уголовной регистрации следует различать: а) аналоги материальных объектов в системах учета лиц, трупов, оружия, автотранспорта, дензнаков и др.; б) аналоги расследуемых преступлений, систематизируемых по способу их совершения.

В первом случае идентификация материального объекта, например пистолета по найденным на месте преступления гильзам путем их проверки по пулегильзотеке, позволяет судить о его использовании при совершении ранее зарегистрированного преступления или ряда преступлений. Это может служить основанием для объединения отдельных оперативно-розыскных или следственных производств и установления единой системы преступной деятельности по орудию преступления (орудие - субъект - система деятельности).

Во втором случае по признакам способа может быть непосредственно установлен факт совершения сравниваемых преступлений одним лицом или одной группой лиц.

При формировании поискового запроса в автоматизированную информационно-справочную систему следует учитывать, что чем большее число поисковых признаков будет указано в запросе, тем меньшее количество аналогов будет получено в результате поиска и тем ближе они будут к обстоятельствам расследуемого дела. Вместе с тем, учитывая вариативность способа преступного действия, следует учесть риск пропуска варианта преступного действия. В связи с этим в указанных ситуациях целесообразно указывать в запросе только наиболее устойчивые идентификационные признаки.

Аналоги искомых объектов могут быть обнаружены в специализированных информационно-справочных банках данных (БД) или автоматизированных информационно-справочных системах (АИСС).

В целях разрешения задач распознавания и идентификации в

учреждениях судебной экспертизы различных ведомств (Минюста, МВД, ФСБ и др.) создаются специализированные фонды образцов-эталонов распознаваемых и идентифицируемых объектов. Эти фонды, коллекции, базы данных, ИПС содержат данные о родовых, видовых и групповых свойствах исследуемых объектов: бумаги, красителей, клеящих веществ, горюче-смазочных материалов, волокон, обуви, стройматериалов и др.

Путем сравнения исследуемых вещественных доказательств с указанными образцами устанавливаются их классификационные характеристики, производственное происхождение, ГОСТы, ТУ, время выпуска, распространенность и другие свойства, существенные для распознавания и идентификации.

Преимущества этих систем перед общенаучными и техническими классификационными системами состоит в том, что их построение и система поиска осуществляются по признакам, отображаемым в вещественных доказательствах и исходных фактических данных.

Использование массивов криминалистической практики для поиска релевантных прецедентов является традиционным методом, известным с момента возникновения криминалистики.

Издания и систематические публикации, в которых освещается опыт раскрытия и расследования преступлений и наиболее интересные случаи с точки зрения способа совершения преступления, а также наиболее эффективные методы их раскрытия существуют во многих странах. К числу наиболее известных относится австрийский архив Г. Гросса, собрания прецедентов Wigmore on Evidence в Англии, полицейские сборники типа Forum der Kriminalistik в Германии, журнал «Судебные науки» (Forensic Science) в США и др. В СССР и России к числу таких изданий относится «Следственная практика» Прокуратуры СССР и РФ и «Судебная практика» ВС РФ, а также аналогичные издания других правоохранительных ведомств.

При всем богатстве суммарного информационного фонда таких изданий их существенным недостатком является отсутствие возможностей автоматизированного поиска аналогов. В связи с этим предложены пока не реализованные варианты перевода этих массивов на электронные носители с автоматизацией поиска. Та-

кая автоматизация, соединенная с ситуационным программированием следственной и судебной деятельности, представляет важный резерв повышения их эффективности.

Поскольку большая часть преступлений совершается местными преступниками, важное место в системе источников информации об аналогах занимает **индивидуальный опыт оперативно-розыскных работников и следователей**. Опытный оперативник и следователь часто по почерку совершения преступления опознает рецидивиста, с которым ему уже приходилось сталкиваться ранее. Значительную роль при этом играют также оперативные учеты в форме картотек и электронных ИПС.

Так система «Розыск», построена на учетных данных карты № 1 на совершенное преступление, содержит сведения о времени, месте, способе и других обстоятельствах совершенного преступления. Она позволяет при совершении конкретного преступления определить, были ли ранее совершены подобные преступления за любой регистрационный период.

Если есть данные о том, что преступление могло быть совершено «гастролерами», используется областной или общегосударственный уровень системы «Розыск».

При работе с местным контингентом преступников существенное значение для поиска аналогов имеют информационные системы, построенные с учетом корреляции отдельных элементов способа и механизма совершенного преступления.

Так, ИПС «Квадрат» построена с учетом корреляции таких элементов события, как место совершения, способ совершения и место жительства преступника. Она исходит из того, что ряд преступлений типа хулиганства, грабежей, телесных повреждений, убийств, совершается в непосредственной близости от места жительства преступника. Таким образом, определяется топографический квадрат поиска аналогов.

Метод ограничения

Исходная совокупность аналогов часто бывает слишком широкой для ее сплошного перебора. Тогда целесообразно использовать метод ограничения¹. Он сводится к использованию в целях

¹ См.: Колдин В. Я. Судебная идентификация. С. 373-374.

сужения исходной совокупности достоверно установленных в ходе расследования ограничивающих обстоятельств расследуемого события.

Так, обстоятельства времени и места, часто достоверно устанавливаемые в самом начале расследования, объективно значительно сужают поисковый массив, поскольку в конкретных условиях времени и места может, как правило, фигурировать весьма ограниченное количество однородных объектов. Так, если достоверно установлено, что наезд на пешехода совершен между 5 и 6 ч утра на 30-м км Калужского шоссе автомашиной марки «КамАЗ», то этими параметрами ограничивается круг причастных к преступлению объектов. Автомшины любой другой марки, а также автомашины марки «КамАЗ», находящиеся в указанное время в другом месте, исключаются.

В общем виде этот метод позволяет на основании использования пространственно-временных отношений, способа и механизма действия априори исключить причинную связь с расследуемым событием объектов, имеющих другие параметры и координаты во времени и пространстве.

Метод исключения

В наиболее общем виде под методом исключения понимается отсечение ветвей версионного дерева в общей поисковой системе. Частным случаем исключения является исключение конкретного проверяемого объекта (лица или предмета) из числа подлежащих идентификации объектов¹.

Ограничительная и доказательственная способность метода исключения значительно меньше, чем метода ограничения. Исключение проверяемого объекта осуществляется методами идентификации путем его непосредственного сравнительного исследования со следами искомого.

Исключение распространяется на единичный объект, а не их

¹ Там же. С. 375.

родо-видовую совокупность, ограниченную вышеуказанными параметрами. При этом, если исключение осуществлено на основе различия идентификационных свойств, исключается лишь факт оставления данного следа данным объектом, но отнюдь не факт причинной связи проверяемого с расследуемым событием¹.

Методы ограничения и исключения являются наиболее эффективными инструментами оперативно-следственного эвристического поиска. Объясняется это тем, что для их применения часто не требуется специальных познаний, и тем, что достоверные результаты могут быть получены уже в процессе оперативно-розыскной и следственной работы. Вместе с тем эти операции сопряжены с риском ошибки и требуют выполнения ряда методических требований.

Так, вывод о тождестве на основе исключения проверяемых объектов логически обоснован при обязательном соблюдении следующих условий:

- а) достоверно определено число проверяемых объектов;
- б) достоверно исключены все проверяемые, кроме одного.

Идентификация

Идентификационная ситуация при расследовании складывается при наличии информационной модели искомого объекта и ее аналога, когда появляется возможность их отождествления.

В качестве информационной модели искомого могут выступать следы, показания живых лиц, фотоснимки, рукописи и иные отображения искомого объекта. В качестве аналогов выступают отобранные путем моделирования, сплошного перебора, выборки, метода ограничения, исключения и других методов индивидуализации проверяемые объекты или их образцы. Идентификация осуществляется путем опознания или экспертизы.

Каждая из этих методик имеет свою технологию и возможности.

При положительном разрешении вопроса о тождестве субъект доказывания получает доказательство тождества. Его надежность

¹ См.: Колдин В. Я. Судебная идентификация. С. 188-191.

и доказательственное значение подлежат оценке по правилам оценки заключения судебной идентификационной экспертизы и результатов опознания.

Традукция

В практике криминалистических исследований традуктивные умозаключения имеют широкое распространение. К их числу относятся выводы по аналогии и выводы на основе установления реального тождества объектов. Рассмотрим последнюю категорию выводов.

«Что верно об одной вещи, верно и о другой, тождественной с нею» - так формулирует принцип выводов на основе тождества объектов Л. В. Рутковский¹.

Традуктивные умозаключения позволяют разрешить одну из сложнейших проблем практического расследования. Она заключается в правомерности переноса тех знаний о преступнике, которые мы получаем путем исследования его следов в обстановке совершенного преступления, а именно о его причинной связи с событием преступления, на подозреваемого, отрицающего свою связь с этим преступлением. Установление тождества этих лиц или иных физических объектов делает такой перенос логически правомерным. Этим и объясняется доказательственное значение судебно-фактологических идентификационных исследований².

Общая структура метода

На основании изложенного может быть предложена общая схема метода фактологического анализа (рис. 5).

¹ Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956. С. 274.

² Более подробно см.: *Колдин В. Я.* Цит. соч. С. 333-344.

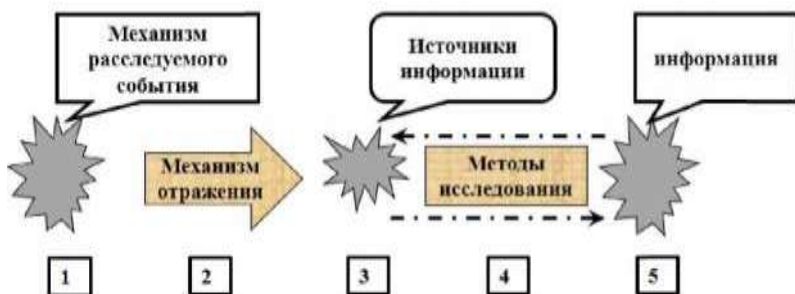

Рис. 5

Система материальных взаимодействий в составе релевантного события (1) порождает по законам объективного отражения (2) следовую картину как совокупный источник криминалистической информации (3). В процессе практического исследования (4) избирается и применяется методика исследования, обеспечивающая получение, оценку и использование доказательственной информации (5).

Существенно подчеркнуть, что выбор метода исследования и характер полученной информации объективно детерминирован способом (механизмом) уголовно-релевантного события.

Так, следы внешнего механического воздействия (удара, трения и т.п.) требуют применения методов трасологии; отделение же структурных элементов целого (внутреннее отражение) - физико-химических и биологических методов, например при исследовании следов крови, почв, волокон и т.п.

Эта закономерность обуславливает применение методов дедукции. Если нам известен или предполагается способ человеческого действия или механизм материального взаимодействия, то, рассматривая это знание как большую посылку, а наличную ситуацию как малую посылку, мы можем дедуцировать следствия в виде прогнозируемой следовой картины, которая должна иметь место в данной ситуации.

Далее с использованием методов криминалистической техники производится исследование потенциальных следоносителей и обнаруживаются (или не обнаруживаются) соответствующие источники информации.

В случаях, когда сведения о способе и механизме действия отсутствуют или они ограничены, используется индуктивно-эвристический путь исследования и методы традукции. Методология анализа должна сочетать дедукцию и индукцию с учетом ситуации расследования.

В типовых ситуациях должна преобладать дедукция. Так, любая криминалистическая методика представляет нечто иное, как реализацию дедуктивно-алгоритмического метода.

В атипичных нестандартных ситуациях неизбежно преобладает индуктивно-эвристические и традуктивные методы.

Существенное значение имеет стадия расследования. На начальных этапах расследования, когда сведения о способе и механизме действия ограничены или отсутствуют, преобладает индуктивный путь исследования, накопление фактических данных. На более поздних стадиях, когда получены достаточные данные о способе и механизме, преобладает дедукция.

Сочетание индуктивного и дедуктивного подходов имеет для практического криминалистического исследования особо важное значение в силу двух обстоятельств.

1. Индуктивный подход, требующий выдвижения и проверки всех возможных версий, обеспечивает всесторонность и полноту практического криминалистического исследования. Тем самым устраняется типовая ошибка практических расследований - односторонность, неполнота, субъективизм, обвинительный уклон в расследовании.

Вместе с тем индукция не обеспечивает получение достоверного знания.

Сведения, полученные индуктивным путем, имеют правдоподобный характер, большую или меньшую степень вероятности или практическую достоверность.

В связи с этим особая роль в практическом криминалистическом исследовании принадлежит дедукции.

2. Сила дедукции состоит в логической необходимости опирающихся на нее выводов. Если верны большая и малая посылки и соблюдены правила вывода, то и сам вывод будет правильным, логически необходимым.

Особенно важно, чтобы конечные выводы расследования, вы-

воды об искомых и главном фактах (выводы о причинной и виновной связи) имели характер логической необходимости или практической достоверности.

Это требование может быть обеспечено только правильным сочетанием индукции и дедукции в расследовании.

4.4. Комплексные исследования

Проблема комплексности фактологических исследований относится к числу наиболее актуальных и перспективных проблем судебной экспертизы и доказывания. Об этом свидетельствует резко возросшее число публикаций¹ и проведение специальной Всесоюзной конференции², принявшей Рекомендации³, а также опубликование специальной инструкции об организации комплексных экспертиз в судебных учреждениях СССР. Разработка научно-теоретических и методических проблем комплексных судебно-фактологических исследований рассматривается как одно из основных перспективных направлений в концепции развития судебной экспертизы.

Концентрация внимания и творческих усилий ученых и практиков на проблеме комплексных исследований вызвана двумя важнейшими причинами. Первая из них состоит в том, что разработка проблемы комплексности облегчает всестороннее использование возможностей процессуального доказывания в условиях

¹ Орлов Ю. К. Объект экспертного исследования // Труды ВНИИСЭ. Вып. 8. М., 1974; Ростов М. Н. О комплексных экспертных исследованиях и их организационно-процессуальных формах // Организационно-правовые проблемы судебной экспертизы. М., 1982; Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976; Шляхов А. Р. Комплексные исследования судебной экспертизе // Социалистическая законность. 1985. № 9.

² Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1985.

³ Рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований». М., 1985.

резко обозначившейся специализации экспертного знания. Вторая причина состоит в том, что в результате комплексных исследований в объектах выявляются такие пласты и срезы доказательственной информации, совместное использование которых позволяет решать новые, ранее неразрешимые задачи. К числу таких задач относится, в частности, задача индивидуальной идентификации объектов по их субстанциональным свойствам.

Следует отметить, что принцип комплексного использования доказательственной информации представляет также основную тенденцию развития института следственного действия¹ и процесса доказывания по уголовным делам в целом. Так, сопоставление и совместное использование информации, полученной из вещественных и личных источников при производстве следственного эксперимента, опознания, проверки показаний на месте позволяют получить качественно новые результаты в расследовании по сравнению, например, с традиционным осмотром и допросом.

Методология комплексных исследований базируется на принципах системно-структурного, системно-деятельностного и комплексного подходов, получивших интенсивное развитие в современной науке².

Основной смысл системно-структурного подхода состоит в том, что он представляет современную методологическую основу анализа объектов судебного исследования. Традиционное понимание анализа состоит в переходе от общего к частному путем выделения соответствующих признаков анализируемого объекта. Системно-структурный подход существенно обогащает научные возможности анализа, выделяя в объекте новые свойства, связи и отношения.

¹ Шейфер С. А. Следственные действия. М., 1981. С. 22-45; Берзин В. Ф., Ковальчук З. А., Мелневская З. С. К вопросу о разграничении комплексных и некомплексных идентификационных экспертиз // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

² Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983. С. 3-98, 339; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. С. 35-69.

1. Объект рассматривается как целостная система, обладающая новыми интегративными свойствами, которых нет у образующих его элементов. В соответствии с этим принципом в ряде предметных областей выделены новые интегративные свойства объектов экспертизы.

2. В объекте выделяются элементы, элементарные свойства, характеризующие пределы анализа и «кванты» информации об объекте исследования. Это облегчает информационный подход к анализу процесса исследования, семантический анализ понятий свойств и признаков¹, а также их вероятностно-статистическую оценку.

3. В объекте экспертного исследования выделяются устойчивые связи и взаимодействия элементов, которые характеризуют внутреннюю структуру и внешнюю функцию системы и четко отграничивают ее от выше- и нижестоящей системы. Это обеспечивает интегральную оценку целостности объекта, что составляет предпосылку индивидуальной идентификации сложных объектов. Так, выделение элементарных двигательных привычек в составе письменно-двигательного навыка, прослеживание их взаимосвязи и взаимодействия ведут к пониманию функции почерка как двигательной стороны письменной речи, выделяемой наряду с системами лингвистических, орфоэпических, мимических, голосовых и иных свойств речевого общения. При этом во внутренней структуре почерка могут быть выделены системы большей или меньшей общности, характеризующие его иерархическую организацию (интегральные, общие, частные).

4. Структура системных объектов исследуется в процессе становления, развития, уничтожения. Для разрешения задач криминалистического исследования особенно актуальной является возможность формирования экспертных комплексов в процессе расследуемого события и учет идентификационного периода существования объектов.

¹ Колдин В. Я. Гносеологическая природа и функции понятий идентификационных свойств и признаков // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений. М., 1988. С. 38-61.

5. В случаях, когда в качестве объектов исследования выступают системы деятельности (профессиональной, преступной, бытовой и т.д.), большую актуальность приобретает системно-деятельностный подход. В качестве специфических элементов структуры деятельностных систем выступает мотив, цель, установка, акцептор действия, результат, эфферентный синтез, обратная афферентация, представляющие специфические особенности функциональной системы как объекта криминалистического исследования.

Наряду с системно-структурным важнейшую предпосылку комплексных исследований составляет комплексный подход. Если первый обеспечивает системное видение объекта в качестве целостной системы, имеющей определенную иерархическую организацию и функцию, то второй характеризует методологию интеллектуального или практического овладения, оперирования этим объектом. При этом реализация принципов комплексного подхода возможна и целесообразна лишь в тех случаях, когда в структуре объекта могут быть выделены подсистемы или информационные поля, исследование которых требует «межпредметной кооперации труда» как формы соединения разных видов деятельности при решении проблем в пограничных областях знания¹.

В криминалистике и судебной экспертизе комплексный подход характеризуется следующими существенными чертами.

1. Единой задачей исследования, связанной с предметом доказывания по уголовному делу.

2. Различными источниками информации о различных системах экспертных свойств, необходимых для разрешения поставленной перед экспертизой задачи.

3. Использованием методов исследования, относящихся к различным специальным познаниям.

4. Участием в экспертизе специалистов разного профиля.

5. Интегральной оценкой, полученной в результате анализов

¹ Методологические основы научного познания / под ред. П. В. Попова. М., 1972. С. 70-84.

информации на основе общей для данного исследования теории и методологии¹.

В области экспертно-криминалистического исследования использование идей системно-структурного и комплексного подходов позволяет разрешить важнейшую практическую проблему - дефицит информации об искомом объекте, содержащейся в отдельном следе или информационном поле искомого объекта. Эта проблема решается путем выделения, комплексного исследования и интегральной оценки различных идентификационных полей искомого, отобранного в обстановке расследуемого события.

Структура комплексного исследования

Структура элементарного акта фактологического анализа предполагает исследование однородного идентификационного поля с использованием методов, специально созданных для исследования данного объекта экспертизы. В качестве образца подобных исследований могут быть приведены «чистые» почерковедческие или дактилоскопические экспертизы. Однако, если искомый объект представляет сложную систему, которая вступает в многостороннее взаимодействие с другими объектами и обстановкой преступления, в качестве источников информации могут выступать различные подсистемы свойств, находящиеся на разных уровнях организации искомого объекта и требующие для своего выявления и исследования различных технологий. В связи с этим структура комплексного исследования и система взаимодействия эксперта со следователем и специалистом оказывается значительно более сложной.

Особенности такого исследования выражены в его узловых подзадачах и стадиях. Требуют рассмотрения следующие стадии комплексного исследования.

I стадия. Определение задач исследования.

II стадия. Планирование исследований.

¹ Эти черты выделяются и при общеметодологическом анализе комплексного подхода (см.: Теория и практика организации комплексных исследований / под ред. О. И. Иванова. Л., 1986. С. 12-13; Семенов Е. В. Комплексный подход как форма кооперации научного труда. Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983. С. 73).

III стадия. Раздельный анализ и сравнение объектов.

IV стадия. Экспертный синтез.

Рассмотрим указанные задачи и стадии более подробно.

I. При производстве комплексных исследований определение задач исследования особенно актуально в силу их непосредственной связи с задачами доказывания и необходимостью всестороннего использования специальных познаний для выяснения обстоятельств уголовного дела.

Для правильного определения возможностей криминалистической экспертизы по уголовному делу необходимо в первую очередь произвести экспертный анализ следственной ситуации, в условиях которой возникла необходимость в проведении экспертизы. С этой целью эксперты, опираясь на свои специальные познания, изучают представленные им материалы следственного или судебного производства для выяснения механизма расследуемого события и выделения в структуре материальных взаимодействий искомого (или искомых) объекта. Особенно продуктивно такое исследование в случаях, когда в качестве объекта экспертизы представляется материальная обстановка расследуемого события, а также когда экспертам предоставляются данные, характеризующие следственную ситуацию (поведение лица, объекта, агрегата в определенной обстановке). Анализ завершается выделением взаимодействующих материальных комплексов, как предполагаемых искомых объектов, с одной стороны, и носителей идентификационной информации - с другой.

Наряду с ситуационным осуществляется анализ механизма слеодообразования с целью определения контактных поверхностей взаимодействующих объектов и слеодообразующих субстратов. Результаты этого исследования используются для планирования экспериментальной работы в ходе экспертизы.

Следующим этапом конкретизации задач экспертизы является системно-структурный анализ проверяемого объекта с целью выделения информационных полей, актуализация которых возможна в данной следственной ситуации при определенном механизме взаимодействия объектов.

На основе полученных данных планируется:

а) обнаружение латентных следов, в том числе микроследов и микрочастиц на возможных следоносителях;

б) получение образцов для сравнительного исследования на основе экспертного эксперимента с проверяемым объектом.

Проведенные анализы позволяют осуществить информационное моделирование сложного идентифицируемого объекта. В структуре исследуемого материального комплекса выделяются исходные, непосредственные, промежуточные и конечные идентифицируемые объекты.

Следует подчеркнуть, что только указанный четырехступенчатый экспертный анализ позволит в полной мере выявить возможности экспертных исследований по конкретному делу, правильно определить их цели и обеспечит квалифицированное планирование экспертного исследования.

II. Организационно-управленческая стадия комплексного исследования приобретает особое значение в силу необходимости определения оптимальной последовательности аналитических исследований и их информационной взаимосвязи, а также координации практических исследовательских действий и операций с объектами экспертизы.

План (программа) комплексного исследования представляет организационную основу работы коллектива экспертов и должен содержать обозначение исходных, промежуточных и конечной задачи исследования, включать технологические схемы решения каждой из них, т.е. перечни анализов, последовательность их проведения и обработки полученных результатов с указанием конкретных исполнителей, включая лаборантов и операторов ЭВМ, а также определять справочно-информационную и лабораторно-техническую базу исследования¹.

План (программа) исследования составляется ведущим экспертом и согласовывается со всеми участниками экспертизы, а также по возможности с органом, назначившим экспертизу.

III. Раздельный анализ и сравнение объектов. В процессе анализа производится раздельное исследование каждого идентификационного поля с использованием современной инструментальной базы. В акте экспертизы указываются пределы детализации признаков и свойств исследуемых объектов, использованные при этом

¹ Колдин В. Я. Идентификация при расследовании преступлений. М., 1978. С. 75-81.

инструментальные аналитические методики, выявленные признаки, способы их обработки и оценки, включая математические методы и программно-вычислительные средства, а также полученные результаты, т.е. выявленные различающиеся и совпадающие свойства сравниваемых объектов на различных иерархических уровнях их организации.

IV. Синтезирующая (оценочная) стадия комплексного исследования является наиболее ответственной и в то же время специфичной в условиях комплексного исследования. Дополнительные трудности синтеза в условиях комплексного исследования вызваны тем, что предметом оценки являются различные системы экспертных свойств, выявленные различными исследователями с использованием различных аналитических методов и программ обработки исходных признаков.

Наиболее актуальными в этой стадии представляются проблемы субъектов оценки, оснований и условий оценки и форм идентификационного синтеза.

Субъектами оценки являются:

- суд и следователь - на доказательственном уровне;
- эксперт - в рамках специализированной типовой экспертной методики; комиссия экспертов или эксперт-интегратор - в рамках комплексной экспертизы.

Выявленная экспертом информация оценивается следователем и судом в системе доказательств по уголовному делу, образуя соответствующие искомому факту подсистемы доказательств. При этом условием ее оценки следователем и судом является экспертная оценка этой информации, данная экспертами в синтезирующей части составленного ими заключения.

Условием участия экспертов в оценке выявленной информации является наличие у них соответствующих специальных познаний. Эксперты-криминалисты получают подготовку в области теории и методики экспертно-криминалистического исследования, специальных методов и частных экспертно-криминалистических методик. Поэтому они располагают специальными познаниями и научно-техническими возможностями для проведения синтезирующего исследования. В случаях, когда частные предметные и методные знания экспертов не совпадают, например у эксперта-тра-

солога и судебного медика, оценка осуществляется на основе общих принципов и методики экспертного исследования, которая образует смежную область их специальных профессиональных знаний и опыта.

Так, известно, что общий принцип и алгоритм оценки экспертных свойств и их совокупностей базируется на подсчетах частоты их встречаемости в исходной (генеральной) совокупности объектов данного рода и не зависит ни от природы объекта, ни от способа выявления оцениваемой совокупности свойств. На этой основе созданы и используются математические модели оценки, в принципе индифферентные к способу и инструментальной методике выявления оцениваемой информации.

Процедура оценки осложняется в случаях, когда в комплексном исследовании участвуют эксперты-предметники (биологи, физики, химики) или методники (специалисты-аналитики), которые могут решить задачу на уровне распознавания или классификации, но не могут дать общей оценки всей совокупности выявленной информации с позиции индивидуального отождествления. Такая оценка оказывается возможной, если в составе комиссии имеется эксперт-интегратор, предметные знания которого в максимальной степени приближены к интегральной структуре идентифицируемого объекта, а методные знания обеспечивают получение профилирующей для данного исследования информации. В качестве такого интегратора может выступать эксперт-баллист при исследовании источника происхождения боеприпасов, эксперт-трасолог при исследовании целого по части при наличии общей линии разделения объекта, эксперт-почвовед при исследовании локального участка местности и т.п. Рассмотрим основные формы экспертного синтеза.

Экспертный синтез в рамках типовой специализированной методики экспертного исследования представляет традиционную форму комплексного использования естественно-научных и технических знаний для решения задач криминалистической экспертизы. Эта форма характеризуется типовыми объектами, задачами, экспертными ситуациями и алгоритмами их разрешения, массовым характером исследований, стационарными формами экспертизы, продолжительным «стажем» самой экспертизы. В силу этого в учреждениях экспертизы складываются стабильные методики и

формы взаимодействия специалистов различного профиля, участвующих в производстве экспертизы и экспертном синтезе. Так, при комплексном решении задачи судебно-почерковедческой экспертизы могут принимать участие судебные медики, психиатры, специалисты в области автороведения, судебно-технической экспертизы документов, лингвисты, физиологи, математики. При этом частные методики судебно-почерковедческой экспертизы конкретно определяют задачи и функции каждого из указанных специалистов и значение получаемых ими результатов для формирования общего вывода судебно-почерковедческой экспертизы.

Следует подчеркнуть, что методическое значение типовых специализированных методик экспертного исследования заключается в том, что они являются результатом обобщения экспертной практики и научных исследований в соответствующей области. При этом наиболее эффективные формы взаимодействия, апробированные наукой и практикой, закрепляются в методических рекомендациях и блок-схемах исследований. В связи с этим формы криминалистического исследования, сосредоточенные в типовых специализированных методиках, представляют наиболее надежный и стабильный методический фонд в системе экспертного исследования. Вместе с тем очевидно, что объем и глубина комплексных исследований в структуре конкретной методики является одним из важнейших показателей зрелости, разработанности, надежности и общего научного уровня данной методики.

Экспертный синтез в рамках комплексной экспертизы осуществляется в трех формах:

- 1) комплексного коллегиального синтеза;
- 2) предметного интегрального синтеза;
- 3) комплексного ситуационного синтеза.

Комплексный коллегиальный синтез осуществляется в случаях,

когда все участники комплексной экспертизы владеют теорией и методологией решения данного типа комплексных задач, а используемые ими аналитические методы охватываются данной методологией оценки.

Так, при исследовании личности по костным останкам, следам волос и фотоснимкам используются методы судебно-медицин-

ского и криминалистического исследования, охватываемые методологией криминалистического исследования. В этих случаях эксперты могут принимать участие в совместных расследованиях, давать совместную оценку выявленным свойствам и подписывать общее заключение экспертизы.

Предметный интегральный синтез осуществляется в тех случаях, когда в экспертизе, наряду со специалистами-предметниками, участвуют специалисты-методники, помогающие предметнику получать необходимые аналитические «срезы» исследуемого сложного идентифицируемого объекта. Так, при решении вопроса о том, является ли данная женщина матерью ребенка, труп которого обнаружен, проводятся сравнительные исследования крови, папиллярных узоров, признаков внешности, структуры ДНК. Однако не каждый из специалистов-биологов, выполнивших такие исследования, способен принять участие в интегральном синтезе. К рассматриваемой форме синтеза относится оценка результатов комплексных многоступенчатых исследований при установлении источника происхождения сравниваемых вещественных доказательств (следов выстрела и боеприпасов, изделий промышленного производства и др.)¹.

В этих ситуациях интегральный синтез следует поручить криминалисту, который на основе своих специальных познаний сможет дать интегральную оценку идентификационной значимости всех выявленных совокупностей свойств сравниваемых объектов с позиции индивидуального отождествления.

Комплексный ситуационный синтез дается в тех случаях, когда материальный комплекс, являющийся идентифицируемым объектом, формируется в обстоятельствах расследуемого события и для исследования целостности этого объекта, оценки его функционирования в инфраструктуре необходимо исследование механизма расследуемого события с использованием специальных познаний. В этих случаях суммирование чисто идентификационной информации, совокупная оценка взаимодействующих экспертных полей оказываются недостаточными. Необходимо исследование динамической структуры взаимодействия, механизмов слеодообразования

¹ См.: Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960. С. 41, 73.

в связи с механизмом расследуемого события. К числу случаев такого рода относятся установление факта контактного взаимодействия предметов одежды, повреждающих орудий, транспортных средств и др., установление комплекта вещей по признакам хранения или эксплуатации и т.п.

Поскольку исследование механизма слеодообразования в связи с механизмом расследуемого события относится к числу специальных познаний эксперта-криминалиста, комплексный ситуационный синтез целесообразно поручать эксперту-криминалисту. Профилирующими методами исследования и оценки в этих случаях являются: следственный и экспертный эксперимент, моделирование, реконструкция механизма расследуемого события, его узлов и участвующих в нем объектов.

Анализ логико-информационной структуры комплексных исследований позволяет перейти к рассмотрению их организационных и процессуальных форм.

Организационные и процессуальные формы комплексных исследований

Обобщение практики позволяет выделить три основные процессуально-организационные формы комплексных исследований.

1. Типовая предметная методика комплексного идентификационного исследования (так называемая моноэкспертиза).

2. Комплекс экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого факта.

3. Комплексная экспертиза.

В последнем случае в зависимости от формы экспертного синтеза выделяется: коллегиальная экспертиза, интегративная экспертиза, ситуалогическая экспертиза.

1. В **типовой предметной методике** криминалистического идентификационного исследования эксперт-предметник (почерковед, баллист, почвовед и др.) осуществляет интегральную оценку всей информации, полученной о сложном идентифицируемом объекте с участием специалистов-методников. В получении промежуточных выводов и итоговой оценке могут принимать участие математики и другие специалисты, охватывающие узловую и интегральную структуру и функцию идентифицируемого объекта.

Следует указать на существенное отличие интегральной оценки информации в рамках типовой методики экспертизы от интегрального синтеза в рамках комплексной экспертизы. Первая реализуется в типовых ситуациях, и формы взаимодействия экспертов запрограммированы в соответствующей типовой методике. Вторая осуществляется в атипичных следственных ситуациях. Формы взаимодействия специалистов и сама методика представляет здесь в значительной степени уникальное экспертное исследование с большим удельным весом эвристических методов.

Все специалисты, поставляющие информацию для промежуточного или конечного вывода или принимающие участие в их формулировании, являются в процессуальном смысле экспертами. Форма, доля и вид их участия в производстве экспертизы (лабораторный анализ, иное аналитическое исследование, оператор ЭВМ и др.) предусматриваются типовой методикой и должны быть отражены в заключении экспертизы. Это влечет их личную ответственность за результаты экспертизы.

Нельзя признать правильной точку зрения о том, что специалисты-методники, принимающие участие в комплексном исследовании, не являются экспертами в процессуальном смысле. Их участие в интегральном синтезе может быть ограниченным, но это не снимает с них процессуальной ответственности за полноту и качество предоставляемой ими информации и промежуточные выводы. Нельзя признать правильной и практику тех судебно-экспертных учреждений, в которых в итоговом заключении экспертизы не указываются персонально лица, выполнившие лабораторные анализы, спектрограммы, хроматограммы, исследовательские фотографии и т.д. Это делает невозможной процессуальную проверку заключения эксперта путем допроса этих лиц, анализа условий исследования, подлинности представленной ими информации, а следовательно, и правильности конечных выводов, что представляет существенное процессуальное нарушение. В условиях гласного и состязательного судопроизводства подобные заключения могут быть признаны недоброкачественными (недопустимыми) доказательствами.

2. **Комплекс экспертиз**, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого объекта (факта) представляет реализацию принципа комплексности на доказательственном уровне.

В этом случае эксперты, проводящие отдельную экспертизу, смогут реализовать принцип комплексности *только* при исследовании отдельного (отдельных) экспертного поля искомого объекта. Что же касается комплексной оценки *всей* идентификационной информации об искомом объекте, то она осуществляется следователем и судом путем оценки частной системы доказательств об искомом факте. Эта система охватывает всю совокупность идентификационной информации, полученной как посредством экспертиз, так и в результате проведения иных следственных действий, а также фактические данные о связи искомого объекта с расследуемым событием.

Поскольку следователь и суд не располагают специальными познаниями, необходимыми для оценки идентификационной информации и достоверного установления индивидуального тождества по материальным следам искомого объекта, представляется необходимым для оценки информации, выявленной отдельными экспертами, если ни один из них не пришел к категорическому положительному выводу об индивидуальном тождестве, назначение комплексной экспертизы.

Расширение сферы комплексных экспертиз за счет области автономных экспертных исследований должно рассматриваться как перспективное направление внедрения научно-технических средств в дело раскрытия и расследования преступлений - для этого вывода есть по крайней мере три основания.

1. Оценка идентификационной информации под углом зрения положительного доказательства индивидуального тождества во всех случаях требует специальных познаний.

2. Комплексная оценка информации на доказательственном уровне должна производиться после комплексной оценки ее на экспертном уровне.

3. Использование возможностей комплексной оценки информации на всех уровнях - в системах признаков и свойств и в системах судебных доказательств - обеспечивает надежность конечного вывода.

От комплекса экспертиз, назначаемых и проводимых по постановлению следователя и суда, следует отличать комплекс исследований, осуществляемых в рамках комплексной экспертизы.

Процессуальные и организационные проблемы комплексных

исследований долгое время активно обсуждались в криминалистической и процессуальной литературе, что позволило выработать ряд предложений для ее нормативного регулирования. С опубликованием нормативных материалов получила достаточно подробную регламентацию процедура назначения и производства комплексной экспертизы, процессуальные и организационные взаимоотношения в комиссии экспертов, функции ведущего эксперта, ведущего СЭУ, организация межлабораторных, внутриведомственных и межведомственных исследований, процессуальное оформление выводов экспертов в случаях, когда они приходят к одному или различным выводам.

В настоящее время представляет интерес сравнительная оценка различных форм комплексных экспертных исследований с точки зрения их сложности и необходимой экспертной квалификации для их выполнения и с точки зрения уровня активности использования научно-технического потенциала экспертизы в решении задач расследования и доказывания по уголовному делу.

Эти критерии важны как с точки зрения выбора тех или иных форм комплексной экспертизы следователем и судом, так и с точки зрения затрат труда в экспертных учреждениях.

Для решения поставленной задачи расположим различные формы комплексных исследований в порядке возрастающей сложности синтеза информации:

- 1) типовая предметная методика экспертного исследования;
- 2) комплекс автономных экспертиз;
- 3) комплексная коллегиальная экспертиза;
- 4) комплексная интегративная экспертиза;
- 5) комплексная ситуалогическая экспертиза.

Сравнительный анализ указанных форм позволяет констатировать, что (при прочих равных условиях) по мере возрастания сложности исследования при переходе к каждой последующей форме вместе с тем возрастает и уровень активности использования научных возможностей экспертизы для разрешения задач раскрытия и расследования преступлений.

Если при работе в рамках типовой предметной экспертной методики эксперты действуют по типовому алгоритму, апробированному наукой и практикой, и имеют мало возможностей выйти за

его рамки, то при решении интегративных и ситуалогических задач они в максимальной степени свободны в определении программы и технологических схем исследований для разрешения поставленных перед ними вопросов и проявления экспертной инициативы. Центр тяжести исследования переносится при этом на эвристические приемы и методы, а сама их программа приближается к свободному поиску истины на основе специальных познаний.

В то же время каждая из указанных форм имеет свою специфику.

Типовая предметная методика аккумулирует накопленный наукой и экспертной практикой опыт исследований.

Комплекс автономных экспертиз является показателем активности следователя и суда в поисках информации об искомом объекте.

Комплексное коллегиальное исследование является оптимальной с точки зрения надежности формой использования специальных познаний.

Интеграционная форма позволяет найти, полно и всесторонне использовать разные, подчас удаленные друг от друга аналитические методы для исследования внутренней структуры искомого объекта.

Ситуалогическая экспертиза наиболее эффективна в тех случаях, когда возникают трудности в процессуальном использовании информации и необходима компетентная ее оценка специалистом с учетом инфраструктуры объекта, его места и роли в обстановке и обстоятельствах расследуемого события.

3. Комплексные идентификационные исследования являются наиболее эффективной и незаменимой формой использования специальных познаний при исследовании доказательств по уголовному делу. Эта форма использования специальных знаний обеспечивает:

- а) наибольшую глубину исследования;
- б) всесторонность исследований на основе их комплексной организации;
- в) оптимальные условия взаимодействия следователя, специалистов и экспертов и стыковку доказательственной информации, полученной в процессе следственных действий и экспертизы.

Установление доказательственных фактов по уголовному

делу осуществляется посредством нормирования соответствующих подсистем доказательств.

Рассмотрим доказательственное значение таких систем на примере экспертных исследований.

Экспертные выводы о тождестве включаются в соответствующие подсистемы доказательств и используются для установления любых материальных компонентов механизма расследуемого события. К их числу относятся: субъекты преступного действия, орудия и средства преступления, предметы преступного посягательства, потерпевшие, элементы обстановки преступления, а также различные иные источники доказательств. Заключение комплексного идентификационного исследования в системе других доказательств может использоваться для установления любых обстоятельств объективной и субъективной стороны расследуемого преступления.

Непосредственно комплексное идентификационное исследование направлено на установление искомого объекта, т.е. объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием. Эта задача решается путем формирования частной системы доказательств, состоящей из двух подсистем:

а) идентификационной подсистемы, обеспечивающей индивидуализацию сложного идентифицируемого объекта посредством выделения, описания и оценки его экспертных свойств;

б) подсистемы связи, характеризующей роль, место и функции искомого объекта в структуре механизма расследуемого события: субъект, орудие, предмет преступления, элемент обстановки и т.д.

Формирование подсистемы доказательств при использовании комплексных экспертных исследований характеризуется определенной спецификой. Назначая экспертизу, формулируя вопросы, участвуя в проведении исследований, обеспечивая экспертов сравнительными материалами и необходимой информацией, следователь и суд должны знать возможности комплексных экспертных исследований, уметь прогнозировать их результаты и квалифицированно их оценивать.

Для решения этих задач следователь и суд могут воспользоваться следующими методическими приемами:

а) прием анализа следственно-экспертной ситуации. Он со-

стоит в динамическом информационном моделировании расследуемого события и исследовании функции искомого объекта в этом событии. Этот прием может осуществляться в форме следственного эксперимента с привлечением специалистов или реконструкции элементов обстановки расследуемого события. В результате в структуре искомого и проверяемого объектов выделяется система информационных полей, каждое из которых может быть идентифицируемым объектом, а также системы специальных знаний, необходимых для их изучения, круг вопросов, подлежащих разрешению, профиль специалистов и экспертных учреждений;

б) прием системно-структурного анализа сложного искомого и проверяемого объектов.

В случаях, когда искомым объектом представляет сложную многокомпонентную систему, в его структуре с помощью специалистов необходимо выделить непосредственные исходные, промежуточные и конечный идентифицируемые объекты. Это позволит эффективно организовать, спланировать и провести комплексное идентификационное исследование, а затем и оценить его результаты;

в) прием исследования интегральной структуры и функции искомого объекта. Анализ различных сторон искомого объекта, выделение в его структуре отдельных элементов и подсистем должны сочетаться с синтезом этой информации. Он обеспечивает установление целостности искомого объекта, доказательство принадлежности всей выявленной информации одному объекту. Такой синтез обеспечивает выявление внутренних интегративных свойств искомого объекта и определение его функции в составе исследуемого события. Так, слюна, пот и кровь как выделения и отделения человеческого организма имеют свои специфические состав и свойства. Вместе с тем им присущи интегративные белковые свойства, которые могут указывать на их принадлежность одному и тому же человеку и обеспечивают их использование в одной идентификационной подсистеме. С другой стороны, обнаружение частичек крови, волос и волокон одежды потерпевшего на капоте и бампере автомашины подозреваемого и дорожном покрытии места происшествия указывает на механизм происшествия и место в ней потерпевшего как целостного материального комплекса.

Формирование доказательственной подсистемы связи. Индивидуализация единичного объекта, завершающаяся его выделением в обстоятельствах расследуемого дела, представляет важнейшую задачу исследования, но не исчерпывает задач доказывания. Выделенный объект должен быть исследован с точки зрения его относимости к делу, т.е. прослежена его связь с механизмом расследуемого преступления, а также с другими объектами, составляющими структуру преступного события. Для разрешения этих задач следователю и суду рекомендуется воспользоваться следующими методическими приемами:

- а) изучение механизма образования следов искомого объекта;
- б) изучение причинной связи этого механизма с механизмом преступного события.

Криминалистикой достаточно изучен механизм образования следов человека, животных, транспорта, огнестрельного оружия, почерка, фотоизображения и др.

В любом следе могут быть выделены идентификационные признаки объекта, вызвавшего след, и информация об условиях, механизме процесса следообразования. Так по следу орудия взлома может быть определен не только тип, род и вид орудия, его индивидуальные особенности, но и направление движения, взаимное положение орудия и преграды, энергия действия, количество и последовательность действий, давность следообразования и др.

Важным методическим приемом является сопоставление механизма следообразования с механизмом расследуемого события или исследование механизма следообразования в системе этого события в качестве одного из его элементов. При этом может быть установлена причинная связь изучаемых явлений или их внешняя пространственно-временная связь. Так, например, установление, что взлом двери, следы которого использованы для исследования, есть необходимый элемент способа проникновения на место кражи; след руки обвиняемого образован веществом принадлежащей ему крови при вскрытии хранилища указывает на причинную связь исследуемых явлений.

Следует подчеркнуть, что полученная в результате такого исследования информация имеет важное доказательственное значение и подлежит фиксации в предусмотренных законом формах, т.е. в протоколах, фотоснимках, посредством кино- и видеозаписи,

планах мест происшествий, а в необходимых случаях и в заключениях экспертиз.

Тактика проведения комплексных экспертных исследований.

Взаимодействие следователя, специалиста и эксперта в процессе доказывания.

Комплексные исследования дают следователю и суду ряд новых возможностей в установлении доказательственных фактов и в то же время характеризуются рядом специфических особенностей организации деятельности следователя, специалиста и эксперта, согласованное взаимодействие которых необходимо для наиболее эффективного разрешения задач доказывания по уголовному делу.

Поскольку экспертиза по уголовному делу представляет процессуальное следственное или судебное действие, производство которого регламентировано нормами УПК РФ и бремя доказывания при этом несет следователь и суд, последние должны использовать оптимальную тактику взаимодействия всех участников данного процессуального действия в интересах установления искомым объектам и достижения истины по уголовному делу.

Организационно-тактические основы такого взаимодействия характеризуются следующими особенностями¹.

1. Активным участием экспертов в анализе механизма расследуемого события.

Согласно действующей концепции судебной экспертизы эксперт не является субъектом доказывания по уголовному делу. Закон не возлагает на него бремя установления доказательственных фактов, на основе которых уголовное дело разрешается по существу. Однако на эксперта возлагается бремя доказывания своих выводов на основе изучения обстоятельств расследуемого события с использованием специальных познаний. В этой сфере пределы компетенции экспертов могут быть ограничены лишь пределами их собственных специальных познаний и характером разрешаемых ими вопросов, которые должны касаться фактической

¹ Здесь не рассматриваются общие вопросы тактики производства экспертизы по уголовному делу (см. об этом: Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. С. 361-371; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979. С. 62-91).

стороны события, но не его правовой оценки.

В системе взаимодействия следователя (суда) и эксперта заложено внутреннее противоречие, которое состоит в том, что исследовательская активность эксперта должна направляться следователем (судом), осуществляющим доказывание по уголовному делу. Однако, не располагая специальными познаниями, следователь и суд не могут самостоятельно определить, какие именно специальные познания и в каких направлениях должны быть использованы в данной конкретной ситуации. Для разрешения этого противоречия в процесс была введена фигура специалиста (ст. 58 УПК РФ), а эксперту предоставлено право на экспертную инициативу (ст. 57 УПК РФ).

Указанная процессуальная система весьма далека от совершенства, так как не решает вопроса о последующем использовании специалиста в качестве эксперта и не указывает форм взаимодействия следователя и эксперта, обеспечивающих его оптимальное использование для установления обстоятельств уголовного дела.

В связи с этим особое значение приобретают основанные на обобщении следственной и экспертной практики рекомендации по организации указанного взаимодействия.

II. *Ознакомление эксперта со всеми обстоятельствами уголовного дела*, которые существенны с точки зрения формирования свойств сложного многокомпонентного объекта, к числу которых относятся условия возникновения, формирования, эксплуатации, хранения, ремонта, а также обстоятельства расследуемого события, если они повлияли на формирование объекта. К числу таких обстоятельств относятся характеристики технологии промышленного или сельскохозяйственного производства (рецептура, структура производственного процесса, его динамика, отклонения от ГОСТа и существующих нормативов), процессов складирования, транспортировки, эксплуатации объектов, являющихся вещественными доказательствами, если возникает проблема установления источника их происхождения. В необходимых случаях эксперту должна быть предоставлена возможность непосредственного ознакомления с условиями соответствующих производств

для выяснения их тактического состояния и отступления от стандартной технологии, которые могут иметь значение важных индивидуализирующих признаков.

III. *Непосредственное участие эксперта в подготовке и назначении экспертизы.* В этом случае тактика назначения экспертизы предполагает предварительные консультации с экспертом при формулировании вопросов, подборе образцов для сравнительного исследования, участие эксперта в следственных действиях, направленных на получение необходимой эксперту информации и сравнительных образцов.

IV. *Обмен информацией между следователем и экспертом при производстве экспертизы* с целью конкретизации и фокусирования исследовательских действий, выделения необходимых экспертных полей, формулирования вопросов и оценки результатов проведенного исследования.

V. *Формирование следователем и судом подсистемы доказательств.* Выделение единичного объекта из исходной совокупности является задачей доказывания и экспертиза является лишь одним из средств такого доказывания. Следователь и суд должны использовать другие, помимо экспертизы, источники идентификационной информации, которые обеспечивают дополнительные резервы надежности конечного вывода и позволяют взаимно проверить все собранные источники информации. Особенно важны эти рекомендации в случаях, когда экспертиза не обеспечивает предельной индивидуализации идентифицируемого объекта и заключение дается на уровне родового или видового тождества.

В такой ситуации следователь и суд могут использовать прием ограничения круга проверяемых объектов в обстоятельствах конкретного уголовного дела. Если этот круг будет строго численно определен, суд может установить искомый объект *методом исключения*, для чего достаточно различия родо-видовых свойств сравниваемых объектов. В этой ситуации экспертами могут быть использованы и дифференционные кибернетические алгоритмы.

В случаях, когда идентифицируемый объект не имеет собственной устойчивой формы, чрезвычайно важно установить неделимость идентифицируемого объекта в идентификационный период. Если это обстоятельство будет доказано следователем и су-

дом, большую доказательственную силу приобретает условное заключение экспертов об индивидуальном тождестве сравниваемых объектов, если, конечно, исходная масса вещества была индивидуализирована экспертными методами.

Аналогичная ситуация складывается в случаях, когда эксперт обнаруживает существенные различия сравниваемых объектов, но не может дать отрицательного вывода о тождестве при отсутствии данных об изменениях технологических производственных или иных детерминирующих процессов и факторов, влияющих на формирование идентифицируемого объекта в идентификационный период. При наличии таких данных, например об отсутствии существенных изменений в технологии, может быть дано условное отрицательное заключение.

Таким образом, сочетание следственных и экспертных методов доказывания и исследования позволяет наиболее эффективно нормировать и использовать идентификационные подсистемы доказательств.

VI. Формирование следователем и судом доказательственных подсистем связи искомого объекта с расследуемым событием.

Могут быть рекомендованы следующие приемы формирования такой подсистемы.

1. Исследование места искомого объекта в обстановке расследуемого события путем сравнительного исследования механизма следообразования и механизма расследуемого события. Это исследование может быть проведено в форме осмотра места происшествия с участием специалиста и в форме экспертного исследования обстановки места преступления.

2. Исследование связи проверяемого объекта с расследуемым событием. Это исследование проводится в форме обычных следственных действий: допросов подозреваемых, проверки их показаний на месте, производства следственного и экспертного эксперимента. В ходе указанных действий проверяются показания подозреваемых, с проверяемыми объектами проводятся опыты или непосредственно в обстановке расследуемого события, или максимально приближенных к ним условиях. Причастность задержанных лиц к расследуемому событию проверяется с помощью шкалы «путь - время», а также посредством специальной тактической

операции по проверке алиби, которая складывается из серии оперативно-следственных действий.

Совокупность данных, содержащейся в идентификационной подсистеме и подсистеме связи, позволяет решить как задачу установления единичного объекта, так и задачу установления его роли в обстоятельствах расследуемого события. Таким образом, устанавливается искомый доказательственный факт и его место в общей системе доказательств по уголовному делу.

Выводы

1. Поскольку задача установления доказательственных фактов требует для своего разрешения специального методологического и технологического обеспечения, ее решение нуждается в выделении самостоятельной стадии фактологического анализа и доказывания: стадии информационно-логического анализа.

Его специфика состоит в переходе от информационного анализа сигналов в источнике к комплексному анализу системной информации о доказательственном факте в частной системе доказательств.

2. Методология такого исследования состоит в анализе информационно-логической связи уровней используемой в доказывании информации: исходных фактических данных, доказательств и доказательственных фактов.

В качестве рабочего метода исследования использовано сопоставление структуры фактологического анализа с общей структурой отражательных процессов.

3. Возможность достоверного установления событий и явлений по их отображениям в связи с понятием истины в судебном процессе обосновывается отношением изоморфизма отображаемого и отображения, причины и следствия в каузальных системах.

4. Фактологический анализ, как метод целостной познавательной системы использует в качестве инструмента понятие фактологической информации как любых релевантных фактических данных, полученных в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств.

Это определение охватывает любую релевантную информацию, полученную на любых стадиях раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел, в любой организационно-правовой форме.

Методологическая функция этого понятия состоит также в том, что она позволяет абстрагироваться от процессуальной формы источника и исследовать информацию в чистом виде, т.е. ее собственные свойства: относимость, полноту, адекватность и др. Открывается в связи с этим возможность ее использования в технологиях информационного моделирования, поисковых, регистрационных и справочно-информационных системах.

5. Понятие фактологической информации как наиболее широкой категории фактических данных независимо от формы их получения, следует ограничивать от понятий, характеризующих различные организационно-правовые формы ее получения: агентурная, оперативно-розыскная, заключение специалиста, консультация, беседа, ревизия, последственная проверка, доказательства и др.

Любая из перечисленных форм может содержать или не содержать релевантные фактические данные и, соответственно, представлять или не представлять фактологическую информацию.

В судебном процессе может использоваться не любая фактологическая информация, относящаяся к делу, а только та, которая соответствует требованиям допустимости, т.е. получена в специальной предусмотренной законом форме.

6. С учетом уровня актуализации и возможностей использования в доказывании рассматриваются следующие категории фактологической информации: мертвая, латентная, потенциальная, актуальная и доказательственная информация, к которой относятся доказательства, доказательственные факты и главный факт.

7. Каждая из указанных категорий фактологической информации обнаруживает свои свойства на различных стадиях анализа и доказывания и требует специальных приемов ее обнаружения, оценки и использования.

Типовой ошибкой практического оперирования информацией на всех стадиях оперативно-следственной и судебной работы является недифференцированное использование различной по своим свойствам фактологической информации.

Доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей поиска, актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками.

8. Весьма актуальна проблема использования в процессе доказывания непроцессуальной информации. Принципиально, на наш взгляд, разграничивать использование непроцессуальной информации в целях фактологического анализа и моделирования информационных процессов и для обоснования процессуальных решений.

В структуре познавательной деятельности может использоваться любая, в том числе оперативно-розыскная информация. Однако при переходе к обоснованию процессуально значимых выводов и решений должны неукоснительно соблюдаться предъявляемые законом требования допустимости используемой информации.

9. В системе средств уголовно-процессуального доказывания доказательственные факты занимают промежуточное положение.

С одной стороны, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан как адекватный действительности факт на основе частной системы доказательств, содержащих о нем информацию (логико-информационный анализ). С другой стороны, он выступает аргументом в доказывании искомых фактов в системе других достоверно установленных фактов (логическое доказывание). Каждые из этих сторон представляют самостоятельные информационно-технологические системы, требующие самостоятельно анализа.

10. Доказательственные факты - это нейтральные в уголовно-правовом отношении факты, установленные путем исследования доказательств и служащие логическим основанием для вывода о подлежащем доказыванию событии преступления и всех его существенных в правовом отношении обстоятельствах.

11. Исследование доказательственных фактов как средств доказывания требует:

— выяснения соотношения доказательственных фактов с другими понятиями и средствами доказывания;

- анализа содержания доказательственных фактов как элементов структуры процессуального доказывания;
- определения содержания, способов получения и значения доказательственных фактов.

12. Доказательственные факты, установленные на основе доказательств, являются выводными фактами первого порядка.

В процессе исследования их логических связей устанавливаются факты, которые могут быть условно выделены как доказательственные факты второго, третьего и, возможно, более высокого порядка.

Исследование продолжается до тех пор, пока установленные факты не заполнят все звенья логической взаимосвязи, ведущей от доказательств к главному факту.

13. Отдельного рассмотрения требует доказывание так называемыми прямыми доказательствами. Прямое доказывание главного факта источниками доказательств представляет грубую и широко распространенную на практике методологическую ошибку. Она основана на упрощенных представлениях об уровневой структуре доказывания и смешении уровней непосредственного и опосредствованного доказывания.

Находящийся в прошлом главный факт не может восприниматься непосредственно и доказываться прямо, что давно доказано классическими работами по теории улики. Путь к главному факту во всех случаях ведет от системы предварительно установленных доказательственных фактов, а сложность процесса расследования и доказывания определяется только количеством, а не наличием опосредствующих звеньев, лежащих между исходными данными и главным фактом. Даже в простейших судебных делах главный факт имеет сложную структуру (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона), в которой каждый элемент и его системные связи требуют самостоятельного анализа и доказывания.

14. В числе методов фактологического анализа наибольшее практическое значение имеют индуктивно-эвристические и традиционные методы, не получившие должной оценки в юридических исследованиях.

Моделирование, аналогия, версия, идентификация, традукция рассмотрены в работе как инструменты фактологического анализа.

Предложена также общая структура метода фактологического анализа.

15. Формирование доказательственных систем осуществляется на основе принципов и методов системно-структурного, системно-деятельностного и комплексного подходов.

В фактологическом анализе комплексный подход характеризуется следующими существенными чертами:

а) единой задачей исследования, связанной с предметом доказывания по уголовному делу;

б) различными видами информационных полей, используемых для разрешения поставленной перед экспертизой задачи;

в) использованием методов исследования, относящихся к различным специальным познаниям;

г) участием в экспертизе специалистов разного профиля;

д) интегральной оценкой, полученной в результате анализов информации на основе общей для данного исследования теории и методологии.

16. Обобщение практики позволяет выделить три основные процессуально-организационные формы комплексных исследований:

1) типовая предметная методика комплексного исследования (так называемая моноэкспертиза);

2) комплекс экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого факта;

3) комплексная экспертиза.

В последнем случае в зависимости от формы экспертного синтеза выделяется: коллегияльная экспертиза, интегративная экспертиза; ситуалогическая экспертиза. По мере возрастания сложности исследования при переходе к каждой последующей форме возрастает уровень активности использования научных возможностей экспертизы для разрешения задач раскрытия и расследования преступлений. Комплексные исследования являются наиболее эффективной и незаменимой формой использования специальных познаний при исследовании доказательств по уголовному делу.

17. Комплексные исследования дают следователю и суду ряд новых возможностей в установлении доказательственных фактов и в то же время характеризуются рядом специфических особенно-

стей организации деятельности следователя, специалиста и эксперта, согласованное взаимодействие которых необходимо для наиболее эффективного разрешения задач доказывания по уголовному делу.

Организационно-тактические основы такого взаимодействия характеризуются следующими особенностями:

а) активным участием экспертов в анализе механизма расследуемого события;

б) ознакомлением эксперта со всеми обстоятельствами уголовного дела, которые существенны с точки зрения задач экспертного исследования;

в) непосредственным участием эксперта в подготовке и назначении экспертизы;

г) обменом информацией между следователем и экспертом при производстве экспертизы с целью конкретизации и фокусирования исследовательских действий, выделения необходимых информационных полей, формулирования вопросов и оценки результатов проведенного исследования;

д) формированием следователем и судом подсистемы доказательств, обеспечивающей установление искомого доказательственного факта;

е) формированием следователем и судом доказательственных подсистем связи искомого факта с расследуемым событием.

Глава 5

ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССЛЕДУЕМОГО СОБЫТИЯ

5.1. Система расследуемого события как предмет, стадия и уровень фактологического анализа

Выделение системы расследуемого события в самостоятельный предмет, стадию и уровень анализа обусловлено принципами системного подхода, рассматривающего системную целостность, обладающую самостоятельными свойствами, как самостоятельный объект исследования, позволяющий получить информацию, недоступную при анализе на других уровнях.

В основе методологии системного анализа материальной обстановки расследуемого события лежит идея целостности и системности как отображаемого события и отображающей его материальной обстановки, так и самого процесса исследования этих систем. При этом событие, материальная обстановка и процесс расследования рассматриваются как целостная система передачи, хранения и исследования информации.

Рассмотрим эту системную триаду более подробно.

Расследуемое событие как система складывается из двух взаимосвязанных самостоятельных подсистем: системы деятельности субъекта преступления и системы механизма расследуемого события. Каждая из этих систем в отдельности рассматривалась как в криминалистической, так и в уголовно-правовой литературе. Однако их взаимодействие как подсистем отображаемого в следах расследуемого события привлекло внимание криминалистов только в последнее время.

При этом была выявлена важная криминалистическая закономерность, состоящая в существенном различии методики расследования событий с различным удельным весом составляющих их

подсистем. События, основу которых составляет целенаправленная преступная деятельность, расследуются традиционными методами с использованием закономерных связей между субъектом, мотивом и способом преступного действия (умышленные убийства, разбои, кражи, телесные повреждения, хищения и др.).

Если же основу отображаемого события образует не целенаправленная деятельность субъекта преступления, а объективные закономерные связи механизма самого события (взрыва, пожара, обрушения строений, транспортных аварий, стихийных бедствий и т.п.), то в основу расследования должен быть положен анализ этих закономерных связей. В данных ситуациях действия субъекта преступления сами подчинены этим закономерностям.

Структурные различия ситуаций порождают существенное различие следовых картин, что требует применения различных криминалистических методов и технических средств их исследования, т.е. различных криминалистических методик.

В связи со сказанным требует четкого определения понятие механизма расследуемого события и его соотношение с понятием целенаправленной субъектной деятельности.

Механизм расследуемого события понимается как совокупность взаимодействующих материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обуславливающих возникновение источников криминалистической информации¹.

В структуре механизма расследуемого события должны быть выделены следующие элементы.

1. Состав взаимодействующих объектов.
2. Система взаимодействий и интегративных связей, характеризующих целостность и индивидуальность события.
3. Временная структура взаимодействия: предварительная, основная, заключительная.
4. Место системы взаимодействующих материальных объектов в общей структуре расследуемого события. При этом необходимо различать его причинные, пространственно-временные, субстанциональные, информационные, энергетические и другие интегративные связи.

¹ Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М, 1986. С. 833.

Механизм расследуемого события и целенаправленная субъектная деятельность представляют взаимопересекающиеся понятия, связь которых так же важна, как и их различие. Связь их состоит в том, что они выступают как подсистемы целостного события, являющегося предметом расследования. При этом в стадии оперативно-розыскной и доследственной проверки криминальный характер события может быть неочевидным. Впрочем, и после возбуждения уголовного дела наличие «признаков преступления» далеко не во всех случаях приводит к установлению состава преступления. Следует подчеркнуть в связи с этим, что правовая квалификация может касаться только субъектной деятельности, но не механизма события. Последний сам по себе не может быть криминальным или правомерным¹.

Разграничение элементов события и субъектной деятельности весьма существенно при их анализе и построении типовых криминалистических информационных систем. Так, понятие обстановки как внешней среды субъектной деятельности является элементом механизма расследуемого события. Преступник, совершая те или иные действия и операции в соответствии с заранее намеченным им планом, вынужден приспособлять их к той обстановке, в которой они совершаются и все детали которой он заранее предусмотреть не может. Такая адаптация действий осуществляется посредством сенсорной коррекции и обратной афферентации (обратная связь).

Если же элементы обстановки заранее включаются в состав осуществляемых субъектом операций или используются как средства их оптимизации, они должны рассматриваться как элементы способа преступления, но не механизма расследуемого события. Так, при совершении карманных краж на вокзалах и крупных скоплениях людей преступники используют толчею и давку в толпе для незаметного извлечения ценностей и передачи их соучастникам.

¹ Строго говоря, являются некорректными термины «преступление», «криминальное (преступное) событие» в ситуациях расследования. Преступление - это событие, по которому вынесен вступивший в законную силу обвинительный приговор. Но это уже не ситуация расследования. Во всех остальных случаях можно говорить только о расследуемых событиях.

В аспекте рассматриваемого разграничения весьма показательны трагические события 1 сентября 2004 г. в Беслане.

День знаний, большой праздник в городской школе, массовое стечение детей и взрослых в одном месте, праздничная суматоха - все эти элементы обстановки были умело использованы террористами для незаметного проникновения группы вооруженных боевиков и концентрации их на территории школы. Однако после первого незапланированного взрыва, когда в помещении школы началась паника и события вышли из-под контроля бандитов, они сами стали заложниками ситуации. Ситуация оказалась неожиданной и для спецназа, который блокировал школу, а также местных жителей, собравшихся вокруг. Ни одна из сторон, вовлеченных в конфликт, не могла целенаправленно руководить развитием события. Каждый из участников события действовал скорее рефлекторно и импульсивно, чем осознанно и целенаправленно.

Ранее целенаправленная деятельность боевиков и спецназа трансформировалась в механизм события, подчиняющийся своей логике, психологии и объективным закономерностям.

Понятно, что без понимания природы и закономерностей этих явлений их нельзя ни правильно анализировать, ни правильно оценивать их информационную и правовую природу.

Вторым элементом, точнее подсистемой рассматриваемой информационной системы, является материальная обстановка расследуемого события как совокупный потенциальный следоноситель. Любая базовая информация в судебном процессе может передаваться и храниться с помощью сигналов и знаков на материальных носителях. Эту функцию выполняет материальная обстановка. По ходу расследования в материальной обстановке выделяется определенное количество носителей (источников информации), характеризующее уровень информационного и, следовательно, доказательственного обеспечения расследования.

Для обозначения выделенной в составе материальной обстановки общей совокупности источников релевантной информации используется термин «следовая картина расследуемого события». В отличие от материальной обстановки, характеризующей среду, являющуюся потенциальным следоносителем, следовая картина характеризует общую систему реально выделенных в материаль-

ной среде источников релевантной информации. Следовая картина в общем виде реально отражает суммарную характеристику материальных взаимодействий, составляющих механизм расследуемого события. Ее функция в связи с этим связана с установлением механизма расследуемого события.

Поскольку процесс расследования представляет динамично развивающуюся систему, следовая картина на каждом этапе расследования будет претерпевать соответствующие изменения.

В соответствии со сказанным следовую картину расследуемого события целесообразно понимать как возникшую в результате взаимодействия материальных элементов происшествия и выделенную в результате расследования целостную систему вещественных источников уголовно-релевантной информации, используемую для формирования динамической интегральной модели механизма расследуемого события на соответствующих стадиях процесса раскрытия и расследования преступления.

Заключительным элементом (подсистемой) рассматриваемой информационной модели является процесс исследования материальной обстановки. Его задачей является установление механизма расследуемого события, в том числе элементов целенаправленной субъектной деятельности, нашедшей отражение в следовой картине.

Методология системно-комплексного анализа следовой картины на первый взгляд не представляет новой проблемы. В теории и практике системно-комплексный подход к исследованию обстановки расследуемого события презюмируется как сам собою разумющийся. На деле, однако, в подавляющем большинстве случаев он подменяется исследованием отдельных следов, предметов и обстоятельств дела в той последовательности, в которой они попадают в поле зрения следователя и становятся объектами оперативно-розыскного, следственного, экспертного и судебного рассмотрения.

Вместе с тем очевидно, что простая совокупность следов и предметов, протоколов и заключений экспертов, приобщаемых к делу, не отражает интегративных свойств обстановки, механизма события и преступной деятельности как целостных объектов. В связи с этим важнейшие обстоятельства расследуемого события, характеризующие интегральную структуру механизма события и

деятельности преступников, а также общую структуру причинной связи по уголовному делу, остаются неисследованными и недоказанными. В силу этого уголовное дело представляет нередко kaleйдоскоп случайно подобранных источников и фактов, не имеющих информационной связи и доказательственной силы.

Происходит это по ряду объективных и субъективных причин.

1. Обстановка события представляет мертвую информацию, которая оживает только в процессе активного информационного поиска. Лишь в заключительных стадиях расследования неочевидных преступлений она выступает как носитель достаточно обширной и разнообразной информации о расследуемом событии.

2. В силу высокой специализации современной оперативно-розыскной и следственной деятельности, не говоря уже об экспертной, каждый специалист видит в обстановке расследуемого события свой аспект, отыскивает свой пласт информации, позволяющий решить его главную профессиональную задачу. Проводник служебно-розыскной собаки интересуется одорологическими объектами; оперативник - почерком преступника и агентурными данными о подозреваемых, судебно-медицинский эксперт действует согласно алгоритму осмотра трупа на месте его обнаружения; следователь пытается координировать действия всех участников и составить протокол осмотра; прокурора волнует личность потерпевших и общественный резонанс события и т.д.

3. В условиях производства первоначальных следственных действий и решения задачи собирания первоначальных данных до возбуждения уголовного дела в силу ограниченного времени для принятия процессуальных решений часто вообще не ставится задача комплексного исследования обстановки и следовой картины. Эта задача, как правило, возникает при осуществлении процессуальных актов: возбуждении дела, предъявлении обвинения, передаче дела в суд, вынесении приговора.

На этих стадиях по необходимости, но уже с опозданием осуществляется интегральный синтез и выясняется, что в информационной модели события имеются пробелы: точно не установлено число участников, последовательность и взаимосвязь их действий, число эпизодов, общая структура причинной связи. Однако в связи с изменением материальной обстановки осуществить ее интегра-

тивное исследование практически не всегда оказывается возможным и имевшиеся ранее возможности расследования оказываются безвозвратно утраченными.

4. В теории криминалистики, ведомственных инструкциях и учебных программах отсутствует требование об исследовании обстановки и следовой картины как самостоятельного целостного объекта. Отсутствуют методические указания по производству таких исследований. Многоопытные следователи, владеющие развитой интуицией и методами синтеза собранной информации, продельывают эту работу на уровне персонального мастерства. Молодые и малоквалифицированные участники расследования, составляющие основной их контингент, такой возможности не имеют.

В условиях чрезвычайного усложнения, высокой специализации и технического оснащения преступной деятельности такое положение представляется недопустимым. Преступные сообщества и группы имеют своих координаторов и целые мозговые центры, которые не только прорабатывают технологию преступной деятельности, но и тщательно маскируют ее с учетом пробелов в законодательстве, системах учета, делопроизводства и недостатков оперативно-розыскной и следственной работы. С этой целью, в частности, целостная структура преступной деятельности дробится на ряд операций, осуществляемых независимыми субъектами. Непосредственные исполнители, как правило, не знают не только координатора, но и своих смежников. В этих условиях раскрытие и расследование преступления без выяснения интегративных связей целостной системы преступной деятельности оказывается невозможным.

Представляется, что соответствующие требования и методические указания должны быть введены в курсы криминалистики и соответствующие ведомственные инструкции, а в специальных учебных заведениях составлены программы для подготовки криминалистов-интеграторов, способных осуществлять эту работу¹.

В набор специальных познаний криминалистов-интеграторов,

¹ По нашему мнению, такая регламентация может быть осуществлена в форме соответствующих ведомственных и межведомственных (Генеральная прокуратура, Минюст, МВД, ФСБ, Минздрав) приказов и инструкций.

помимо общеправовых, криминалистических и судебно-экспертных знаний, должны быть включены также:

а) профессиональные знания типовых механизмов соответствующих событий, формирующих их материальную обстановку (взрыв, ДТП, пожар, наркобизнес, отмывание незаконных доходов и т.д.), а также способов соответствующей преступной деятельности;

б) исчерпывающее знание информационных полей соответствующей следовой картины;

в) Информационные технологии их системно-комплексного исследования;

г) организационно-управленческие и процессуальные формы комплексирования деятельности различных профессиональных участников расследования.

Существенное методическое значение для организации исследования как в плане определения предмета системного исследования, так и верификации его выводов имеет проблема целостности исследуемого объекта.

Проблема целостности возникает как относительно материальной обстановки события, так и относительно отображенной в ней информации о механизме события и деятельности преступника.

При всей взаимосвязи этих объектов исследования следует различать материальный субстрат отображения, форму информационных сигналов и содержание отображения - информацию о расследуемом событии. В первом случае исследуется целостность материальных структур, выраженная в объективных интеграционных связях, во втором - целостность информационных моделей, имеющих свой язык и логику.

Задача исследования состоит в выделении и обосновании целостности объектов, с одной стороны, и в выделении и исследовании содержащейся в этих объектах информации - с другой.

Исследование может осуществляться как посредством выделения, классификации и анализа интегративных связей в объектах в целях обоснования целостности, так и путем системного анализа самих объектов в целях обнаружения доказательственной информации.

В настоящей работе использованы оба пути исследования.

В дальнейшем с позиций системного подхода будет произведен анализ механизма расследуемого события как целостной системы, нашедшей отражение в следовой картине расследуемого события.

Определенные методические (не методологические) трудности при анализе целостности вызывает динамизм, изменения исследуемых объектов, поскольку как событие преступления, так и отображающие его расследование и доказывание представляют динамические системы, процессы. Затруднения эти могут быть успешно преодолены с учетом следующих обстоятельств.

Материальная обстановка расследуемого события представляет фиксированную структуру, в которой движение объекта изоморфно отобразилось в рамках строго определенного пространственно-временного континуума. В этих рамках движение объекта «остановлено». Оно может исследоваться с точки зрения любых его свойств, отношений и закономерностей, отображенных в информационных полях следовой картины, как самостоятельный целостный объект.

Сказанное относится также к информационным моделям, построенным на основе изучения следовой картины. Динамика познавательного процесса, связанного с исключением одних и выдвижением других версий и соответственно с изменением используемых для их проверки фактических данных, также не создает методологических трудностей и решается с использованием ситуационного подхода, т.е. анализа дискретных потоков информации, соотнесенных с определенной фазой (периодом) расследования. При этом целостность материальной обстановки, следовой картины и интегральной информационной модели оценивается отдельно на каждом этапе расследования, связанном с принятием организационно-управленческих или процессуально-познавательных решений. Поэтому как объем следовой картины, так и содержание интегральной информационной модели события будут в каждом случае различными.

Обоснование целостности в ряде случаев представляет самостоятельную проблему доказывания, связанную с преодолением дефицита доказательственной информации и обеспечением надежности выводов. При достаточно большом числе источников информации ее не всегда можно использовать для установления

подлежащего доказыванию факта в силу недоказанности ее связи с этим фактом. Обоснование целостности объекта позволяет решить эту проблему. Можно выделить две ситуации доказывания.

А. *Доказывание тождества*, отображенного в различных источниках объекта (тождество идентифицируемого объекта).

Если доказано, что несколько следов, обнаруженных при осмотре места происшествия (следов рук, ног, pistolетных гильз, следов протекторов автомашин и т.п.), оставлены одним и тем же объектом, правомерно суммирование информации, содержащейся в этих следах, для разрешения вопроса о тождестве. Так, при невозможности отождествления обуви по единичному следу использование информации, содержащейся в дорожке следов, позволит разрешить эту проблему.

Вариантами рассматриваемой ситуации доказывания является установление факта совершения различных преступлений одним лицом или одной преступной группой по способу преступного действия, установление общего источника происхождения каких-либо отображений, продуктов или изделий, а также установление целого по разделенным частям, например частям расчлененного трупа.

Б. *Доказывание целостности исследуемого объекта* путем исследования его различных информационных полей. Так, при доказывании факта контактного взаимодействия преступника и жертвы используются взаимопереходящие (аллельные) волокна одежды, наложения с окружающих предметов обстановки и информация о механизме нанесения указанных следов и повреждений. При розыске скрывшейся с места наезда автомашины используются следы фарного рассеивателя, протекторов шин, лакокрасочных покрытий, а также данные о механизме столкновения.

Установление целостности исследуемого объекта делает правомерным суммирование информации, содержащейся в различных источниках, что создает дополнительные возможности в установлении доказательственных фактов и повышает надежность криминалистических выводов и решений.

5.2. Методология и технологии системного анализа расследуемого события

Разработка методологии и технологии системного анализа расследуемого события находится в настоящее время в начальной стадии своего развития. В теории криминалистики предложены модели системного подхода, в числе которых выделялся интегральный, стратегический уровень и общий метод расследования, разрабатываемый в рамках тактики и методики расследования¹. Однако, поскольку при этом не была сформулирована концепция фактологического анализа в рамках системно-деятельностного подхода, эти разработки не смогли быть использованы для разработки его технологий. Настоящую работу следует рассматривать как первоначальный опыт такого исследования.

Структура и процессуально-познавательная функция системного анализа материальной обстановки расследуемого события

В структуре задач исследования материальной обстановки следует различать организационно-управленческие и тактические, информационно-познавательные, процессуальные. В практическом исследовании материальной обстановки, осуществляемом в форме оперативно-розыскных, следственно-судебных и экспертных действий указанные задачи решаются в общем контексте процессуальных действий и их взаимосвязи.

Криминалистика исследует преимущественно информационно-познавательные задачи указанных действий, что и является предметом последующего рассмотрения.

К числу существенных особенностей системного анализа материальной обстановки относятся следующие:

1) предметом исследования является не отдельный фрагмент обстановки, а обстановка в целом и выделенная в ней вся следовая

¹ См.: Колдин В. Я. Основы криминалистической тактики // Криминалистика. М., 2010; Корнаухов В. Е. Методика расследования преступлений. Теоретические основы. М., 2008. С. 7-170; Чурилов С. Н. Криминалистическая методика. История и современность. М., 2002. С. 28-36, и др.

картина;

2) задача исследования заключается в установлении механизма (природы, причины и других обстоятельств расследуемого события: взрыва, аварии и др.), т.е. относится к обстоятельствам предмета доказывания;

3) осуществляется комплексное исследование различных источников вещественной информации.

Процесс исследования материальной обстановки осуществляется в форме следственного (судебного) осмотра, предварительного и экспертного исследования. Субъектами исследования могут быть оперативные работники, дознаватели, следователи, судьи, специалисты, эксперты, адвокаты.

К числу основных методов исследования, которые находятся в распоряжении указанных субъектов, относятся: наблюдение, версия и информационное моделирование, эксперимент и экспертиза (по соображениям удобства изложения эксперимент как основной метод исследования причинности рассмотрен выше).

Основной процессуальной формой, в которой используется метод наблюдения, является, как известно, осмотр.

Важной чертой наблюдения в криминалистическом исследовании является его активность. Активность восприятия и целенаправленность наблюдения при исследовании обусловлены тем, что оно всегда осуществляется в проблемной, исследовательской ситуации. Она ставит перед наблюдателем ряд вопросов о сущности события, обстоятельствах времени и места его развития, причастных лицах, их мотивах, причинах и др. На эти вопросы надо найти ответ в обстановке и следах этого события. Активность и целенаправленность наблюдения в исследовании проявляется в том, что оно сопровождается объяснением, интерпретацией наблюдаемого посредством разработки и проверки версий, производства экспериментов, экспертиз и иных контрольных процедур, процессуальной фиксации релевантных результатов наблюдений.

Общая методология осмотра материальной обстановки расследуемого события (места происшествия, участков местности, помещений и т.д.) непосредственно связана с возможностями интерпретации события через систему версий о механизме события.

При наличии интегральной версии (или системы версий) о механизме события, которые выдвигаются по наличным исходным фактическим данным и видимым следам события, осмотр превращается в метод их проверки, т.е. обнаружения следствий, вытекающих из соответствующих предположений. Функция интегральной следственной версии, в отличие от частных предположений следователя, раскрыта Г. В. Арцишевским¹.

Под интегральной версией понимается предположение следователя о характере и обстоятельствах расследуемого события, опирающееся на все установленные фактические данные и все их непротиворечиво объясняющее. Так, если существует версия о том, что пожар возник вследствие короткого замыкания в электропроводке, особенно тщательно исследуется состояние электропроводки и приборов, генерирующих и использующих электроэнергию, следы оплавления, обгорания и другие возможные следы этого явления.

Соответственно структуре версий в материальной обстановке выделяются информационные зоны («центр» и «узлы»), как места сосредоточения информации об обстоятельствах, подлежащих проверке посредством осмотра. В таких случаях наблюдение при осмотре носит выборочный характер.

Если версии о механизме события не могут быть предварительно построены в силу отсутствия исходных данных и видимых следов, наблюдение проводится по методике сплошного осмотра помещений или прочесывания местности для выявления любых релевантных явлений и следов (осмотр по часовой стрелке, по квадратам и т.п.).

В структуре действий по производству осмотра наиболее логично, по нашему мнению, выделить не две², а три основные стадии: ориентирующий, общий и детальный осмотр.

1. В ориентирующей стадии осмотра определяются границы осмотра, выясняется расположение места происшествия на окру-

¹ Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978. С. 3-45.

² См., напр.: Криминалистика. М., 1999. С. 395-406, где автор рассматривает в качестве основных ориентирующую (обзорную) и детальную стадии.

жающей местности или в системе других помещений, устанавливаются пути подходов и отходов с места происшествия. Здесь же производится ознакомление с информацией о расследуемом событии, полученной из различных источников. В этой же стадии решаются вопросы планирования осмотра, его организационно-технического обеспечения, взаимодействия участников и способы фиксации получаемой информации.

Наблюдение в ориентирующей стадии осуществляется путем обзора места из точки, позволяющей получить представление о расположении места происшествия на окружающей местности и составить план работы по производству осмотра.

2. В стадии общего осмотра наблюдение направлено на получение данных для построения и конкретизации интегральной версии о механизме расследуемого события.

С этой целью осматривающий осуществляет обход места и обследование наиболее информационных зон. При этом осуществляется видео-фонографическая, графическая протокольная и иная техническая фиксация обнаруженных данных.

3. Детальный осмотр характеризуется последовательным изучением всех обстоятельств происшествия и систематизацией сведений об этих обстоятельствах. Существенными для детального осмотра являются два признака. Первый состоит в исследовании конкретного информационного узла, т.е. систем данных о конкретных обстоятельствах события: времени, месте, орудиях преступления, способе действия преступника и других обстоятельствах события. При этом осматривающий сосредоточивает свое внимание на конкретном обстоятельстве и временно отвлекается от остальных. Так, для того чтобы определить место, откуда был произведен выстрел, осматривающий выявляет все поврежденные пулей преграды, исследует структуру пробойн, пулю и другие следы выстрела, производит визирование и расчеты, в результате которых может быть установлено направление, дистанция, а затем и место, откуда был произведен выстрел.

Вторым существенным признаком детального осмотра является его динамизм. В ходе детального осмотра объекты исследуются всесторонне. Это связано и их перемещениями, производством измерений, изготовлением слепков, изъятием образцов и другими изменениями окружающей среды.

Говоря о возможных изменениях, следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, внесению любых изменений в обстановку в рамках уже начавшегося расследования должна предшествовать тщательная фиксация первоначального ее состояния в ходе первичного осмотра. Во-вторых, такого рода необходимые изменения могут производиться только ответственным субъектом доказывания (следователем или другим лицом) и в особых случаях (с ведома следователя и по его поручению) - иными лицами: специалистами, экспертами, помощниками следователя и др.

Следует различать последовательность общего и детального осмотра. Направление и последовательность общего осмотра определяется по принципу «от центра» - наибольшего сосредоточения следов события очага пожара, взрыва, трупа, взломанного хранилища и т.п.) к «периферии», где видимых следов события меньше. Если имеются хорошо видимые и оставленные в определенной последовательности следы преступления, например дорожка следов в снегу, целесообразно осмотреть их в той последовательности, в которой они были оставлены, а затем прилегающие участки местности и помещений для обнаружения выброшенных преступником орудий сопутствующих предметов и следов.

В стадии детального осмотра производится изучение информационных узлов. Вначале рекомендуется исследовать информационный узел о предмете преступления. С этой целью изучаются те изменения, которые были внесены в материальную обстановку в процессе совершения преступления (повреждения, похищенные предметы и др.). Затем изучается информация об орудиях и средствах преступления, месте, времени его совершения, способе преступного действия и, наконец, о мотивах преступления и лицах, его совершивших. Такая последовательность диктуется тем, что ранее установленные обстоятельства сами могут быть источниками информации о других обстоятельствах. Так, время, место и способ совершения убийства содержит информацию о мотивах и лицах, его совершивших.

Версия и информационное моделирование являются универсальными инструментами исследования, однако на фазе исследования механизма расследуемого события они приобретают особое значение и нуждаются в дополнительном исследовании.

Наибольшее значение имеют информационные модели расследуемого события и его наиболее важных обстоятельств. Они

позволяют систематизировать всю относящуюся к делу информацию, получить о нем целостное представление, правильно определить пути и средства расследования.

Информационная модель должна отражать установленные по делу фактические данные и построенные на их основе предположения (версии) исследователя о содержании, характере и отдельных обстоятельствах исследуемого события. Каждый из этих компонентов является необходимым признаком модели. На момент формирования указанной модели эти компоненты должны быть стабильными.

Вместе с тем соотношение фактического и гипотетического компонентов информационной модели может существенно изменяться в процессе расследования. В начале расследования недостаток фактов вынуждает восполнять мысленную картину события дополнительными версиями. Окончание же расследования и передача дела в суд возможны только в том случае, когда все существенные обстоятельства дела точно, а не предположительно установлены следователем, т.е. по уголовному делу обнаружена объективная истина. То же следует сказать и о фазе принятия судебного решения по гражданскому делу.

В зависимости от того, какой (фактический или гипотетический) компонент информационной модели является исходным, различается индуктивный или дедуктивный путь познания. Если следователь, отправляясь от частных фактов, обнаруженных в ходе расследования, строит общую версию, объясняющую указанные факты и дающую целостную картину расследуемого события, налицо индуктивный путь расследования.

Так, при обнаружении на месте пожара следов керосина, пропитанных им тряпок, обгоревших бухгалтерских документов, нескольких очагов возникновения огня, а также данных о наличии перед пожаром крупной недостачи материальных ценностей следователь строит версию о поджоге с целью маскировки совершенного материально ответственными лицами хищения.

Если же следователь, отправляясь от общей версии расследуемого события, стремится обнаружить конкретные фактические данные, подтверждающие или опровергающие эту версию, налицо дедуктивный путь познания. Так, отправляясь от общего знания о практикуемых преступниками способов поджогов, следователь будет искать их следы путем осмотра места поджога, освидетель-

ствования тела и одежды подозреваемых, обыска их жилищ, пожарно-технической, материаловедческой и криминалистической экспертиз.

Практически при расследовании индуктивный путь накопления фактов и объяснения их причинной связи всегда сочетается с дедуктивными выводами о существенных признаках явлений, которые могут или должны быть обнаружены в действительности.

Важнейшая функция информационной модели расследуемого события состоит в прогнозировании доказательственной информации. Инструментом такого прогнозирования является наложение информационной модели механизма на материальную обстановку события: место происшествия, тело и одежду участвующих в нем лиц, используемые при этом орудия и средства преступления. Таким путем следователь определяет, где и какие следы преступления и преступников могут быть обнаружены и какие технические, тактические приемы и средства надо применить для их обнаружения.

К моменту прибытия следователя на место крупной кражи со взломом на базовом складе текстильных товаров прошел снег, покрывший все следы, оставленные во дворе склада. Сопоставляя время совершения кражи и данные о состоянии погоды, следователь пришел к выводу, что под снегом должны сохраниться следы ног и транспорта, которым пользовались, судя по количеству похищенного, преступники. Ночью, когда была совершена кража, была еще оттепель, затем подморозило и перед рассветом прошел снег. Следователь вызвал компрессорную установку, с помощью которой весь двор склада был быстро освобожден от снега. В следах въезда и разворота грузовой автомашины, а также в следах ног преступников, грузивших похищенные ткани, были отчетливо представлены содержание и последовательность действий в процессе совершения преступления. В дальнейшем по гипсовому слепку со следа протектора была идентифицирована автомашина.

Моделирование является эффективным методом дешифровки, прочтения содержащейся в следах информации. Взятый отдельно, в отрыве от общей структуры расследуемого события след или предмет мало что скажет исследователю. Для того чтобы заставить следы говорить, надо рассмотреть механизм их слеодообразования в структуре динамической модели расследуемого события. Этот

методический прием является наиболее эффективным средством прочтения (дешифровки) следов, а также выяснения обстоятельств, при которых они были оставлены.

На уровне исследования механизма расследуемого события проблема взаимодействия следственных и экспертных методов приобретает особую актуальность.

С одной стороны, очевидна необходимость самого широкого использования специальных знаний при расследовании взрывов, авиакатастроф, дорожно-транспортных происшествий, экологических преступлений и других событий, имеющих сложную природу и механизм развития. С другой стороны, организационная и процессуальная автономия экспертных и специальных научно-технических учреждений осложняет их эффективное взаимодействие со следственно-судебными органами. В результате следователь не видит перспектив и возможностей научно-технических исследований, а специалист и эксперт не владеют информацией об обстоятельствах события и вопросах, существенных для расследования. Ситуация осложняется и тем, что в принципе правильные положения о процессуальной самостоятельности эксперта приводили в теории и на практике к ошибочной тенденции. Она заключалась в том, что процессуальная автономия эксперта приводила к его фактической изоляции от познавательных процессов расследования и доказывания. Между тем эти субъекты исследования, осуществляя свою процессуальную деятельность в особых процессуальных формах, имеют общую познавательную и доказательственную цель - установление юридически значимых фактов.

В следственной и экспертной практике весьма часты случаи, когда экспертиза назначается без учета ее возможностей, а заключение эксперта дается без учета задач расследования. В итоге субъекты информационно-познавательного процесса говорят на разных языках, что разрушает логическую структуру доказывания.

В связи с этим проблема взаимодействия следственных и экспертных методов исследования механизма расследуемого события выдвигается на первый план, а в ряде случаев представляет главную организационно-тактическую проблему расследования.

Имеются в виду ситуации расследования, когда его содержание по существу сводится к координации деятельности многочисленных

экспертных комиссий, выясняющих детали механизма расследуемого события и дающих его целостную, общую характеристику.

Процессуальными формами такого взаимодействия являются:

1) межведомственные комиссии по расследованию особо сложных авиационных, дорожно-транспортных, экологических и других катастроф и событий;

2) привлечение специалистов к проведению процессуальных действий: осмотров, экспериментов, освидетельствований и др.;

3) производство экспертизы на месте происшествия и выполнение ситуалогических исследований.

С учетом использования указанных процессуальных форм остановимся на структуре информационного анализа механизма расследуемого события.

К числу существенных особенностей данного анализа относятся следующие:

1) предметом исследования является не отдельный фрагмент обстановки, а вся следовая картина;

2) задача исследования заключается в установлении природы, причины и других обстоятельств расследуемого события (взрыва, аварии и др.), т.е. относится к обстоятельствам предмета доказывания;

3) осуществляется комплексное исследование различных источников вещественной информации;

4) системный анализ и комплексное исследование материальной обстановки должны быть обеспечены системой оптимального взаимодействия всех участников следственного действия.

Принципы информационного взаимодействия следователя, специалиста и эксперта при исследовании механизма расследуемого события должны обеспечить:

а) безусловное соблюдение процессуального статуса специалиста и эксперта;

б) максимально полное ознакомление специалиста и эксперта с обстоятельствами события и конкретной следственной ситуации. Это необходимо для ориентирования указанных лиц при определении задач исследования, выборе объектов, выделении их информационных полей, определении технологических схем исследования;

в) максимальное ознакомление следователя с возможностями

научно-технических исследований конкретных вещественных источников, эффективностью альтернативных экспертных методик при обязательном учете перспективы развития следственной ситуации.

Любые данные, относящиеся к обстоятельствам расследуемого события, могут быть совместно использованы следователем и экспертом только для определения объектов и задач исследования, а также для совместной разработки версий и системных информационно-модельных моделей расследуемого события. Обоснование же экспертного вывода должно быть осуществлено на строго очерченном круге данных. К их числу относятся данные, полученные лично экспертом в процессе непосредственного исследования вещественных источников с применением специальных познаний.

Структура системного анализа механизма расследуемого события складывается из нескольких последовательных ступеней.

На *первой ступени* осуществляется построение интегральной версии расследуемого события на основе ознакомления с исходными данными и результатами ориентирующего и общего осмотра места происшествия. В случае участия специалиста в указанном процессуальном действии интегральная версия расследуемого события обычно является продуктом их коллективного творчества.

На *второй ступени* осуществляется аналитическое исследование следовой картины, задачей которого является выделение в обстановке предметов и следов, а также подлежащих анализу информационных полей в них. Инструментом такого анализа является рассмотрение конкретного предмета в структуре механизма события и вызвавших следы материальных взаимодействий.

На *третьей ступени* осуществляется обнаружение невидимых и слабовидимых следов. Техника обнаружения базируется на знании свойств взаимодействующих объектов, материального субстрата следа и физических эффектов их выявления. Так, например, для определения подлинности денежных знаков используется люминесцентный анализ, посредством которого выявляется наличие в составе бумаги денежного знака средств защиты-люминесцирующих волокон, невидимых при обычном освещении.

На *четвертом этапе* осуществляется структурный анализ информационной системы следоносителя и выделение в ней частных информационных полей: морфологического, субстанционального,

функционально-динамического. Так, при исследовании следа руки на поверхности стакана могут быть выделены признаки строения ладони и особенности папиллярных линий, потожировое вещество следа и способ захвата - держания стакана.

Исследование отдельного информационного поля (*пятая ступень* анализа) осуществляется с использованием современных экспертных технологий, разработанных применительно к анализу данного информационного поля или отдельного «среза» этого информационного поля. Так, например, при анализе субстанционального (материаловедческого) информационного поля может быть произведен изотопный, элементный, молекулярный, фракционный и структурный анализы. При этом используется тот арсенал инструментально-аналитической техники, который обеспечивает необходимую чувствительность и точность анализа, а также надежность выводов эксперта.

Если для решения экспертной задачи исследования одного информационного поля недостаточно, осуществляется анализ системы информационных полей и совокупная оценка полученной информации (*шестая ступень* анализа). Так, для определения последовательности выполнения подписи и оттиска печати требуется анализ красителей подписи и оттиска, структуры и механизма их наложения, пишущего прибора и печатной формы. В случае, когда анализ системы информационных полей требует привлечения специалистов нескольких специализаций, он может быть осуществлен в форме комплексной экспертизы.

Заключительная ступень исследования целостной системы механизма расследуемого события осуществляется на уровне синтеза - построения интегральной модели расследуемого события. Интегральная информационная модель, как инструмент исследования, позволяет дать интерпретацию объективной истины с позиций информационного моделирования.

Версионное мышление, с помощью которого недостающие элементы интегральной модели постепенно наполняются установленными фактическими данными, в конечном счете приводит к установлению всех элементов расследуемого события, многие из которых устанавливаются экспертным путем.

Характерным в этом отношении является пример из эксперт-

ной практики Российского федерального центра судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России.

В ходе обыска у подозреваемого по делу об уклонении от уплаты налогов в присутствии понятых были изъяты денежные купюры (600 долл.), которые были помещены в конверт, который после этого был заклеен. Конверт в запечатанном виде на протяжении четырех месяцев хранился в сейфе у следователя, в производстве которого находилось данное дело. В процессе дальнейшего расследования при вскрытии конверта было обнаружено, что в конверте вместо денежных купюр в долларах находятся купюры 10-рублевого достоинства. Возникла версия о хищении данной суммы следователем, ведущим дело. Для проверки этой версии была назначена экспертиза.

Перед экспертизой был поставлен вопрос: был ли конверт вскрыт после заклеивания и снова заклеен? Заключение эксперта было положительным. Да, конверт был вскрыт и снова заклеен. Экспертное исследование механизмов слеодообразования позволило раскрыть структуру и динамику развития преступной деятельности¹.

Таким образом, совместное участие следователя (субъекта доказывания), специалиста и эксперта в анализе механизма расследуемого события создает новые исследовательские возможности, обеспечивающие наиболее эффективное, системное и поэтапное исследование механизма расследуемого события.

5.3. Причинная и виновная связь как синтез интегративных связей события и содержание главного факта

Из числа интегративных связей, наиболее часто используемых для обоснования целостности, используются: пространственно-временная, субстанциональная, информационная, коммуникационная, причинная, виновная. Их анализу уже посвящен ряд специальных исследований как в общей теории права, так и системах

¹ Из практики РФЦСЭ при Минюсте России за 2000 г.

материального и процессуального права, криминалистике и судебной экспертизе¹.

Наибольшее значение из указанных форм связей имеет причинная, которая, помимо непосредственного обоснования целостности, входит в состав главного факта, подлежащего доказыванию по делу. В силу этого другие формы интегративных связей, имеющие самостоятельное значение при установлении отдельных доказательственных фактов, при исследовании причинности выступают как вспомогательные.

Установление и доказывание причинных связей представляет одну из важнейших, если не самую важную, задачу расследования и доказывания по уголовным и гражданским делам. Объясняется это, с одной стороны, сложностью структур причинности как предмета исследования, и с другой - значением установления причинных связей для правильного разрешения дела. Любые последствия преступных действий могут быть поставлены в вину обвиняемому лишь при доказанности их причинной связи с его действиями. Аналогичный принцип ответственности действует также в гражданском судопроизводстве.

Причинная и виновная связь представляет интегральный системообразующий элемент общей системы доказательств по уголовному и гражданскому делу (главный факт). При разрыве или выпадении любого звена интегральной причинной связи система доказательств перестает существовать как система со всеми процессуальными последствиями.

Доказательственное значение любого факта, исследуемого и доказываемого по судебному делу, определяется степенью его близости к главному факту, т.е. причинной и виновной связью конкретного лица с наступившими последствиями.

Формирование причинных связей в структуре событий, являющихся предметом предварительного и судебного следствия, под-

¹ *Аверьянова Т. В.* Концептуальные положения криминалистической методики // *Криминалистика*. М., 1999. С. 680-691; *Колдин В. Я., Крестовников О. А.* *Криминалистика*. М., 2007. С. 5-86; *Седова Т. А.* Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и состава: дис... д-ра юрид. наук. Л., 1987. С. 8-65; *Чурилов С. М.* *Криминалистическая методика. История и современность*. М., 2002. С. 28-36.

чиняется общим законам объективной действительности и исследуется общенаучными методами. Вместе с тем структура причинности, исследуемая в судопроизводстве, имеет ряд существенных особенностей и требует применения специальных средств исследования.

Под «причинностью» понимается генетическая связь между отдельными состояниями материи в процессе ее движения и развития. Возникновение любых объектов и систем и изменение их свойств во времени вызвано предшествующими состояниями материи. Эти состояния называют причинами, а вызванные ими изменения - следствиями. Сущностью причинности является порождение одного другим, производство причиной следствия, т.е. более или менее сложно протекающий процесс причинения.

Этим причинность принципиально отличается от других устойчивых связей явлений, их временных последовательностей, регуляроностей, сопутствований, корреляций и других форм связей.

Наиболее важной для судебного исследования особенностью действия причины является его связь с отображением, передачей информации. Такая передача обеспечивается переносом материальной, энергетической и информационной структуры сигнала от причины к следствию, в результате чего информационная структура причины отражается в структуре следствия. При этом весьма существенно для доказывания то обстоятельство, что структура причины воспроизводится в структуре следствия в *изоморфном* отображении. Исследуемые в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства весьма сложные цепи причинения являются каналами изоморфного, т.е. взаимнооднозначного преобразования и передачи информации. Изоморфизм отображения структуры причины в структуре следствия представляет научную основу установления причинных связей в процессе судебного исследования, осуществляемого по следам событий, являющихся предметом доказывания. Изоморфизм отображения важен также для понимания и оценки достоверности информации, полученной с применением научно-технических средств и приборов, использующих принцип преобразования базового информационного сигнала.

Сложность исследования причинности в условиях уголовного

и гражданского судопроизводства заключается в том, что релевантная в правовом отношении причинная связь должна быть выделена из всеобщей универсальной связи явлений объективной действительности.

При этом должны быть решены три задачи:

1) выделены релевантные в правовом отношении связи;

2) прослежена динамика причинения, т.е. восстановлена цепь причинности;

3) прослежено влияние на развитие причинности сопутствующих условий.

Для решения первой задачи в числе многочисленных явлений, предшествующих наступлению юридического факта-последствия (смерть, пожар, рождение и др.), выделяются только те, которые могли вызвать исследуемое явление. Инструментом такого решения является построение следственных, экспертных и судебных версий.

Метод построения версий, т.е. мысленного динамического моделирования изучаемого события, *детально разработан в криминалистике* и может быть использован для решения любых познавательных задач. В данный момент особо существенно требование этого метода о разработке всех (т.е. исчерпывающего перечня) объяснений исследуемого события, явления, факта.

Однозначное объяснение наблюдаемых последствий в процессе расследования возможно почти исключительно в тех случаях, когда исследователь *непосредственно* наблюдает порождение следствия причиной. Так, при осмотре трупа можно констатировать кровавое происхождение потеков на одежде потерпевшего в случае продолжающегося кровотечения из раны. Однако при задержании подозреваемого, который объясняет происхождение пятен на своей одежде носовым кровотечением, такой вывод будет неправомерным. Такие пятна могли возникнуть и вследствие множества других причин, в том числе от ран, нанесенных потерпевшему.

Учитывая возможность «множественности причин», которые могут породить одно и то же явление, исследователь должен составить их исчерпывающий перечень. При этом следует иметь в виду, что чем меньше информации об исследуемом факте, тем

большее число версий требуется для его объяснения. Даже при кажущейся очевидности причины принцип объективности исследования требует выдвижения контрверсии, допускающей возможность случайного совпадения, инсценировки, фальсификации улики. Не могут быть отброшены без проверки и маловероятные версии, одна из которых может оказаться единственно правильной.

В итоге исследователь получает «поле причин», проверка которых и составляет предмет следственного, экспертного и судебного исследований.

Динамические процессы причинения происходят в соответствии с объективными законами предметных областей, внутри которых действует причина: дорожно-транспортное или летное происшествие, взрыв самодельного устройства, техногенная катастрофа и т.д. Эти закономерности накладывают строгие ограничения на перечень возможных причин и позволяют отграничить причины, реально возможные, от абстрактно допустимых.

При решении второй задачи - исследования динамики причинения следует учитывать ситуационность действия и развития причинной связи, порождающей явление «множественности последствий».

Зажженная спичка может в одних условиях не зажечь отсыревшей сигареты, а в других - вызвать взрыв газовой смеси, приведшей к разрушению многоквартирного дома; одна и та же фраза может вызвать у одного собеседника ироническую усмешку, а у другого - аффективную реакцию, приведшую к убийству, и т.д.

В соответствии со сказанным прослеживание динамики причинения и цепи причинности должно осуществляться не абстрактно, а в конкретной ситуации, которая создается действиями определенного лица, механизмом расследуемого события и сопутствующими обстоятельствами.

Рассмотрим структуру причинности в действиях конкретного лица.

В структуре действий и поступков конкретного лица выделяют фазы внутреннего и внешнего действия. Установка, мотив, цель, программа - все эти элементы составляют необходимую предпосылку физических действий, порождающих изменения в

окружающей среде. С учетом данных современной нейро- и психофизиологии, а также исследований криминалистов по анализу механизмов преступной деятельности структура и динамика развития причинных связей в действиях конкретного лица может быть представлена следующей схемой:

Рис. 6. Структура и динамика развития причинных связей в действиях конкретного лица

Здесь М обозначает мотив, порождаемый установкой, - побудительная причина внутренних и внешних действий; А - акцептор действия - управляющий сигнал к исполнению программы действий; стрелками 1 и 2 показаны основные этапы развития действия причинения. Стрелкой 3 - факторы, влияющие на формирование внутренних и внешних действий: обстановка, действия других лиц, помехи, случайные факторы. Цифрой 4 обозначена сенсорная коррекция деятельности, осуществляемая по ходу ее выполнения в связи с обстоятельствами и условиями действия («обратная связь»). Она может привести к существенным изменениям цели и программы деятельности или полному отказу от нее (покушение, добровольный отказ и др.).

Приведенная схема предостерегает от упрощенных представлений о механизме развития причинной связи. Последствия, как исходный факт исследования, непосредственно порождаются внешними действиями субъекта причинения. Последние, в свою очередь, вызываются сложной системой внутренних действий и обусловлены многочисленными внешними условиями и обстоятельствами.

Выделение внутренней и внешней фаз развития действия как фаз развития причинной связи имеет существенное значение для анализа и решения особо сложных вопросов структуры причинности по уголовным и гражданским делам.

Целостная система деятельности, когда внешние действия субъекта полностью соответствуют программе, а результат - замыслу, представляет скорее исключение, чем правило. В реальной жизни сопутствующие условия, действия других лиц, обстановка существенно деформируют исходную модель деятельности субъекта. Поэтому ошибочным и недопустимым является подход к деятельности субъекта как элементарной структуре, не требующей анализа ее внутренней структуры и фаз развития причинности.

При этом должны быть поставлены и разрешены следующие вопросы.

1. Является ли внутренняя деятельность субъекта причиной его внешней деятельности, в какой мере они согласованы и адекватны?

С решением этих вопросов связаны многие проблемы правовой квалификации действий субъекта - проблемы вменяемости, действий в состоянии аффекта, алкогольного и наркотического опьянения, гипноза, зомбирования, религиозного фанатизма, а также проблемы покушения, добровольного отказа, исполнения (неисполнения) приказа и др.

2. Является ли внешняя деятельность субъекта причиной наступивших последствий? При этом следует различать случаи, когда действия субъекта являются непосредственной и посредствующей причиной, главной и сопутствующей причиной.

Выделение вышеуказанных фаз развития причинности существенно не только для полноты анализа обстоятельств дела, но и для выбора адекватных и наиболее эффективных методов исследования причинности и получения достоверных результатов. Так, при исследовании внутренних действий и состояний субъекта, помимо общих процессуальных действий, могут быть привлечены специальные познания из области судебной психологии и психиатрии. Они обеспечивают квалифицированный анализ процессов восприятия, запоминания, воспроизведения, принятия решений и поведения субъекта в необычных и экстремальных ситуациях.

Специалисты указанных отраслей знания могут выступать в качестве консультантов, участников процессуальных действий и экспертов. Они могут быть привлечены к производству комплексных экспертиз, если решение вопросов требует участия экспертов других специальностей.

Так, вопрос о возможности предотвращения водителем наезда на пешехода требует в ряде случаев оценки быстроты его реакции на сигнал опасности. В машинных алгоритмах решения этой задачи, используемых в экспертных учреждениях (программные комплексы «Автоэкс») заложена стандартная величина - 0,1 с. Однако у конкретного водителя она в силу возраста, болезни или других причин имеет существенные отклонения, могущие повлиять на конечный вывод экспертов.

Совершенно иной спектр специальных познаний используется при исследовании внешних действий субъекта причинения. Здесь речь идет об исследовании причинности, в которой действуют строгие физические законы и поэтому могут быть использованы соответствующие научно-технические методы: материаловедение, трасология, баллистика, взрывотехника, пожарная техника, автотехника и др.

Структура причинности в механизме исследуемого события

Важной задачей судебного исследования причинности является прослеживание влияния сопутствующих условий и факторов. Эта задача особенно актуальна в тех ситуациях, когда возникновение последствий имеет многофакторный характер и вызвано сложным сочетанием действующих причин и сопутствующих условий. Как правило, это последствия сложных событий, когда развитие причинной связи происходит не по программе действий конкретного субъекта причинения, а формируется в механизме многокомпонентного события. Чаще всего эти события имеют техногенную природу и происходят в результате сбоя в системе «человек - машина - среда»: это - дорожные и летные происшествя, техногенные аварии, обрушение зданий, мостов, перекрытий, несчастные случаи на производстве и т.п.

Существенная для расследования этих случаев система информационно-отражательных связей может быть показана в

форме «креста следов»¹ на примере дорожно-транспортного происшествия (рис. 7), где, взаимодействующими элементами будут водитель - автомобиль - потерпевший - дорога (среда).

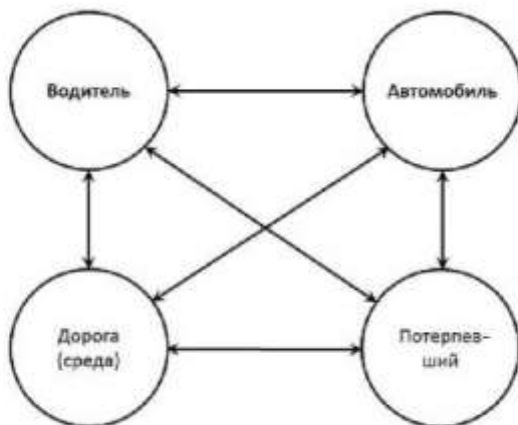

Рис. 7

Каждый из материальных элементов события может быть потенциальным источником и носителем информации о механизме события. Так, водитель оставляет следы на рулевом управлении и других внутренних и внешних частях автомобиля. В свою очередь, эти части могут оставить следы на теле и одежде водителя. Радиатор и бампер оставляют следы-повреждения на теле и одежде сбитого пешехода. В свою очередь, последние оставляют следы на контактировавших частях транспортного средства.

Особую сложность в ситуациях многостороннего взаимодействия представляет прослеживание динамики развития причинной связи и вычленение в ней цепи причинения. Эта задача решается на основе анализа внутренних и внешних действий субъекта причинения, а также определения его места в механизме события. Без такого анализа невозможно определить степень виновности и

¹ Поль К. Д. Естественна-научна криминалистика (Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) / пер. с нем. под ред. и со вступ. статьей В. Я. Колдина. М., 1986. С. 304.

определить индивидуальную ответственность участников события.

Рассмотрим случай авиакатастрофы, когда установлено, что ее причиной явился отказ двигателя. Последний мог произойти в силу неисправности механических частей, дефектов электропитания, некачественного топлива, случайного попадания в двигатель посторонних предметов. Каждую из этих непосредственных причин могли породить совершенно различные условия: отсутствие предполетной подготовки и тестирования готовности элементов двигателя, отсутствие контроля за качеством топлива, случайное попадание в турбину двигателя птиц и др.

Каждая из этих версий требует самостоятельной проверки соответствующими специалистами и комплексной проверки в общей системе собранных по делу фактических данных.

В качестве инструмента вычленения и анализа динамической цепи причинности в указанных ситуациях может быть рекомендовано определение главной, непосредственной и сопутствующих причин наступивших последствий и формирования предшествующей им опасной (аварийной) обстановки.

Наступлению вредных последствий обычно предшествует наступление в силу нарушения правил эксплуатации опасной обстановки, которая является необходимым условием наступления вредных последствий. Превышение сроков эксплуатации транспортных средств, коммуникаций и дорожных путей, работа на опасных участках без средств индивидуальной защиты, загазованность шахт и иных помещений создают условия, при которых наступление вредных последствий может произойти в силу самых различных, в том числе случайных, причин.

Причины, приведшие к созданию аварийной обстановки являются главными причинами (первопричинами), при отсутствии которых уголовно-релевантное событие не могло иметь места. Непосредственная причина действует только при наличии главной. Она представляет действия или бездействие субъекта, случайное явление или их комбинацию, которые инициировали развитие причинной связи и обусловили ее необратимость вплоть до наступления вредных последствий.

Динамика развития причинной связи в рассматриваемых ситуациях представлена на рис. 8.

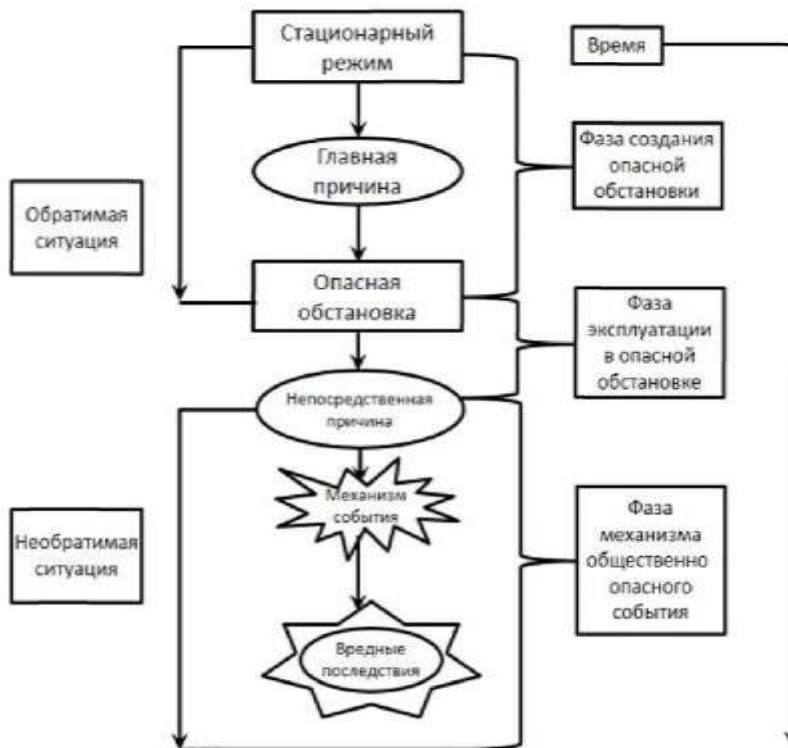

Рис. 8. Структура и динамика развития причинных связей в действиях конкретного лица

В сложных технологических циклах и эксплуатационных системах в их создании и эксплуатации принимает участие значительное число людей, функции которых и, соответственно, их роль в динамике развития причинности совершенно различны. При этом, например, конструктор системы не несет ответственности за ее эксплуатацию, эксплуатационная фирма - за конструктивные дефекты, а непосредственные участники события нередко не знают, что действуют в аварийной обстановке.

В связи с этим при судебном исследовании должны быть прослежены все фазы развития причинной связи и выявлены лица,

внутренняя и внешняя деятельность которых была причиной формирования соответствующих условий и причин.

Особую общественную опасность при эксплуатации технологических систем представляют действия лиц, приводящие к формированию опасной обстановки и санкционирующих эксплуатацию систем в аварийной обстановке.

Исследование цепи причинности в ряде случаев подменяется установлением необходимого и достаточного условия. При этом необходимое и достаточное условие называют причиной.

Анализ состава сложных причин, выделение в их числе главных и сопутствующих, прослеживание влияния на действие причины всякого рода приводящих факторов и обстоятельств действительно представляют содержание анализа причинности по судебному делу. Однако, имея в виду активность причины и необходимость установления причинной связи конкретных лиц с наступившими вредными последствиями, нельзя признать правильным смешение категорий причины и условия.

Действие причины наступает только при определенных условиях, которые, однако, сами не порождают последствий. В то же время всякое последствие всегда имеет свою непосредственную причину, делающую развитие причинной связи необратимым и приводящую к наступлению последствия. Любое условие такими свойствами не обладает.

Рассмотрим стадии и уровни исследования причинной связи.

Причинность относится к категории наиболее сложных связей объективной действительности, эффективное исследование которых требует специальной методологии, в частности выделения стадий и уровней исследования.

Причинность, как необходимость, пробивает себе дорогу через толпу случайностей и реализуется только при определенных условиях. Зерно или спора, упавшие в землю, произрастают и развиваются только при наличии совокупности благоприятных биологических условий: времени, места, температуры, состава грунта и др. При отсутствии любого из них зародыш может сотни лет находиться в анабиозе или погибнуть.

Развитие причинной связи, исследуемой по судебному делу, также подчиняется строгим объективным законам, позволяющим

проследить возможность реализации исходной программы развития причинности.

От существования к каузальности - таков общепринятый в науке путь исследования причинности. Он предполагает переход от простого к сложному, от исследования условий к исследованию динамики развития причинности.

Если на фазе исследования условий устанавливается отсутствие необходимого условия, может быть сделан отрицательный вывод о наличии причинной связи.

Проследим это принципиальное положение на примере пространственно-временных отношений.

В качестве эффективного инструмента анализа причинности может быть использована категория пространственно-временного континуума. Под пространственно-временным континуумом в данном случае понимается способность любого целостного материального объекта или системы на протяжении определенного отрезка времени занимать строго определенный объем пространства. Следствиями этого положения является утверждение о невозможности одновременного нахождения материального тела в различных местах, например, невозможность для лица X находиться в пункте А, если установлено, что оно находилось в это время в пункте Б (алиби); невозможность встречи физических лиц или транспортных средств в определенной точке на путях их передвижения, если в соответствии со скоростями их движения они должны находиться в разных точках, и т.п.

Эффективным методом исключения причинной связи является исследование временного отношения между предполагаемыми причиной и следствием.

Причина, как порождающее явление, всегда предшествует наступлению последствия. Если устанавливается, что явление А произошло позже (в любом интервале времени), чем явление Б, то первое никогда не может быть причиной второго.

Однако установление факта предшествования не означает установления причины, так как оно является только необходимым условием причинного отношения.

При расследовании дорожно-транспортного происшествия, в результате которого грузовая автомашина съехала в кювет и пере-

вернулась, а несколько пассажиров были смертельно травмированы, экспертом было установлено повреждение рулевого управления (поломка шарового пальца). Следовало установить, была ли эта поломка причиной аварии или сама была ее результатом. Причина могла быть в том, что водитель заснул за рулем и потерял управление. Установление времени и непосредственной причины поломки рулевого управления послужило основанием к установлению истинной причины аварии и виновности водителя.

Нередко причиной автопроисшествия является ослепление водителя светом включенных фар встречной автомашины. В этих случаях важно установить, были ли в момент столкновения включены фары дальнего света. Этот факт устанавливается экспертизой по характеру оплавления нитей лампочки поврежденной фары.

Поскольку передача материи от причины к следствию является существенным признаком причинения, важным методом причинного следования является анализ субстанциональных связей. Установление типовой, родовой или видовой однородности субстанциональных структур объектов означает установление условия или вероятности существования причинной связи между ними. При этом чем строже будет форма изоморфизма субстанциональных структур, тем ближе будет субстанциональная связь к причинной. Так, доказательственное значение следов крови на одежде обвиняемого будет существенно различаться при установлении факта наличия крови, ее видового происхождения, совпадения группы и типа крови с кровью потерпевшего и обнаружении индивидуального набора нуклеотидов в хромосомах указанных лиц (генетическое тождество).

В ряде ситуаций доказывания причинная связь считается установленной уже на стадии распознавания структуры вещества, имеющего специфическое действие. Так, обнаружение яда, наркотика, барбитуратов при биохимическом анализе трупного материала считается достаточным основанием для установления причин смерти. Обнаружение или необнаружение карбоксигемоглобина в крови лиц, погибших в огне, является основанием для вывода о том, был ли человек жив, находясь в огне, или сгорело тело уже мертвого человека.

Наиболее эффективным методом позитивного установления

причинности является анализ процесса отражения (следообразования) при контактном взаимодействии единичных материальных объектов.

10 сентября на площади Белорусского вокзала был совершен наезд на пешехода со смертельным исходом. Труп 65-летней гр. Максимовой был обнаружен на проезжей части дороги в 3 м от края пешеходного перехода через площадь и в 3 м от бордюра закругления дороги, представляющей съезд с Ленинградского шоссе на площадь Белорусского вокзала. В этом месте автомашины, идущие с большой скоростью по шоссе, делают правый поворот на площадь.

Автовладельцы, причастные к наезду, включившие тормозное управление и остановившие свои машины после падения женщины, отрицали свою причастность, ссылаясь на вину друг друга и утверждая, что в связи с поворотом дороги они не могли видеть внезапно вышедшую на переход старушку.

Максимова была одета в темно-коричневого цвета капроновый плащ. Он оказался распахнутым. Одна из вырванных пуговиц была найдена на дороге в 133 см от головы трупа к северо-западу. По заключению судебно-медицинского эксперта смерть потерпевшей наступила в результате остановки сердца в связи с тяжелой травмой позвоночника. В 120 см от головы трупа на север (по ходу движения транспорта) обнаружена хозяйственная полиэтиленовая сумка с 6 консервными банками весом по 0,5 кг.

При осмотре автомашины «Жигули» черного цвета, принадлежащей гр. Никонову И. Н. в области радиатора были обнаружены три вмятины серповидной формы размером 15,20 и 33 мм. Эта автомашина находилась в 15 мерах от пешеходного перехода, в 5 м от бордюра дороги и 4 м от головы трупа. Длина следа торможения - 180 см.

При осмотре второй автомашины «Жигули» серого цвета с опознавательными знаками такси, принадлежащей гр. Зорину В. П., на передней части кузова были обнаружены полосы трения темно-коричневого цвета шириной 15 и длиной 25 см. Автомашина Зорина находилась в 10 м от пешеходного перехода и 110 см от бордюра дороги, 215 см от головы трупа. Длина следа торможения - 210 см.

Анализ следовой картины с применением трасологических и

физико-технических методов позволил восстановить развитие причинной связи и место в механизме события всех участвующих объектов.

Вышедшая по пешеходному переходу на проезжую часть дороги, которая в этом месте имеет крутой съезд в сторону вокзала, Максимова была сбита двумя машинами. Вначале она получила удар по корпусу автомашиной водителя такси Зорина, а затем, уже будучи сбитой, она своей хозяйственной сумкой ударила по радиатору автомашины Никонова.

В отличие от пространственно-временных и субстанциональных связей, позволяющих, как правило, установить вероятность причинения последствий конкретным субъектом или достоверно исключить ее, использование данного метода обеспечивает достоверное установление непосредственной причины в форме действия конкретного материального объекта или лица.

Методика и техника таких исследований детально рассмотрены в теории идентификации¹.

Существенное методологическое значение имеет вопрос об уровнях исследования причинной связи.

Причинно-следственная цепь, подлежащая установлению по судебному делу, никогда не может быть установлена одномоментно. Даже в простейших случаях расследования так называемых самоочевидных преступлений и гражданских дел все звенья причинной связи подлежат тщательному исследованию и доказыванию, поскольку «самоочевидность» никогда не освобождает от проверки контрверсий, в каждой из которых возникновение и развитие причинности должны быть детально и поэтапно прослежены.

Имея в виду общую логическую последовательность анализа, необходимо выделить следующие уровни исследования.

1. Исследование общей модели причинности. Например: а) смерть А. наступила в результате огнестрельного ранения в голову, нанесенного посторонним лицом; б) смерть А. наступила в результате огнестрельного ранения головы, нанесенного собственной рукой (самоубийство).

¹ Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 85-130; Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970. С. 25-61.

2. Исследование наиболее существенных в правовом отношении звеньев (узлов) развития причинной связи. Например, установление, что направление раневого канала и дистанция выстрела исключают возможность нанесения огнестрельного повреждения собственной рукой.

3. Исследование элементарных (базовых) процессов отражения. Например идентификация пистолета, принадлежащего Б., по пуле, извлеченной из тела А.; идентификация Б. по следам пальцев на пистолете, обнаруженном при осмотре трупа.

Доказательственное значение приобретают зафиксированные в протоколе следственные действия или заключения экспертизы конкретные результаты исследования причинности, находящиеся на определенном уровне. При этом доказательственное значение этих результатов прямо связано с уровнем соответствующего исследования, полнотой охвата релевантной цепи причинности и достоверностью полученных выводов. Так, в результате исследования может быть установлено элементарное звено причинной связи, например механизм слеодообразования. Иное значение имеет установление пространственно-временного отрезка причинной связи, например продолжительности пребывания преступника на месте преступления или соединение отдельных отрезков причинности посредством идентификации взаимодействующих материальных объектов.

Восстановление целостной динамической цепи причинности, включая данные о связи конкретного лица с преступными последствиями, позволяет говорить об установлении существенного элемента главного факта.

Непосредственное практическое значение имеет рассмотрение *методов исследования причинной связи*.

Для установления причинных связей привлекается весь арсенал общенаучных, научно-практических и специальных судебных методов исследования.

Наибольшее значение имеют индуктивные методы исследования, идущие от наблюдения единичных явлений к формированию общей гипотезы (версии) и модели исследуемого события. Важно подчеркнуть при этом, что интегральным элементом такой версии и модели является причинная связь.

При анализе причинности индукция неразрывно связана с дедукцией. Дедуктивные познавательные приемы эффективно используются для решения практических познавательных задач.

Так, в случае, когда в большой посылке силлогизма может быть сформулирован исчерпывающий перечень возможных причин, истинная причина может быть установлена методом исключения, имеющим ряд существенных научно-практических достоинств.

В числе научно-практических методов наиболее распространенным и эффективным является следственный, судебный и экспертный эксперимент.

Широко используются также специальные судебные методы исследования причинности, в числе которых требует отдельного рассмотрения судебная идентификация, тесно связанная с методами судебной экспертизы.

Исходным и наиболее важным методом исследования причинности в системе расследования являются версия и информационное моделирование

В системном анализе особое значение для целей исследования причинных связей имеет понятие *интегральной следственной версии и модели события*, опирающихся на все установленные фактические данные и все их непротиворечиво объясняющие¹.

Интегральная версия представляет познавательную стратегию исследовательского процесса, интегральная модель - логическую основу систематизации фактических данных, на которых основываются частные версии исследователя и его процессуальные и тактические решения.

Общая структура исследовательского процесса при использовании версионного метода складывается из семи стадий.

1. *Общая ориентировка в ситуации.*
2. *Исследование видимых следов-последствий.*
3. *Формирование мысленной модели развития причинности.*
4. *Выведение логических следствий возможного действия причины.*
5. *Обнаружение реальных последствий действия причины, в*

¹ См.: Арцишевский Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. М.: Юрид. лит., 1978. С. 16, 28.

том числе в виде намеренно скрытых и невидимых следов.

6. Корректировка модели в соответствии с вновь выявленными фактическими данными и очередной цикл проверки ее действия.

7. Формирование конечного вывода о причине и динамике ее действия.

Важнейшим достоинством версионного метода является его гибкость и возможность осуществлять исследование с любой степенью детализации, сохраняя видение общей картины события, а также возможность применять любые логические и технические методы в рамках целостной стратегии исследования.

Такая гибкость достигается посредством цикличности исследовательского процесса, развивающегося по спирали: от наблюдения последствий к построению модели действующей причины. Затем мысленно прослеживается ее действие в реальной обстановке события и осуществляется корректировка модели и новый цикл исследования.

Так, при расследовании обстоятельств гибели рабочего Норильской ТЭЦ Пятигорова проверялись показания Попова, работавшего с Пятигоровым в ночной смене. Согласно этим показаниям Пятигоров был в нетрезвом состоянии и, упав на грудь металлолома, получил смертельное повреждение грудной клетки. Осмотр места происшествия, производившийся с участием врача местной поликлиники, не выявил каких-либо дополнительных и противоречащих фактов.

На стадии передачи дела в суд по требованию прокурора было произведено судебно-баллистическое исследование рабочей спецодежды, в которой был одет потерпевший в момент происшествия. В результате экспертизы в области грудного кармана были обнаружены следы пороховой копоти и внедрившиеся порошинки. Эксперты дали заключение о выстреле с близкого расстояния с применением патронов, снаряженных дымным порохом. Эти данные заставили пересмотреть интегральную версию, модель и план расследования. Были проведены дополнительные следственные действия и эксгумация трупа. Из тела потерпевшего была извлечена круглая свинцовая пуля, а при обыске у Попова было обнаружено охотничье ружье.

Классическим общенаучным методом исследования причинности является *эксперимент*.

Версии и информационные модели при исследовании причинной связи не без основания называют мысленным экспериментом. В процессе версионной деятельности на пятой ее стадии может быть произведен реальный эксперимент для проверки правильности и корректировки мысленной модели.

Эксперимент может быть проведен в форме следственного или судебного действия, или судебной экспертизы. Согласно процессуальному закону эксперимент осуществляется путем «воспроизведения действий, обстановки и иных обстоятельств» исследуемого события для определения, могли ли они произойти при данных условиях (ст. 183 УПК РФ).

Как метод исследования эксперимент представляет собой средство анализа механизма и динамики действия той или иной причины при определенных заданных условиях. Условия опыта задаются обстоятельствами проверяемого события, составляющими содержание его интегральной модели. Если в проверяемых версиях условия и обстоятельства события имеют различные варианты, то опыты проводятся в соответствующих различных условиях, но с максимальным приближением к проверяемой модели.

Традиционная логика и научная практика используют следующие индуктивные методы установления причинности.

А. Метод единственного сходства, когда вывод о причине делается на основе совпадения в различных случаях наступления исследуемого явления одного и того же обстоятельства.

Так, вывод о причинах острого заболевания различных лиц, поступивших в больницы города, может быть сделан на основе того, что все они накануне заболевания использовали в пищу грибы, собранные в окрестных лесах. Вывод по методу единственного сходства основан на наблюдении и позволяет сделать только вероятные заключения.

Б. Метод единственного различия основан на сопоставлении случаев, все обстоятельства которых совпадают, кроме одного проверяемого обстоятельства, которое и предполагается причиной.

Поскольку подбор случаев, совпадающих во всех обстоятельствах, и искусственное введение проверяемых факторов возможны

только в условиях опыта, метод единственного различия является чисто экспериментальным.

Основная масса судебных экспериментов проводится по методу единственного различия. Таким путем проверяются показания свидетелей о видимости и слышимости, способность обвиняемых и свидетелей выполнить определенные действия в конкретных условиях, возможность наступления тех или иных результатов в определенных условиях технологических процессов и т.п.

Положительный результат эксперимента подтверждает возможность проверяемой причины, отрицательный - исключает такую возможность.

Широко применяется этот метод в экспертном эксперименте. Так, при получении экспериментальных образцов для сравнительного исследования соблюдаются принципы максимального соответствия всех условий получения образцов условиям механизма слеодообразования в вещественных доказательствах. При идеальном соблюдении этого принципа все различия, выявленные в процессе сравнительного исследования, должны быть оценены как различия свойств сравниваемых объектов.

Основная трудность использования рассматриваемого метода заключается в невозможности полного воссоздания условий проверяемого события и оценке неизбежных погрешностей опытов.

В. Метод сопутствующих изменений основан на следующем положении. Если всякий раз за определенными изменениями одного явления следуют определенные изменения другого явления, то первое явление является причиной или частью причины второго явления.

Метод сопутствующих изменений широко используется в научных исследованиях, технике и экспертизе. Так, отклонение стрелки экспонометра будет тем больше, чем больше сила света, падающего на фотоэлемент и вызываемой им силы тока; плотность почернений светочувствительного слоя фотоэмульсии будет тем больше, чем больше экспозиция; интенсивность спектральной линии будет тем больше, чем выше концентрация элемента в исследуемой пробе; возможность распознавания деталей в строении наблюдаемого свидетелем объекта или лица будет тем меньше, чем больше его расстояние от наблюдателя, и т.д.

Г. Метод остатков используется при исследовании сложных,

многоэлементных причин. Если из сложного явления вычтеть ту его часть, которая есть следствие одного обстоятельства, то остаток этого явления должен быть следствием остальных обстоятельств.

Сотрудник правоохранительных органов подозревался в убийстве, совершенном с целью ограбления. На месте преступления были найдены две гильзы от пистолета системы Маузера. В служебном пользовании подозреваемого находилось два пистолета систем Вальтера и Маузера. Пистолет системы Вальтера исключался по калибру, типу патрона и устройству патронника. Пистолет системы Маузера оказался непригодным к стрельбе. Однако при исследовании причины его неисправности экспертами был обнаружен свежий подпил бойка ударника, делавший невозможной экспериментальную стрельбу. В ходе эксперимента была произведена замена ударника, сделавшая возможным получение экспериментальных гильз. Проверяемый пистолет был идентифицирован и без использования следов ударника по отпечаткам патронного упора на доньшке гильзы¹.

Весьма актуальными представляются проблемы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании причинной связи следователем и судом. Они непосредственно связаны с проблемой взаимодействия следователя (суда) с экспертом и специалистом в проблемных ситуациях расследования, требующих применения специальных познаний. Эти ситуации получили название следственно-экспертных.

Под следственно (судебно)-экспертной ситуацией понимается проблемная ситуация судебного исследования, требующая для своего разрешения привлечения специалистов. Процессуальной формой такого привлечения является назначение экспертизы (ст. 57, 195-207, 269, 282, 283 УПК РФ) или привлечение специалистов для участия в процессуальных действиях (ст. 58, 168, 270 УПК РФ).

Случаи обязательного назначения экспертизы для установления причинной связи определены в законе весьма узко и не соот-

¹ Приводится по архивным материалам экспертно-криминалистической службы Албании.

ветствуют фактической необходимости использования специальных знаний для этих целей. В соответствии со ст. 196 УПК РФ назначение экспертизы обязательно только для установления причины смерти. В остальных случаях вопрос о необходимости и форме использования специальных познаний для установления причины решает следователь и суд.

В этих случаях следователь и суд должны принять решения:

- а) о форме привлечения специальных познаний (участие специалиста в процессуальном действии, консультация, экспертиза);
- б) о круге вопросов, которые следует поставить перед специалистами, и их формулировке;
- в) об уровнях и объеме исследования причинной связи с участием специалистов;
- г) о профиле, квалификации, опыте, наличии лабораторной базы и других необходимых качествах привлекаемых специалистов.

Решение этих задач зависит от исходных фактических данных об исследуемом событии, предмета доказывания и необходимости специальных познаний для выяснения существенных для дела обстоятельств.

Применительно к исследованию причинных связей существенно различать два критерия классификации следственно-экспертных ситуаций:

- 1) по природе ситуаций:
 - а) антропогенные и техногенные;
2. по направлению логического следования:
 - а) от следствия к причине; б) от причины к следствию.

Под антропогенными понимаются ситуации расследуемого события, когда причинная связь развивается в русле деятельности конкретного лица или группы лиц в соответствии с его замыслом (программой деятельности) и закономерностями данного вида деятельности человека: бытовая, производственная, профессиональная, преступная и т.п.). В основе анализа причинной связи в этих случаях лежит системно-деятельностный подход.

Развитие причинной связи в структуре человеческой деятельности было рассмотрено выше. Особую сложность вызывают ситуации исследования причинности на фазе внутренней психической и интеллектуальной деятельности и ее влияния на внешнюю

деятельность и преступный результат.

Методы психологического тестирования, экспериментальной психологии, нейропсихологии и психиатрии, а также привлечение экспертов по конкретным видам профессиональной деятельности помогают найти правильные решения, опирающиеся на закономерности психических и интеллектуальных процессов, действующих в конкретных ситуациях. Например, могли свидетель с данными характеристиками зрения и состояния здоровья наблюдать и воспроизвести детали механизма дорожно-транспортного происшествия в обстановке данного конкретного случая.

Под техногенными понимаются ситуации, развитие причинной связи в которых осуществляется в соответствии с закономерностями событий, имеющих техногенную природу. При этом деятельность конкретного лица или группы лиц формируют главную или непосредственную причину события и составляют элемент его объективной стороны.

Общая характеристика этого типа событий и структура развития причинной связи в них рассмотрены выше.

Анализ причинной связи по этой категории судебных дел представляет основное содержание расследования и доказывания по делу. Он осуществляется в контексте исследования механизма расследуемого события в целом. Его задача заключается в том, чтобы проследить развитие причинной связи на всем ее протяжении, а также исследовать все возможные в данных условиях варианты ее развития. Другая особенность рассматриваемого анализа состоит в том, что решение большей части его задач требует привлечения специальных познаний.

Ведомственные нормативные акты предусматривают создание специальных комиссий для участия в расследовании авиационных железнодорожных, экологических катастроф и чрезвычайных происшествий.

Во всех случаях исследования причинной связи в техногенных ситуациях должны быть выяснены следующие обстоятельства.

1. Когда был нарушен стационарный режим эксплуатации технической системы.

2. В чем состоит причина создания опасной (аварийной) ситуации. Кто по условиям эксплуатации несет ответственность за появление элементов опасной обстановки.

3. Каков фактический состав опасной ситуации, какие элементы ее являются основными и какие являются сопутствующими условиями.

4. Каков период эксплуатации системы в опасной обстановке.

5. Имелась ли фактическая возможность устранения причин появления опасной обстановки (ее основных и сопутствующих условий).

6. Принимались ли меры к устранению указанных условий.

7. Какова непосредственная причина события.

8. Каков механизм события и развития причинной связи с момента начала действия непосредственной причины до момента наступления вредных последствий.

9. Каковы материальные последствия события и сумма материального ущерба, нанесенного событием.

10. Могли ли лица, ответственные за режим эксплуатации и безопасности предвидеть наступление непосредственной причины события, характер и объем нанесенного ущерба.

Под ситуациями перспективного логического следования имеются в виду исследовательские ситуации, в которых мысль движется от известной причины к неизвестному (либо предполагаемому) следствию.

Под ситуациями ретроспективного логического следования имеются в виду исследовательские ситуации, в которых мысль движется от известного (либо предполагаемого) следствия к известной (либо предполагаемой) причине. Внутри этих ситуаций существенное значение имеет разграничение случаев, когда в исходных данных имеется неограниченный или строго ограниченный набор возможных причин (следствий). Они различаются возможностями использования метода исключения и возможностями достоверного установления искомой причины следствия.

Если перечень возможных событий является строго ограниченным, то достоверное установление искомой причины (следствия) осуществляется методом исключения логическим путем по формуле «Если А есть В или С или Д и А не есть В и С, то А есть Д».

При этом если большая и малая посылки силлогизма достоверно установлены, т.е. достоверно установлен исчерпывающий

перечень возможных событий и исключение произведено правильно, конечный вывод будет достоверным. Так, в геотектонике известен строго ограниченный перечень причин, вызывающих колебания земной коры. Если по интенсивности колебаний и их волновой природе будут исключены все известные (тектонические колебания: промышленные взрывы, взрывы военного происхождения и др.), кроме одного, то возможно достоверное установление ядерного взрыва.

Метод исключения является одним из продуктивных и наиболее часто используемых методов анализа причинных связей. Объясняется это простотой и эффективностью метода.

Установление отсутствия любого необходимого условия является достаточным основанием для исключения. Так, установление несовместимости явлений в пространстве (например алиби), несовместимости во времени (например невозможность наступления причины после появления последствия), отсутствие энергетического потенциала (например напряжения в сети, как причины короткого замыкания) и т.п. являются достаточными основаниями для исключения соответствующих причин события. При этом исключаящие обстоятельства могут быть установлены как обычными процессуальными действиями, так и экспертизой.

Любая форма установления невозможности наступления исследуемого события в реальном эксперименте является основанием для его исключения из числа возможных причин.

Весьма эффективен и прием исключения в процессе мысленного эксперимента и версионного моделирования исследуемого события. Обычно этот прием предшествует производству реального эксперимента. Однако в тех случаях, когда воспроизведение условий проверяемого события невозможно физически или по иным (морально-этическим, правовым и т.п.) основаниям, мысленный эксперимент может использоваться как самостоятельный метод.

Применение метода мысленного эксперимента складывается из следующих операций¹.

А. Выделение явлений, обстоятельств, причинная связь

¹ Приводятся по: *Соколовский З. М.* Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970. С. 19-46.

между которыми подлежит проверке.

Б. Установление наличия необходимых условий существования причинной связи (пространственно-временных, энергетических и др.).

В. Построение версии о естественной закономерности, которая могла породить причинную связь между рассматриваемыми явлениями.

Г. Мысленное исключение предполагаемой причины.

Д. Определение, сохраняет ли силу исследуемая закономерность в отсутствие исключенной причины.

Е. Формирование вывода о причинной связи.

Если последствия возникли бы и в отсутствие предполагаемой причины, то она может быть исключена из числа возможных причин.

Мысленный эксперимент может сочетаться с производством расчетов, их автоматизацией, кибернетическим моделированием. Эти приемы помогают вычлениить элементы сложной причины, проследить интенсивность их действия, выяснить роль необходимых условий, т.е. произвести анализ сложной причины.

Так, в условиях дорожного движения выезд на встречную полосу при обгоне сам по себе не является нарушением. Однако на поворотах, узких трассах, при близко идущем встречном транспорте он почти неизбежно приводит к столкновению транспортных средств. Вопрос о том, существовала ли у участников движения в конкретных условиях возможность маневра с целью избежать столкновения, может быть решен посредством динамического кибернетического моделирования параметров дорожно-транспортной ситуации.

Следует подчеркнуть, что метод мысленного исключения может быть использован следователем и судом только в достаточно простых ситуациях, когда вычленение релевантной причинности и ее отделение от ансамбля сопутствующих взаимозависимостей не требует специального экспертного анализа.

При оценке фактических данных о наличии или отсутствии причинной связи по уголовному или гражданскому делу необходимо учитывать следующие положения:

А. Индуктивные методы в чистом виде не могут обеспечить

получение положительных достоверных выводов о причине исследуемого явления. Это относится к результатам мысленного моделирования и реального эксперимента, в том числе в форме экспертизы.

Б. Индукция может обеспечить только достоверное исключение предполагаемой причины при надлежащей чистоте эксперимента.

В. Положительное доказывание причинной связи возможно с привлечением дедуктивных методов. Так, положительное доказывание причинной связи возможно посредством последовательного исключения возможных причин при условии достоверно исчерпывающего определения их перечня.

Г. Достоверно положительное доказывание причинной связи достигается путем идентификации материального объекта причинения по следам причинения.

Д. Идентификация может использоваться также для достоверного соединения фрагментов цепи причинной связи, в том числе субъекта, орудия, предмета и места преступной деятельности.

Е. В остальных случаях положительное доказывание причинной связи требует исследования необходимых условий и непосредственных причин, прослеживания динамической структуры причинения с применением всех процессуальных средств доказывания, формированием и оценкой соответствующей системы доказательств.

Выводы

1. Выделение анализа системы расследуемого события в самостоятельный предмет, стадию и уровень фактологического анализа обусловлено возможностями получения на этом уровне информации, недоступной при анализе на других уровнях.

2. В основе методологии системного анализа материальной обстановки расследуемого события лежит идея целостности, рассматривающая событие, материальную обстановку и процесс расследования как целостную систему передачи, хранения и исследования информации.

3. Расследуемое событие как система складывается из двух

взаимосвязанных самостоятельных подсистем: системы деятельности субъекта преступления и системы механизма расследуемого события, требующих применения различной методики и технологии анализа.

4. Для обозначения выделенной в составе материальной обстановки общей совокупности источников релевантной информации используется термин «следовая картина расследуемого события», отражающий интегративные свойства обстановки, механизма события и преступной деятельности как целостных объектов.

5. К числу существенных особенностей системного анализа материальной обстановки относятся следующие:

а) предметом исследования является не отдельный фрагмент обстановки, а обстановка в целом и выделенная в ней вся следовая картина;

б) задача исследования заключается в установлении механизма (природы, причины и других обстоятельств расследуемого события: взрыва, аварии и др.), т.е. относится к обстоятельствам предмета доказывания;

в) осуществляется комплексное исследование различных источников вещественной информации.

6. К числу основных методов исследования относятся: наблюдение, версия и информационное моделирование, эксперимент и экспертиза.

7. Под интегральной версией понимается предположение следователя о характере и обстоятельствах расследуемого события, опирающееся на все установленные фактические данные и всё их непротиворечиво объясняющее.

8. На уровне исследования механизма расследуемого события проблема взаимодействия следственных и экспертных методов приобретает особую актуальность.

Процессуальными формами такого взаимодействия являются:

а) межведомственные комиссии по расследованию особо сложных авиационных, дорожно-транспортных, экологических и других катастроф и событий;

б) привлечение специалистов к проведению процессуальных действий: осмотров, экспериментов, освидетельствований и др.;

в) производство экспертизы на месте происшествия и выполнение ситуалогических исследований.

9. Структура системного анализа механизма расследуемого события складывается из нескольких последовательных ступеней:

— на *первой ступени* осуществляется построение интегральной версии расследуемого события;

— на *второй ступени* осуществляется аналитическое исследование следовой картины;

— на *третьей ступени* осуществляется обнаружение невидимых и слабовидимых следов;

— на *четвертом этапе* осуществляется структурный анализ информационной системы следоносителя и выделение в ней частных информационных полей;

— исследование отдельного информационного поля (*пятая ступень* анализа);

— если для решения экспертной задачи исследования одного информационного поля недостаточно, осуществляется анализ системы информационных полей и совокупная оценка полученной информации (*шестая ступень* анализа);

— *заключительная ступень* исследования целостной системы механизма расследуемого события осуществляется на уровне синтеза - построения интегральной модели расследуемого события.

10. К числу интегративных связей, наиболее часто используемых в системном анализе события, относятся: пространственно-временная, субстанциональная, информационная, коммуникационная, причинная, виновная.

11. Причинная и виновная связи представляют синтез интегративных связей события и содержание главного факта. При разрыве или выпадении любого звена интегральной причинной связи система доказательств перестает существовать как система со всеми процессуальными последствиями.

12. Исследуемые в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства цепи причинения являются каналами изоморфного, т.е. взаимнооднозначного преобразования и передачи информации, что представляет научную основу достоверного установления причинных связей в процессе судебного исследования. При этом должны быть решены три задачи:

а) выделены релевантные в правовом отношении связи;

б) прослежена динамика причинения, т.е. восстановлена цепь причинности;

в) прослежено влияние на развитие причинности сопутствующих условий.

13. При анализе структуры причинности в действиях и поступках конкретного лица выделяют фазы внутреннего и внешнего действия.

При этом устанавливается:

а) является ли внутренняя деятельность субъекта причиной его внешней деятельности, в какой мере они согласованы и адекватны;

б) является ли внешняя деятельность субъекта причиной наступивших последствий.

14. Анализ структуры причинности в механизме исследуемого события базируется на внутренних закономерностях типовых механизмов событий (взрыв, пожар, авиакатастрофа, смерч и др.).

15. Анализ состава сложных причин, выделение в их числе главных и сопутствующих, прослеживание влияния на действие причины всякого рода приводящих факторов и обстоятельств в динамике события представляют основное содержание анализа причинности по судебному делу.

Если на фазе исследования условий устанавливается отсутствие необходимого условия, может быть сделан отрицательный вывод о наличии причинной связи.

Если устанавливается, что явление А произошло позже (в любом интервале времени), чем явление Б, то первое никогда не может быть причиной второго.

Однако установление факта предшествования не означает установления причины, так как оно может быть и необходимым условием причинного отношения.

16. Наиболее эффективным методом позитивного установления причинности является анализ процесса отражения (слепообразования) при контактном взаимодействии единичных материальных объектов.

17. Имея в виду общую логическую последовательность анализа, необходимо выделить следующие уровни исследования:

а) исследование общей модели причинности;

б) исследование наиболее существенных в правовом отношении звеньев (узлов) развития причинной связи.

18. В системном анализе события особое значение для целей исследования причинных связей имеет понятие *интегральной следственной версии* и *модели события*, опирающихся на все установленные фактические данные и все их непротиворечиво объясняющие.

19. Общая структура исследовательского процесса при использовании версионного метода складывается из семи стадий:

- а) общая ориентировка в ситуации;
- б) исследование видимых следов-последствий;
- в) формирование мысленной модели развития причинности;
- г) выведение логических следствий возможного действия причины;
- д) обнаружение реальных последствий действия причины, в том числе в виде намеренно скрытых и невидимых следов;
- е) корректировки модели в соответствии с вновь выявленными фактическими данными и очередного цикла проверки ее действия;
- ж) формирования конечного вывода о причине и динамике ее действия.

20. Классическим общенаучным методом исследования причинности является эксперимент.

21. Весьма актуальными представляются проблемы взаимодействия следователя (суда) с экспертом и специалистом в следственно-экспертных ситуациях, требующих применения специальных познаний. В этих случаях следователь и суд должны принять решения:

- а) о форме привлечения специальных познаний (участие специалиста в процессуальном действии, консультация, экспертиза);
- б) о круге вопросов, которые следует поставить перед специалистами, и их формулировке;
- в) об уровнях и объеме исследования причинной связи с участием специалистов;
- г) о профиле, квалификации, опыте, наличии лабораторной базы и других необходимых качествах привлекаемых специалистов.

22. Методика системного анализа существенно различается

при анализе ситуаций:

а) антропогенных и техногенных;

б) от следствия к причине; от причины к следствию.

23. При оценке фактических данных о наличии или отсутствии причинной связи по уголовному или гражданскому делу необходимо учитывать следующие положения:

а) индуктивные методы в чистом виде не могут обеспечить получение положительных достоверных выводов о причине исследуемого явления;

б) индукция может обеспечить только достоверное исключение предполагаемой причины при надлежащей чистоте эксперимента;

в) положительное доказывание причинной связи возможно только с привлечением дедуктивных методов посредством формирования и оценки соответствующей системы доказательств.

Глава 6 ПРИНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ

6.1. Принятие правового решения как особая форма и стадия правоприменительной деятельности

В структуре правоприменительной деятельности принятие решения, как волевой акт, представляет доминанту, определяющую эффективность всей системы данной деятельности, а следовательно, и эффективность всей системы права.

Весьма парадоксальным в связи с этим представляется почти полное отсутствие фундаментальных научных работ, специально посвященных данной проблеме.

Базовые отрасли правовой науки с позиций своего предмета разрабатывают отдельные аспекты данной проблемы. Так, теория права рассматривает общие формы и принципы реализации права, материальное право исследует идеальную модель правоотношения и проблему квалификации, процессуальное право анализирует принципы и нормативную структуру следственных и судебных действий и доказательственных процедур¹. В теории процессуаль-

¹ Значительный интерес к разработке проблем принятия решений на уровне кандидатских диссертаций по отдельным отраслям права наметился за последнее десятилетие (см., напр.: *Кузьмин Г. А.* Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе: досудебные стадии. М., 2002; *Казанков С. П.* Правовая природа решений органов конституционного контроля и надзора: теоретический аспект. Ярославль, 2006; *Зеленое Р. Ю.* Правовые основы процесса принятия решений в системе институтов Европейского Союза. М., 2005; *Рак И. П.* Методика подготовки специалиста юридического профиля к принятию решений в условиях современной информационно-правовой среды. Тамбов, 2004; *Литвинов В. Н.* Принятие решений в задачах правового характера на основе статистического анализа. М., 2001, и ряд других).

ного права и теории доказательств проблема обоснования правового решения обычно сводится к принципам оценки доказательств, их относимости, допустимости, достаточности. Эти разработки, однако, не могут служить достаточной теоретико-методологической основой для комплексного решения данной проблемы.

К числу недостатков теоретико-методологической разработки рассматриваемой проблемы относятся.

1. Отсутствие методологического анализа механизма обоснования и принятия правового решения как самостоятельной задачи и технологии правоприменительной деятельности (проблема аутентификации правовой и фактологической модели правоотношения, проблема верификации оснований решения, гносеологический и психологический анализ акта принятия решения и др.).

2. Подмена информационно-содержательного анализа формально-процедурным подходом, обострившаяся в связи с исключением принципа истины из числа указанных в законе принципов процесса.

Если рассматривать в качестве основной задачи методологии правоприменительной деятельности ее оптимизацию с целью принятия процессуально-правовых решений, то в качестве базовых элементов такой деятельности следует выделить правовое регулирование и информационное наполнение как форму и содержание такой деятельности.

Поскольку правовое регулирование и информационное наполнение образуют форму и содержание правоприменительной деятельности, они должны рассматриваться в неразрывном диалектическом единстве как стороны единой по своим целям и методам осуществления деятельности.

Методологическая недостаточность научного анализа структуры правоприменения и принятия правовых решений проявляется в отсутствии определения их задач, видов, уровней, оснований, т.е. главных инструментов формирования современных технологий этой деятельности.

Так, взаимосвязанные задачи правоприменения: задачи установления фактов (криминалистика), задачи доказывания (доказательственное право, процессуальное право), задачи квалификации (материальное право), взятые вне системы правоприменения и

принятия решений и рассмотренные в различных науках, - не могут обеспечить разработки целостной системы принятия правовых решений.

Следует признать поэтому, что формирование такой системы и разработка эффективных механизмов принятия правовых решений представляют самостоятельную актуальную междисциплинарную проблему юридической науки. Такую разработку, как нам представляется, следует вести в рамках создания теории принятия правовых решений как методологической основы правоприменительной деятельности.

В монографической и учебной литературе принятие правового решения почти исключительно сводится к процедуре вынесения приговора. Между тем правовые решения, как действия, порождающие юридические факты, принимаются всеми участниками процесса и не только в завершающей стадии вынесения приговора или принятия решения судом, но и на всех других его стадиях. Более того, принятие правового решения - важнейшая функция любого правоприменителя, в любой сфере профессиональной деятельности: управление, финансы, бизнес, культура и др., поскольку этот акт связан с изменением существующей структуры правоотношений.

В связи с этим проблема принятия правовых решений приобретает общее методологическое значение и требует разработки и теоретико-методологического обоснования, как самостоятельная комплексная проблема правоприменительной деятельности.

6.1.1. Понятие правового решения

Под правовым решением в его общем определении следует, по нашему мнению, понимать правовой акт надлежащим образом уполномоченного лица, порождающий в соответствии с установленной процедурой правоприменения юридический факт, влекущий изменение существующей правовой ситуации.

Существенными признаками правового решения, отличающими его от решений, принимаемых в структуре любого другого вида деятельности, являются субъекты, содержание и форма, механизм принятия решений и способ их реализации.

1. Субъектом правового решения может быть только надлежащим образом уполномоченное лицо, осуществляющее правоприменительную деятельность в форме принятия правовых решений. Так, в сфере судопроизводства к их числу относятся орган дознания, следователь, прокурор, судья, орган исполнения судебных решений.

2. Существенными признаками правового решения являются его находящиеся в органическом единстве форма и содержание.

Формой правового решения является совершение действий, влекущих изменение структуры сложившихся правоотношений или документированный в соответствии с установленной процедурой правовой акт. Так, в судебном процессе правовое решение облекается в форму приговора, решения, определения, постановления, судебного приказа, реквизиты и порядок принятия которых регламентирован процессуальным законом. К числу правовых относится большая часть управленческих решений, административно-правовых актов, гражданско-правовых договоров.

3. Структура правового решения.

В теории права под правоприменением принято понимать: «властно-организующую деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях претворение юридических норм в жизнь. Оно имеет три основные стадии: 1) установление фактических обстоятельств (фактические основы) дела; 2) выбор и анализ норм права (установление юридической основы дела); 3) решение дела и документальное оформление принятого решения. Его содержание составляют правоприменительные действия и решения, выражаемые в правоприменительных актах»¹.

В соответствии с этим в структуре правового решения, как и в структуре решения любой задачи, должны быть выделены три базисных элемента: исходные данные, задача и правило (алгоритм) ее решения.

Что касается задачи и правила ее решения, то они заданы материальным и процессуальным правом. В отличие от этого фактические данные, необходимые для принятия правового решения, должны быть установлены правоприменителем в процессе самой

¹ Еникеев З. Д. Механизм уголовного преследования. Уфа, 2002. С. 116.

правоприменительной деятельности.

Это - существенное структурное отличие данного элемента от остальных, влияющее на его место в системе методологии правоприменения.

Так, в системе уголовно-процессуальной деятельности задача и процессуальный порядок доказывания задан нормами, определяющими предмет доказывания, состав преступления и юридическую процедуру следственных и судебных действий по оперированию доказательствами (правила их относимости и допустимости).

Что касается информационно-познавательной и технологической деятельности по установлению юридических фактов, то она, будучи самостоятельным базисным элементом правоприменительной деятельности, требует самостоятельного изучения и регулирования.

Удельный вес и значение различных элементов в структуре правоприменительной деятельности является различным как с точки зрения ее технологий, так и с точки зрения их влияния на ее конечную эффективность.

А. Ошибки и факторы риска.

Кардинально различается влияние на конечный результат деятельности процессуальных нарушений, ошибок в квалификации и ошибок в установлении юридических фактов.

Первые, как правило, исправляются в стадии кассационного и надзорного производства. Последние же, как правило, не могут быть исправленными, поскольку их установление в соответствии со структурой процесса является задачей предварительного и судебного следствия.

Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что ошибки в установлении юридических фактов неизбежно влекут ошибки в квалификации. Обратной зависимости не существует.

Таким образом, удельный вес этих элементов правоприменительной деятельности как факторов риска существенно различается.

Б. Трудовые материально-технические и временные ресурсы и затраты.

Удельный вес элементов правоприменительной деятельности по рассматриваемым параметрам также существенно различается.

В общей системе задач правоприменительной деятельности задача установления фактической структуры правоотношений является наиболее сложной и трудоемкой. Она осложняется тем, что указанная структура существует не в абстракции, как правовая норма, а в сложной системе конкретных информационных, трудовых, хозяйственных и технологических связей и конфликтных личностных интересов и отношений. Как правило, решение этой задачи требует прослеживания дерева целей участников правоотношений и имеет многовариантную структуру.

В силу этих причин решение указанной базисной задачи требует значительных трудовых затрат и занимает доминирующую (от 30 до 90%) часть рабочего времени юриста¹.

6.1.2. Методологические основания деятельности по принятию правовых решений. Теория принятия решений

К числу теоретико-методологических основ принятия правовых решений относится общая теория принятия решений и ее отрасли по видам правоприменительной деятельности.

Механизм принятия решений в своей основе является общим для всех видов целенаправленной профессиональной деятельности. В связи с этим для разработки методологии принятия правовых решений могут быть использованы как общая теория и методология принятия решений, так и апробированные в науке и практике инструменты принятия решений в специальных отраслях науки и смежных областях деятельности, по которым уже имеется обширная литература².

¹ Разброс показателей определяется спецификой профессиональных задач. Так, у следователя, осуществляющего исследование, по ряду версий эти показатели выше, чем у судьи, осуществляющего верификацию факта по конкретной информационной модели правоотношения.

² См.: *Андрейчиков А. В., Андрейчикова О. В.* Анализ, синтез, планирование решений в экономике. М.: Финансы и статистика, 2004; *Черноруцкий И. Г.* Методы принятия решений. СПб.: БХВ-Петербург, 2005; *Балдин К. В., Воробьев С. Н., Уткин В. Б.* Управленческие решения. М.: ИТК «Дашков и К», 2008; *Саати Т. Л.* Принятие решений при зависимостях и обратных связях:

Особо актуальными представляются разработки по механизмам принятия решений в управленческой, предпринимательской, финансово-хозяйственной сфере, менеджменте и других областях, находящихся в сфере правового регулирования.

В системе общей теории принятия решений весьма актуальными для юриста являются: общая методология и схема процесса выработки решений; формальные методы и процедуры измерения предпочтений субъекта принятия решения для построения функций выбора наилучших альтернатив; технологии оценки эффективности и предпочтительности альтернатив по выбранным критериям в сложных ситуациях; основные положения теории управления (законы, принципы, методы) в практической работе по управлению информационными системами; современные научные методы анализа проблем и задач, возникающих в ходе управления; современные методы математической теории принятия решений для решения типовых задач обоснования решений.

В числе прикладных отраслей и технологий, связанных с теорией принятия решений, особое значение для верификации правовых решений имеют разработки, связанные с механизмами принятия решений в ситуациях, существенно различающихся по объему информации в основаниях принятия решений.

Правовые решения, принимаемые в условиях неопределенности (ОРД, дознание, начальные стадии предварительного расследования), и правовые решения при установлении всех предусмотренных законом фактических обстоятельств имеют различную логическую структуру и требуют различных познавательных процедур и технологий¹.

аналитические сети / пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008; Южаева В. С. Управленческие решения: учеб, пособие. М.: ИТК «Дашков и К», 2007; Орлов А. И. Принятие решений. Теория и методы разработки управленческих решений: учеб, пособие. М., 2005.

¹ Так, объем информации, которым располагает орган расследования, рассматривается в криминалистике как базовый критерий классификации криминалистических методик расследования, существенно различающихся по сложности, трудоемкости, кадровому, научно-техническому и информационному обеспечению.

Теория принятия решений отдельно рассматривает инструменты принятия решений в условиях информационной определенности и неопределенности, что соответствуют различным стратегиям расследования и верификации принимаемых решений.

Структура правоприменительной деятельности существенно различается в зависимости от формы ее правового регулирования. Она может осуществляться как в форме процессуального регулирования федерального уровня (уголовного, гражданского, арбитражного и другого процесса), так и на уровне ведомственного регулирования, договорных отношений, актов местного самоуправления и т.д.

В системе российского права в настоящее время нет процессуального закона, играющего роль общего регулятора судебной процессуальной деятельности. Вместе с тем действуют многие общие принципы и процессуальные нормы, позволяющие говорить об интегральной структуре судебной правоприменительной деятельности¹.

Предметом общей теории принятия правовых решений может быть только интегральная модель, отражающая существенные признаки всех форм правоприменительной деятельности и ее конечные цели. В качестве такой модели может быть использована модель процессуальной правоприменительной деятельности, порождающей правовые решения, имеющие силу закона, т.е. судебная процессуальная деятельность.

6.1.3. Уровни обоснования и виды правовых решений

Многочисленные и разнообразные по форме, содержанию, назначению правовые решения могут классифицироваться по различным основаниям: субъектам, полномочным принимать решения, по содержанию регулируемых правоотношений, по характеру принудительных мер, стадии производства и т.д.

С позиций обоснования правовых решений наиболее функциональной является классификация по уровням обоснования принимаемых решений. Значимость этой классификации обусловлена

¹ Общие принципы процесса, доказательственное право, законность и обоснованность судебных решений.

основной функцией процесса правоприменения: обеспечением обоснованности принимаемых решений. По-существу, все важнейшие инструменты правоприменительной деятельности - его методы, средства и технологии, его общая структура, его процессуальная регламентация преследуют цель подготовки обоснованного и законного правового решения.

Особенно показателен в этом отношении судебный процесс, представляющий в сущности технологическую систему рафинирования исходной информации до уровня фактологической матрицы, обеспечивающей надежность принимаемых судебных решений.

В судебном процессе могут быть выделены следующие уровни обоснования решений:

- 1) преддоказательственный (обнаружение релевантной не-процессуальной информации);
- 2) информационный (получение доказательств);
- 3) логический (установление доказательственных фактов);
- 4) интегральный (обоснование предмета доказывания);
- 5) верификация оснований правового решения.

Методологическое значение уровней обоснования правовых решений состоит также в том, что они являются базовыми критериями разграничения процессуальной компетенции: а) участников процесса и субъектов доказывания; б) субъектов доказывания и субъектов принятия правовых решений.

Разграничение уровней обоснования правовых решений должно использоваться также для формулирования основных алгоритмов и технологий доказывания и обоснования правовых решений.

Так, на первом уровне могут функционировать все заинтересованные участники процесса и использоваться любая релевантная информация.

На втором - четвертом уровнях функционируют только субъекты доказывания, имеющие строго определенный процессуальный статус, - субъекты доказывания, и может использоваться информация, соответствующая строго определенным процессуальным требованиям.

Пятый уровень - обоснование и принятие правового решения

являются прерогативой особой уполномоченной государством категории лиц - субъектов правового решения.

Правовые решения могут приниматься на любом уровне деятельности в правовом поле. Однако их значение для разрешения промежуточных и конечных задач правоприменительной деятельности различно и полностью определяется уровнем их обоснования.

Так, правовые решения, например о задержании и заключении под стражу, могут быть приняты на основе информации, полученной на преддоказательственном уровне методами оперативно-розыскной деятельности (ст. 91 и 108 УПК РФ). Такие решения, однако, рассматриваются как чрезвычайные и не исключающие их изменения.

Решение о возбуждении уголовного дела может быть принято уже только узким кругом уполномоченных лиц, требует соблюдения определенной процедуры, поводов и оснований, прямо предусмотренных в законе (ст. 140-149 УПК РФ).

Процессуальные акты, связанные с движением уголовного дела по стадиям уголовного процесса, требуют тем более надежного обоснования, чем ближе эти акты к судебному решению по существу дела. Если на начальных стадиях расследования правовые решения могут приниматься на основе оперативно-розыскной информации и следственных версий в отношении подозреваемых, то предъявление обвинения и передача дела в суд требует достоверного установления системы доказательственных фактов, обосновывающих предмет доказывания.

Основные правила доказывания также представляют следствия из правила разграничения уровней обоснования правовых решений.

1. Решение может обосновываться только информацией и процессуальными инструментами соответствующего уровня.

2. Решение вышестоящего уровня не может обосновываться инструментами нижележащих уровней.

3. Все промежуточные уровни обоснования решений в структуре доказывания представляют открытые системы процедур доказывания (предмет доказывания и главный факт), которые могут быть изменены на вышестоящих уровнях.

4. Заключительный уровень обоснования правового решения

представляет в структуре правоприменения фактологическую матрицу, как закрытую систему, формируемую посредством верификации.

Представляется ошибочной позиция авторов, предлагающих указать в законе единые основания для вынесения правового решения, - достаточные доказательства, обосновывающие вывод о наличии юридических оснований решения¹.

Поскольку на различных уровнях расследования и судебного разбирательства принимаются различные по своим юридическим последствиям правовые решения, у них не может быть единого правового основания. В качестве общего может быть выдвинуто только требование строгого соответствия содержания и формы обоснования требованиям закона и юридическим последствиям решения.

Так, «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ст. 140 УПК РФ).

Такие «признаки» представляют информацию, но не могут рассматриваться как процессуально доказанные факты. Они могут быть установлены и в результате оперативно-розыскной деятельности. При этом в решении не требуется ссылаться на доказательства, которые могут быть получены только в результате расследования.

Иные требования предъявляются к обоснованию приговора суда.

В этом случае суд должен обосновать свое решение не только указанием на объективно установленные обстоятельства, соответствующие предмету доказывания по составу, предусмотренному законом материального права, но и привести относимые и допустимые доказательства, подтверждающие правильность сделанных судом выводов (ст. 297, 305, 307 УПК РФ)².

6.1.4. Структуризация процесса принятия решений как технология обеспечения его надежности

¹ Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Киев, 1984. С. 97; Курс советского уголовного процесса. М., 1989. С. 485.

² БВС РСФСР. 1973. С. 4.

Оценивая процесс принятия решений как динамическую информационную систему с позиций ее эффективности, следует в первую очередь учитывать критерий ее надежности.

Совершенно очевидно, что эффективность правовых решений прямо и непосредственно связана с надежностью той информации, на основе которой такие решения принимаются и надежностью самой информационной системы, обеспечивающей получение такой информации.

В системе правоприменительной деятельности принятие решений может рассматриваться в аспекте как правового, так и технического регулирования.

В первом случае надежность выступает как общий принцип использования информации (относимость, допустимость), во втором - как основной технологический параметр информационной системы в целом и всех составляющих ее подсистем и элементов.

Технологический критерий надежности информационной системы определяется как «свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, хранения и транспортирования».

Примечание. Надежность является комплексным свойством, которое в зависимости от назначения объекта и условий его применения может включать безотказность, долговечность, ремонтнопригодность и сохраняемость или определенные сочетания этих свойств¹.

Использование технологических критериев надежности позволяет использовать в правоприменении не только качественные, но и количественные методы оценки надежности информации и современные информационные технологии.

В целях обеспечения надежности систем принятия правовых решений должны быть в первую очередь реализованы традиционные правовые институты и инструменты.

Доказательственное право прямо предусматривает ряд прин-

¹ ГОСТ 27.002-89. Надежность в технике. Основные понятия. Термины и определения. М., 1990.

ципов и конкретных правовых норм, регулирующих и обеспечивающих надежность информации, используемой в процессе.

Все принципы судебного процесса в той или иной степени направлены на обеспечение надежности оснований судебных решений. Особо важными среди них являются принципы законности, обоснованности, состязательности, непосредственности, презумпции невиновности.

Каждому из этих принципов посвящены многочисленные труды российских и зарубежных юристов.

В числе правовых норм, прямо направленных на обеспечение надежности информации, следует указать на нормы тех разделов процессуальных кодексов, которые регламентируют правовой режим доказательств, доказывания, а также процедур предварительного расследования и судебного производства (разд. 3 (ст. 73-90), 8 (ст. 150-226) и 9 (ст. 227-313) УПК РФ, а также гл. 6 (ст. 55-87), разд. 2 (ст. 121-244) ГПК РФ, а также соответствующие разделы арбитражного, административного и таможенного процессуальных кодексов.

Можно утверждать, что процессуальный закон, регламентирующий процедуру расследования и доказывания в любом судебном производстве, имеющий своей главной целью обеспечение законности и обоснованности судебного решения, представляет собой правовую систему обеспечения надежности правовой информации как интегрального показателя возможности ее использования при принятии судебного решения.

Вместе с тем существенные изменения экономической социальной и правовой структуры общественных отношений, а также новое качество современной науки и технологии требует пересмотра, оптимизации и обновления ряда традиционных правовых концепций, принципов и инструментов. В первую очередь, это касается реализации в правовом анализе и деятельности принципов системно-деятельностного и информационного подходов и анализа.

Рассмотрим в аспекте реализации этих подходов задачу структуризации процесса принятия правового решения, играющую ключевую роль в обеспечении надежности системы принятия правовых решений. Достаточно сказать, что структура процесса, определение его задач, уровней, стадий и инструментов является

основой их алгоритмизации и создания любых современных методик и технологий деятельности.

Особую роль в обеспечении надежности доказательственной информации имеет совершенствование понятийного аппарата доказательственного права в связи с внедрением в практику правоприменения информационных технологий, созданием баз и банков данных, функционирование которых возможно только на основе строгой однозначности терминов, используемых в соответствующей системе. Доказывание, как система правоприменения в условиях состязательного процесса, предъявляет особо строгие требования к чистоте и однозначности используемых базовых понятий и терминов.

Судебная практика показывает, что любые нарушения этих требований превращают судебное разбирательство в спор о словах и нередко ведут к судебным ошибкам. Особое значение приобретают эти требования при осуществлении сложной многосубъектной и многоуровневой деятельности, к которой относится доказательственная деятельность в судебном процессе.

Информационное обеспечение доказывания на стадиях судебного процесса предполагает анализ динамической структуры процессуального доказывания с выделением его уровней и стадий.

В этих целях необходимо вначале структурировать процесс доказывания, его промежуточные и конечную задачи.

Базовыми уровнями процессуального доказывания являются уровни непосредственного и опосредствованного исследования. Эти уровни детально исследованы в общей методологии науки, а также ряде юридических работ¹. На уровне непосредственного предметно-чувственного исследования осуществляется формирование систем исходных фактических данных (доказательств).

На уровне опосредствованного логического исследования формируются системы доказательственных и искомых фактов, служащих основанием принятия процессуальных решений.

Особое место занимает преддоказательственный уровень и

¹ См., напр.: *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 26-63.

уровень принятия процессуальных решений. На преддоказательственном уровне формируется значительный потенциал доказательственной информации, инициирующий и обеспечивающий процесс доказывания. Уровень принятия процессуальных решений, как фаза правоприменительной деятельности, является одновременно итоговым уровнем процессуальных процедур доказывания.

Стадии доказывания осуществляются в рамках судебного процесса, но не сливаются с его стадиями. Процесс доказывания, осуществляемый конкретным субъектом доказывания, на протяжении всех промежуточных стадий процесса и обосновывающий его итоговые решения по делу представляет цикл информационного обеспечения процессуального доказывания. Цикл информационного обеспечения процессуального доказывания осуществляется в рамках процессуальных отношений, объединяемых деятельностью одного субъекта доказывания, и должен увязываться с системой решаемых им профессиональных задач.

В цикле информационного обеспечения процессуального доказывания реализуются все его уровни и стадии.

6.2. Доказывание и формирование фактических оснований процессуальных решений. Анализ альтернативных систем

6.2.1. Структура и функции общей системы фактических данных

Как было отмечено выше, в механизме обоснования правового решения наиболее актуальным является формирование фактических оснований процессуальных решений.

Наиболее детально инструменты и процедуры формирования фактических оснований процессуальных решений рассмотрены в теории улик и процессуальном учении о связях доказательственных фактов.

Говоря о совокупности улик, обосновывающей вывод о предмете доказывания, обычно имеют в виду систему доказательственных фактов, каждый из которых, в свою очередь, устанавливается

системой исходных фактических данных, полученных из определенных законом источников¹.

Система доказательственных фактов всегда, таким образом, предполагает систему устанавливающих эти факты доказательств, и наоборот, система доказательств подразумевает систему устанавливаемых ими доказательственных фактов. В целом можно говорить о единой системе фактических данных, находящихся в связи с предметом доказывания, но по-разному удаленных от него, находящихся на различных уровнях. Центральной проблемой теории улик с момента ее возникновения и до наших дней является проблема связи доказательственных фактов между собой и с предметом доказывания.

Проблема связи доказательств исследовалась рядом советских юристов, в их числе должны быть упомянуты С. А. Курьлев, В. Д. Арсеньев, А. А. Эйман и др.

Интерес к проблеме связи в теории доказательств представляется вполне закономерным. Связь между элементами есть ядро, центральное звено системы. Но система предполагает также рассмотрение элементов, между которыми прослеживается связь, анализ и дифференциация связей в зависимости от природы и характера тех элементов, между которыми эти связи существуют. Нельзя смешивать, например, связь исходных фактических данных и устанавливаемых ими элементов предмета доказывания.

Наиболее плодотворным, таким образом, представляется исследование связей не абстрактно и безотносительно к системе и категориям фактических данных, как это иногда делается, а в целостной системе фактических данных применительно к отдельным категориям фактических данных. Выше было показано, что каждая категория фактических данных характеризуется особым типом связи с предметом доказывания и что тип связи с предметом доказывания, характер относимости к делу выражает сущность каждой из рассмотренных категорий фактических данных (доказательства, доказательственные и искомые факты, главный факт).

Наряду с аналитическим исследованием элементов, образующих систему доказательств, и их структуры значительный интерес

¹ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М., 1944. С. 117-118.

представляет общая характеристика системы доказательств.

Для общей характеристики систем доказательств существенно выяснить их функции в системе доказывания, определить их виды, принципы и динамику формирования. Мы далеки от мысли исчерпывающе осветить все указанные вопросы, что представляет, на наш взгляд, специальную задачу теории улик, и ограничимся лишь постановкой проблемы.

Понятие системы доказательств взаимосвязано с понятием следственной версии и объективной истины, устанавливаемой в результате доказывания.

Эта взаимосвязь и обусловленность видна уже из общего определения этих понятий.

Под общей системой доказательств, как это видно из сказанного, следует понимать совокупность установленных расследованием взаимосвязанных фактических данных, являющихся основанием для принятия процессуальных решений.

«Следственная версия, - по определению А. Н. Васильева, разделяемому большинством авторов, - есть логически построенное и основанное на фактических данных предположение следователя, подлежащее тщательной проверке, о наличии преступления в исследуемом событии, его характере, элементах состава преступления, отдельных обстоятельствах и их значении, а также о виновных лицах, формах вины, мотивах и целях преступления»¹.

Истина, установление которой является задачей доказывания по уголовному делу, состоит, по определению М. С. Строговича, в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц»².

Процесс познания в ходе доказывания развивается по спирали.

От исходных фактических данных, указывающих на признаки преступления, он поднимается к обоснованным предположениям

¹ *Васильев А. Н.* Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960. С. 14-15.

² *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР. С. 19.

по основным обстоятельствам расследуемого события. На их основе исследуется более широкий круг фактических данных и обстоятельств.

Установление дополнительных фактов позволяет развить и углубить систему версий и развернуть их проверку. Это ведет к установлению новых фактических данных и т.д.

Исходная фактическая база расследования, т.е. круг фактов, известных при возбуждении уголовного дела, бывает обычно достаточной лишь для построения обоснованных предположений о существенных обстоятельствах дела (лицах, совершивших преступление, их мотивах, орудиях преступления и т.д.). При этом нередко неясен даже факт расследуемого события: убийство самоубийство, хищение - растрата, грабеж - инсценировка и т.д. В связи с этим данная стадия расследования характеризуется разработкой развитой системы следственных версий, которые постепенно охватывают все существенные обстоятельства расследуемого события, а также объясняют его юридическую природу.

В ходе собирания и проверки доказательств предположения следователя либо подтверждаются, либо опровергаются, и последнее место предположений занимают объективно установленные, проверенные обстоятельства - доказательственные факты.

Система следственных версий редуцируется и постепенно заменяется системой фактических данных. В заключительной стадии расследования наступает момент, когда все предположения следователя проверены и заменены достоверно установленными фактами. Этот момент завершает формирование замкнутой системы доказательств, являющейся основанием для установления объективной истины по делу.

Система фактических данных выступает, таким образом, в виде динамической системы, тесно взаимодействующей с системой следственных версий и существенно меняющей в ходе этого взаимного действия свой объем и функции.

От системы, достаточной лишь для построения развернутых предположений об основных обстоятельствах расследуемого события, к системе, устанавливающей объективную истину по делу.

Взаимодействие системы фактических данных и системы следственных версий, лежащее в основе развития этих систем, предполагает их строгое разграничение. Версии основываются на

установленных фактах и являются средствами обнаружения новых фактов. При всем этом версии никогда не должны смешиваться с фактами. Система доказательств - это система исходных фактических данных и устанавливаемых ими доказательственных фактов, но не связанных с ними предположений.

Нельзя, как нам представляется, рассматривать в качестве системы доказательств цепь проблематических суждений, отправляющуюся от исходного факта и выражающую «не более чем логическую возможность следования». Например: А. угрожал потерпевшему Б., следовательно, А. имел намерение совершить убийство Б., следовательно, А. совершил убийство Б.

Такая система как «последовательная система доказательств» рассматривается А. А. Эйсманом в его работе¹.

Развитие системы фактических данных, установленных по делу к определенному моменту расследования, характеризует познавательный уровень и процессуальную стадию доказывания.

Наряду с выделением исходной и окончательной систем доказательств в данной стадии уголовного процесса, например стадии предварительного следствия, обоснованно выделение промежуточных систем доказательств.

Необходимость выделения промежуточных систем доказательств обуславливается тем, что в процессе доказывания следователю или суду приходится принимать ряд промежуточных процессуальных решений, связанных с движением дела. В стадии предварительного расследования таковы решения о возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения, избирании меры пресечения, соединении, выделении и прекращении уголовного дела.

Каждое из этих промежуточных решений имеет серьезные процессуальные последствия и потому должно быть законным и обоснованным. Закон определяет круг таких условий и фактов, которые должны быть установлены для того, чтобы соответствующее решение было обоснованным. Так, для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в соответствии со ст. 140 УПК РФ, должно быть установлено наличие признаков уголовно наказуе-

¹ Эйсман А. А. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. № 12. М.: Юрид. лит., 1964. С. 96.

мого деяния и отсутствие данных об обстоятельствах, исключающих производство по уголовному делу. Для предъявления обвинения, в соответствии со ст. 171 УПК РФ, должна быть собрана совокупность доказательств, указывающих на совершение преступления определенным лицом и характеризующих состав этого преступления.

Установление наличия оснований для принятия соответствующего решения требует оценки под этим углом зрения всей совокупности установленных к данному моменту расследования фактических данных, т.е. установленной системы доказательств. «Возможность комплексной оценки всей системы доказательств, всех взаимосвязей и взаимозависимости создает, естественно, наиболее благоприятные условия для принятия правильных решений по существу дела»¹.

Процесс доказывания, осуществляемый уполномоченными на это органами, завершается формированием замкнутой системы доказательств, являющейся в соответствии с внутренним убеждением данного субъекта доказывания достаточным основанием для установления истины и законного разрешения дела.

Установленная на предварительном следствии и признанная следователем окончательной система доказательств не обязательна для суда, рассматривающего дело по существу. Суд может признать ее недостаточной, истребовать дополнительные доказательства, вернуть дело к доследованию, прекратить его производство и т.д.

Суд, рассматривающий дело по существу, строит свою самостоятельную систему доказательств, каждое из которых в соответствии с принципами устности, непосредственности, гласности и состязательности должно быть исследовано в судебном заседании (ст. 261, 274 УПК РФ).

¹ Корнеева Л. М., Миньковский Г. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия // Вопросы предупреждения преступности. № 4. М.: Юрид. лит., 1966. С. 95; Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., 1957. С. 20.

Данная система, находящая свое окончательное выражение в судебном приговоре, может быть и шире, и уже заключительной системы, системы доказательств, отраженной в обвинительном заключении. Это понятно, поскольку «пределы и объем судебного исследования могут быть и шире, и уже пределов и объема исследования, произведенного в ходе предварительного расследования дела»¹.

Вместе с тем установленная следователем система доказательств в значительной степени обуславливает ход и результаты судебного следствия, определяет его объем и направление.

«Судебное следствие является не только проверкой материалов предварительного расследования, но оно всегда включает в себя, прежде всего, проверку этих материалов. Поэтому вполне понятно, что объём доказательственного материала, обнаруженного, собранного и закрепленного усилиями работников органов предварительного расследования, в значительной мере определяет рамки и объем судебного исследования»².

Итак, система фактических данных, собранных в итоге предварительного расследования, и рассматриваемая следователем и прокурором как окончательная и замкнутая, выступает в ходе судебного следствия как открытая, исходная, подлежащая оценке, пополнению, изменению и т.д.

Окончательная оценка системы собранных по делу доказательств дается судом, рассматривающим дело по существу.

Однако в случае принесения кассационной жалобы или протеста (ст. 354, 375 УПК РФ) система доказательств, положенная в основу приговора, подвергается проверке и оценке вышестоящим судом и при разрешении дела этим судом вновь выступает как открытая система.

Возможность пересмотра и изменения системы доказательств, положенных в основу судебного приговора, продолжает существовать до завершения производства по делу в кассационной и

¹ Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. С. 25.

² Там же. С. 22-23.

надзорной инстанциях и вступления опротестованного или обжалованного приговора в законную силу.

Таким образом, закрепленный в законе порядок формирования системы доказательств, положенных в основу окончательного решения суда, предусматривает многократные промежуточные и контрольные итоговые оценки этой системы, ее дополнение, развитие, устранение противоречий, совершенствование. Это обеспечивает максимальные процессуальные гарантии законности и обоснованности принимаемых решений суда.

Развитие общей системы доказательств отражает движение познания и суда к установлению объективной истины по делу. Развитие системы доказательств есть развитие знаний о расследуемом событии, все большее и большее их соответствие действительности.

Нельзя согласиться с авторами, которые, с одной стороны, признают необходимость развития общей системы доказательств по делу и считают это обязанностью не только следователя, но и суда¹, а с другой стороны, утверждают о неизменности устанавливаемого такой системой главного факта. «Главный факт доказывания по конкретному делу должен быть, - утверждает А. М. Ларин, - идентичен во всех стадиях процесса»².

Неизменным, независимым от сознания следователя и суда является лишь само подлежащее расследованию событие. Фактические же знания об этом событии, составляющие содержание расследования, непрерывно меняются, становятся все более полными, гармоничными и соответствующими действительности.

Познание расследуемого события и есть суть доказывания. В ходе познания события непрерывно сменяются представления как об отдельных его обстоятельствах, так и его общем содержании. Меняются представления и о причинной связи последствий преступления с действиями конкретных лиц, т.е. представления о главном факте, предмете доказывания.

¹ Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит., 1966. С. 40.

² Ларин А. М. Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1962. С. 6.

Учитывая изменения общей системы доказательств и представлений о предмете доказывания, закон предусматривает возможности изменения и дополнения следователем ранее предъявленного обвинения (ст. 175 УПК РФ), изменения обвинительного заключения прокурором (ст. 221 УПК РФ), прекращение дела и изменение формулы обвинения судом первой, второй и надзорной инстанций (ст. 378 и 408 УПК РФ).

Таким образом, представления о предмете доказывания, конкретное содержание объективной истины по делу изменяются вместе с движением уголовного дела, развитием общей системы доказательств.

Понятие общей системы доказательств по делу было бы неполным без рассмотрения конкурирующих систем фактических данных.

В соответствии с принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) и правом обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ) версии обвинения и обосновывающей ее системе доказательств должны быть противопоставлены версия защиты и соответствующая ей система доказательств.

Обязанность выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства возлагается законом на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание.

Наряду с этим закон возлагает на защитника обязанность использования всех указанных в законе средств и способов защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. Эту обязанность нельзя понимать иначе, чем обязанность доказывания тезиса защиты посредством самостоятельной системы доказательств.

Обязанность доказывания защитника распространяется только на оправдывающие и смягчающие обстоятельства. Кроме того, она имеет иные правовые последствия, чем обязанность прокурора.

Коль скоро закон обязывает защитника выяснять существенные для решения дела обстоятельства, путем самостоятельного представления доказательств участия с разрешения следователя в

собрании новых доказательств, оценки всей совокупности собранных по делу доказательств, эту деятельность защитника нельзя рассматривать иначе, как доказывание посредством самостоятельной системы доказательств.

Признание самостоятельности тезиса защиты требует признания самостоятельности системы аргументов, с помощью которых этот тезис доказывается.

Особенно отчетливо выявляются самостоятельные (конкурирующие) системы доказательств в ходе судебного следствия.

С одной стороны, здесь всегда выступает версия обвинения и соответствующая ей система доказательств, представленная в обвинительном заключении по уголовному делу. Обвинительному заключению противопоставляется система доводов и доказательств защиты, выраженная в защитительной речи адвоката.

Если защитник не сможет доказать невиновность своего подзащитного, это не означает его виновности. Последняя должна быть положительно доказана следователем и судом. Если же следователь не сможет доказать виновности обвиняемого, то это равносильно его невиновности. То же самое относится к любому обстоятельству, оправдывающему или смягчающему вину подзащитного. Невозможность установления любого из таких обстоятельств средствами защиты не означает их отсутствия, а влечет обязанность их проверки для следователя, прокурора и суда.

На основе проверки и оценки доказательств, представленных обвинением и защитой, а также дополнительно полученных фактических данных суд формирует свою самостоятельную систему доказательств, являющуюся основанием судебного решения и находящую выражение в судебном приговоре или определении.

Наличие в деле конкурирующих систем доказательств, отражающих результаты деятельности по доказыванию каждого из участников процесса, создает наиболее благоприятные условия для объективного рассмотрения позиций каждого из участников процесса, анализа собранных по делу доказательств и обнаружения истины по делу.

Такое рассмотрение и анализ важны во всех случаях расследования. Особое значение они приобретают в следственных произ-

водствах с большим объемом сложного доказательственного материала.

В связи с изложенным понятие общей системы доказательств должно быть соотнесено с общей системой утверждений конкретного субъекта доказывания и суда.

В юридической литературе правильно отмечался удостоверительный характер доказывания и наличия адресата, которому обращено доказывание¹.

Следователь, лицо, осуществляющее дознание, прокурор и адвокат обращают доказывание к суду, разрешающему дело по существу, суд первой инстанции - к суду второй, суд второй инстанции - к суду вышестоящих кассационных и надзорных инстанций. В конечном счете доказывание обращено к государству и обществу, от имени которых оглашается и приводится в исполнение приговор суда.

Вместе с тем не менее существенно подчеркнуть, что понятие общей системы доказательств связано, так сказать, с адресантом, конкретным субъектом доказывания, обосновывающим выдвинутый им тезис (предмет доказывания) системой доказательств.

Подобно тому как каждое отдельное доказательство нельзя рассматривать в отрыве от той системы доказательств, в которой оно представлено, сама система доказательств не может мыслиться в отрыве от конкретного субъекта, осуществляющего доказывание. Как уже отмечалось выше, процессуальное положение субъекта доказывания определяет его обязанности доказывания и юридические последствия установления (или неустановления) подлежащих доказыванию фактов. Субъект доказывания является, таким образом, существенным признаком общей системы доказательств. Не может быть системы доказательств по делу «вообще». Существуют только системы доказательств, представленные конкретными субъектами доказывания: обвинителем, защитником и разрешающим дело по существу судом.

Построение и развитие общей системы доказательств является

¹ Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. № 1. М., 1964. С. 13; Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 296-297.

не только средством организации, формального упорядочения информации. Систематизация доказательств является формой их интеллектуального освоения, средством исследования, получения новой доказательственной информации. Включение того или иного факта в систему связано с его всесторонней проверкой и уточнением. Вместе с проверкой связи этого факта с предметом доказывания выясняется его соответствие, связь с другими установленными по делу фактами и собранными доказательствами.

При этом может обнаружиться такая связь включенных в систему доказательственных фактов, которая с необходимостью ведет к выводу о существовании других доказательственных фактов, в свою очередь ведущих к установлению других доказательственных и искомых фактов и предмета доказывания.

С другой стороны, могут обнаружиться провалы, пробелы в системе фактических данных, а также пути и способы их восполнения. Есть все основания говорить об эвристической роли общей системы доказательств, ее возможности использования как инструмента доказывания.

Эвристическая роль системы фактических данных может быть показана на многих примерах из следственной практики.

У кассира Великолукской конторы госбанка Лукановой образовалась недостача на сумму 33 300 руб. Недостача образовалась в течение одного операционного дня - 30 декабря.

По делу проверялись две версии. Согласно одной из них недостача могла быть следствием хищения, совершенного самой Лукановой. Согласно второй версии недостача могла образоваться в результате просчета, допущенного ею при оплате чеков.

Первая версия не получила подтверждения при проверке. Луканова по службе и в быту характеризовалась только положительно. За добросовестную и аккуратную работу она неоднократно премировалась. 30 декабря она никуда, даже на обед, не отлучалась и работала очень напряженно. Ею было оплачено 198 чеков.

Но возможен ли просчет на столь значительную сумму? Было установлено, что Луканова (как и многие другие кассиры) пользовалась следующим способом оплаты чеков. Вначале она отсчитывала разменную монету, затем откладывала рубли в пределах сотни и после этого - сотни и тысячи в банковских бандеролях.

Типичной ошибкой при таком способе отсчета денег является,

как это выяснил следователь, завышение выплачиваемой суммы в результате смешения разряда десятичных знаков. Располагая этими данными и всеми оплаченными за день чеками, следователь приступил к поиску злополучного чека. Учитывая, что сумма переплаты составила пятизначное число, следователь сразу исключил все чеки с суммой до трехзначных чисел. Все оставшиеся чеки следователь тщательно исследовал, производя при этом мысленно работу кассира. В ходе этой работы особое внимание следователя привлек чек областной конторы сельхозбанка на сумму 3738 руб. 92 коп. Прослеживая работу кассира, следователь сделал такой расчет возможной суммы выданных по чеку денег: действительная сумма чека - 3738 руб. 92 коп.; возможная сумма выданных денег - 37 038 руб. 92 коп.; сумма переплаты - 33 300 руб. 00 коп.

Определенная таким образом сумма переплаты оказалась точно соответствующей сумме недостачи по кассе. Недостающее звено в цепи обстоятельств дела было найдено. Все это убедительно подтверждало версию о пересчете, но не исчерпывало задач следствия. Нужно было установить лиц, присвоивших деньги, изобличить их, найти и вернуть деньги государству.

Получателем денег по чеку оказалась пчеловод пчелопитомника Воронова. В квартире, надворных постройках и на работе Вороновой был произведен обыск, но его результаты оказались отрицательными. Между тем Воронова не могла, судя по обстоятельствам дела, израсходовать столь значительную сумму за короткое время. Тогда, учитывая профессию и условия работы Вороновой, произвели обыск в самом пчелопитомнике и пчелозимовнике. Правильное сопоставление фактов и исследование их связей в системе решило успех дела. Большая часть похищенных денег была найдена под ульями в пчелопитомнике и пчелозимовнике. Так, тщательное изучение всей системы фактических данных, исследование из взаимосвязи выявили недостающие звенья системы - позволило успешно расследовать это дело¹.

¹ Случай описан в статье В. К. Столбова «Роль тактики производства отдельных следственных действий по делам о хищении» (Следственная практика. М.: Госюриздат, 1952. С. 64-71).

6.2.2. Принципы построения замкнутой системы доказательств

Наибольший интерес в теоретическом и практическом отношении представляют принципы построения замкнутой системы доказательств, представляющей основу для разрешения дела по существу.

В отличие от исходной и промежуточных систем доказательств, отражающих промежуточные стадии доказывания, замкнутая система выражает фактический результат, итог всей деятельности по доказыванию конкретного субъекта доказывания.

В отличие от исходной и промежуточных систем, представляющих основу для принятия промежуточных процессуальных решений, замкнутая система строится как фактическое основание решения всех вопросов уголовного дела по существу.

Описание замкнутой системы фактических данных образует основное содержание важнейших процессуальных документов уголовного дела - обвинительного заключения и приговора суда.

Изложение сущности дела, которое согласно ст. 220 и 305 УПК РФ должно содержаться в обвинительном заключении и приговоре, представляет не что иное, как систему установленных расследованием обстоятельств преступного деяния: места, времени, способа его совершения, характера вины, мотивов и последствий преступления, отягощающих и смягчающих обстоятельств.

Указанная система искомых фактов должна опираться на систему исходных фактических данных - доказательств - основу всех выводов следователя и суда.

Принципы построения замкнутой системы доказательств связаны, таким образом, с принятием наиболее ответственных решений и составлением наиболее важных процессуальных решений и стадий, что составляет самостоятельную задачу. Остановимся на описании принципов построения соответствующих замкнутых систем фактических данных.

1. В замкнутую систему могут включаться только относящиеся и допустимые фактические данные.

Этот принцип представляется самоочевидным и не требует дополнительных разъяснений.

В замкнутую систему могут включаться только те относящиеся фактические данные, причинная связь которых с предметом

доказывания установлена в результате расследования.

Рассматриваемый принцип означает, что не все относящиеся факты автоматически включаются в замкнутую систему. Ряд относящихся фактов может остаться за ее пределами.

Как было показано выше, в основе относимости факта лежит любая форма объективной связи предмета или явления с расследуемым событием, обосновывающая предположение о его причинной связи с этим событием. В процессе доказывания предположение о причинной связи факта с предметом доказывания может подтвердиться. В этом случае факт, как причинно связанный с предметом доказывания, включается в замкнутую систему доказательств. Может оказаться, однако, что связь исследуемого факта с расследуемым событием является случайной и не имеет причинного характера. Такие факты в замкнутую систему не включаются, поскольку они не отражают подлежащую установлению необходимую связь действий (или бездействия) определенного лица с наступившим преступным результатом.

Итак, принадлежность доказательственного факта к замкнутой системе устанавливается в результате исследования его относимости. Исследование относимости завершается или установлением причинной связи доказательственного факта с расследуемым событием (установлением его принадлежности к замкнутой системе), или установлением случайного характера этой связи (ограничением его от этой системы).

Таким образом, относимость факта следует отличать от принадлежности факта к замкнутой системе доказательств. Относимость есть свойство фактических данных, делающее их средствами доказывания, позволяющее осуществлять с их помощью исследование фактического содержания события. Принадлежность к замкнутой системе есть свойство фактических данных, делающее их основаниями выводов и решений следователя и суда по существу дела.

Установление принадлежности к системе есть задача и возможный, но не обязательный результат исследования относимости факта.

Показательны в этом отношении следующие два дела из следственной практики.

От гр-на Максимова поступило заявление о квартирной краже.

Из платяного шкафа была похищена, по словам заявителя, ценная одежда. Подозрение пало на соседа заявителя - Гришина, который, по словам Максимова, знал о месте хранения похищенных вещей. На полированной створке дверцы платяного шкафа входе осмотра были обнаружены следы пальцев, оставленные, как было в дальнейшем установлено, дактилоскопической экспертизой, Гришиным. Был выявлен, таким образом, факт пребывания подозреваемого на месте преступления.

Но можно ли считать в данном случае такой факт причинно связанным с исчезновением вещей? Объясняя происхождение своих следов на створке шкафа, Гришин показал, что на днях он по просьбе Максимова ремонтировал врезной замок шкафа и, естественно, мог оставить при этом следы своих пальцев. Кроме того, он неоднократно бывал у Максимова, играл с ним в шахматы и т.д. В свете этих показаний, подтвержденных самим потерпевшим, факт пребывания Гришина в квартире Максимова не мог рассматриваться как причинно связанный с кражей и включаться в систему доказательств, обосновывающих его вину.

Иным образом был оценен факт пребывания на месте преступления при расследовании хищения, совершенного из палатки «Пиво-Воды». Проходящий мимо этой палатки в предутренний час милиционер обнаружил приоткрытую дверь и поврежденное окно. Осмотр места происшествия производился следователем с участием понятых и в присутствии заведующей палаткой (она же продавец) Серовой. В ходе осмотра на осколках оконного стекла были найдены следы пальцев, как установила позднее экспертиза, Серовой. Инсценировка кражи с целью сокрытия совершенной Серовой растрат была разоблачена, и дело было передано в суд. В ходе судебного следствия Серова пыталась опровергнуть дактилоскопическое доказательство. Вначале она заявила, что следы, обнаруженные на осколках стекла, действительно оставлены ею, но не при совершении преступления, а в результате случайного прикосновения к стеклу во время работы. Это заявление, однако, опровергалось установлением способа оставления следов. Следы были оставлены в результате захвата стекла через разбитый край и, следовательно, не могли быть оставлены до того, как стекло было разбито. Тогда Серова попыталась объяснить их происхождение тем, что она прикасалась к стеклам в процессе осмотра места

происшествия, поднимала с пола разбитое стекло. Согласно же показаниям понятых Серова сидела во время осмотра на стуле и ничего не трогала. Так было доказано, что факт пребывания обвиняемой на месте преступления причинно связан с событием преступления и потому может быть включен в систему доказательств ее виновности.

Случайное пересечение причинного ряда расследуемого события с другими причинными рядами ведет к появлению в процессе доказывания ряда фактов, связь которых с наступившими результатами является чисто внешней, случайной и не имеет характера причинной, генетической связи.

Таковы, например, лица, ошибочно задержанные по подозрению в преступлении в связи с их местонахождением в момент завершения преступления, мнимые следы преступника, предметы, ошибочно принятые за орудия преступления, ложные потерпевшие и т.д.

Включение такого рода фактов в замкнутую систему привело бы к обременению ее «побочными продуктами» следственного производства, фактами, исследование которых было на определенной стадии расследования необходимым, но не привело к цели. Такие факты некоторые авторы вообще не считают относящимися к делу и предлагают исключать из следственного производства. Выше мы рассмотрели необоснованность подобных утверждений. Будучи относящимися, поскольку они характеризуют путь доказывания, содержание и результаты доказывания на определенных его ступенях, такие факты не должны, однако, включаться в итоговую замкнутую систему доказательств.

Ряд авторов рассматривает связь доказательственного факта с расследуемым событием с позиций результата доказывания. Установленную в результате доказывания причинную связь фактов они рассматривают как единственную форму их связи с предметом доказывания и характеризуют как их относимость. «Свойство доказательства, - отмечает М. С. Строгович, - заключающееся в том, что устанавливаемый факт входит в предмет доказывания, называется относимостью доказательства».

На наш взгляд, нельзя сводить к причинности все разнообразие связей доказательственных фактов с предметом доказывания, а также определять через причинность понятие относимости.

Относимость факта, как результат его объективной связи с расследуемым событием, допускающий причинную связь, следует отличать от принадлежности факта к замкнутой системе, как результата доказанной причинной связи его с расследуемым событием.

Различаются и формальные признаки этих понятий. Признаком относимости является процессуальное закрепление фактических данных способом, установленным законом. Формальным же признаком включения факта в замкнутую систему является его использование для обоснования выводов о предмете доказывания в итоговых процессуальных документах (обвинительном заключении, приговоре суда).

2. В замкнутую систему фактических данных могут включаться только факты, признанные субъектом достоверно установленными.

Если сведения о том или ином доказательственном факте не были проверены в ходе расследования, имеют характер предположения, допускают различные толкования и т.д., то они не могут включаться в замкнутую систему фактических данных. На необходимость достоверного установления фактов, включаемых в итоговую, замкнутую систему доказательств, обоснованно указывают многие исследователи¹.

Доказательственный факт включается в замкнутую систему вместе с системой устанавливающих его исходных фактических данных. В результате замкнутая система в самой себе содержит доказательства истинности каждого включенного в нее доказательственного факта.

«Каждое утверждение, сделанное следователем в описательной части обвинительного заключения, - указывает М. С. Строгович, - каждый изложенный в ней факт должны быть подкреплены ссылкой на имеющиеся в деле доказательства. Ни одно утверждение описательной части не может быть без доказательственным»².

¹ См.: Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. С. 112; Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 350, и др.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: АН СССР, 1958. С. 351.

Важнейшим свойством системы доказательств, положенной в основу обвинения, как отмечают большинство исследователей теории улик, является ее гармоничность.

3. Гармоничность системы.

Гармоничность системы - это не просто образная характеристика, она означает логическую непротиворечивость системы, согласованность всех образующих ее фактических данных.

В первую очередь это недопустимость противоречивых фактов внутри самой замкнутой системы.

Если в процессе расследования обнаруживается факт, противоречащий собранному доказательству, «не укладывающийся» в логическую систему, объясняющую расследуемое событие, то это может означать только одно из двух: неправильно установлен противоречащий факт или связь фактов, образующих систему, является кажущейся, внешней; фактически же они образуют не органическую, целостную, а случайный набор, «кучу улик».

Противоречащие факты, или, как их принято называть в судебно-следственной практике, негативные обстоятельства, играют роль пробного камня системы фактических данных. Тщательное исследование таких обстоятельств, влечет или удовлетворительное их объяснение логическими аргументами системы, в результате чего они перестают быть противоречащими и «ассимилируются» системой, или, если такое объяснение оказывается невозможным, - распадением всей системы фактических данных и образование новой системы, основанием которой является негативное обстоятельство.

Логическая «неожиданность» негативного обстоятельства, открываемый этим обстоятельством новый аспект исследования, иное освещение уже установленных фактов, необходимость разработки и фактической проверки новых версий - все это характеризует большое количество доказательственной информации, содержащейся в негативном обстоятельстве.

В связи с этим выявление и тщательное исследование негативных обстоятельств должно стать рабочим методом процессуального доказывания.

Роль негативных обстоятельств в доказывании аналогична роли научных фактов, не укладывающихся в системы старых научных теорий и потому требующих их ломки, изменения и развития.

Этим определяется ценность таких фактов. Особенно важны для науки, по выражению А. М. Бутлерова, факты, которые противоречат господствующим теориям.

В криминалистической литературе на необходимость обнаружения и исследования негативных обстоятельств указывается обычно в разделе о тактике осмотра места происшествия¹.

Между тем выявление и исследование таких обстоятельств имеет более общее значение и должно рассматриваться как метод построения непротиворечивых доказательственных систем.

Гармоничность системы находит свое выражение в согласованной связи всех фактов, образующих систему. При этом имеется в виду, с одной стороны, связь каждого доказательственного факта с предметом доказывания и, с другой стороны, его связь с другими доказательственными фактами.

Нельзя абстрагироваться при этом от психологии труда следователя. Длительная работа над одной и той же версией, конструирование целостной системы фактических данных связаны с «привыканием» следователя к принятым версиям и фактам, при котором он перестает замечать «мелочи», противоречащие собранной системе фактов. «Отдавая себе отчет в опасности укоренившихся представлений, - правильно отмечает А. Р. Ратинов, - следователю надлежит оценивать наблюдаемые факты и явления, не только с привычной точки зрения, не ограничиваться тем, что ему было известно ранее, а стремиться каждый раз увидеть что-то новое... Искать в наблюдаемом, не только то, что предполагалось найти, но и обратное тому»².

«Каждая гармоническая улика, - писал по этому поводу еще

¹ См.: Якимов И. Н. Осмотр // Криминалистика. М.: Юриздат, 1938. С. 356; Осмотр места происшествия / под ред. А.Н Васильева. М.: Госюриздат, 1960. С. 72, 76 и др.; Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1963. С. 330 и др.

² Ратинов А. Р. Наблюдательность и наблюдение в работе следователя // Вопросы предупреждения преступности. М. № 4.1966. С. 156-158.

А. Жиряев, по обоюдности отношения, в котором она состоит. Играет в доказательстве двойственную роль, именно:

а) ведет к отысканию главного факта;

б) служит средством проверки прочих улик со стороны их годности в данном случае, т.е. со стороны основательности заключения, делаемого от них к главному факту»¹.

Рассматривая связь фактов, образующих замкнутую систему, необходимо в первую очередь обратить особое внимание на причинный характер этой связи. Доказательственный факт включается в замкнутую систему, поскольку он ведет к установлению причинной связи действий (или бездействия) определенного лица с наступившим преступным результатом. При этом причинная связь понимается в широком плане как связь всего комплекса причин и условий, вызвавших данный результат, как генетическую связь².

М. С. Строгович выделяет следующие формы причинной связи в системе фактических данных:

- 1) главный факт - причина доказательственного факта;
- 2) главный факт - следствие доказательственного факта;
- 3) оба они - следствие общей причины;
- 4) доказательственный факт - условие главного факта³.

Отмечая причинный характер связи доказательственных фактов, М. П. Шаламов выделяет непосредственную связь доказательственных фактов между собой и их связь через доказываемое положение⁴.

Эти типы связи соответствуют выделяемым А. А. Эйсманом

¹ Жиряев А. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 187.

² См.: Свечников Г. А. Категория причинности в физике. М., 1961. С. 70; Эйсман А. А. О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. № 11. М.: Юрид. лит., 1964. С. 21.

³ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 351-355.

⁴ Шаламов М. П. Теория улик. М.: Госюриздат, 1950. С. 82-90.

последовательной и параллельной связи доказательственных фактов¹.

Не вдаваясь в детальный анализ указанных типов связи, представляющий специальную задачу теории улик, ограничимся общей характеристикой непротиворечивости системы.

В этом плане представляет интерес значение противоулик, ведущих к нейтрализации отдельных доказательственных фактов и их выпадению из общей системы фактических данных.

Ведет ли это выпадение к разрушению общей системы фактических данных или оно может быть компенсировано другими фактическими данными, обеспечивающими надежность выводов следователя и суда?

«Разрешение дела, - пишет по этому поводу М. М. Гродзинский, - возможно лишь на основе всей совокупности улик, взятых в их взаимосвязи, и потому противоулики, ослабляя или опровергая одну какую-либо улику, могут тем самым разрушить доказательственную силу всей совокупности улик и, следовательно, могут привести к таким же последствиям, как и так называемые улики оправдания».

Еще более категорично высказался по этому поводу А. Я. Вышинский: «...связь косвенных доказательств должна быть такой, чтобы все они являлись звеньями одной цепи: при выпадении одного звена распадается вся цепь, теряют значение все улики и каждое отдельное доказательство»².

М. П. Шаламов считает, что положение о «цепи улик» имеет лишь образный характер и что «переносить эти положения на цепь улик по уголовному делу никак невозможно»³.

Мы полагаем, что решать вопрос о последствиях устранения противоуликой доказательственного факта в общей форме нельзя. Такие последствия определяются характером связи устраняемого

¹ *Эйсман А. А.* О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. № 11. М.: Юрид. лит., 1964. С. 12.

² *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. С. 102-102; *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 293.

³ *Шаламов М. П.* Теория улик. С. 96.

доказательственного факта с другими фактами и предметом доказывания.

Выражение «цепь улик» является, конечно, образным. Однако причина его жизненности, использования юристами разных стран на протяжении ряда столетий не только в этом.

Выражение «цепь улик» отражает объективно существующую цепь физической причинности, звенья которой так связаны друг с другом, что устранение одного из них ведет к перерыву причинной связи.

Если учесть, что причинность, как это показано И. В. Кузнецовым¹, всегда связана с переносом материи и движения выражение «цепь улик» приобретает также определенный физический смысл.

Здесь возможны две типичные ситуации.

1. Когда устранимый доказательственный факт составляет звено последовательно развивающейся причинной связи, составляющей предмет доказывания (последовательная связь - по А. А. Эйсману, непосредственная связь - по М.Шаламову).

Устранение необходимого звена причинно развивающейся связи приводит к распадению всей цепи. При этом следует иметь в виду, что понятие цепи фактов не тождественно понятию системы. Последняя, как на это правильно обращает внимание А. И. Трусов², может включать ряд цепей фактических данных, отражающих одну и ту же причинную зависимость. Судьба системы в этом случае зависит от того, с какой надежностью устанавливается причинная связь оставшимися цепями доказательственных фактов.

На гр-на Елькина, проходившего поздним вечером около городского парка, было совершено разбойное нападение. Елькин оказал преступникам сопротивление и криками позвал на помощь. Оказавшийся поблизости наряд милиции пытался задержать преступников. Завязалась перестрелка, в ходе которой сотрудники

¹ Кузнецов И. В. Проблема причинности в современной физике. М.: АН СССР, 1960.

² Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960. С. 67.

милиции произвели несколько прицельных выстрелов из револьверов «Наган». Преступникам удалось скрыться. На следующий день в одну из городских поликлиник обратился за помощью Сиверцев, раненный, по его словам, круглой свинцовой пулей при неосторожном обращении с охотничьим ружьем. Задержанный в качестве подозреваемого Сиверцев от операции по извлечению пули отказался. Хотя по рентгенограмме повреждения четко просматривался весьма характерный контур нагановской пули с уплощенным кончиком, индивидуальная идентификация оказалась невозможной.

Однако, в ходе расследования, наряду с рассматриваемой цепью, были использованы еще две. При обыске в надворных постройках дома Сиверцева был обнаружен и изъят пистолет серии «Беретта» калибра 7,62 мм. При его криминалистическом исследовании по следам копоти выстрела установили, что из пистолета на протяжении суток были произведены выстрелы. Осмотром места, где произошла перестрелка, из ствола одного из деревьев было извлечена пуля калибра 7,62 мм. Баллистическая идентификационная экспертиза установила, что эта пуля выпущена из «Беретты», обнаруженной дома у Сиверцева. Установленные факты образовали новую цепь улик: разбойное нападение на Елькина - попытка задержания преступников - перестрелка с использованием преступниками пистолета «Беретта» калибра 7,62 мм - повреждение дерева пулей «Беретта» калибра 7,62 мм - обнаружение у Сиверцева пистолета «Беретта» калибра 7,62 мм (со следами выстрела, и которого выпущена обнаруженная на месте преступления пуля).

Кроме того, Сиверцев и его товарищ Коновалов были опознаны Елькиным как лица, совершившие на него разбойное нападение.

Следует отметить, что объяснения доказательственного факта не причинной, а иной случайной связью с преступлением являются типичными противоуликами по уголовным делам. Так, факт пребывания на месте преступления объясняется пребыванием там до совершения преступления и вне связи с ним; следы крови на одежде - кровотечением из носа; поличное - приобретением вещей у случайных лиц и т.д. и т.п.

В связи с этим при невозможности опровержения противoulуик судьба всей системы фактических данных зависит от наличия дополнительных, «подкрепляющих» цепей доказательственных фактов.

2. Когда устраняемый доказательственный факт связан с другими через посредство доказываемого положения.

В этом случае ослабляется аргументация доказываемого положения и его судьба в системе зависит от количества и надежности других устанавливающих его доказательственных фактов.

«Представление о том, что каждая отдельная улика, входящая в систему, не может быть удалена оттуда без разрушения всей “цепи”, - не применимо, - по обоснованному высказыванию А. А. Эйсмана, - к системе накопления»¹.

Характерно в этом отношении упомянутое выше дело Ефимова².

Ночью при нападении на склад группа преступников вступила в перестрелку с работниками милиции. Один из преступников убежал через примыкающее к складу болото. Работники милиции опознали в нем местного жителя, неоднократно судимого Ефимова. Задержание Ефимова произвели час спустя, когда он уже находился дома. Обувь и брюки Ефимова оказались влажными. Отрицая свое участие в нападении на склад, Ефимов отрицал и свое пребывание на месте преступления. Состояние своей одежды он объяснил тем, что наступил на улице в лужу.

При осмотре одежды на брюках Ефимова были обнаружены семена дикого растения, держащиеся на ткани жесткими прицепками. Растения с подобными семенами были найдены и на болоте около склада. Ботаническая экспертиза дала заключение о том, что эти плоды сравниваемых растений принадлежат к одному и тому же виду - «череда трехраздельная». Эта улика, однако, также была нейтрализована обвиняемым, заявившим, что семена на его брюки могли быть нанесены работниками милиции уже после обыска.

¹ Эйсман А. А. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств//Вопросы криминалистики. № 12. М.: Юрид.лит., 1964. С. 60.

² Описывается А. М. Лариным в книге «Работа следователя с доказательствами» (М.: Юрид. лит., 1966. С. 63-64).

Основанием для такого заявления послужило то, что в момент изъятия броек семена на них обнаружены и зафиксированы не были.

Таким образом, доказательственные факты, устанавливающие пребывание Ефимова на месте преступления, были нейтрализованы обвиняемым.

Означает ли выпадение указанных фактов из системы распадение всей системы фактических данных?

Очевидно, нет. Нейтрализация рассматриваемых фактов может повлиять лишь на доказанность того обстоятельства, в подтверждение которого были приведены «нейтрализованные» факты, в данном случае - установление факта пребывания обвиняемого на месте преступления. Однако, помимо «нейтрализованных», это обстоятельство может быть достоверно доказано рядом других фактов, например обнаружением вещей обвиняемого на месте преступления, обнаружением там его следов, опознанием обвиняемого и др. Таким образом, выпадение отдельных фактов, связанных через доказываемое положение, не влечет во всех случаях выпадения самого доказываемого положения, ибо оно может быть доказано другими доказательственными фактами. Более того, недоказанность самого доказываемого положения в данном случае также не означает распада всей системы улик. Причинная связь действий обвиняемого с расследуемым событием может быть доказана и без посредства этого факта, например обнаружением повреждений на теле задержанного, обнаружением у него похищенных вещей, орудий преступления и т.д.

Таким образом, устранение доказательственного факта из системы не влечет во всех случаях фатального распада всей системы фактических данных. Последствия такого устранения должны оцениваться конкретно, с учетом характера связей устраняемого факта, значения доказываемого им положения и возможности достоверного установления искомой причиной связи без посредства данного факта.

Как видно из сказанного, непротиворечивость системы имеет как внутреннюю, так и внешнюю относительно системы сторону.

Последняя означает недопустимость любой другой общей противоречивой системы.

Система фактических данных может быть признана непротиворечивой, если она исключает, доказывает неистинность, ложность других логических систем, объясняющих расследуемое событие. Так, система доказательств, собранных обвинением, может быть признана непротиворечивой только в том случае, если будет доказана неистинность противоречащих этой системе объяснений обвиняемого и доводов защиты.

Поскольку такие доказательства представляют характеристику непротиворечивости данной системы, они включаются в эту систему.

Согласно ст. 220 УПК РФ, определяющей содержание обвинительного заключения, «доводы, производимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки этих доводов» должны быть изложены в описательной части обвинительного заключения.

Если при постановлении приговора суд опирается на систему доказательств, противоречащую той, которая послужила основанием для предания обвиняемого суду, он «обязан привести мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде» (ст. 307 УПК РФ).

Особенно отчетливо выражено требование закона об исключении противоречащей общей системы доказательств при постановлении судом оправдательного приговора.

«В описательной части оправдательного приговора, - гласит ст. 305 УПК РФ, - излагается сущность обвинения, по которому обвиняемый был предан суду, обстоятельства дела, установленные судом; приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых было основано обвинение».

Замкнутость системы доказательств

На свойство замкнутости системы фактических данных указывали многие авторы¹, ставя его наряду с гармоничностью системы. Гармоничность, непротиворечивость системы еще не означают ее замкнутости. Встречаются гармонические, согласованные, непротиворечивые системы фактических данных, которые, однако, не признаются судом завершенными, замкнутыми системами, достаточными для постановления приговора. Одним из характерных является приводимое М. М. Гродзинским дело Ганьшиной, обвиненной в убийстве детей своего мужа².

Все факты, обосновывающие виновность Ганьшиной, были непротиворечивы и гармонически сочетались друг с другом, однако они не создавали полной уверенности в виновности Ганьшиной, не образовывали замкнутой системы.

Замкнутость системы фактических данных означает ее полноту, завершенность, истинность. Замкнутая система фактических данных устанавливает все факты и обстоятельства, необходимые для правильного разрешения дела по существу.

Это требование распространяется в равной мере и на систему фактических данных, изложенную в обвинительном заключении и любом решении суда по существу дела.

Замкнутость, завершенность системы представляют основание достоверных выводов о предмете доказывания. Если какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию, еще не установлены, можно говорить об установлении отдельных доказательственных и искомых фактов, но нельзя говорить об установлении главного факта и предмета доказывания.

Главный факт - это органическое единство всех образующих его элементов. Он может быть установлен лишь на основе замкнутой системы фактических данных. Вывод о предмете доказывания

¹ *Строгович М. С.* Материальная истина в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 360; *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. С. 118; *Винберг А. И., Миньковский Г. И., Рахунов Р. А.* Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. С. 60, 80 и др.; *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств. С. 67 и др.

² *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. С. 112-113.

в рамках замкнутой системы доказательств подобен умозаключению демонстративного силлогизма. Последнее, как отмечает Поля, «не требует ничего постороннего; он независим от чего бы то ни было, не упомянутого в основаниях. В этом смысле силлогизм самостоятелен: ничего кроме оснований не нужно, чтобы сделать законным вывод, и ничего не может сделать его незаконным, если основания остаются устойчивыми»¹.

Замкнутость системы фактических данных означает, во-первых, что в системе имеется такая совокупность исходных фактических данных (частных систем доказательств), которая с достоверностью устанавливает все доказательственные и искомые факты.

Замкнутость системы означает, во-вторых, что совокупность включенных в систему доказательственных и искомых фактов с необходимостью влечет за собой вывод о наличии главного факта и всех других элементов предмета доказывания.

Замкнутость системы означает, следовательно, достаточность исходных фактических данных (оснований вывода), достоверность доказательственных фактов (промежуточных выводов) и достоверность главного факта и предмета доказывания (конечных выводов).

Замкнутая система фактических данных, таким образом, предполагает:

а) исходные фактические данные, необходимые для промежуточных и конечных выводов (доказательства);

б) истинность промежуточных и конечных выводов о фактических обстоятельствах дела (доказательственные факты и предмет доказывания);

в) демонстрация необходимой связи, существующей между установленными основаниями и выводами (логическое следование).

Замкнутая система, как органическое единство совокупности фактических данных и целостная логическая система, отражает содержание объективной истины по делу и является процессуально-логическим основанием его разрешения по существу.

¹ Поля Д. Математика и правдоподобные рассуждения. М.: ИЛ, 1957. С. 371.

Достоверность выводов о главном факте и других элементах предмета доказывания, включаемых в замкнутую систему как ее завершающий элемент, является существенным признаком замкнутой системы и одновременно важнейшим принципом построения замкнутых систем. Это обстоятельство обоснованно подчеркивается рядом авторов¹.

6.2.3. Предмет доказывания и главный факт

Формирование замкнутых систем доказательств и верификация оснований правовых решений связаны с понятиями предмета доказывания и главного факта. В связи с этим представляется ошибочным встречающееся в литературе смешение функционально связанных понятий предмета доказывания и главного факта.

Как правильно отмечается большинством авторов, предмет доказывания представляет систему обстоятельств дела, которые должны быть установлены, доказаны и необходимы для его правильного разрешения².

Предмет доказывания, как круг подлежащих доказыванию обстоятельств, прямо определен законом (ст. 73 УПК РФ), т.е. представляет общую форму нормативного регулирования процесса доказывания.

Что касается главного факта, то он, как и любой факт, представляет отражение индивидуальных обстоятельств конкретного дела. В процессе доказывания предмет доказывания очерчивает

¹ См.: *Гродзинский М. М.* Улики в советском уголовном процессе. С. 118; *Строгович М. С.* Материальная истина в советском уголовном процессе. С. 360; *Винберг А. И., Миньковский Г. М., Рахунов Р. А.,* Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. С. 36, 60, 80 и др.

² См., напр.: *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / под ред П. А. Лупинской. М., 2004. С. 222; *Безлепкин Б. Г.* Уголовный процесс России. 2-е изд. М., 2004. С. 116; *Михайловская И. Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2005. С. 77; *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. В. П. Верина и В. В. Мозякова. М., 2004. С. 152; *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу* / под ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М., 2002.

нормативные требования к определению круга обстоятельств, подлежащих установлению. Главный факт характеризует соответствие результата доказывания этим нормативным требованиям. Соотношение этих понятий характеризует соотношение задач и результатов доказывания.

Несмотря на методологическое различие этих понятий, в ряде работ допускается смешение и отождествление этих понятий.

Так, представляется беспочвенной дискуссия о том, следует ли выделять в предмете доказывания главный факт, поскольку это не соподчиненные понятия, а категории разного порядка¹.

Отождествление предмета доказывания и главного факта столь же неправомерно и ошибочно как отождествление технических нормативов (ГОСТов и ТУ) с готовой продукцией в любых технологических процессах.

Принципы построения замкнутой системы доказательств судом, рассматривающим дело по существу, облегчают установление объективной истины, а также анализ обоснованности и законности судебных решений.

Проблема достижения судом объективной истины в процессе рассмотрения и разрешения дела по существу положительно решена отечественной теорией уголовного процесса.

Основываясь на важнейшем положении материалистической гносеологии о принципиальной познаваемости объективного мира и рассматривая доказывание как разновидность познания человеком объективной реальности, теория уголовного процесса рассматривает достижение объективной истины как важнейшую задачу доказывания².

¹ См.: Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. С. 77; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2004. С. 180; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации/ под ред. П. А. Лупинской. С. 222; Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. С. 46.

² Строгович М. С. Материальная истина в советском уголовном процессе. С. 19 и след.; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1966. С. 44 и след.; Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М.: Госюриздат, 1961. С. 24 и след.; Старченко

Рассматривая задачу установления объективной истины в уголовном процессе, нельзя пройти также мимо утверждений отдельных авторов о том, что в процессе судебного исследования достигается не объективная истина, а лишь ее вероятность¹.

Из этих утверждений вытекает, что следователь составляет обвинительное заключение, прокурор передает дело в суд, а суд выносит приговор, не располагая совокупностью доказательств, обеспечивающей принятие соответствующего действительности судебного решения.

Такая позиция в корне противоречит принципам правосудия и его моральным основам. Объективная истина в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства может быть установлена на основе замкнутой системы фактических данных, исключающей иные решения.

Понятия замкнутой системы фактических данных характеризует неразрывную взаимосвязь обоснованности и истинности любого судебного решения.

Если приговор основан на замкнутой системе фактических данных т.е. если он обоснован, он соответствует тому, что имело место в действительности, и законам правильного мышления, он является истинным.

Нельзя согласиться с авторами, противопоставляющими понятия обоснованности и истинности судебного решения².

А. А. Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958. С. 24 и след.

¹ См.: *Голунский С. А.* О вероятности достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. Кн. IV. М., 1937. С. 61; *Чельцов М. А.* Уголовный процесс. М., 1948. С. 252; *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950; *Тадевостян В. С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 66.

² Развернутая критика вероятностей трактовки истины в советском уголовном процессе содержится в работах: *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. С. 76-79; *Дорохов В. Я.* Установление истины - цель доказывания

«Приговор, - пишет П. Ф. Пашкевич, - может соответствовать тому, что имело место в действительности выражать объективную истину, и в то же время не быть обоснованным. Это бывает в тех случаях, когда он построен на не вполне доказанной, хотя и правильной версии». Признаком истинности приговора, как правильно отмечает А. А. Старченко¹, является не только его соответствие действительности, но и соответствие выводов суда тем исходным фактическим данным (доказательствам), на которых он основывается. Если приговор суда не обосновывается установленным доказательством, не вытекает из них, он не является логически правильным и, следовательно, истинным.

Истина судебного решения, как и всякая другая истина, может существовать только в форме достоверного, т.е. доказанного, знания.

Недоказанная истина - не истина.

Истинное решение суда по существу дела всегда опирается на замкнутую систему фактических данных и выражено в обоснованном судебном приговоре. В отрыве от замкнутой системы фактических данных, без обоснования судом своих выводов нет истинного приговора.

В связи с задачей установления объективной истины важное значение приобретает исследование противоречивости и обоснованности судебного приговора, как важнейших условий его истинности и законности.

Принципы построения замкнутых систем фактических данных, лежащих в основе судебного решения, следует рассматривать как конкретизацию и развитие требований непротиворечивости и обоснованности судебного решения. Попытки разрешить проблемы непротиворечивости и обоснованности приговора в отрыве от обосновывающей приговор системы фактических данных, без анализа свойств этой системы принципов ее построения нельзя признать совершенными.

в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1966. С. 58-66; Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М.: Госюриздат, 1961. С. 69.

¹ Старченко А. А. Важная методологическая проблема советской правовой науки // Вопросы философии. № 2. 1963. С. 172.

Рассматривая требование непротиворечивости приговора, В. Я. Дорохов и В. С. Николаев пишут: «Для того чтобы мотивировка была доброкачественной, в ней не должно содержаться внутренних противоречий. Приведенные доказательства и их анализ должны излагаться в строгой логической последовательности. Нелогичность изложения, противоречия в доказательственном материале и доводах делают мотивировку приговора неубедительной. В случаях же грубого нарушения этих требований может быть поставлена под сомнение доброкачественность всего приговора»¹.

Возражая цитированным авторам, П. Ф. Пашкевич пишет: «...при любом доказательственном материале -мотивировка приговора должна быть убедительной. Неубедительность мотивировки зависит не от противоречивости доказательственного материала, а от ее собственной логической противоречивости, от неумения разобраться в противоречивом материале и правильно объяснить противоречия»². Причина спора цитированных авторов состоит, как нам представляется, не в принципиальном различии их позиций, а в невыясненности самого предмета спора - понятии противоречивости приговора. В. Я. Дорохов и В. С. Николаев видят ее в «противоречивости доказательственного материала». П. Ф. Пашкевич - в «собственной логической противоречивости». Мы полагаем, что понятие противоречивости приговора может быть правильно раскрыто только через понятие противоречивости обосновывающей его замкнутой системы фактических данных.

Противоречивость обосновывающей приговор системы фактических данных будет иметь место:

а) при наличии внутри данной системы взаимоисключающих фактов;

б) при наличии параллельной противоречащей системы, ложность которой не установлена системой, обосновывающей приговор.

«Противоречивость доказательственного материала», собран-

¹ *Дорохов В. Я., Николаев В. С.* Обоснованность приговора. М.: Госюриздат, 1959. С. 212.

² *Пашкевич П. Ф.* Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М.: Госюриздат, 1961. С. 143.

ного по делу в целом, при наличии субъектов доказывания с различными процессуальными полномочиями и обязанностями доказывания, является естественным выражением состязательности, не может сама по себе рассматриваться как показатель ложности утверждений того или иного субъекта доказывания, противоречивости той или иной системы фактических данных. Вместе с тем истинность утверждений любого субъекта должна быть обоснована непротиворечивой системой установленных фактических данных.

При этом само понятие непротиворечивости утверждений не может быть понято вне связи с целостной системой фактических данных, обосновывающих доказываемый тезис.

Итак, противоречивость приговора - это противоречивость обосновывающей его замкнутой системы фактических данных.

Это определение может быть использовано при анализе непротиворечивости утверждений любого субъекта доказывания, выступающего с самостоятельным тезисом и обосновывающей его системой фактических данных (обвинительное заключение, тезисы защиты, определения вышестоящих судов).

Нельзя признать правильным также понятие обоснованности приговора, если оно отрывается от обосновывающей приговор замкнутой системы фактических данных.

«Обоснованность приговора, - пишет П. Ф. Пашкевич, - это его подтвержденность доказательствами, имеющимися в деле, и исследованными в судебном заседании, хотя анализ этих доказательств и ссылка на них могут и отсутствовать в приговоре»¹.

П. Ф. Пашкевич различает мотивированный и обоснованный приговор и полагает, что приговор может быть немотивированным и в то же время обоснованным.

Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой важнейшего в процессуальном отношении свойства приговора.

В своем решении суд не связан ни формой обвинения, ни тезисами защиты, ни приводимыми в их обоснование системами фактических данных.

¹ Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. С. 135.

Вынося приговор, суд обосновывает его самостоятельной системой фактических данных, каждое из которых должно быть проанализировано в судебном заседании, а вся их система оценена как основание единственно правильного в данном деле решения.

Обоснованность приговора - это не его «подтвержденность доказательствами, имеющимися в деле». Обоснованность приговора - это его обоснованность замкнутой системой фактических данных, полученных, проверенных и оцененных судом как необходимое и достаточное основание для решения суда.

«Доказательства, имеющиеся в деле», не образующие замкнутой системы, не исследованные судом с точки зрения их полноты, непротиворечивости, истинности исходных данных, однозначности проистекающих из них выводов и решений, не могут рассматриваться как основания судебного решения.

Мотивирование приговора есть выражение произведенной судом оценки доказательств. «Суть мотивировки, - как правильно отмечает сам П. Ф. Пашкевич, - состоит в... показе взаимозависимости между доказательствами и положениями, зафиксированными в приговоре»¹. Отсутствие мотивировки приговора равнозначно тому, что суд вообще не произвел предусмотренной законом оценки доказательств, не показал необходимой связи исследованных им доказательств и сделанных в приговоре выводов.

Без такой оценки, представляющей наиболее ответственную и сложную стадию доказывания, нельзя говорить и о доказанности виновности или невиновности подсудимого, обоснованности приговора суда.

Если суд не показал необходимой связи своих выводов с исследованными им доказательствами, эта связь может расцениваться как случайная, не исключающая другого решения. Практика кассационного и надзорного производств изобилует примерами того, как вышестоящий суд дает иную оценку имеющимся в деле доказательствам и приходит к другим выводам, нежели суд

¹ Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. С. 144.

первой инстанции¹. Происходит это потому, что суд, рассматривающий дело в первой инстанции, не сумел доказать необходимости сделанных им выводов, обосновать свой приговор.

Из сказанного видно, что обоснованность приговора нельзя рассматривать в отрыве от производимой судом оценки доказательств, мотивировки выводов суда, вне связи с замкнутой системой фактических данных, представляющей логические и процессуальные основания судебного решения.

Представляет интерес вопрос о том, можно ли совместить требования замкнутости, завершенности системы фактических данных с возможной неполнотой судебного исследования.

В отдельных случаях следствие, а затем и суд, достоверно установив обстоятельства, позволяющие дать правовую оценку деяния, не могут в силу объективных условий выяснить все существенные в правовом отношении факты. Так, например, в отдельных случаях не представляется возможным установить и доказать виновность всех соучастников преступного деяния, не всегда можно установить размеры хищения, большие трудности вызывает точное установление всех эпизодов преступной деятельности, когда оно совершается систематически и на протяжении длительного времени.

Совместима ли такого рода неизбежная в отдельных случаях неполнота исследования с требованием замкнутости системы фактических данных и истинности выводов суда по существу дела? Думается, что на этот вопрос следует ответить положительно.

Замкнутость системы фактических данных означает полноту и завершенность установления тех обстоятельств, которые вменяются в вину привлеченным к уголовной ответственности лицам. Она не равнозначна исчерпывающему выяснению всех обстоятельств дела. Последнее может рассматриваться как важнейшая задача исследования, но не как обязательное условие принятия судебных решений. Невыясненность отдельных обстоятельств не

¹ Правильно, на наш взгляд, рассматривается соотношение мотивированности и обоснованности приговора в работе Э. Ф. Куцовой «Советская кассация, как гарантия законности в правосудии» (М, 1957. С. 96-98).

дает в этих случаях суду права, как это правильно отмечает А. А. Старченко «отказаться от принятия решения в отношении достоверно установленных фактов»¹.

Понятие замкнутости системы имеет различный смысл применительно к системе обвинения и защиты.

Система фактических данных обвинения может быть признана замкнутой только в том случае, если она достоверно устанавливает все существенные в правовом отношении обстоятельства (предмет доказывания).

Система фактических данных защиты в соответствии с установленной законом обязанностью доказывания (ст. 53 УПК РФ) может быть признана замкнутой при условии, если она достоверно устанавливает хотя бы одно противоречащее системе обвинения (оправдывающее) обстоятельство, например алиби. Такая система может быть признана замкнутой и в том случае, если она, не опровергая системы обвинения, достоверно устанавливает согласующуюся с ней совокупность смягчающих вину обстоятельств.

6.3. Информационное моделирование и верификация как базовые технологии принятия правовых решений

6.3.1. Верификация как инструмент проверки логических выводов эмпирическими методами

Поскольку в правоприменительной практике используется именно такой метод проверки выводов (осмотр, допрос, эксперимент, экспертиза и т.п.), процедура верификации представляет для обоснования правовых решений несомненный интерес.

Верификация как институт и инструмент познавательной деятельности имеет весьма длительную историю своего развития.

Верификация (*verification* - доказательство, подтверждение от лат. *verus* - истинный и *facio* - делаю) понятие, употребляемое в логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений на основе их эмпирической проверки.

¹ Старченко А. А. Важная методологическая проблема советской правовой науки // Вопросы философии. № 2.1963. С. 172.

Исторические корни верификации восходят к философии позитивизма, сводящего любое научное знание к сумме непосредственных «протокольных» наблюдений¹. Последователи современного неопозитивизма рассматривают научное знание как итог сложного синтеза методов непосредственного и опосредствованного, логического познания.

Этот принцип соответствует условиям судебного исследования.

Судебные доказательства, как отраженная в протоколах следственных и судебных действий непосредственно воспринятая информация, являются исходным в познании и конечным в верификации критерием истинности и достоверности оснований принятия правовых решений.

Вместе с тем специфика юридического исследования должна в полной мере учитываться в разработке процессуально-познавательных процедур. Правоприменение имеет дело с познанием единичных явлений, установлением единичных фактов. Такое познание по природе, технологии и возможностям принципиально отличается от общенаучного познания.

Это отличие касается места и значения непосредственного «протокольного» познания и возможностей верификации.

В науке различают непосредственную и косвенную верификацию. В первом случае имеется в виду прямая проверка утверждений данными наблюдений и эксперимента. При этом утверждение признается истинным, если оно может быть сведено к данным опыта, «протоколам» непосредственных наблюдений. Во втором - проверка истинности осуществляется посредством установления логических отношений между косвенно и прямо верифицируемыми утверждениями.

В качестве предмета логико-методологического исследования выступает именно анализ условий и схем верифицируемости².

¹ Принцип верифицируемости был предложен австрийским философом М. Шликом (1882-1936) и Л. Витгенштейном (1889-1952), и был усовершенствован в работах Р. Карнапа, А. Айера, У. Поппера и др.

² См.: *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. Гл. 2.

Поскольку процесс судебного исследования и доказывания базируется именно на данных непосредственного исследования (следственные и судебные действия и их протоколы), а их конечные выводы по предмету доказывания должны быть «ведены к этим данным и обоснованы ими, методология, принципы и инструменты верификации, разработанные в методологии науки, должны рассматриваться как общенаучная методологическая основа верификации правовых решений¹.

Существенной особенностью правового исследования и соответственно процессов верификации в правовом исследовании является правовая оценка устанавливаемых в результате анализа фактических данных. Эта оценка не может рассматриваться как какой-либо отдельный элемент или стадия исследования. Она определяет задачи, направления и средства исследования и критерии оценки его результатов.

В силу этого информационно-содержательный и правовой контент исследования в этом случае неразрывно связаны друг с другом и могут рассматриваться как две спаренные динамические информационные модели. В связи с этим правовое регулирование и информационное наполнение образуют форму и содержание правоприменительной деятельности, должны рассматриваться в неразрывном диалектическом единстве как стороны единой по своим целям, и методам осуществления деятельности.

Неразрывная связь этих процессов выражена в их зеркальности по отношению друг к другу: развитие их осуществляется синхронно, их общая структура изоморфна, переходы из стадии в стадию осуществляются одновременно, а в заключительной стадии эти процессы синтезируются в процессуальном решении и материализуются в едином правовом документе.

Вместе с тем гносеологические аспекты и познавательные задачи правоприменения, связанные с приемами абстрагирования,

¹ Критика идей неопозитивизма в связи с недостаточностью методов верификации для обоснования фундаментальных общетеоретических законов не затрагивает возможностей верификации единичных фактов, являющихся предметом судебного исследования.

информационного и кибернетического моделирования, математической формализации и др., не должны привести к отрыву от ее онтологических аспектов и решения содержательно-сущностных задач практической деятельности.

Хотя процессы правового регулирования и информационного наполнения неразрывно связаны, они в то же время являются относительно самостоятельными процессами, подчиняющимися собственным закономерностям, имеющим собственную структуру, методы и технологии осуществления.

6.3.2. Верификация как инструмент формирования правового решения

Рассмотрим основные стадии формирования правового решения.

1. Обнаружение признаков материально-правового состава в структуре конкретного правоотношения, инициирующее процесс правоприменительной деятельности, при котором эти признаки рассматриваются как исходные фактические данные в конкретной оперативно-розыскной, следственной или судебной ситуации.

2. Получение дополнительной информации и сужение круга возможных альтернатив.

Поскольку важнейшим свойством первоначального этапа правоприменительной деятельности является дефицит информации и неопределенность относительно основных элементов фактической структуры правоотношения, процесс развивается по законам индуктивно-эвристической деятельности. При этом системе альтернатив материально-правового состава соответствует система версий, обеспечивающая развитие информационно-познавательной деятельности.

3. Установление существенных элементов фактической структуры конкретного материально-правового состава соответствует построению информационной модели исследуемого события и правоотношения, позволяющей использовать дедуктивные методики и технологии криминалистики, судебной экспертизы и других наук.

4. Реализация потенциала следственных процедур приводит к

установлению главного факта, исключая альтернативы материально-правового состава. Этап расследования, осуществляемый каждым из участников процесса, завершается окончательной правовой оценкой структуры правоотношения каждым из участников.

5. Завершающим этапом правоприменения, на котором от имени государства принимается обязательное к исполнению и имеющее силу закона волевое решение, является судебное решение. Все предшествующие стадии правоприменения и принимаемые при этом процессуально-правовые акты являются промежуточными, обеспечивающими принятие итогового процессуально-правового акта.

6. Основанием и технологией принятия такого решения является процесс верификации.

Необходимость верификации как особой формы правоприменительной деятельности, состоящей в исследовании самого процесса исследования и доказывания, произведенного субъектами доказывания на предшествующих стадиях, подтверждается рядом руководящих указаний Верховного Суда, касающихся обоснования приговора.

Информационно-логическая структура верификации включает:

1) оценку информации, полученной из источников (технологии декодирования источников);

2) оценку выводов о доказательственных фактах (частных систем доказательств);

3) оценку фактологической матрицы (замкнутой системы фактических данных, положенных в основу правового решения);

4) аутентификацию фактологической и правовой модели исследуемого правоотношения.

Выводы

1. Поскольку задача принятия правового решения является интегральной задачей всей системы деятельности, обеспечивающей ее конечную эффективность, такое решение требует специальной системы процессуально-правовых и информационно-технологических средств. Эта система может основываться только на результатах предшествующего фактологического анализа и дока-

звания и требует ее выделения в самостоятельную стадию правоприменительной деятельности, завершающую фактологический анализ и доказывание.

2. Современный уровень научной разработки данной проблемы явно не соответствует уровню ее теоретической значимости и практической актуальности. По существу, она сводится к обозначенным в законе критериям обоснованности, оторванным от принципа истины, и принципу оценки доказательств в отрыве от уровней такой оценки и ее методологического обеспечения.

3. В качестве методологического обоснования деятельности по принятию правых решений предлагается использовать процедуру верификации и теорию принятия решений, а также разработанные в праве системы обеспечения надежности доказательственной информации.

Процедура верификации, разработанная в методологии науки как система обоснования истинности знания на основе его эмпирической проверки, представляет собой не только наиболее адекватную задачам права общенаучную концепцию истинного знания, но и обосновывает собственно правовые механизмы непосредственного и опосредствованного познания.

4. В настоящее время практически функционирующая система правоприменения опирается на общенаучную методологию и традиционные системы материального и процессуального права.

При этом особое значение имеют доказательственное право и теория судебных доказательств, криминалистика и судебная экспертиза.

Дальнейшую научную разработку проблемы следует, по нашему мнению, вести с использованием потенциала теории принятия решений и ее приложений, касающихся общенаучных инструментов и смежных с правом отраслей деятельности (социальной, экономической, финансовой и др.), в которых понятия этой теории уже эффективно используются как инструменты научных исследований и практической деятельности.

5. Существенный научный и практический интерес имеет разграничение уровней обоснования и видов правовых решений.

Поскольку доказательственное значение фактических данных (сведения, доказательства, доказательственные факты) зависит от степени их удаленности от предмета доказывания, необходимо

разграничивать преддоказательственный (сведения), информационный (доказательства), логический (доказательственные факты), общий (предмет доказывания - главный факт) и контрольный (верификация) уровни обоснования правовых решений.

Каждому из данных уровней соответствует специальная технология фактологического анализа и доказывания, обусловленная задачами исследования и инструментами анализа.

6. Особое значение имеет разграничение преддоказательственного уровня, уровня процессуального доказывания и контрольного уровня обоснования правовых решений. Для каждого из них установлен специальный правовой режим, предусматривающий уполномоченных субъектов деятельности, используемые инструменты, а также правовое значение самих правовых решений.

Правовое регулирование рассматриваемых уровней осуществляется на федеральном уровне и ведомственном уровне государственных органов, осуществляющих дознание, предварительное и судебное следствие. Оно достаточно полно исследовано в специальной юридической и служебной литературе.

7. Этого нельзя сказать об общесистемных информационных технологиях, обеспечивающих качество конечного продукта системы - эффективности правового решения. Отсутствие общей концепции, методологии и системных технологий деятельности приводят к ведомственной разобщенности, сбоям во взаимодействии, дублированию функций, значительным финансовым потерям.

Этими обстоятельствами, на наш взгляд, в достаточной степени обосновывается внимание к обозначенным в настоящем исследовании проблемам.

8. Поскольку правовое регулирование, технологическое обеспечение и доказательственное значение результатов фактологического анализа главным образом определяется процессуальными функциями субъектов доказывания, весьма эффективна классификация видов правовых решений по признаку субъекта правового решения.

В числе таких субъектов могут быть выделены три основные категории:

- а) субъекты оперативно-розыскной деятельности;
- б) субъекты доказательственной деятельности;

в) субъекты судебной власти.

Для субъектов оперативно-розыскной деятельности и субъектов доказывания фактическим основанием правового решения является оперативно-розыскная и доказательственная информация о главном факте, как открытые системы.

Для субъекта принятия властных решений по существу дела таким основанием является фактологическая матрица, как закрытая система, построенная на основе верификации.

В теории могут рассматриваться и иные основания классификации видов правовых решений.

9. В соответствии с общенаучными требованиями системно-деятельностного подхода структуризация процессуально-доказательственной деятельности на основе определения ее конечной и промежуточных задач является необходимым условием ее программирования, алгоритмизации и общей оптимизации.

Методологической основой решения проблемы структуризации доказательственной деятельности являются методы системного и деятельностного подходов.

10. Доказывание представляет сложную целенаправленную деятельность, направленную на решение органически взаимосвязанных процессуальных и познавательных задач. Указанные задачи и аспекты доказательственной деятельности (логический, информационный, удостоверительный, демонстрационный, доказательственный и др.) в интересах научного анализа могут быть абстрагированы и самостоятельно исследованы. Однако при системном анализе практической доказательственной деятельности они должны рассматриваться в органическом единстве.

Выделение этих задач в самостоятельные виды деятельности представляется методологически ошибочным.

11. Базовыми уровнями процессуального доказывания являются уровни непосредственного и опосредствованного исследования. На уровне непосредственного предметно-чувственного исследования осуществляется формирование систем исходных фактических данных (доказательств).

На уровне опосредствованного логического исследования формируются системы доказательственных и искомых фактов, служащих основанием принятия процессуальных решений.

Особое место занимает преддоказательственный уровень и

уровень принятия процессуальных решений.

На преддоказательственном уровне формируется значительный потенциал доказательственной информации, инициирующий и обеспечивающий процесс доказывания.

Уровень принятия процессуальных решений, как фаза правоприменительной деятельности, является одновременно итоговым уровнем процессуальных процедур доказывания.

12. Стадии процессуального доказывания следует различать в зависимости от характера процессуальных и логических задач, разрешаемых на том или другом этапе доказывания.

Задаче обнаружения исходных фактических данных соответствует стадия собирания доказательств.

Задаче установления доказательственных и искомых фактов - стадия проверки доказательств.

Задаче обоснования итоговых процессуальных решений - стадия оценки доказательств.

13. Стадии доказывания осуществляются в рамках судебного процесса, но не сливаются с его стадиями.

Процесс доказывания, осуществляемый данным субъектом доказывания на протяжении всех промежуточных стадий судебного процесса и обосновывающий его итоговые решения по делу, представляет цикл процессуального доказывания. Цикл процессуального доказывания осуществляется в рамках процессуальных отношений, объединяемых деятельностью одного субъекта доказывания.

В цикле процессуального доказывания реализуются все его уровни и стадии.

14. Доказательственные факты - это нейтральные в уголовно-правовом отношении факты, установленные путем исследования доказательств и служащие логическим основанием для вывода о подлежащем доказыванию событии и всех его существенных в правовом отношении элементах.

Доказательственный факт, как соответствующий действительности результат судебного исследования, необходимо отграничивать от обстоятельства расследуемого события, которое этим фактом отображается.

Разграничение обстоятельства и факта в гносеологическом смысле соответствует разграничению объекта и образа.

В отличие от доказательства, представляющего непосредственное отражение субъектом доказывания информации, содержащейся в единичном источнике, доказательственный факт представляет результат умозаключения, основанного на исследовании определенной совокупности доказательств. Понятию доказательственного факта соответствует понятие устанавливающей этот факт частной системы доказательств.

Логический и процессуальный смысл разграничения доказательств и доказательственных фактов состоит в предупреждении необоснованных умозаключений в процессе непосредственного исследования источников доказательств.

15. Следует различать информационные и логические способы установления доказательственных фактов.

Информационный способ состоит в проверке информации, содержащейся в конкретном источнике, посредством информации, содержащейся в других источниках доказательств.

Логический способ основан на логическом анализе уже имеющихся фактов, т.е. предполагает наличие доказательственных фактов, предварительно установленных информационным путем.

Сущность доказательственного факта не сводится к причинной связи тех или иных явлений с расследуемым событием. Доказательственный факт может отображать пространственные, временные, функциональные, информационные, причинные и иные объективные связи предметов и явлений с расследуемым событием.

Классификация доказательственных фактов должна осуществляться на основе отображаемой ими реальной связи исследуемых обстоятельств.

16. Определенный законом (ст. 73 УПК РФ) предмет доказывания имеет характер правовой нормы, определяющей круг обстоятельств, несущих правовую информацию и подлежащих обязательному установлению при расследовании и судебном рассмотрении любого рассматриваемого судом дела.

Конкретизация предмета доказывания в процессе расследования осуществляется применительно к элементам состава преступления.

Определение предмета доказывания есть процесс применения соответствующих процессуальных и материально-правовых норм

к обстоятельствам конкретного дела, сопровождающий весь процесс доказывания и выражающий его задачи, цели.

17. Главный факт - это фактический состав единичного события, содержащий информацию, необходимую для разрешения дела по существу.

Переход от предмета доказывания к главному факту есть переход от абстрактного к конкретному, от общей нормы к единичному событию.

При определении состава главного факта действует принцип индивидуализации расследуемого события, находящийся в полном соответствии с принципом конкретности устанавливаемой в процессе судопроизводства истины.

Юридическое значение главного факта состоит в том, что он содержит информацию обо всех необходимых для правильного разрешения дела обстоятельствах. Данное свойство главного факта структурно ограничивает его от доказательств и доказательственных фактов.

Все элементы главного факта одинаково необходимы для правильного разрешения дела и в этом смысле они все имеют одинаковое правовое значение.

Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, должны быть включены в предмет доказывания постольку, поскольку их выяснение необходимо для исследования причинных связей события.

Исследование обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, с целью принятия мер по предупреждению преступлений выходит за рамки предмета доказывания по конкретному делу и представляет самостоятельную задачу органов расследования и суда.

Главный факт в единстве всех своих элементов устанавливается лишь в результате доказывания. Отдельные обстоятельства расследуемого события, имеющие правовое значение и устанавливаемые в процессе доказывания (искомые факты), следует отличать от главного факта, с одной стороны, и от доказательственных фактов - с другой.

18. Сущность главного факта состоит в причинной и виновной связи конкретного физического лица с наступившим результатом.

Исследование единства причинной и виновной связи представляет высший уровень процессуального доказывания. При этом процессуальное и материально-правовое исследование причинности и вины сливаются, а также синтезируются элементы установленного главного факта и подлежащие установлению юридические признаки состава преступления.

19. Фактические элементы процессуального доказывания могут быть представлены в виде многослойной системы, в основании которой лежат исходные фактические данные (доказательства), за которыми следуют доказательственные факты первого и последующего порядков, затем искомые факты и, наконец, как завершение системы, главный факт как основание принятия процессуального решения.

Под общей системой фактических данных понимается такая совокупность взаимосвязанных доказательств, доказательственных и искомых фактов, которая обосновывает выводы о предмете доказывания и принимаемые по делу процессуальные решения.

20. Состояние системы фактических данных, установленных по делу к определенному моменту расследования, характеризует познавательный уровень и процессуальную стадию доказывания. В связи с этим следует различать исходную, промежуточную и окончательную (замкнутую) системы фактических данных.

Исходная система является основанием для разработки следственных и судебных версий по существенным обстоятельствам расследуемого преступления.

Промежуточная (промежуточные) система направлена на формирование целостной фактологической и правовой модели расследуемого события.

Замкнутая система как органическое единство совокупности фактических данных, целостная логическая система и синтез нормативно-правового и фактологического исследования отражает содержание объективной истины по делу и является процессуально-логическим основанием его разрешения по существу.

Замкнутая система фактических данных предполагает наличие:

а) исходных фактических данных, необходимых для промежуточных и конечных выводов (доказательства);

б) достоверность промежуточных и конечных выводов о фактических обстоятельствах дела (доказательственные факты и главный факт);

в) демонстрацию необходимой связи, существующей между установленными основаниями и выводами (логическое следование).

21. В теории и практике правоприменения важно разграничить задачу оценки доказательств и задачу принятия решения: первая является задачей и функцией субъекта доказывания, вторая - задачей и властной функцией субъекта принятия решений, основанного на доказывании.

Это не умозрительная дефиниция. Различие задач и процессуальных функций деятельности является методологически необходимым условием разработки эффективных средств и технологий их решения.

Поэтому в практике правоприменения задачу, стадию и технологию принятия правового решения не следует смешивать с задачей, стадией и методами оценки.

Между тем принятая в теории доказательств концепция оценки, как стадии процессуального доказывания, которая опирается на собирание и проверку доказательств, *состоит во всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела и их совокупности с целью формирования общих выводов о сущности расследуемого дела, проверки правильности таких выводов и обоснования принимаемых по делу процессуальных решений*, дает все основания для такого смешения.

Приведенное определение не разграничивает процессуальные решения, принимаемые субъектами доказывания на основе открытых фактологических систем, и процессуальные решения правоприменителя, принимаемые на основе верифицированной фактологической матрицы.

22. В структуре правоприменительной деятельности верификация правового решения занимает особое место, требующее самостоятельного методологического, методического и технологического обоснования и обеспечения.

23. Представляя логико-правовое и фактологическое обоснование волевого акта правоприменителя, верификация правового решения опирается на решение ряда правоприменительных задач

и соответствующих им процедур. К их числу относятся:

- а) динамическое информационное моделирование фактологической структуры исследуемого правоотношения;
- б) формирование динамической правовой модели исследуемого правоотношения;
- в) аутентификация фактологической и правовой матриц в соответствии с требованиями процедуры.

Данные задачи решаются как в стадиях доследственной проверки, так и в процессе предварительного и судебного следствия всеми субъектами доказывания.

Теоретико-методологическое обоснование и технологическое обеспечение указанных задач и процедур дается в теории судебных доказательств, курсах квалификации преступлений, методологии и технологиях судебных экспертиз.

23. На фазе принятия правового решения выявляется недостаточность решения указанных задач и процедур для логико-правового и фактологического обоснования акта правоприменения. Она обусловлена как логико-познавательной, так и процессуально-правовой природой правового решения.

А. В отличие от доказывания, осуществляющего проверку нескольких версий, верификация осуществляет контрольную проверку итоговой матрицы события. Логико-аналитическое выведение, сменяется логико-синтетическим сведением.

Б. В отличие от процедуры доказывания, где процессуальной формой фиксации доказательственной информации является протокол следственного или судебного действия, итоги верификации находят свое закрепление в процессуальных актах: постановлениях, решениях приговорах.

24. Рассмотренная специфика верификации правового решения требует разработки соответствующих методологических, методических и технологических процедур в рамках целостной научной системы, адаптирующей и синтезирующей научные исследования проблемы в других философских, общенаучных и специальных юридических областях знания.

25. Существенным недостатком научной разработки проблемы является отсутствие интегративной идеи верификации правового решения, разобщенность проведенных исследований и

недооценка подходов и методов системно-деятельностного и информационного анализа.

Между тем ключевые понятия и инструменты верификации правового решения могут быть осмыслены и актуализированы только в системе правоприменительной деятельности и верификации правового решения с использованием системно-деятельностного, информационного подходов и основанных на них технологий.

Заключение

Обоснование правовых решений находится в фокусе наиболее актуальных проблем методологии правоприменительной деятельности, определяющей эффективность всей правовой системы.

Актуальность методологии правоприменения обусловлена прямой связью эффективности всей системы права с уровнем эффективности правоприменения. Если идеальная модель права и реальная жизнь существуют самостоятельно или идут в разные стороны, излишне говорить о какой-либо эффективности права.

Реальная эффективность права обеспечивается специальными механизмами и технологиями правоприменения, созданными на основе фундаментальных методологических исследований.

Между тем механизмы правоприменения в деятельности государственных органов остаются до настоящего времени без необходимого методологического и, как следствие, методического и технологического обеспечения. Это, в свою очередь, является главным препятствием модернизации деятельности государственного аппарата.

Во многом такое положение объясняется тем, что в академической науке права сформировался существенный разрыв между теоретическим, абстрактно-догматическим, с одной стороны, и методологическим, функциональным подходами к изучению проблем правоприменения - с другой. Отчетливо выражена тенденция отстранения академической науки права от проблем методологии и технологии правоприменительной деятельности.

При анализе правоприменения фактически не востребован по-

тенциал системно-деятельностного, функционального, информационного и технологического подходов¹.

В общей структуре современной методологии правоприменения должны быть выделены и подвергнуты научной разработке следующие уровни:

а) философский и общетеоретический, рассматривающий место методологии правоприменения в общей системе методологии права;

б) отраслевых правовых наук: уголовный процесс, гражданский процесс, криминалистика и др.;

в) межпредметной отрасли знания, исследующей общую методологию правоприменения в ее прикладном аспекте (судебное право, судебная экспертиза, Forensic Science, информационные технологии доказывания и др.).

Необходимость научной разработки указанных отраслей должна быть учтена в перспективном планировании научных исследований, а также при формировании стандартов общего юридического образования.

В качестве методологической базы при этом должен быть востребован потенциал междисциплинарных научно-практических отраслей знания, к которым относится судебное право, судебная экспертиза и теория судебных доказательств.

В качестве универсального инструмента обоснования правовых решений, синтезирующего потенциал общенаучного, специально-научного и прикладного знания, включая весь комплекс специальных дисциплин, обслуживающих правосудие, может быть использован метод фактологического анализа исследуемого события.

Таким образом, в контексте задач настоящего исследования

¹ На недостаточность догматического нормативно-правового анализа в методологии права и необходимость использования системно-деятельностного и других современных методов анализа указывается в ряде последних работ (см.: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 52; Федорченко А. А. О новых методологических подходах к российской правовой системе: краткий очерк // Вестник Российской правовой академии. 2004. № 2. С. 15; Малешин Д. Я. Методология гражданского процессуального права. М.: Статут, 2010. С. 11-12).

под фактологическим анализом понимается метод формирования в рамках соответствующих процедур правоприменительной деятельности оснований правового решения как интегральной системы существенных в правовом отношении фактических обстоятельств исследуемого события, аутентичной правовой модели предмета доказывания.

Методологический и технологический аппарат фактологического анализа модифицируется в специальных правовых режимах правоприменительной деятельности применительно к решению ее типовых задач. В настоящей работе в качестве эталона типовой модели фактологического анализа используется судебное доказывание, имеющее наиболее развернутую и научно обоснованную методологическую и технологическую базу.

Ключевой методологической и технологической проблемой принятия правовых решений является проблема истины.

В методологии настоящего исследования истина рассматривается как высший интегральный принцип судебного процесса, организующий его структуру, цели и действия всех его участников, придающий процессу и всей судебной системе свойство целостности.

Вместе с тем принцип истины следует отличать от технологической задачи достижения истинного знания каждым отдельным участии и ком доказательственной деятельности.

Будучи интегральным принципом всей процессуальной деятельности, установление истины является также системообразующим принципом фактологического анализа, определяющим цель и сущность всех его элементов и категорий, понятий и рабочих инструментов.

Специальная методология фактологического анализа базируется на принципе комплексного использования общенаучных, отраслевых и предметных методов и технологий для получения доказательственной информации.

Поскольку система задач в любой системе деятельности является интегральным элементом, определяющим общую структуру деятельности, определение и систематизация задач фактологического анализа была принята за основу структуризации процесса анализа и разработки его методов и технологий.

На этой основе выделяются уровни, стадии и циклы фактологического анализа.

Базовыми уровнями познавательной структуры фактологического анализа являются уровни непосредственного и опосредствованного исследования.

На уровне непосредственного предметно-чувственного исследования осуществляется формирование систем исходных фактических данных (доказательств).

На уровне опосредствованного логического исследования формируются системы доказательственных и искомых фактов, служащих основанием принятия процессуальных решений.

По принципу процессуальной компетенции субъектов принятия решений выделяется преддоказательственный уровень, уровень процессуального доказывания и уровень принятия процессуальных решений.

На преддоказательственном уровне формируется значительный потенциал фактологической информации, инициирующий и обеспечивающий процесс доказывания.

На доказательственном уровне формируются правовые и фактические основания принятия правовых решений.

Уровень принятия правовых решений, как фаза правоприменительной деятельности, является одновременно итоговым уровнем фактологического анализа и доказательственной деятельности.

Стадии фактологического анализа следует различать в зависимости от характера информационно-технологических и процессуальных задач, разрешаемых на том или другом этапе доказывания.

К их числу относятся: обнаружение материальных носителей информации, обнаружение источников, декодирование сигналов, анализ и систематизация информационных полей, установление доказательственных фактов, формирование общих доказательственных систем, установление главного факта, верификация.

Стадии доказывания осуществляются в рамках судебного процесса, но не сливаются с его стадиями.

Процесс доказывания, осуществляемый данным субъектом

доказывания, на протяжении всех промежуточных стадий судебного процесса и обосновывающий его итоговые решения по делу, представляет цикл процессуального доказывания. Цикл процессуального доказывания осуществляется в рамках процессуальных отношений, объединяемых деятельностью одного субъекта доказывания.

В цикле процессуального доказывания реализуются все его уровни и стадии.

В процессе анализа в качестве единиц фактологической информации используются понятия признака и знака, представляющие «кванты» информации, а также понятия информационных фактологических систем разного уровня: систем исходных фактических данных (информационных потоков), систем доказательственных фактов, систем главного факта.

Исходной при исследовании и доказывании является материальная воспринимающая система, свойства которой выступают как сигналы релевантной информации. Выделенные в этой системе признаки представляют «кванты» фактологической информации, а само их выделение исследователем характеризует первый аналитический уровень, связанный с формированием исходных фактических данных.

Выделение *признаков вещей и знаков сообщений как элементарных квантов фактологической информации* имеет двойное значение. С одной стороны, оно характеризует пределы анализа, мысленного проникновения в структуру объекта, а с другой - создает возможности количественной и качественной оценки исходной информации (вариационности признаков, частоты встречаемости свойств, координат движений, констант состояний и т.п.). Системы признаков и знаков образуют информационные потоки, составляющие содержание исходных фактических данных («доказательств» на уровне процессуального доказывания).

Понятие информационного поля как информации о доказательственном факте, содержащейся в отдельном источнике, не совпадает «единым понятием доказательства». Один источник может содержать ряд различных информационных полей. С другой стороны, различные источники могут содержать аутентичные потоки информации. Система связанных по содержанию информационных полей образует информационную фактологическую

систему, основное назначение которой состоит в установлении доказательственного факта. Соответственно различаются частные или общие информационные системы.

К числу *функций информационных фактологических систем* относятся выявление и объяснение противоречий в информационных потоках, относящихся к доказываемому факту, опровержение ложных утверждений и достоверное установление (доказывание) факта. Таким образом, осуществляется логико-познавательная интерпретация исходных фактических данных с точки зрения их непротиворечивости и достаточности для вывода о доказываемом факте.

В зависимости от информационной природы исходных фактических данных различаются типы информационных фактологических систем: *системы сигналов информации, системы информационных полей и системы фактов*.

На этой основе формируются и типовые *технологии фактологического исследования: аналитические, информационные и логические*.

Аналитические технологии используются для декодирования содержания источников фактических данных; информационные - для анализа информационных потоков, составляющих содержание доказательственных фактов. В свою очередь, для исследования взаимосвязи достоверно установленных фактов используются логические методы. Уровни и стадии фактологического анализа существенно различаются не только с точки зрения характера исходных фактических данных и степени приближения выводов к конечной цели исследования. Существенно различны методы и технологии анализа.

Так, декодирование сигналов по правилам естественного или искусственного кодов на аналитическом уровне, а также технологии информационного, системно-структурного, деятельностного и логического анализов представляют глубоко специализированные профессиональные виды деятельности.

Возможность достоверного установления событий и явлений по их отображениям в связи с понятием истины в судебном процессе обосновывается отношением изоморфизма отображаемого и отображения, причины и следствия в каузальных системах.

Фактологический анализ, как метод целостной познавательной системы, использует в качестве главного инструмента понятие фактологической информации как любых релевантных фактических данных, полученных в процессе расследования для установления структуры события и всех связанных с ним существенных в правовом отношении обстоятельств.

Это определение охватывает любую релевантную информацию, полученную на любых стадиях раскрытия, расследования и судебного рассмотрения дел, в любой организационно-правовой форме.

Методологическая функция этого понятия состоит также в том, что она позволяет абстрагироваться от процессуальной формы источника и исследовать информацию в «чистом виде», т.е. ее собственные свойства: относимость, полноту, адекватность и др. Открывается в связи с этим возможность ее использования в аналитических технологиях распознавания и идентификации, технологиях информационного моделирования, поисковых, регистрационных и справочно-информационных системах.

Понятие фактологической информации как наиболее широкой категории фактических данных, независимо от формы их получения следует отграничивать от понятий, характеризующих различные организационно-правовые формы ее получения: агентурная, оперативно-розыскная, заключение специалиста, консультация, беседа, ревизия, доследственная проверка, доказательства и др. Любая из перечисленных форм может содержать или не содержать релевантные фактические данные и, соответственно, представлять или не представлять фактологическую информацию.

В судебном процессе может использоваться не любая фактологическая информация, относящаяся к делу, а только та, которая соответствует требованиям допустимости, т.е. получена в специальной предусмотренной законом форме.

С учетом уровня актуализации и возможностей использования в доказывании рассматриваются следующие категории фактологической информации: «мертвая», латентная, потенциальная, актуальная и доказательственная информация, к которой относятся доказательства, доказательственные факты и главный факт.

Каждая из указанных категорий фактологической информации обнаруживает свои свойства на различных стадиях анализа и

доказывания и требует специальных приемов ее обнаружения, оценки и использования.

Типовой ошибкой практического оперирования информацией на всех стадиях оперативно-следственной и судебной работы является недифференцированное использование различной по своим свойствам фактологической информации.

Доказательственный потенциал любого судебного дела образуют не только доказательства в строгом процессуальном смысле, но и обширные области скрытой информации, требующей поиска, актуализации и аналитической работы с уже собранными источниками.

Понятие фактологической информационной системы шире понятия системы доказательств, представляющей лишь один ее уровень. Понятие фактологической информационной системы охватывает любую используемую в целях раскрытия и расследования преступлений информацию независимо от ее уровня и процессуального оформления. В такую систему включаются как сигналы информации, в том числе циркулирующие в машинных системах, так и установленные в процессе расследования доказательственные и искомые факты, а также оперативно-розыскная информация. Это обеспечивает наиболее мощный информационно-познавательный потенциал, недостижимый в рамках процессуального доказывания.

Вместе с тем анализ фактологических информационных систем позволяет уточнить некоторые традиционные представления теории судебных доказательств.

К числу ключевых системных понятий фактологического анализа относится *понятие источника фактологической информации*.

В контексте настоящего исследования под источником фактологической информации понимается система свойств материального носителя, отображающая релевантную информацию.

Это понятие выделено в результате системного анализа традиционного понятия судебного доказательства. При этом выделены элементы, имеющие самостоятельное функциональное, процессуальное и информационно-технологическое содержание и значение.

К их числу относится понятие материального носителя информации, понятие отображения, понятие информации. Каждый из этих элементов представляет относительно самостоятельную подсистему, имеющую самостоятельное содержание и требующую специального анализа.

Так, с понятием материального объекта - носителя информации связываются задачи обнаружения, фиксации и индивидуализации, без чего невозможно обеспечение его подлинности.

С понятием источника связывается задача прочтения, декодирования содержащихся в нем сведений.

С понятием информации связывается задача определения ее относимости, т.е. определения ее соответствия общей модели расследуемого события.

Методический смысл и значение выделения указанных задач состоит в том, что каждая из этих задач требует разработки самостоятельных методик и современных технических средств, обеспечивающих их реализацию.

Не будет преувеличением утверждение о том, основной научно-технический потенциал оперативной спецтехники, криминалистики и судебной экспертизы сфокусирован именно на решении указанных задач.

В связи с этим юридический, информационно-доказательственный анализ этих задач, адаптация высоких научных технологий к решению задач расследования и судопроизводства весьма актуальны как для науки, так и для юридической практики.

Так, задача индивидуализации и идентификации источника как удостоверительной процедуры обеспечения подлинности, несмотря на ее практическую актуальность и значение, ранее специально не исследовалась ни в процессуальной, ни в криминалистической литературе.

В современном законодательстве и литературе нет однозначного понимания вещественных и письменных доказательств, а также понятия документа. Между тем разграничение этих понятий представляет не абстрактную классификацию, а является методической основой выбора методики исследования источников, определения профиля привлекаемых специалистов, постановки перед ними экспертных задач, организации взаимодействия и т.д.

Выделение и анализ сигнальной и знаковой форм отражения

информации позволили дать более четкое определение вещественных и личных источников, а также сформировать основы методик их криминалистического исследования. Разграничение указанных форм имеет особое методическое значение при исследовании смешанных источников с многоступенчатой сигнально-знаковой формой отражения информации (фоно-, видео-, электронно-цифровые носители информации). Здесь разграничение указанных форм отражения является необходимым условием правильной организации работы экспертов разного профиля в процессе комплексного исследования источников.

Необходимым условием формирования алгоритмов и технологий исследования источников фактологической информации является их функциональная классификация.

Наиболее значимым в теоретическом и методическом отношении является деление источников информации на непосредственные и опосредствованные. Оно позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

В непосредственном источнике информации доказательственное значение имеют свойства самого источника. Задача исследования состоит в обнаружении и фиксации этих свойств. Она может быть решена путем непосредственного восприятия и исследования источника информации.

Специфика опосредствованного изучения источника информации состоит в необходимости исследования механизма отражения содержащейся в нем информации. Отображение одного объекта в другом всегда связано с *преобразованием* отображаемых свойств. Вся информация передается в отображении в преобразованном виде, в форме естественного (сигнал) или искусственного (знак) кода. Установление их требует специального исследования, дешифровки содержащихся в отображении данных. В следах такое исследование осуществляется путем изучения механизма образования отображения. Выяснив механизм образования отображения или значение знака, мы получаем ключ к дешифровке содержащихся в нем фактических данных.

Поскольку отнесение источника информации к числу непо-

средственных или опосредствованных прямо связано с определением технологии его исследования, рассматриваемое деление имеет прямое практическое приложение в отраслевых методиках. Так, в области идентификации оно реализуется через деление объектов на идентифицируемые и идентифицирующие, в трасологии - в делении объектов на образующие и воспринимающие, в психологии - в разграничении объекта и образа и т.д.

Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно.

Деление источников информации на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников на первоначальные и производные. Последнее имеет в основе не способ отражения факта источником информации, а способ формирования источника и его удаленность от первоисточника сведений о факте.

При этом, однако, деление источников на первоначальные и производные не учитывает существенного различия возможностей и методов исследования предметов и следов-отображений, которые могут быть как первоначальными, так и производными источниками. Непосредственное предметно-чувственное исследование предметов, осуществляемое при их осмотрах и других судебно-следственных действиях, существенно отличается от изучения следов-отображений, следовых копий, электронных носителей и других подобных источников информации, требующих, как правило, привлечения специалистов и экспертов. Между тем как те, так и другие могут быть как первоначальными, так и производными источниками информации.

В целях правильной организации и проведения специальных исследований существующая классификация источников должна быть дополнена самостоятельным делением на непосредственные и опосредствованные.

В составе опосредствованных источников должна быть выделена категория смешанных источников, возникающих в ситуациях использования универсальных средств фиксации и многоступенчатого преобразования сигнала.

Указанное требование еще не нашло отражения в действующем процессуальном законодательстве и, как показывает опыт авторских наблюдений, не учитывается в практике использования опосредствованных источников информации в судебном процессе.

Системный анализ отображений особенно важен в случаях, когда источники содержат различные информационные поля, требующие применения специальных методов исследования в составе комплексных экспертиз, например акустическое, лингвистическое, трасологическое информационное поле при исследовании видеофонограмм.

Работа с искусственно получаемыми в процессе расследования опосредствованными источниками, расширяя его информационную базу, вместе с тем требует соблюдения определенных процессуально-технических требований (принципов).

Поскольку выбор источника и способа его воспроизведения исходит как из анализа относимости фактических данных, так и из физической природы сигнала информации, используемые для получения отображения приемы имеют смешанную юридическую и техническую природу.

В зависимости от задач, которые решаются при получении опосредствованных источников информации, следует различать:

а) простое воспроизведение (фиксацию ранее обнаруженных фактических данных);

б) содержательное преобразование (воспроизведение, связанное с получением новых фактических данных).

В качестве общих принципов получения опосредствованных источников должны быть названы принципы относимости, информативности и адекватности отображения.

Нарушение принципа адекватности (изоморфизма) отображения делает невозможным использование содержащихся в отображении фактических данных в качестве доказательственной информации.

Принцип простого воспроизведения (фиксации фактических данных) состоит в получении отображения, максимально полно и точно передающего воспринимаемые при обычных условиях до-

казательственные признаки оригинала. Принцип простого воспроизведения предполагает сведение к минимуму преобразующего действия механизма воспроизведения.

Принцип содержательного преобразования сводится к максимальному использованию механизмов преобразования с целью обнаружения дополнительных фактических данных.

Деление признаков отображения на инварианты, помехи и варианты позволяет определить возможности использования отображения, а также направления исследования указанных трех групп признаков.

Определение и выделение «чистых помех» составляет обязательное условие эффективного исследования отображения с целью выявления содержащейся в нем информации об оригинале.

Исследование инвариантов равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала.

Основным материалом исследования является группа признаков, отображающая как свойства оригинала, так и механизм его образования (т.е. полученная в результате наложения помехи на сигнал информации).

Задача исследования вариантов состоит в том, чтобы определить характер преобразования (симметричное, асимметричное), его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение свойств¹.

Значение рассмотренных принципов состоит в том, что они, с одной стороны, представляют гарантию объективности, используемых в процессе фактологического анализа по раскрытию и расследованию преступления фактических данных, а с другой являются методической основой технических приемов получения опосредствованных источников информации.

Общим методом декодирования отображения является его анализ с точки зрения механизма образования и подобия оригиналу.

Для разрешения указанных задач существенное методическое

¹ То есть, пользуясь терминологией теории информации, определить способ кодирования информации в отображении.

значение имеет классификация признаков отображения и определение направления исследования их отдельных групп.

Деление признаков отображения на *инварианты, помехи и варианты* позволяет определить возможности использования отображения, а также направления исследования указанных трех групп признаков.

Определение и выделение «чистых помех» составляет обязательное условие эффективного исследования отображения с целью выявления содержащейся в нем информации об оригинале.

Исследование инвариантов равноценно исследованию соответствующих свойств оригинала.

Основным материалом исследования является группа признаков, отображающая как свойства оригинала, так и механизм его образования (т.е. полученная в результате наложения помехи на сигнал информации).

Задача исследования вариантов состоит в том, чтобы определить характер преобразования (симметричное, асимметричное), его форму, связь с другими формами преобразования и их влияние на отображение свойств.

В числе частных методов декодирования отображений в работе рассмотрены:

- *метод восстановления;*
- *метод контрольных средств;*
- *метод сравнения.*

Метод восстановления основан на том, что процесс установления свойств оригинала является обратным относительно процесса преобразования оригинала в отображении. В первом случае процесс идет от признака отображения к свойству оригинала, во втором - от свойства оригинала к признаку отображения.

С целью восстановления отображения здесь могут использоваться следующие вспомогательные методы:

- *метод частичной обратной механической трансформации;*
- *расчетный метод;*
- *оценочный метод;*
- *метод контрольных средств (эталонов);*
- *метод сравнения, в том числе:*
 - сравнение отображения с оригиналом.*

сравнение с однородным объектом.

сравнение отображения с другими отображениями того же объекта.

Относительно любого опосредствованного источника информации должен быть решен вопрос, возможно ли исследование отображения самим следователем и судьей в форме осмотра, освидетельствования, допроса и иных процессуальных действий или требуется привлечение специалистов и назначение экспертизы.

Принципы простого воспроизведения, как правило, делают возможным исследование отображения на базе обычных представлений об исследуемых объектах, путем его сопоставления с данными обычного восприятия. При соблюдении правил получения и процессуального оформления таких источников информации механизм их образования может быть установлен без привлечения специалистов и экспертов.

Исключения представляют случаи, когда в процессе следственного или судебного осмотра возникают специальные вопросы, касающиеся механизма образования отображений, например установление факта монтажа при исследовании фотоснимка или фонограммы, выяснение происхождения отдельных особенностей отображения, выявление признаков психического заболевания при оценке свидетельских показаний и т.д.

Иное положение имеет место при воспроизведении с целью выявления недоступных для обычного восприятия свойств оригинала. Обиходные представления об исследуемых объектах оказываются в этих случаях недостаточными. Прочтение, дешифровка отображения, объяснение его признаков основаны в этих случаях на теоретических и специальных эмпирических представлениях эксперта о механизме образования таких отображений, т.е. требуют специальных познаний.

Центральной задачей фактологического анализа является задача установления доказательственных фактов. Она требует для своего разрешения специального методологического и технологического обеспечения, и ее решение нуждается в выделении самостоятельной стадии информационно-логического анализа.

Ее специфика состоит в переходе от информационного анализа сигналов в источнике к комплексному анализу системной ин-

формации о доказательственном факте в частной системе доказательств.

В системе средств уголовно-процессуального доказывания доказательственные факты занимают промежуточное положение.

С одной стороны, доказательственный факт сам должен быть установлен, доказан как адекватный действительности факт на основе частной системы доказательств, содержащих о нем информацию (логико-информационный анализ). С другой стороны, он выступает аргументом в доказывании искомых фактов в системе других достоверно установленных фактов (логическое доказывание). Каждая из этих сторон представляют самостоятельные информационно-технологические системы, требующие самостоятельного анализа.

Доказательственные факты - это нейтральные в уголовно-правовом отношении факты, установленные путем исследования доказательств и служащие логическим основанием для вывода о подлежащем доказыванию событии и всех его существенных в правовом отношении обстоятельствах.

Исследование доказательственных фактов как средств доказывания требует:

- выяснения соотношения доказательственных фактов с другими понятиями и средствами доказывания;
- анализа содержания доказательственных фактов как элементов структуры процессуального доказывания;
- определения содержания, способов получения и значения доказательственных фактов.

Доказательственные факты, установленные на основе доказательств, являются выводными фактами первого порядка.

В процессе исследования их логических связей устанавливаются факты, которые могут быть условно выделены как доказательственные факты второго, третьего и, возможно, более высокого порядка.

Исследование продолжается до тех пор, пока установленные факты не заполнят все звенья логической взаимосвязи, ведущей от доказательств к главному факту.

Отдельного рассмотрения требует доказывание так называемыми прямыми доказательствами. Прямое доказывание главного факта источниками доказательств представляет грубую и широко

распространенную на практике методологическую ошибку. Она основана на упрощенных представлениях об уровневой структуре доказывания и смешении уровней непосредственного и опосредствованного доказывания.

Находящийся в прошлом главный факт не может восприниматься непосредственно и доказываться «прямо», что давно доказано классическими работами по теории улики. Путь к главному факту во всех случаях ведет от системы предварительно установленных доказательственных фактов, а сложность процесса расследования и доказывания определяется только количеством, а не наличием опосредствующих звеньев, лежащих между исходными данными и главным фактом. Даже в простейших судебных делах главный факт имеет сложную структуру (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона), в которой каждый элемент и его системные связи требуют самостоятельного анализа и доказывания.

В числе методов фактологического анализа наибольшее практическое значение имеют индуктивно-эвристические и традиционные методы, не получившие должной оценки в юридических исследованиях.

Моделирование, аналогия, версия, идентификация, традукция рассмотрены в работе как инструменты фактологического анализа.

Предложена также общая структура метода фактологического анализа.

Формирование доказательственных систем осуществляется на основе принципов и методов системно-структурного, системно-деятельностного и комплексного подходов.

В фактологическом анализе *комплексный подход* характеризуется следующими существенными чертами:

- а) единой задачей исследования, связанной с предметом доказывания по уголовному делу;
- б) различными видами информационных полей, используемых для разрешения поставленной перед экспертизой задачи;
- в) использованием методов исследования, относящихся к различным специальным знаниям;
- г) участием в экспертизе специалистов разного профиля;
- д) интегральной оценкой, полученной в результате анализов

информации на основе общей для данного исследования теории и методологии.

Обобщение практики позволяет выделить три основные *процессуально-организационные формы комплексных исследований*:

- 1) типовая предметная методика комплексного исследования (так называемая моноэкспертиза);
- 2) комплекс экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого факта;
- 3) комплексная экспертиза.

В последнем случае в зависимости от формы экспертного синтеза выделяется: коллегияльная экспертиза, интегративная экспертиза; ситуалогическая экспертиза. По мере возрастания сложности исследования при переходе к каждой последующей форме возрастает уровень активности использования научных возможностей экспертизы для разрешения задач раскрытия и расследования преступлений. Комплексные исследования являются наиболее эффективной и незаменимой формой использования специальных познаний при исследовании доказательств по уголовному делу.

Комплексные исследования дают следователю и суду ряд новых возможностей в установлении доказательственных фактов и в то же время характеризуются рядом специфических особенностей организации деятельности следователя, специалиста и эксперта, согласованное *взаимодействие* которых необходимо для наиболее эффективного разрешения задач доказывания по уголовному делу.

Организационно-тактические основы такого взаимодействия характеризуются следующими особенностями:

- а) активным участием экспертов в анализе механизма расследуемого события;
- б) ознакомлением эксперта со всеми обстоятельствами уголовного дела, которые существенны с точки зрения задач экспертного исследования;
- в) непосредственным участием эксперта в подготовке и назначении экспертизы;
- г) обменом информацией между следователем и экспертом при производстве экспертизы с целью конкретизации и фокусирования исследовательских действий, выделения необходимых информационных полей, формулирования вопросов и оценки результатов проведенного исследования;

д) формированием следователем и судом подсистемы доказательств, обеспечивающей установление искомого доказательственного факта;

е) формированием следователем и судом доказательственных подсистем связи искомого факта с расследуемым событием.

В структуре правоприменительной деятельности принятие решения, как волевой акт, представляет доминанту, определяющую эффективность всей системы данной деятельности, а следовательно, и эффективность всей системы права.

Методологическая недостаточность научного анализа структуры правоприменения и принятия правовых решений проявляется в отсутствии определения их задач, видов, уровней, оснований, т.е. главных инструментов формирования современных технологий этой деятельности.

Так, взаимосвязанные задачи правоприменения: задачи установления фактов (криминалистика), задачи доказывания (доказательственное право, процессуальное право), задачи квалификации (материальное право), *взятые вне системы правоприменения и принятия решений* и рассмотренные в различных науках, не могут обеспечить разработки целостной системы и методологии принятия правовых решений.

Следует признать поэтому, что формирование такой системы и разработка эффективных механизмов принятия правовых решений представляют самостоятельную актуальную *междисциплинарную* проблему юридической науки. Такую разработку, как нам представляется, следует вести в рамках создания *теории принятия правовых решений*, как методологической основы правоприменительной деятельности.

В монографической и учебной литературе принятие правового решения почти исключительно сводится к процедуре вынесения приговора. Между тем правовые решения, как действия, порождающие юридические факты, принимаются всеми участниками процесса и не только в завершающей стадии вынесения приговора или принятия решения судом, но и на всех других его стадиях. Более того, принятие правового решения - *важнейшая функция любого* правоприменителя, в любой сфере профессиональной деятельности: управление, финансы, бизнес, культура и др., поскольку этот акт связан с изменением существующей структуры

правоотношений.

В связи с этим проблема принятия правовых решений приобретает общее методологическое значение и требует разработки и теоретико-методологического обоснования как самостоятельная комплексная проблема правоприменительной деятельности.

Под правовым решением в его общем определении следует, по нашему мнению, понимать правовой акт надлежащим образом уполномоченного лица, порождающий в соответствии с установленной процедурой правоприменения юридический факт, влекущий изменение существующей правовой ситуации.

К числу теоретико-методологических основ принятия правовых решений относится общая теория принятия решений и ее отрасли по видам правоприменительной деятельности.

Механизм принятия решений в своей основе является общим для всех видов целенаправленной профессиональной деятельности. В связи с этим для разработки методологии принятия правовых решений могут быть использованы как общая теория и методология принятия решений, так и апробированные в науке и практике инструменты принятия решений в специальных отраслях науки и смежных областях деятельности, по которым уже имеется обширная литература

В механизме обоснования правового решения наиболее актуальным является формирование фактических оснований процессуальных решений.

Наиболее детально инструменты и процедуры формирования фактических оснований процессуальных решений рассмотрены в теории улики и процессуальном учении о связях доказательственных фактов.

Говоря о совокупности улики, обосновывающей вывод о предмете доказывания, обычно имеют в виду систему доказательственных фактов, каждый из которых, в свою очередь, устанавливается системой исходных фактических данных, полученных из определенных законом источников¹.

Система доказательственных фактов всегда, таким образом, предполагает систему устанавливающих эти факты доказательств,

¹ Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. С. 117-118.

и наоборот, система доказательств подразумевает систему устанавливаемых ими доказательственных фактов. В целом можно говорить о единой системе фактических данных, находящихся в связи с предметом доказывания, но по-разному удаленных от него, находящихся на различных уровнях. Центральной проблемой теории улик с момента ее возникновения и до наших дней является проблема связи доказательственных фактов между собой и с предметом доказывания.

Наряду с аналитическим исследованием элементов, образующих систему доказательств, и их структуры значительный интерес представляет общая характеристика системы доказательств.

Для общей характеристики систем доказательств существенно выяснить их функции в системе доказывания, определить их виды, принципы и динамику формирования. Под общей системой доказательств, как это видно из сказанного, следует понимать совокупность установленных расследованием взаимосвязанных фактических данных, являющуюся основанием для принятия процессуальных решений.

Процесс познания в ходе доказывания развивается по спирали.

От исходных фактических данных, указывающих на признаки преступления, он поднимается к обоснованным предположениям по основным обстоятельствам расследуемого события. На их основе исследуется более широкий круг фактических данных и обстоятельств.

Система следственных версий редуцируется и постепенно заменяется системой фактических данных. В заключительной стадии расследования наступает момент, когда все предположения следователя проверены и заменены достоверно установленными фактами. Этот момент завершает формирование замкнутой системы доказательств, являющейся основанием для установления объективной истины по делу.

Система фактических данных выступает, таким образом, в виде динамической системы, тесно взаимодействующей с системой следственных версий и существенно меняющейся в ходе этого взаимного действия свой объем и функции.

Наряду с выделением исходной и окончательной систем дока-

зательств в данной стадии уголовного процесса, например стадии предварительного следствия, обоснованно выделение промежуточных систем доказательств.

Необходимость выделения промежуточных систем доказательств обуславливается тем, что в процессе доказывания следователю или суду приходится принимать ряд промежуточных процессуальных решений, связанных с движением дела.

В соответствии с принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) и правом обвиняемого на защиту (ст. 16 УПК РФ) версии обвинения и обосновывающей ее системе доказательств должна быть противопоставлена версия защиты и соответствующая ей система доказательств.

Наличие в деле конкурирующих систем доказательств, отражающих результаты деятельности по доказыванию каждого из участников процесса, создает наиболее благоприятные условия для объективного рассмотрения позиций каждого из участников процессов, анализа собранных по делу доказательств и обнаружения истины по делу.

Таким образом, закрепленный в законе порядок формирования системы доказательств, положенной в основу окончательного решения суда, предусматривает многократные промежуточные и контрольные итоговые оценки этой системы, ее дополнения, развитие, устранение противоречий, совершенствование. Это обеспечивает максимальные процессуальные гарантии законности и обоснованности принимаемых решений суда.

Построение и развитие общей системы доказательств является не только средством организации, формального упорядочения информации. Систематизация доказательств является формой их интеллектуального освоения, средством исследования, получения новой доказательственной информации.

При этом может обнаружиться такая связь включенных в систему доказательственных фактов, которая с необходимостью ведет к выводу о существовании других доказательственных фактов, в свою очередь, ведущих к установлению других доказательственных и искомых фактов и предмета доказывания.

С другой стороны, могут обнаружиться провалы, пробелы в системе фактических данных, а также пути и способы их восполнения. Есть все основания говорить об эвристической роли общей

системы доказательств, ее возможности использования как инструмента доказывания.

В работе рассматриваются следующие *принципы построения замкнутой системы доказательств*, представляющей основу для разрешения дела по существу:

1) в замкнутую систему могут включаться только относящиеся и допустимые фактические данные;

2) в замкнутую систему фактических данных могут включаться только факты, признанные субъектом достоверно установленными;

3) гармоничность системы;

4) замкнутость системы доказательств.

В процессе формирования замкнутых систем существенно разграничивать понятия предмета доказывания и главного факта.

Первое представляет нормативную модель задач доказывания, второе - систему фактов, установленных по конкретному делу как основание принятия правового решения.

В качестве базовых технологий принятия правовых решений в работе рассматриваются информационное моделирование и верификация.

Понятие верификации употребляется в логике и методологии науки для обозначения процесса установления истинности научных утверждений на основе их эмпирической проверки.

Исторические корни верификации восходят к философии позитивизма, сводящего любое научное знание к сумме непосредственных протокольных наблюдений.

Поскольку процесс судебного исследования и доказывания базируется именно на данных непосредственного исследования (следственные и судебные действия и их протоколы), а их конечные выводы по предмету доказывания должны быть сведены к этим данным и обоснованы ими, методология, принципы и инструменты верификации, разработанные в методологии науки, должны рассматриваться как общенаучная методологическая основа верификации правовых решений.

В структуре верификации рассматриваются следующие основные стадии формирования правового решения:

— *обнаружение признаков материально-правового состава в структуре конкретного правоотношения;*

- *получение дополнительной информации и сужение круга возможных альтернатив;*
- *установление существенных элементов фактической структуры конкретного материально-правового состава, соответствующее построению информационной модели исследуемого события;*
- *реализация потенциала следственных процедур;*
- *верификация фактологической матрицы;*
- *принятие правового решения.*

Необходимость верификации как особой формы правоприменительной деятельности, состоящей в исследовании самого процесса исследования и доказывания, произведенного субъектами доказывания на предшествующих стадиях, подтверждается рядом руководящих указаний Верховного Суда, касающихся обоснования приговора. Информационно-логическая структура верификации включает:

- 1) *оценку информации, полученной из источников (технологии декодирования источников);*
- 2) *оценку выводов о доказательственных фактах (частных системах доказательств);*
- 3) *оценку фактологической матрицы (замкнутой системы фактических данных, положенных в основу правового решения);*
- 4) *аутентификацию фактологической и правовой модели исследуемого правоотношения;*
- 5) *волевой акт принятия решения.*

Литература

А. Специальная литература на русском языке

1. *Авдеев М. И.* Судебно-медицинская экспертиза трупа. М.: Медицина, 1976.
2. *Аверьянова Т. В.* Концептуальные положения криминалистической методики // Криминалистика. М., 1999.
3. *Александров Г. Н.* Некоторые вопросы теории криминалистической версии // Вопросы криминалистики. № 3. М.: Госюриздат, 1952.
4. *Андрейчиков А. В., Андрейчикова О. В.* Анализ, синтез, планирование решений в экономике. М.: Финансы и статистика, 2004.
5. *Анохин П. К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
6. *Арсеньев В. Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964.
7. *Арсеньев В. Д.* Понятие документов и их значение как доказательств в советском уголовном процессе // Труды Иркутского гос. ун-та. Т. XIII. 1955.
8. Архив криминологии и судебной медицины. Вып. 3. Т. 1. Харьков, 1927.
9. *Арцишевский Г. В.* Выдвижение и проверка следственных версий. М.: Юрид. лит., 1978.
10. *Арцишевский Г. В.* Понятие версии расследования // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7. М.: Госюриздат, 1962.
11. *Атанесян Г. А., Поташник Д. П.* Криминалистическое и судебно-бухгалтерское исследование документов при расследовании хищений социалистического имущества. М., 1986.
12. *Балдин К. В., Воробьев С. П., Уткин В. Б.* Управленческие решения. М.: ИТК «Дашков и К», 2008.
13. *Бедняков Д. И.* Непроцессуальная информация. М., 1991.
14. *Безлепкин Б. Г.* Уголовный процесс России. 2-е изд. М.,

2004.

15. *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

16. *Белкин А. Р.* Теория доказывания. М., 1999.

17. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. 1977.

18. *Белкин Р. С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.

19. *Белкин Р. С.* Собираение, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.

20. *Белкин Р. С.* Сущность экспериментального метода исследования в советском уголовном процессе. М.: ВШ. МВД СССР, 1961.

21. *Белкин Р. С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юрид. лит., 1964.

22. *Белкин Р. С., Винберг А. И.* Криминалистика и доказывание. М., 1969.

23. *Беляк Л. О.* След резиновой подошвы // Следственная практика. № 1. М., 1950.

24. *Бентам И.* О судебных доказательствах / пер. с фр. Киев, 1976.

25. *Берзин В. Ф., Ковальчук З. А., Меленевская З. С.* К вопросу о разграничении комплексных и некомплексных идентификационных экспертиз // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

26. *Бернам У.* Правовая система США. М: Новая юстиция, 2006.

27. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г.* Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8.

28. *Брайчевская Е. Ю.* Рациональный метод оценки контрастов и контроль процессов судебной фотографии // Теория и практика криминалистической экспертизы. 1956. № 2.

29. *Быковский И. Е.* Производство следственных действий: учеб, пособие. Л., 2007.

30. *Васильев А. Н.* основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960.

31. *Васьковский Е. Д.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913.

32. Венгеров А., Лавров В. Юридическая сила машинных документов // Хозяйство и право. 1981. № 9.

33. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М., 2000.

34. Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники. Волгоград, 1998.

35. Вещественные доказательства. Информационные технологии доказывания / под ред. В. Я. Колдина. М.: Норма, 2002.

36. Винберг А. И., Миньковский Г. И., Рахунов Р. А. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956.

37. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфилова; общ. ред. и предисловие Э. Я. Кольмана. М.: Изд-во ин. лит., 1958.

38. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.

39. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.

40. Георгиев Ф. И., Дубровский В. И. и др. Чувственное познание. М.: МГУ, 1965.

41. Голунский С. А. О вероятности достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики. Кн. IV. М., 1937.

42. Голунский С. А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1966. № 6.

43. Голунский С. А. Планирование расследования // Криминалистика. М., 1938.

44. Грановский Г. Л. Ситуалогическое исследование места происшествия // Программные и ситуалогические методики трасологических исследований: сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1979. Вып. 37.

45. Грановский Г. Л., Загрядская А. П., Беляева А. А. и др. Комплексная методика идентификации и установления факта контактного взаимодействия. М.: ВНИИСЭ МЮ РФ. 1987.

46. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М., 1944.

47. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Спб., 1908.

48. *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя. Л., 1980.
49. *Дергачев П. М.* Необъективность следователя - источник серьезных ошибок // Следственная практика. № 21.
50. *Дорохов В. Я.* Установление истины - цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1966.
51. *Дорохов В. Я., Николаев В. С.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959.
52. *Дубинский А. Я.* Исполнение процессуальных решений следователя. Киев, 1984.
53. *Дулов А. В.* Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959.
54. *Егоров И. А.* Не увлекаться одной версией // Следственная практика. № 38.
55. *Еникеев З. Д.* Механизм уголовного преследования. Уфа, 2002.
56. *Жбанков В. А.* Принципы системного подхода в криминалистике и практической деятельности органов внутренних дел при собирании, оценке и использовании доказательств. М.: МВД, 1977.
57. *Жбанков В. А.* Способы выдвижения и проверки версий о личности преступника // Вопросы борьбы с преступностью. 1983. Вып. 39.
58. *Жиряев А.* Теория улик. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1855.
59. *Жуков Н. И.* Информация (Философский анализ центрального понятия кибернетики). 2-е изд., переработ. и доп. / под ред. В. И. Степанова. Минск: Наука и техника, 1971.
60. *Зеленковский С. П.* О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 35.
61. *Зеленов Р. Ю.* Правовые основы процесса принятия решений в системе институтов Европейского союза. М., 2005.
62. *Земан Й.* Познание и информация. М.: Прогресс, 1967.
63. *Земан Й.* Философия и кибернетика // Философия и естествознание: сб. статей / пер. Н. С. Николаева, Э. А. Големба, А. А. Старостина, Е. С. Алексеев; сокр. перевод с чешского. М.: Прогресс, 1965.

64. *Зинин А. М., Майлис Н. П.* Судебная экспертиза: учеб. М.: Юрайт-М, 2002.

65. *Зуев С. В.* Использование оперативной информации в уголовном процессе: учеб, пособие / С. В. Зуев; под ред. В. И. Казакова. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2002.

66. *Зюскин И. М.* Определение размеров предметов по случайному фотоснимку // *Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы.* М.: ЦКЛ ВИЮН, 1958.

67. *Избранные труды русских логиков XIX века.* М., 1956.

68. *Ильченко К. И.* Материальная обстановка преступления как источник информации: рефераты докладов. Алма-Ата, 1964.

69. *Ищенко Е. И., Водянова И. Б.* Алгоритмизация следственной деятельности. М., 2010.

70. *Казанков С. И.* Правовая природа решений органов конституционного контроля и надзора: теоретический аспект. Ярославль, 2006.

71. *Карпеева Л. М., Миньковский Г. М.* Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия // *Вопросы предупреждения преступности.* № 4. М.: Юрид. лит., 1966.

72. *Карпеева С. М., Ордынский С. С., Розенблит С. Я.* Тактика допроса на предварительном следствии. М., 1958.

73. *Картушанский А. Л., Красный-Адмони Л. В.* Химия и физика фотографических процессов М., 1987.

74. *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.

75. *Колдин А. В., Крестовников О. А.* Источники криминалистической информации. М.: Юрлитинформ, 2007.

76. *Колдин В. Я., Ищенко Е. И., Крестовников О. А.* Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // *Правоведение.* № 6. СПб.: Изд-во С.-Петербург, унта, 2006.

77. *Колдин В. Я.* Гносеологическая природа и функции понятий идентификационных свойств и признаков // *Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений.* М., 1988.

78. *Колдин В. Я.* Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957.

79. *Колдин В. Я.* Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1978.

80. *Колдин В. Я.* Общая система классификационных принципов формирования судебно-экспертных методик. Тезисы // Материалы международной конференции «Восток-Запад». Москва - Нижний-Новгород. 2004.

81. *Колдин В. Я.* Основы криминалистической тактики // Криминалистика. М., 2010.

82. *Колдин В. Я.* Роль вероятного заключения эксперта // Советская юстиция. 1962. № 15-16.

83. *Колдин В. Я.* Судебная идентификация. М.: ЛексЭст, 2002.

84. *Колдин В. Я.* Судебно-экспертные науки и технологии (в соавторстве) // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1.

85. *Колдин В. Я.* Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11.

86. *Колдин В. Я.* Фактические основания криминалистической идентификации // Правоведение. 1978. № 6.

87. *Колдин В. Я.* Экспертиза и право // Законодательство. 1999. № 9.

88. *Колдин В. Я., Крестовников О. А.* Криминалистика. М., 2007.

89. *Колдин В. Я., Крестовников О. А.* Опыт системно-деятельностного подхода в методологии экспертного исследования // Роль судебной экспертизы в социалистическом правовом государстве: (Тезисы научно-практической конференции). Минск: ННИСЭ, 1989.

90. *Колдин В. Я., Крестовников О. А.* Реализация принципов системно-деятельностного подхода в системе криминалистики // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия. Уфа, 1989.

91. *Колдин В. Я., Крестовников О. А.* Судебно-экспертные науки и технологии // Теория и практика судебной экспертизы: сб. М., 2006.

92. *Колдин В. Я., Полевой Н. С.* Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: МГУ, 1985.

93. *Колмаков В. П.* Идентификационные действия следователя. М.: Юрид. лит., 1977.
94. *Комаров В. С.* Тактика допроса: учеб, пособие. Харьков, 1975.
95. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу / под ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М., 2002.
96. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. П. Верина и В. В. Мозякова. М., 2004.
97. Комментарий к УПК РФ / под ред. В. И. Радченко. М., 2003.
98. *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М.: Наука, 1971.
99. *Копнин П. В.* Диалектика. Логика. Наука. М., 1973.
100. *Корнаухов В. Е.* Методика расследования преступлений. Теоретические основы. М., 2008.
101. *Корнеев В. А., Пчелинцев А. Ж., Ивченко Е. А.* Криминалистическое исследование золото-серебряных-медных сплавов с помощью безэталонного микроспектрального анализа // Экспертная техника. Вып. 93. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1986.
102. *Кочетков А. Т. и др.* Криминалистическое исследование видеосигнала по выявлению идентификационных признаков видеоаппаратуры и видеоносителей. М.: ЭКУ МВД РФ, 1998.
103. *Кочетков А. Т. и др.* Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей: метод, пособие для экспертов / под редакцией А. Ш. Каганова. М.: РЦСЭ при Минюсте России, 2003.
104. *Крестовников О. А.* Система специальной криминалистической методологии // Системные исследования в криминалистике. Материалы международной конференции. М.: МГУ, 2006.
105. *Крестовников О. А.* Информационное обоснование и правовой режим заключения эксперта и специалиста в судебном процессе // Черные дыры. 2006.
106. *Крестовников О. А.* Механизм и способ преступления в составе расследуемого события: сб. науч. работ. Саратов, 2006.
107. Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1963.
108. Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1980.
109. Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2005.

110. Криминалистика / под ред. С. П. Митричева и Н. В. Терзиева. М., 1958.
111. Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986.
112. Криминалистика. М., 1999.
113. Криминалистическая техника. М.: Госюриздат, 1959.
114. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учеб. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, А. И. Бородулин, В. Н. Григорьев и др.; под ред.: Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997.
115. *Кузнецов И. В.* Проблема причинности в современной физике. М.: АН СССР, 1960.
116. *Кузнецов И. В.* Проблема причинности в современной физике. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
117. *Кузьмин Г. А.* Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе: досудебные стадии. М., 2002.
118. Курс советского уголовного процесса. М., 1989.
119. *Курылев С. В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
120. *Куцова Э. Ф.* Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М., 1957.
121. *Кучеров И. Д.* Соотношение тождества и различия. На материале криминалистики. Минск: Наука и техника, 1968.
122. *Ларин А. М.* Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962.
123. *Ларин А. М.* Работа следователя с доказательствами. М.: Юрид. лит., 1966.
124. *Лекторский В. А.* Единство эмпирического и теоретического в научном познании // Диалектика - теория познания. Проблемы научного метода. М.: Наука, 1964.
125. *Ленин В. И.* Соч. Т. 14.
126. *Ленин В. И.* Философские тетради. 1947.
127. *Лисиченко В. К., Киричинский Б. Р.* Применение бетаизлучения радиоактивных изотопов при криминалистической экс-

пертизе вещественных доказательств // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1957.

128. *Литвинов В. Н.* Принятие решений в задачах правового характера на основе статистического анализа. М., 2001.

129. *Лузгин И. М.* Методические проблемы расследования. М., 1973.

130. *Лузгин И. М.* Моделирование в расследовании преступлений // Труды ВШ МООП СССР. 1967. Вып. 15.

131. *Лупинская П. А.* Собрание доказательств // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2003.

132. *Малешин Д. Я.* Методология гражданского процессуального права. М.: Статут, 2010.

133. *Маркс К* Капитал.

134. Медико-криминалистическая идентификация / под ред. В. В. Томилина. М.: Норма, 2000.

135. Методологические основы научного познания/под ред. П. В. Попова. М., 1972.

136. Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983.

137. *Миньковский Г. М.* Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., 1957.

138. *Митричев В. С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1960.

139. *Митричев В. С.* Криминалистическое исследование некоторых видов вещественных доказательств методом эмиссионного спектрального анализа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВИЮН, 1960.

140. *Михайловская И. Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2005.

141. *Мурадян Э., Фалькович М.* Машинный документ как доказательство в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 1980. № 11.

142. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда за 2-й кв. 2000 г.

143. Обзор судебной практики Верховного Суда СССР «Использование в качестве доказательств документов и заключений экспертов, подготовленных средствами электронно-вычислительной техники» // ВВС СССР. 1982. № 6. С. 20-26.

144. *Овчинский С. С.* Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. М.: Инфра М, 2000.

145. *Орлов А. И.* Принятие решений. Теория и методы разработки управленческих решений: учеб, пособие. М., 2005.

146. *Орлов Ю. К.* Объект экспертного исследования // Труды ВНИИСЭ. Вып. 8. М., 1974.

147. *Орлова В. Ф.* Теория судебно-почерковедческой идентификации. М., 1973.

148. Осмотр места происшествия / под ред. А. Н. Васильева. М.: Госюриздат, 1960.

149. Осмотр места происшествия / под ред. А. Н. Васильева. М.: Госюриздат, 1960.

150. *Пашкевич П. Ф.* Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М.: Госюриздат, 1961.

151. *Первухина Л. Ф.* Об использовании методов математической статистики в методике расследования и возможности моделирования личности преступника // Вестник МГУ. 1985. Вып. 4.

152. *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955.

153. *Петрухин И. Л.* Понятие, основные принципы и субъекты оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов и др.; редкол.: Н. В. Жогин (отв. ред.), Г. А. Злобин, В. И. Каминская, И. И. Карпец, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский. М.: Юрид. лит., 1966.

154. *Поля Д.* Математика и правдоподобные рассуждения. М.: ИЛ, 1957.

155. *Полевой Н. С.* Криминалистическая кибернетика. М.: МГУ, 1982.

156. *Поль К. Д.* Естественно-научная криминалистика (Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений) / пер. с нем. под ред. и со вступ. ст. В. Я. Колдина. М., 1986.

157. Понятие доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1966.

158. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40. «О Практике назначения судами уголовного наказания».

159. *Потанов С. М.* Введение в криминалистику. М., 1946.

160. *Потанов С. М.* Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. 1940. № 1.

161. Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1985.

162. *Пучков В. А., Пучкова Т. А.* Классификация и систематика в идентификационных исследованиях // Экспертно-криминалистическая идентификация / под ред. В. Я. Колдина. М., 1996. Вып. 2.

163. *Рак И. И.* Методика подготовки специалиста юридического профиля к принятию решений в условиях современной информационно-правовой среды. Тамбов, 2004.

164. *Рашинов А. Р.* Наблюдательность и наблюдение в работе следователя // Вопросы предупреждения преступности. 1966. № 4.

165. Рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции «Проблем организации и проведения комплексных экспертных исследований». М., 1985.

166. *Ростов М. Н.* О комплексных экспертных исследованиях и их организационно-процессуальных формах // Организационно-правовые проблемы судебной экспертизы. М., 1982.

167. *Рыжиков А. П.* Собираение (проверка) доказательств. М.: Экзамен, 2007.

168. *Саати Т. Л.* Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети / пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

169. *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.

170. *Садовский В. Н.* Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. М.: Наука, 1980.

171. *Салтевский М. В.* Теоретические основы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1969.

172. *Самойлов Г. А.* Основы криминалистического учения о

навыках. М., 1968.

173. Сборники рекомендуемых терминов. Вып. 094. Теория передачи информации. Терминология / отв. ред. вып. В. И. Сифоров; АН СССР, Комитет научно-технической терминологии. М.: Наука, 1979.

174. *Свечников Г. А.* Категория причинности в физике. М., 1961.

175. *Сегай М. Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1969.

176. *Седова Т. А.* Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и состава: дис.... д-ра юрид. наук. Л., 1987.

177. *Селиванов Н. А.* Вещественные доказательства. М.: Юрид. лит., 1971.

178. *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982.

179. *Семенов Е. В.* Комплексный подход как форма кооперации научного труда. Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983.

180. *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947.

181. Системный анализ механизмов поведения. М., 1979.

182. Следственная практика. М.: Госюриздат, 1951. Вып. 6.

183. *Смирнов А. В.* Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Глава 11. Доказывание. 2003.

184. *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс. СПб., 2004.

185. *Смирнов В. А.* Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. М., 1964.

186. *Смирнов Г. С.* К чему привела необъективность в работе следователя // Следственная практика. № 28.

187. *Снетков В. А., Зинин А. М., Житников В. С. и др.* Криминалистическое описание внешности человека. М., 1998.

188. *Соколовский З. М.* Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970.

189. *Соловьев А. Б.* Использование доказательств при допросе. М.: Юрид. лит., 1981.

190. *Спасович В. Д.* О теории уголовно-судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861.

191. *Старченко А. А.* Важная методологическая проблема советской правовой науки // Вопросы философии. 1963. № 2.

192. *Старченко А. А.* Логика в судебном исследовании. М.: Госюриздат, 1958.

193. *Степичев С.* Расследование разбоев. Методическое пособие. М.: Госюриздат, 1955.

194. *Столбова В. К.* Роль тактики производства отдельных следственных действий по делам о хищении // Следственная практика. М.: Госюриздат, 1952.

195. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: АН СССР, 1958.

196. *Строгович М. С.* Материальная истина в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955.

197. *Тадевостян В. С.* К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1948. № 6.

198. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973.

199. Теория и практика организации комплексных исследований /под ред. О. И. Иванова. Л., 1986.

200. Теория передачи информации. АН СССР. Комитет научно-технической терминологии: Сб. рекомендаций терминов. Вып. 94. М.: Наука, 1979.

201. *Ткачев А. В.* Проблемы реквизитов машинных документов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. №2.

202. *Трусов А. И.* Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960.

203. *Тушканова О. В.* Терминологический справочник по компьютерно-технической экспертизе: справ, пособие. М.: МАКС Пресс, 2005.

204. *Тюхтин В. С.* О природе образа. М., 1963.

205. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред П. А. Лупинской. М., 2004.

206. Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005.
207. Уильз У. Опыт теории косвенных улик. М., 1864.
208. Украинцев Б. С., Платонов Г. В. Об объективных критериях и материальной основе развития форм отражения // Вопросы философии. 1964.
209. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М.: Госюриздат, 1959.
210. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008.
211. Ульянова Л. Т. Собираение доказательств // Уголовный процесс / под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2004.
212. Усманов Р. А. Информационные основы предварительного расследования. М., 2006.
213. Усманов Р. А. Теория и практика использования информации в процессе раскрытия и расследования преступлений. Челябинск, 2006.
214. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 133-ФЗ.
215. Феодорченко А. А. О новых методологических подходах к российской правовой системе: краткий очерк // Вестник Российской правовой академии. 2004. № 2.
216. Фейгельсон Л. А. К вопросу об оценке письменных доказательств в советском гражданском процессе // Известия АН Казахской ССР. № 2. Алма-Ата, 1950.
217. Фотографические и физические методы исследования вещественных доказательств/под ред. Н. М. Зюскина и Б. Р. Киричинского. М., 1962.
218. Хомколов В. П. Организация управлением оперативно-розыскной деятельностью. Системный подход. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999.
219. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
220. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962.
221. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948.
222. Черноуцкий И. Г. Методы принятия решений. СПб.: БХВ-Петербург, 2005.
223. Чурилов С. М. Криминалистическая методика. История и современность. М., 2002.

224. *Шавер Б. М.* Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6.
225. *Шаламов М. Г.* Теория улик. М.: Госюриздат, 1960.
226. *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
227. *Шевченко Б. И.* Научные основы современной трасеологии. М., 1946.
228. *Шевченко Б. И.* Криминалистическая экспертиза следов при расследования краж, совершенных с применением технических средств: дис.... канд. юрид. наук. М., 1946.
229. *Шевченко Б. И.* Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975.
230. *Шейфер С. А.* Следственные действия. М., 1981.
231. *Шиканов В. И.* Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976.
232. *Шляхов А. Р.* Комплексные исследования судебной экспертизе // Социалистическая законность. 1985. № 9.
233. *Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979.
234. *Штофф В. А.* Введение в методологию научного познания: учеб, пособие / В. А. Штофф. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.
235. *Эйсман А. А.* Логика доказывания. М.: Юрид. лит., 1971.
236. *Эйсман А. А.* О некоторых логических системах связи косвенных доказательств//Вопросы криминалистики. Вып. 12. М., 1964.
237. *Эйсман А. А.* О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. 1965.
238. *Эйсман А. А.* О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. № 1. М., 1964.
239. *Эйсман А. А., Николайчик В. М.* Физические методы выявления невидимых текстов. М., 1961.
240. Экспертно-криминалистическая идентификация. Вып. 2 / под ред. В. Я. Колдина. М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 1996.
241. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1995.

242. *Эрастов Д. П.* Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.: АН СССР, 1958.
243. *Юдельсон А. С.* Судебные доказательства в гражданском процессе. М., 1956.
244. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
245. *Юкаева В. С.* Управленческие решения: учеб, пособие. М.: НТК «Дашков и К», 2007.
246. Юридический словарь. Т. 1. М., 1956.
247. *Яблоков Н. П.* Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика. М.: Юристъ, 1999.
248. *Якимов И. Н.* Осмотр // Криминалистика. М.: Юриздат, 1938.
249. *Якуб М. Л.* Виды доказательств в советском уголовном процессе // Советский уголовный процесс. М., 1956.
250. *Якуб М. Л.* Виды доказательств в советском уголовном процессе. М., 1956.

Б. Иностранная литература

251. *Arthur Best.* Evidence Examples and Explanations. 2d ed Aspen, 1997.
252. *Cill P., Jefiereys A., Worlt D.* Forensic Application of DNA «Fingerprints». Nature. London, 1985. V. 318. P. 577 579.
253. *Croy O.* Photomontage. Der Weg zu der Grenzen der Photograie. Hall/s Knapp, 1950.
254. *Cross R., Wilkins.* Outline of the Law of Evidence. L., 1986.
255. *Dodd B. E.* DNA Fingerprinting in Makers of Family and Crime. Nature. London, 1985.
256. *Forker A.* Gebrauchsanweisung zur Wer-Zeit-Skale (DDR. Reg. Nr. IV 643/66).
257. Handbuch Hafigkeitskriminalitat. Berlin, 1986.
258. Handbuch fur Kriminalisteten. Berlin, 1987.
259. Erster Angriff. Band I und 2. Berlin, 1973, 1982.
260. Herrmann. Grundfragen der Beweisfuhrung im Ermittlungsverfahren. Berlin, 1984, 4. Auflage.
261. Materiale Beweismittel unter besonderer Beriicksichtigung

Kriminalistischer Spuren. Teil I-II, Berlin, 1987. 2. Auflage (Autorenkollektiv).

262. Hinwiese zur Suche, Sicherung und Auswertung den Spuren und Vergleichsmaterial. Sowie zu möglichen Untersuchungsfragen. Berlin, 1986.

263. *Koristka Ch.* Zu einigen aktuellen Problemen der Theorie der kriminalistischen Identifizierung. Forum der kriminalistik. 1968. № 4.

264. *Koristka Ch.* Aktuelle theoretische und praktische Fragen der kriminalistischen Identifizierungstheorie. Berlin, 1972.

265. *Koristka Ch.* Magnettonaufzeichnungen und kriminalistische praxis. Berlin, 1968.

266. *Pjecsak J.* Politische, rechtliche und technische Aspekte der Identifizierungstheorie und - praxis. Forum der Kriminalistik. 1973. №5.

267. *Rohe K. D.* Handbuoh derNaturwissenschaftlichen Kriminalistik. Heidelberg, 1981.

268. *Protivinsky M.* Abstraktni objekty kriminalisticke identifikace.

269. Aktualni otazky soucasneho vyvoje kriminalistickyh metod. Praha, 1983.

270. *Stelzer E.* Allgemeine kriminalistische Theorie und Methodologie. Sozialistische Kriminalistik. B.I. Berlin, 1977.

271. *Stelzer E.* Sozialeistische Kriminalistik. B. I. Theorie und Methodologie. Berlin, 1978.

272. Sozialistische Kriminalistik. B. 2. Naturwissenschaftliche technische Kriminalistik. Berlin, 1979.

273. Sozialistische Kriminalistik. B. 3/1, B. 3/2. Kriminaltaktik. Berlin, 1986, 1984.

274. Straus. Ackermann. Die kriminalistische Untersuchungsplanung. Berlin, 1986.

275. *Stoney D. A., Tornton J. I.* A Critical Analisis of Qwantitative Fingaprint Individuality. Models. J. of Forensic Sciences. 1986. V. 31. № 4.

276. *Roger C. Park, David P. Leonard, Steven H. Goldberg.* Hornbook on Evidence Law. West, 1998.

277. *John W Stronget al.* McCormick's Hornbook on Evidence. 4th Ed West, 1992.

278. *Michael H.* Graham Federal Rules of Evidence in a Nutshell.

4th ed West, 1996.

279. *Paul V. Rothstein Myrna S. Raeder, David Crump*. Evidence in a Nutshell: State and Federal Rules. 3d ed West, 1997.

280. *Cross R. Wilkins*. Outline of the Law of Evidence. L, 1986.

281. *Frank J.* Courts on trail. Myth and reality in American justice. Princeton. 1973; *Hazald G., Tarzia C.* Civil litigation without frontiers: harmonization and unification of procedural law II Доклад на XI Мировом конгрессе процессуального права «Procedural Law on the threshold of a new millennium». Вена. Австрия. 23-28 авг. 1999.

282. *Keüne A.* The modern Law of evidence - Abingolon: Professional books. 1985.

283. *Lampert R. O., Saltzburg S.A.* A modern approach to evidence. Text, problems, transcripts and cases. 6 th ed. St. Paul. 1982.

284. *Merphy P.* A practical approach to evedence. 3-rd. L. 1988 and another.

285. *McEwan J.* Evidence and the adversarial process. The modern law. Oxford, 1992.

286. *Thayer J. B. A.* Preliminary Treatise on Evidence. Boston, 1898.

287. Aktualni otazky soucasneho vyvoje kriminalistickych metod. Praha, 1983.

288. *Arthur Best.* Evidence Examples and Explanations. 2d ed Aspen. 1997.

289. *Cill P., Jeffereys A., Worlt D.* Forensic Application of DNA «Fingerprints». Nature. London, 1985.

290. *Croy O.* Photomontage. Der Weg zu der Grenzen der Photograie. Hall/s Knapp. 1950.

291. *Dodd B. E.* DNA Fingerprinting in Malters of Family and Crime. Nature. London, 1985.

292. ErsterAngriff. Band I und2. Berlin, 1973,1982.

293. *Forker A.* Gebrauchsanweisung zur Wer-Zeit-Skale (DDR. Reg. Nr. IV 643/66.)

294. Handbuch fur Kriminalisteten. Berlin, 1987.

295. Handbuch Hafigkeitskriminalitat. Berlin, 1986.

296. Herrmann. Grundfragen der Beweisfiihrung im Ermittlungsverfahren. Berlin, 1984. 4. Auflage.

297. Hinwiese zur Suche, Sicherung und Auswertung den Spuren und Vergleichsmaterial. Sowie zu moglichen Untirsuchungsfragen.

Berlin, 1986.

298. *John W Strong et al.* McCormick's Hornbook on Evidence. 4th Ed West, 1992.

299. *Koristka Ch.* Aktuelle theoretische und praktische Fragen der kriminalistischen Identifizierungstheorie. Berlin, 1972.

300. *Koristka Ch.* Magnettonaufzeichnungen und kriminalistische praxis. Berlin, 1968.

301. *Koristka Ch.* Zu einigen aktuellen Problemen der Theorie der kriminalistischen Identifizierung. Forum der kriminalistik. 1968. № 4.

302. *Lampert R. (.), Saltzburg S. A.* A modern approach to evidence. Text, problems, transcripts and cases. 6 th ed. St. Paul. 1982.

303. *Materiale Beweismittel unter besonderer Berücksichtigung Kriminalistischer Spuren.* Teil I-II, Berlin, 1987. 2. Auflage (Autorenkollektiv).

304. *Merphy P.* A practical approach to evidence. 3-rd. L. 1988 and another.

305. *Michael H. Graham* Federal Rules of Evidence in a Nutshell. 4th ed West 1996.

306. *Paul V. Rothstein, Myrna S. Raeder, David Crump.* Evidence in a Nutshell: State and Federal Rules. 3d ed West, 1997.

307. *Pjecsak J.* Politische, rechtliche und technische Aspekte der Identifizierungstheorie und - praxis. Forum der Kriminalistik. 1973. №5.

308. *Protivinsky M.* Abstraktni objekty kriminalisticke identifikace.

309. *Roger C. Park, David P. Leonard, Steven H. Goldberg.* Hornbook on Evidence Law. West, 1998.

310. *Rohe K. D.* Handbuch der Naturwissenschaftlichen Kriminalistik. Heidelberg, 1981.

311. *Stelzer E.* Allgemeine kriminalistische Theorie und Methodologie. Sozialistische Kriminalistik. B. I. Berlin, 1977.

312. *Stelzer E.* Sozialistische Kriminalistik. B. I. Theorie und Methodologie. Berlin, 1978.

313. *Stoney D. A., Tornton J. I.* A Critical Analysis of Quantitative Fingerprint Individuality. Models. J. of Forensic Sciences. 1986. V. 31. № 4.

314. *Straus. Ackermann.* Die kriminalistische Untersuchungsplanung. Berlin, 1986.

315. *Thayer J. B. A. Preliminary Treatise on Evidence.* Boston. 1898.

316. *McEwan J. Evidence and the adversarial process. The modern law.* Oxford, 1992.

В. Законы и иные нормативные акты

317. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Новосибирск: Рипэл плюс, 2002.

318. ВВС РСФСР. 1973.

319. ВВС РФ. № 9. 2001.

320. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1987. № 7.

321. ГОСТ 15971-90 «Система обработки информации. Термины и определения».

322. ГОСТ 27.002-89. Надежность в технике. Основные понятия. Термины и определения. М., 1990.

323. ГОСТ 6.10.4-84 «УДС. Придание юридической силы документам на машинном носителе, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения».

324. ГОСТР.34.Ю-94«Информационныетехнологии. Криптографическая защита информации. Процедуры выработки и проверки электронно-цифровой подписи на базе криптографического алгоритма».

325. ГОСТ Р.34.11-94 «Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Функция кэширования».

326. Государственные законы Российской империи по судебным уставам императора Александра. Гражданский и уголовный судебник. М.: Жемчужников, 1886.

327. ГПК РСФСР. Собрание уложений от 10 мая 1923 г. № 46-47 // Собрание кодексов РСФСР. 3-е изд. М.: Юр. изд. нар. ком. юстиции РСФСР, 1925.

328. Гражданская практика кассационного сената по вопросам судопроизводства. 1867; 1868; 1869. СПб.: Марков П., 1869.

329. Гражданский процессуальный кодекс РФ. М.: Юрайт, 2003.

330. Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон

РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 16 июля 1993 года // ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33.

331. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 28 июня 1992 г. // ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30 (с изм. и доп., внесенными законом РФ от 14 апреля 1993 г.).

332. Законы Российской империи: в 2 т., в 7 ч. 2-е изд., исп. и доп. М., 1910.

333. Инструктивное письмо Государственного арбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники».

334. Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР. МЮ СССР, Прокуратура СССР, МВД СССР, Министерство здравоохранения СССР. М., 1986.

335. Информационное письмо ВАС от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // ВВАС РФ. 2004. № 10.

336. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: ИТК «Дашков и К°», 2002.

337. Конституция (Основной закон) Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1999.

338. Обзор судебной практики Верховного суда СССР 1982 г. «Использование в качестве доказательств документов и заключений экспертов, подготовленных средствами электронно-вычислительной техники».

339. Постановление Конституционного Суда от 20 апреля 1999 г.

340. Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г.

№ 11.

341. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Сборник Постановлений Пленумов ВС СССР (1924-1986). М., 1987.

342. Правда Русская. Изд. 1947 г.

343. Приказ МВД России от 14 января 2005 г. № 21 «Об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки».

344. Приказ Минобразования России от 2 марта 2000 г. № 686 «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования».

345. Приказ Минюста России от 14 мая 2003 г. № 113 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации».

346. Приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346 «Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

347. Приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации».

348. Рекомендации Госстандарта СССР РД 50-613-85 «Методические указания по внедрению и принятию ГОСТ 6.10. 4-84».

349. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924-1970. М., 1970.

350. Сборник Постановлений Пленума ВС СССР. 1961-1996.

351. Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. М.: Спарк, 1999.

352. Свод законов Российской империи / С. С. Войт, В. Э. Герценберг, Н. П. Балканов; под ред. И. Д. Мордухай-Волговского. СПб.: Деятель, 1912.

353. Семейный кодекс Российской Федерации. Кодекс о браке и семье. М.: Норма, 2001.

354. Трудовой кодекс РФ. М.: Элит-2000, 2002.

355. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (действующая редакция).

356. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Маркетинг, 2002.

357. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Норма, 2000.

358. Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г.

359. УПК Франции. М.: Прогресс, 1967.

360. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

361. Федеральный закон от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных».

362. Федеральный закон от 17 января 1992 г. «О прокуратуре в Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 2 января 2000 г.).

363. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». М.: Проспект, 2002.

364. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

365. Федеральный закон № 133-ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности».

366. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» // Федеральный закон. Вып. 6. М.: Инфра-М, 2002.

367. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Вып. 40. М.: Инфра-М, 2002.

368. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1.

369. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Оглавление

Введение

Предисловие

Глава 1. ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- 1.1. Теория судебных доказательств и фактологический анализ
 - 1.2. Методология фактологического анализа
 - 1.3. Познавательные уровни фактологического анализа
 - 1.4. Структуризация, алгоритмизация, научный аппарат как методы общей оптимизации фактологического анализа
- Выводы

Глава 2. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

- 2.1. Понятие и классификация источников
 - 2.2. Систематизация задач и методов исследования источников
 - 2.3. Процессуально-технические принципы исследования источников
 - 2.4. Технологии декодирования сигнальной информации
 - 2.5. Проблемы общей методики
- Выводы

Глава 3. АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОЛЕЙ В МЕТОДОЛОГИИ ФАКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

- 3.1. Место учения об информационных полях в системе специальных знаний
- 3.2. Структура информационного канала
- 3.3. Понятие информационного поля
- 3.4. Классификация информационных полей и методология их исследования

- 3.5. Понятие и система вещественных источников фактологической информации
- 3.6. Анализ информационной структуры вещественных источников
- 3.7. Понятийный аппарат фактологического анализа

Глава 4. ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФАКТЫ (ИНФОРМАЦИОННО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

- 4.1. Информация, доказательства, факты
 - 4.2. Доказательственные факты в структуре доказывания
 - 4.3. Методы фактологического анализа и доказывания
 - 4.4. Комплексные исследования
- Выводы

Глава 5. ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССЛЕДУЕМОГО СОБЫТИЯ

- 5.1 Система расследуемого события как предмет, стадия и уровень фактологического анализа
 - 5.2. Методология и технологии системного анализа расследуемого события
 - 5.3. Причинная и виновная связь как синтез интегративных связей события и содержание главного факта
- Выводы

Глава 6. ПРИНЯТИЕ ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ

- 6.1 Принятие правового решения как особая форма и стадия правоприменительной деятельности
 - 6.1.1. Понятие правового решения
 - 6.1.2. Методологические основания деятельности по принятию правовых решений. Теория принятия решений
 - 6.1.3. Уровни обоснования и виды правовых решений
 - 6.1.4. Структуризация процесса принятия решений как технология обеспечения его надежности
- 6.2. Доказывание и формирование фактических оснований процессуальных решений. Анализ альтернативных систем
 - 6.2.1. Структура и функции общей системы фактических данных
 - 6.2.2. Принципы построения замкнутой системы доказательств

6.2.3. Предмет доказывания и главный факт

6.3. Информационное моделирование и верификация как базовые технологии принятия правовых решений

6.3.1. Верификация как инструмент проверки логических выводов эмпирическими методами

6.3.2. Верификация как инструмент формирования правового решения

Выводы

Заключение

Литература